

Алексей Гравицкий В зоне тумана

S.T.A.L.K.E.R. – 25

Аннотация:

Угрюмый — удачливый сталкер со стажем, однако окружающие не принимают его всерьез.

Он не лезет на рожон, сбывает посредственные артефакты по посредственной цене, не вступает в конфликты, не одалживает и не берет в долг.

Единственный приятель Угрюмого — веселый и жизнерадостный сталкер, сумасброд и балагур Мунлайт. И эта странная парочка соглашается взять заказ странного паренька, предлагающего любые деньги тем, кто согласится провести его в сердце Зоны — к Монолиту...

Угрюмый не верит, что Монолит существует. Мунлайту вообще все равно, в каком месте Зоны рисковать своей шкурой. Но деньги есть деньги, а заказ есть заказ — и они отправляются к овечьему жуткими и неправдоподобными легендами четвертому энергоблоку...

Алексей Гравицкий В зоне тумана

ПРОЛОГ

По счастью, он в меня не попал. Сначала был выстрел, потом звякнуло совсем рядом. Противный такой звук, как будто шкрябнули металлом о металл. На самом деле так оно и было, но подумать об этом я уже не успел. Пуля отрикошетила от огромной металлической трубы, за которой я присел перевести дыхание. Ухо дернуло болью, по шее потекло что-то влажное и горячее. Я тихо чертыхнулся и пополз в сторону. Надо было срочно менять место

дислокации. Зона — не детский сад. В прятки тут играть можно, но только перепрятываться надо постоянно. А то рискуешь нарваться на того, который водит, и...

Я замер, собираясь с силами и настраивая себя на рывок. Мысленно сосчитал до трех и метнулся к бетонным блокам, грудой наваленным в десяти метрах от трубы. Застрекотал АК. Сзади бурунчиками взвилась земля, зачмокало, полетела бетонная крошка. Но я был уже в безопасности. Относительной безопасности.

— Эй, ушлёпок, — позвал хриплый голос. — Ты еще живой?

За время нашей игры в прятки с догонялками он задавал мне этот вопрос в третий раз. И, судя по интерналам от одного «Эй, ушлёпок» до другого, голос мой противник подавал, пока перезаряжал «калаш».

Я не стал говорить. Зачем лишние слова? Резко распрямившись, я выкинул вперед руку с БП и нажал на спуск. За моим укрытием распростерлось небольшое открытое пространство. По ту сторону пятачка торчали искореженные деревья. Змеились от ангара к туннелю рельсы, на которых стояла пара заброшенных неизвестно кем неизвестно когда железнодорожных вагонов. За одним из них и притаился мой стрелючий друг.

Руку привычно дернуло отдачей. Первая пуля пошла наудачу, второй и третий раз стрелял, уже точно зная, где находится мой противник. Попасть в него было нереально при всем желании, разве что таким же дурным рикошетом, каким мне порвало ухо. Впрочем, на дурные рикошеты никто и не рассчитывал. Добивался я другого — и добился.

Противник выматерился и скрылся за вагоном. Я дернулся вдоль блоков, но на полдороге резко остановил движение и на пределе возможностей рванул обратно за трубу. Молясь, только чтобы он не успел меня увидеть, кинулся на землю, перекатился и посмотрел назад.

Застрекотали выстрелы. От блоков посыпалась бетонная крошка. Либо мой разозлившийся приятель не заметил маневра, либо решил подыграть. Так или иначе, валяться за трубой в данной ситуации не лучшее занятие. И я пополз вдоль трубы, изображая собой пластуну.

У дальнего края трубы пришлось остановиться. Перевернувшись на спину, я запустил пятерню в карман. Пальцы нащупали патроны. Остатки былой роскоши. Я не отсчитывал, отмахнул горсточку навскидку и потянул на себя. Это поначалу стрелять трудно, заряжать трудно, чистить оружие трудно. Собрать и разобрать вообще непостижимая наука. Поначалу. Человеку поначалу все трудно, но со временем любой навык доводится до автоматизма. Мозг фиксирует схему и ставит ее выполнение на автопилот. Мозгу абсолютно все равно, что доводить до автоматизма. С одинаковым равнодушием он ставит на автомат мытье посуды, вождение машины, глажку рубашки или убийство людей.

Я не считал патроны. Просто рука на автомате вытащила восемь штук, а пальцы на автомате запихали их в обойму.

Стрельба по ту сторону прекратилась. Теперь был слышен только дождь. Серый, тоскливый, моросящий. Он шлепал по зоне своими тоненькими кислотными лапками уже несколько часов, из-за чего я лежал сейчас в раскисшей грязи. Несмотря на конец августа, погодка в последние дни установилась осенняя. Ладно, лирика это все.

Дальше от трубы можно было махнуть до забора, окольцовывающего со всех сторон ангар, а потом ломануться бегом прочь от места перестрелки. А можно было тихонько переместиться по кустам ближе к любителю справляться о моем здоровье и пристрелить его по-родственному. При условии, что соперник один, далеко и в неведении, первый вариант был бы выигрышным, если б не одно «но». Он был бы выигрышным в любом другом месте. Только в зоне не бегают. Лучше сразу застрелиться. Это быстрее и безболезненнее.

Очень осторожно я высунулся из-за трубы. От этого ее края место расположения моего противника, если он его, конечно, не сменил, видно не было. Меня это вполне устраивало. Стараясь двигаться бесшумно, я потрусил за кусты. Присел, вглядываясь сквозь ветки. Никакого шевеления. Не то мой соперник меня переигрывает, не то ждет, когда я высунусь из-за бетонных блоков. А может, решил, что я труп, и ушел? Не-ет, надо быть законченным

идиотом, чтобы оставлять у себя за спиной недобитого противника. А зона таких не прощает. Потому законченных идиотов здесь не водится.

Следующей точкой было древнее дерево с непомерно широким стволом. Именно из-за него совсем недавно я положил сотоварищей моего хрипатого друга. Их было двое, они гнали меня, как возбужденные фокстерьеры замерзшего и голодного лиса. Довольные собой глупые фокстерьеры. А лис притаился, подождал и напал первым. Одной гранаты на двоих оказалось достаточно, чтобы уложить обоих. Хрипатый оказался самым умным из этой гоп-компании. Сразу вперед не сунулся и теперь предпочитал сидеть и ждать, пока жертва высунется. То есть пока я высунусь. Нуда я тоже не дурак.

Взвешивая каждое движение, я выдвинулся вперед. Застыл, уже имея возможность оценить происходящее вокруг, но все еще сливаясь с кустами. Хрипатого в зоне видимости не было, и я одним плавным, но быстрым движением отделился от кустов и перетек под сень дерева. Повернулся, прижавшись спиной к стволу, и замер.

Прислушался. Тишина. Только шуршит тошнотворный дождь и далеко перекачивается игривый лай, с каким слепые псы гоняют друг за другом со склона одного холма на склон другого.

Затаив дыхание, я сполз спиной по стволу, опустил на корточки и вскинул пистолет.

Где он? Не мог же в самом деле уйти. Допустим, он бросил бы своих корешей-покойников. Нормальная ситуация, с трупами в зоне не церемонятся. Хотя карманы им выпотрошить тоже в порядке вещей. Но бросить меня с моим хабаром, на который эти трое изначально и нацелились... Нет, как говорил какой-то известный мужик: «Не верю!» Значит, хрипатый притаился за вагоном и ждет. А может, и не ждет, а давно уже обошел нашу полянку по широкой дуге и приближается ко мне со спины.

Я вздрогнул и мысленно выругался. Еще вот только паранойи не хватало для полного счастья. Спокойно. Не мог он меня обойти. Тогда где он? Ну, не сидит же до сих пор за вагоном? Или сидит?

Слух напрягся до звона в ушах. Тишина. Только дождь и совсем далеко ускакавшие слепые собаки. А может, мой противник тоже подобрался ближе? Сидит сейчас за этим же деревом, только с другой стороны.

От этой мысли стало и вовсе не по себе. Так близко смерть подпускать нельзя. А он... Стоп! Даже если он сидит за деревом или за фургоном, не важно. Он ведь не железный. Он ведь тоже человек. Значит, в его башке тоже крутятся мысли. Он так же вслушивается в дождь и думает, куда я подевался. И у него тоже сдают нервы. Вопрос только в том, у кого они сдадут раньше.

Я глубоко вдохнул, сосчитал до трех и медленно выдохнул. Ждать и слушать. Главное — не прозевать момент.

Сколько я так просидел под деревом, не знаю. Может, минуту, может, десять, может, час. По ощущениям, так прошла вечность. Причем прошла она в мучениях. Ничего не происходило. Только смолкли вдали собаки да чуть сильнее зашептал дождь. Я уже был готов выскочить из-за дерева и расстрелять всю обойму в белый свет, когда за деревом что-то тихо шелохнулось. словно палые листья тихонько поддали ногой.

В ушах снова зазвенело от напряжения. На секунду показалось, что ослышался, но нет. Ближе и громче хрустнула придавленная ботинком ветка. Я до боли вжался спиной в дерево.

Через мгновение правее, в нескольких шагах от меня, появился ствол автомата. Замер, словно приняв хиваясь, а потом показался и сам стрелок. Он не видел меня. Он высматривал меня совсем в другом месте. Он ждал, что я выскочу из-за бетонных блоков и начну стрелять по вагону. Он крался, чтобы застать меня врасплох.

Я не окликнул. Зачем лишние слова? Рука беззвучно подняла БП. Палец беззвучно нажал на спуск. Выстрел тоже был почти неслышным. Бэпэшка — дивная вещица. Этот пистолет разработали в шестидесятых годах прошлого века. На вооружение поставили, кажется, в 67-м. Причем работали с этим оружием военные разведгруппы и гэбэшники. А все дело в глушителе. Он у БП состоит из двух частей, благодаря чему насадок легко снимается и мгновенно ставится обратно. Тихое оружие. А здесь лишний шум никому не нужен.

Пуля вошла в затылок. Хрипатый неуклюже кувыркнулся вперед, клюкнулся носом в землю и застыл. Стало совсем тихо. Только дождь продолжал сыпать мелкой моросью.

Я опустил пистолет, достал ПДА и нажал кнопку запуска. Вокруг не было ни единой живой души. От чего сделалось не по себе больше, чем когда дожидался за деревом хрипатого. Тогда рядом со мной был человек, который хотел убить меня. Но он хотя бы был живой. А теперь я был один наедине с зоной. Кто-то говорит, к этому можно привыкнуть. Врут. Я здесь шесть лет и до сих пор не привык. А те, кто кричал, что привыкли, уже не топчут зону.

Хрустнуло застывшее колено. Отсидел. Сунув пистолет за пояс, я подошел к хрипатому и быстро обшарил его карманы. Ничего особенного. Патроны, бинт, нож и наполовину опустошенная мягкая пачка крепкой «Явы». И «капли». Довольно распространенный артефакт. Хотя на халяву, говорят, и уксус пьется.

Я снял с пояса контейнер, поставил перед собой. Сухо щелкнули запоры. «Капли» легли в последнюю свободную ячейку. Неплохо прошелся. Живой и с серьезным уловом. Пристегнув контейнер обратно, я подхватил АК. Хрипатому он, один пень, уже не понадобится. А вот нож, бинт и сигареты остались покойному хозяину. Не мародер же я, в самом деле. И трупы его подельников обыскивать тоже не стал. Достаточно было одного взгляда. Моя граната легла удачно. Настолько удачно, что ковыряться в том месиве, которое она устроила, мне совсем не хотелось. Я не чистоплюй, но противно. Да и необходимости нет.

На одно плечо легли лямки брошенного, пока улепетывал от преследователей, рюкзака. Второе — перетянул ремень трофейного АК. Н-да, топать будет тяжело.

На экране ПДА по-прежнему царил покой. Ни единой живой души. Я снова вслушался. Зона молчала, словно притаившись до поры. Только шуршал противный тяготящий дождь. Чертова морось. Эта уж если зарядила, то как пить дать на пару суток.

По спине побежали мурашки. Капли дождя противно скатывались за шиворот. Я поднял капюшон, слетевший во время перестрелки, зябко повел плечами и пошел прочь. Очень хотелось бежать отсюда без оглядки. Но в зоне не бегают. В противном случае лучше было дать себя застрелить. Хрипатый, хоть и сволочь распоследняя, порешил бы быстрее и гуманнее, чем зона.

Часть первая ХЛЮПИК

1

По традиции, оружие я оставил сверху. И теперь, топая вниз по лестнице, чувствовал себя голым. Утешало только то, что другие посетители в таком же положении.

Гул было слышно еще на верхнем пролете. В «Ста рентгенах» всегда гудит наслоение десятков что-то бормочущих голосов. Это такая же неотъемлемая часть местного колорита, как закрученная лестница и вечно недовольный охранник на входе. Здесь может быть шумно, а может быть тихо. Но галдеж в этих стенах в любое время суток. Что в общем-то немудрено. Бар в зоне — вещь не сказать, что заурядная. «Сто рентген» — конечно, не единственное заведение в своем роде, но если кому-то показалось, что кабаки здесь натканы, как в Москве на Тверской, спешу расстроить. Ничего подобного. Хотя сравнение так себе. Москалей вроде меня тут не так много. А отдельные товарищи могут и в рыло дать за подобные параллели.

Вообще получить тут по соплям — плевое дело. Открываешь рот, говоришь «добрый день», и этого уже бывает достаточно. А дальше как в том анекдоте: так слово за слово получил ежик по морде. Я предпочитаю молчать.

Впрочем, бармену сказать «добрый день» — это святое. Я свернул в сторону от лестницы, метнулся мимо злобного охранника. У этого хмыря явно комплексы. Эдакий маленький человечек, получивший некое подобие власти и упивающийся этим подарком

судьбы. Не припомню случая, чтобы он не поторопил проходящего мимо или не рывкнул на замешкавшегося в дверях посетителя. Удовольствие он от этого получает, что ли?

Нет, такие в зоне долго не живут. Разве что охраняют заведение типа «Ста рентген», которое и в охране-то не нуждается.

Не особо прислушиваясь к тому, что пробурчал недовольный сидячий у входа комплекс, я прошмыгнул в зал и поспешил к стойке. Говорить мне тут не с кем, да и незачем. Я уже несколько лет стараюсь поддерживать минимум отношений с людьми, и жить от этого стало значительно легче.

Конечно, меня тут знают. Нельзя жить рядом с людьми и быть совсем уж незаметным. Но для большинства я представляю не больший интерес, чем, скажем, табурет. Почти для всех. Разумеется, есть исключения. Бармен, например.

— Добрый день, — позвал я негромко.

Бармен повернулся.

— День, — бесцветно отозвался он, потом сощурился.

На лице мелькнуло узнавание, и голос приобрел более-менее живой оттенок:

— Это ты, Угрюмый? Проходи, поговорим.

Я молча нырнул за стойку. Бармен жестом позвал за собой, хотя я бывал здесь не раз и прекрасно знал, куда идти. К задней неприметной из общего зала двери. Дверь распахнулась прежде, чем мы до нее дошли. В проеме появился молодой парень с напряженным от натуги лицом. И было от чего напрячься — на вытянутых руках парнишка тащил три поставленных друг на дружку ящика с водкой.

Бармен отступил, пропуская паренька.

— Тут поставь, Сынок, — велел он парню.

Тот кивнул.

— И не таскай столько, надорвешься. Парень снова коротко кивнул в ответ.

— И постой за стойкой малость. — Голос бармена вдруг стал благодушным. — Мне с Угрюмым перетереть надо.

Сынок послушно опустил на пол ящики, отодвинув их ближе к стене с прохода, и шагнул к стойке. Бармен расплылся в гордой улыбке и даже придержал мне дверь. Короткий темный коридорчик привел к еще одной двери — помассивнее и посерьезнее. Около нее бармен остановился и принялся ковырять замок, встав так, чтобы мне не было видно, чего он там делает и нажимает. Обычная процедура.

Я уперся спиной в стену, откинул голову. Замки, скрывающие святая святых моего скупщика, мне были неинтересны. Вламываться сюда среди ночи и грабить бармена я бы не стал ни при каких обстоятельствах. Меня больше занимал его парнишка. Посмотреть на ту гордость, с какой бармен сопровождает каждое его движение, так можно подумать, что они и в самом деле близкие родственники. С другой стороны, Сынком паренька каждая собака из завсегдатаев называет. Не всем же он сын. А вот сын ли он бармену — интересно. Но он не расскажет, а я не спрошу. Не в моих привычках.

Бармен отпер дверь и посторонился, пропуская меня вперед. Я прошел в махонькую комнатку с кучей шкафов, стеллажей, двумя сейфами, письменным столом и парой замурзанных стульев. Подойдя к столу, снова замер в ожидании бармена. Тот вошел следом, закрыл дверь плотнее и снова защелкал замками. Паранойя — страшная штука. Хотя, как говорил один мой весельчак-знакомый: если у вас паранойя, это не значит, что за вами никто не следит.

Шутник! Скабрезность старая как мир, но с подтекстом. В зоне вообще любая хохма приобретает подтекст. Странное свойство этой местности. Хотя... в морге тоже шутят странно и в милиции. Просто страшноватенькая действительность начинает диктовать свои законы, заставляет смеяться над тем, над чем нормальному человеку никогда и в голову не придет. А иначе нельзя, свихнешься.

Или станешь Угрюмым, мысленно усмехнулся я.

Бармен наконец справился с дверью, подошел к столу и встал напротив меня, уперев руки в столешницу.

— Сядь. — Мой скупщик опять стал недовольным: я был выше него, а он не любил, когда на него смотрят сверху. — Не люблю, когда ты надо мной типа возвышаешься.

Я послушно опустился на ветхий стул, если его можно было так назвать. От начальной конструкции остался только остов с обшарпанными ногами. Спинка давно и безвозвратно потерялась, а сиденье заменял криво отрезанный кусок ДСП. Скрипнуло.

— Ну, хвастайся.

Не дожидаясь повторного приглашения, я отстегнул контейнер и положил на стол. Бармен выдвинул ящик стола, достал из него перчатки из толстой кожи и принялся натягивать. Он не торопился, смаковал каждое движение. Я подавил зевоту. Скупщику все игрульки, предвкушает он. А мне бы сдать хабар, хлопнуть три по сто и на боковую. Щелкнули запоры, прижимающие крышку контейнера. Бармен углубился в изучение моей добычи, сразу став похожим на здоровую жирную мышь, попавшую из студенческой общаги на свадебный стол и охреневшую от разнообразия.

Глазки скупщика блестели, как у оголодавшего, решившего сожрать все, до чего дотянется, а что не осилит, хоть понакусывать. Я его понимал. В этот раз поход затянулся, и в контейнере на двенадцать ячеек свободных не осталось. А в двух были довольно серьезные штучки.

Крышка щелкнула, возвращаясь на место.

— Беру все по стандарту. Все, кроме «капель».

«Стандарт» для меня был не шибко грабительским, так что вполне удовлетворял запросам. А вот исключение для капель мне не понравилось. С чего бы? Я вперила мрачный взгляд в бармена. Тот зябко повел плечами, поспешил спрятать глазки.

— Не возьму. Мне тех «капель» и без твоих накапало. В пору лавку открывать. У меня в таком количестве их не возьмет никто.

Скупщик выглядел жалостливо. Но меня-то этим не проведешь. Не первый год зону топчу. И с упырем этим не первый день знаком. Он все продаст. Причем по выгодной для него цене. Если сейчас «капель» много, так ни в жисть не потащит на продажу все. Продаст столько, сколько попросят. А остальное придержит, пока надобность не появится. И снова продаст с максимальной выгодой.

Жалостливые глазки снова скосились на меня, но я взгляда не отвел.

— Не дави на психику, — взвился бармен. — Тоже мне, вий доморощенный. Контролеров своим взглядом пугай. Или бюреров. Все по стандарту. Кроме «капель». «Капли» так возьму. Взамен выпивка и закуска за счет заведения. И за комнату можешь не платить до другого раза.

Что ж, и на том спасибо.

— Ладно, я не жадный, — кивнул я бармену. — Отдохну всего недельку. За твой счет.

Полезший в сейф скупщик что-то громко уронил, чертыхнулся и полез поднимать.

— Не жадный, — проворчал он, вылезая из-под стола. — Сволочь ты.

— Все сволочи. Это ж зона, а не институт благородных девиц.

Он протянул мне пачку бумажек, которые кто-то когда-то обозвал универсальным средством обмена. Пачка была перетянута плотной резинкой траурного цвета.

— На, держи.

Я провел пальцем по ребру пачки.

— Можешь не пересчитывать. Я не обманываю, — изобразил обиду скупщик и поспешно добавил: — Своих.

2

В зал я вернулся тем же макарон. С той только разницей, что прихватил у Сынка пузырь беленькой, стакан и тарелку. Стакан под водку, а тарелку с колбасой. Разумеется, за счет бармена-«папашки».

Обстановка помаленьку накалялась. Сегодня в «Ста рентгенах» было шумно, и я поспешил занять маленький столик в дальнем углу. Столик прятался под лестницей. Это было удобно. Здесь при всем желании больше двух человек не уместится. А пить в одиночку с Угрюмым вряд ли кто-то станет.

Я поставил на столик нехитрые харчи, сбросил на пол рюкзак. Бутылка была приятно прохладной. Это радовало. Не люблю теплую водку.

Угрюмым меня называли не просто так. Когда я попал в зону, мне было настолько паршиво, что это погоняло вполне соответствовало реалиям. Со временем стало легче, но, пообтеревшись здесь и поняв для себя кое-что, я стал тщательно поддерживать сложившийся образ.

В зоне нельзя выпячиваться. Стать героем зоны приятно и выгодно. Это тешит самолюбие, это дает уважение и подкидывает хорошую работенку, за которую платят хорошие деньги. Но есть и обратная сторона медали. Громкая слава плодит завистников. А хорошая и высокооплачиваемая работенка связана, как правило, с неоправданным риском. Так что герои у зоны каждый год новые. Одни приходят, другие уходят. Их смерть обрастает легендами. Сегодня они колотят деньги и пьют в «Ста рентгенах» или в «Шти», а завтра и имен их никто не вспомнит. Разве что расскажут байку про загадочно пропавшего сталкера.

Сколько их было, этих героев. Я помню их всех до единого. Память у меня хорошая. Вечная память.

Я плескнул водки на два пальца, опрокинул на выдохе и быстро занюхнул колбасой, тут же сунув кругляш в рот. Прошло гладко, если не считать гадостного привкуса. От водки — сивушного, от колбасы — чесночного. Плеснув вторую порцию в стакан, я принялся за колбасу. Негоже пить на пустой желудок.

А вот про меня никогда ничего не трепали, пришло в голову, пока челюсти были заняты колбасой. И не будут. Это мое кредо — не отсвечивать. Я и не отсвечиваю. Не беру крупные заказы, вообще не беру заказы. Тихо-мирно таскаю артефакты и сдаю по дешевке бармену. Знаю, что меня обдирают, но не имею ничего против. Это плата не за наглость бармена, а за спокойную неприметную жизнь. У меня нет друзей, я их не завожу. У меня нет врагов, я их не оставляю. Принято считать, что в зоне одиночки долго не живут. Это не так. Главное — не выпячиваться и не пытаться прыгнуть выше головы. Тогда можно прожить здесь очень долго. По крайней мере пока не заработаешь на новую жизнь. Об этом мечтал каждый, кто топтал зону и у кого там, в нормальном мире, оставалось хоть что-то, к чему стоило бы вернуться. У меня там не было ничего. Что внешний мир, что концентрированно-свободная зона — мне было до лампочки. Мне хотелось только тишины и покоя. Рутинных неглубоких походов в зону и маленьких радостей вроде бутылки водки и крепкого сна.

За глупыми мыслями я немного увлекся, и колбасы осталось меньше половины. Не будем превращать закуску в ужин, как сказал бы один мой знакомый сталкер.

Водка, как наждак, сухо процарапала горло, горячим комом прокатилась по пищеводу и, недовольно поворочавшись, устроилась в желудке. Неудачно пошло. Я поморщился и потянул руку за колбасой.

— Сколько раз я тебе говорил, Угрюмый, не делай из еды культа. Не превращай закуску в ужин.

Я чертыхнулся. Стоило только подумать, что вдвоем с Угрюмым пить станет только сумасшедший, и вот вам, пожалуйста. Сумасшедший тут как тут.

На столешницу с грохотом опустился стакан. Мунлайт, не отпуская граненых боков, смотрел на меня. На хитрой роже растянулась гнусная улыбка. Эта улыбка приросла к нему, кажется, навсегда вместе с коротко стриженной бородкой-подковкой. Во всяком случае, я не припомню, чтобы видел его хоть раз без ухмылки и скабрёзных шуточек.

Он появился здесь года три назад. При среднем росте этот темноволосый балагур имел ярко выраженное пивное брюшко, и я тогда подумал, что он здесь долго не протянет. Зона не курорт. Но время шло, а он топтал зону, и довольно успешно. Помимо пивного брюшка у него обнаружили довольно крепкие руки и не кислые навыки в стрельбе. Про свою

прошлую жизнь он, как и все прочие, не распространялся. Только пошутил как-то, что в прошлом любил пиво, пострелять-побегать и работу с крепкими физическими нагрузками.

Мунлайт был из тех немногих, кто меня приметил и знал. Я его тоже знал, но знакомство наше было скорее шапочным. Никаких взаимных обязательств, никаких близких отношений, никаких общих дел. Так только, треп под настроение. Причем трепался больше он. Я говорить много не люблю. Зачем?

— Ну что ты смотришь? — полюбопытствовал он. — Налей.

Я молча накатил в подставленный стакан. Он бодро поднял его, звякнул им по краю моего. Сам я пить не торопился, но это непрошеного гостя ни разу не смутило. Он снова с грохотом шваркнул стаканом по столешнице, без спросу тяпнул кусок колбасы, но есть не стал, смачно втянув чесночный запах, положил колбасу обратно.

— Пить надоело, — сообщил он, пододвигая ко мне стакан.

— Не пей, — пожал плечами я.

— Узнаю Угрюмого, — заржал Мунлайт. — Как всегда, сама деликатность. Тебе водки жалко?

Вопрос был риторическим. По крайней мере мне так показалось. И отвечать я не стал. Мунлайт демонстративно вздохнул, как будто я его две недели использовал вместо отмычки, а теперь даже узнавать не желаю. Рука его со спокойной уверенностью подхватила мой пузырь. Водка полилась в стакан непрошеного собутыльника не на два, а на все четыре пальца.

Вернув бутылку на место, он подхватил обнюханный уже колбасный кусок и принялся блаженно водить носом то над стаканом, то над закуской. Ноздри его трепетали так, будто он уловил какой-то чудесный недоступный человечеству аромат и спешит нанюхаться, пока неожиданное ароматное счастье не испарилось.

— Ты решил нажраться за мой счет? — не выдержал я.

— Я ж говорю, сама деликатность, — хохотнул Мун и пригубил водку, словно в стакане плескался горячий ароматный чай из эксклюзивной коллекции, а не мерзкое сивушное пойло местного розлива.

Я молча опрокинул стакан и плеснул еще. Чем быстрее кончится водка, тем быстрее закончится этот разговор. И я мирно отправлюсь спать. Уж спать-то мне здесь никто не помешает. Хотя некоторые кудесники умудрялись находить в зоне и баб. Впрочем, на этом все чудеса и заканчивались, потому как проблемы от них были все те же, что и во внешнем мире. Не зря мудрый русский народ сказал «баба с возу — кобыле легче».

— У меня к тебе дело, — выдал Мунлайт в промежутке между смакованием водки. — Есть работенка.

Он взял театральную паузу, словно давая мне время на обдумывание сказанного. А я подумал, что с подобной фразы может начинаться только какая-нибудь гадостная авантюра, которая нарушит мою размеренную жизнь и не даст мне еще очень долго спать в свое удовольствие.

— Есть один человек, — продолжил Мунлайт с налетом загадочности, поигрывая стаканом.

Этот вертящийся в пальцах и бряцающий по столу стакан меня почему-то раздражал больше всего. Я перехватил руку Муна, прижал к столешнице стакан и налил в него под самый край. На вечно ухмыляющейся роже мелькнула тень удивления.

— Пей и топай, — коротко объяснил я, выливая остатки водки себе в стакан.

По ту сторону зала кто-то с наездом забасил дежурную тираду, с какой обычно начинается мордобой. Все, пора баиньки. Я залпом залудил остатки огненной воды и, собрав с тарелки последние кусочки колбасы, приготовился отчалить.

— Будешь идиотом, — засуетился Мунлайт, тщательно пытаясь скрыть волнение. — Дело денежное.

— Меня не интересуют денежные дела, — задержался я. — У меня свои методы работы.

— Знаю-знаю, — усмехнулся он. — Только такие расклады подгоняют не каждый день. Ты послушай сперва. Такие предложения бывают раз в жизни.

— Именно поэтому предпочитаю от них отказываться. Лучше жить без подобных предложений, чем принимать предложения, которые становятся последними в жизни.

— Ну, не жалею потом, — пожал плечами Мунлайт, маскируя разочарование пофигизмом. — И не говори...

Что именно мне не стоит потом говорить, я так и не узнал. Сперва раздался дикий грохот с другой стороны зала, прервавший моего собеседника на полуслове. Затем басовитый рев. А потом над ухом взревел подскочивший Мунлайт:

— Твою мать! Это ж мои деньги.

3

Тогда-то я его и увидел впервые. В первый момент я подумал, что брежу. Он был невысокий, тощий и какой-то нелепый. Выглядел так, будто интеллигентный аспирант какого-нибудь странного вуза непонятным образом попал в казарму с непомерно развитой дедовщиной. Его появление здесь настолько не монтировалось с окружающей действительностью, что, если бы сейчас под чутким руководством бармена Сынок вынес и повесил на стену полотно Айвазовского в подлиннике, я, наверное, удивился бы меньше. На лице его было подобие конфуза, словно он боится что-то сделать, чтобы случайно кого-нибудь не обидеть. При этом во взгляде чувствовалась какая-то сила.

Странное ощущение вызывал этот человек. Кажется, плюнешь — рассыплется. Но взгляд... Была в нем некая внутренняя правда, что ли. Эдаким взглядом можно при желании руку сломать или костер зажечь. Вот только обычно такие люди костры жгут где-то глубоко внутри, испепеляя себя почему зря. А по жизни остаются неприспособленными хлюпиками.

Хлюпик находился сейчас в подобном положении. Он стоял возле стены, а напротив него, размахивая руками, отмахиваясь от троих собутыльников и плюясь, матерился здоровенный мужик. Я пригляделся. Знал я этого сталкера. Погоняло Кабан, если мне память не изменяет. Так парень не плохой, только после первого стакана его на подвиги тянет. А сейчас под их столиком стояли две пустые бутылки, третья — на столе. Так что неудивительно, что он Хлюпика цепанул. Странно, что драки раньше не случилось.

Кабан чуть притих, будто дав себя уговорить. Но тут же резко рванулся вперед. И похоронил бы он Хлюпика, если б на его руке не повис Мунлайт, еще мгновение назад бормотавший что-то недовольно рядом со мной.

— Ты куда? — со смесью удивления и обиды заревел Кабан.

— Вася, тормозни, — вкрадчиво произнес Мунлайт.

Он вцепился обеими руками в одну Кабанью и фактически висел на ней. Пока ему удавалось сдерживать Кабана, которого тянули за плечи его же собутыльники. Но Кабан свою кликуху не зря получил. Если что эту тушку и остановит, то только пуля в голову. Хотя иногда сомневаюсь, что одной пули ему будет достаточно.

— Ты чё? — не понял Кабан.

— Он со мной, — с тем же зловещим спокойствием добавил Мун. — Оставь его, говорю.

— Ах, ты с ним, — взревел Кабан и снова ломанулся в драку.

Первым слетел тот бродяга, что висел у Кабана на левом плече. За ним последовал Мунлайт. Вася Кабан двинул ему в ухо освободившейся левой, и этот удар стал ключевым ударом вечера.

Мунлайт отцепился от правой руки Кабана и отлетел в сторону. Контролировать свои действия он уже не мог. Кабан тем временем стряхивал второго собутыльника с правого плеча. На то, куда приземлится Мун, ему было наплевать. А зря.

Мой недавний собеседник пролетел пару метров и рухнул на соседний стол. На пол грохнулись консервы, разбилась вдребезги бутылка водки, вторая повалилась набок и щедро

разливала свое содержимое по столешнице. Прежде чем стоявшие у столика успели что-то сообразить, Мунлайт извернулся и ужом юркнул обратно.

Так что к тому времени, как Кабан добрался до Хлюпика, троица, которой прилетевший Мун испортил вечер, взялась за Кабана. На этом месте понимание ситуации полностью испарилось, потому что количество участников драки приблизилось к десятку и грозило вырасти еще. Да что там грозило — выростало. Обычно подобные драки становились стихийным бедствием и охватывали весь бар. Хорошо еще охрана при входе отбирает оружие, а то по итогам каждой такой драки считали бы не калек, а трупы.

Пришло время сматывать удочки и убираться восвояси. Участвовать в погроме мне не хотелось. Вообще я не влезая в драки и в этот раз не собирался. Даже ради Мунлайта или бармена не полез бы. А тут... Ну не смог я оставить там этого Хлюпика. Ежу же понятно, что в этом месиве его задавят. Его ж и бить не надо, придавят, кости переломают, и все. И хотя здравый смысл орал: «Остановись! Кто такой тебе этот Хлюпик?» — но я отчего-то не внял разумному внутреннему голосу и вприпрыжку дернулся через зал к месту потасовки.

Там уже возились человек пятнадцать. Уворачиваясь от проносащихся мимо ударов, я заспешил к эпицентру драки. Кто-то пихнул в бок скорее случайно, я ответил резким коротким ударом. В ответ сзади замолотили активнее, но уже не по мне.

Хлюпик, как ни странно, был еще на ногах. Правда, под левым глазом у него растекался очаровательный переливающийся, как бензиновая лужа, фингал. Я схватил неуместного человечка за плечо и поволол обратно. Он дернулся сперва пару раз, но, поняв, что бить его я не собираюсь, успокоился. Теперь он пёрся за мной, как козел на веревке, а я одной рукой волок его, второй расчищал дорогу.

Выбраться из мордобойной стихии оказалось сложнее, чем в нее влезть. Но с этим я справился. Хотя пару раз хорошенько влечь мне успели, а один раз не кисло засадили моему «козлу на поводке». Да так, что с поводка он сорвался. Пришлось вытаскивать его заново.

Добравшись до своего столика и лестницы наверх, я остановился перевести дух. И отпустил наконец Хлюпика.

— Вы кто? — спросил он хрипло.

— Угрюмый.

— Понятно. А зовут как?

— Угрюмый, — повторил я, подхватывая оставленный рюкзак.

Имена в зоне не в ходу. Имя — это что-то личное, сакральное. Сталкеры не демоны и не джинны, чтобы попадать в кабалу какому-нибудь умнику, узнавшему имя. Но тем не менее представляются кличками. Кто-то называет это дело позывным, кто-то боевым именем, кто-то еще как. Я, по старой привычке, погонялом.

— А меня зовут...

— Хлюпик тебя зовут, — оборвал я, не дав закончить.

Его паспортные данные мне тоже не нужны. А Хлюпиком я его окрестил, кажется, с самого начала. Он собрался было ответить, забурлил внутри, как закипающий чайник. Разве что крышка не задребезжала. Но тут же мгновенно и сдулся. Лишь вяло махнул рукой.

— Хлюпик так Хлюпик. А почему вы меня оттуда вытащили?

От необходимости отвечать меня избавил Мунлайт, вырвавшийся из обезумевшей толпы и прорвавшийся к нам. На скуле у него красовалась рваная довольно глубокая царапина. Не иначе, приземлившись на тот злосчастный столик, зацепил рожей жестяной край откупоренной консервной банки. Кроме того, он прихрамывал. Но лыба была, как всегда, довольной.

— Угрюмый, так ты согласен? — обрадовался он.

— На что? — не понял я.

Сзади Муна мелькнула крепкая фигура с бутылкой в руке. Последовал короткий замах.

— Осторожно! — вспискнул Хлюпик.

Но было поздно. Бутылка опустилась сзади на башку Мунлайта. Хлопнуло, посыпались мелкие осколки. Мун мешком повалился на пол. Хлюпик рванул к нему, будто мог чем-то

помочь. Я жестко схватил его за тонкое предплечье и поволок к лестнице. Он упирался и делал это довольно уверенно. Я даже слегка удивился, откуда в этом тщедушном неуместном здесь человечке столько силенок.

Он дернулся. Я остановился.

— Погодите, — потянул обратно Хлюпик. — Ему помочь надо.

Я покачал головой и пошел вверх по лестнице. Хлюпик упирался, реально мешая мне двигаться, и тянул обратно.

— Да как же можно. Ему же плохо может быть. А если сотрясение...

Я остановился посреди лестницы. Интересно, он дурак или на самом деле не догоняет? Ну и что, что сотрясение. Мунлайт сталкер, а не барышня кисейная. А здесь... Да здесь это в порядке вещей. Норма. Ну, устроили разборки. Ну, потаранили морды. Ну и что? Даже если застрелили кого — подумаешь. Делов то.

— Ему не в первый раз, — коротко объяснил я и пошел дальше.

Моего нового знакомого такой ответ, видимо, убил напрочь. Во всяком случае, больше он не упирался.

4

Мой дом — моя крепость. В этой комнате на втором этаже, которую уже три года сдавал мне бармен, я чувствовал себя хоть немного защищенным.

Впрочем, для пришлых похвастаться было нечем. Меблировка выглядела скудной. Пружинистая койка со старым драным матрасом. Едва живой столик на покосившихся ножках. Такой же стул. Буржуйка. На этом изыски заканчивались.

Под койкой пряталась пара ящиков, в которых схоронились два спальника и пенки. Здесь же у меня были припасены два пистолета, ящик водки, ящик тушенки, десяток РГД и еще кое-какой старый хлам. Бармен об этом знал, но закрывал на это глаза. Понимает, собака, что я не стану устраивать здесь перестрелку и привлекать к себе внимание. Пожалуй, этот паразит-перекупщик знает обо мне больше других. Ну, так и я про него кое-что знаю. Так что, можно сказать, мы взаимобезопасны.

Я защелкнул дверь на замок и кивнул замершему посреди комнаты Хлюпику на металлическую койку с подранным потертым матрасом.

— Устраивайся.

Он осторожно прошел по моей комнатенке, присел на край койки. Жертва собственного воспитания и мировоззрения, усмехнулся я мысленно, господи, как же тебя сюда занесло?

В новой обстановке он чувствовал себя явно стесненно.

— Расслабься.

Я бросил в угол рюкзак. Выудил из-под койки пенку. Расстелил на полу. Сверху кинул спальник.

— Жрать хочешь? Он помотал головой.

— А выпить? — Я почувствовал себя необычно говорливым. Но с этим неуместным говорить почему-то было просто.

— Нет, спасибо, — тихо отозвался он. — Может, я на полу?

— Да успокойся ты уже, — посоветовал я.

Не раздеваясь, лег на спальник. Подпихнув рюкзак под голову поудобнее, вытянул ноги и принялся наблюдать за Хлюпиком. Так в детстве наблюдал за хомяком, которого запустили в новую непривычную клетку. Хомяку было любопытно, странно и боязливо. Хлюпику, судя по всему, тоже.

Наконец он улегся на койке, предварительно скинув зачем-то ботинки. Возиться перестал, расслабился, но голос подать боялся. Бойся — значит уважает, так, кажется? Хотя в истинности этой поговорки я никогда уверен не был.

— Ты как здесь оказался? — прервал я затянувшееся молчание.

Он подскочил на койке, словно только и ждал моего голоса, чтобы не лежать бревном, и снова уселся на край.

— Меня Мунлайт привел.

Опа! Теперь мне стал понятен вопль про «мои деньги», с которым сталкер с плотоядной ухмылкой бросился отбивать Хлюпика у Васьки Кабана.

— Зачем? — осторожно поинтересовался я.

— За деньги. Я ему заплатил, — охотно пояснил Хлюпик. — Мне надо было в зону, я искал проводника. Он меня проводил. Я у одного такого сидел... Волком звать, знаете? Вот, искал проводника. Этот Волк мне Мунлайта и посоветовал.

— А зачем тебе надо было в зону? — чувствуя себя законченным идиотом, полюбопытствовал я.

— Нужно, — замялся мой нечаянный гость.

— Знаешь, — я тоже сел и посмотрел на него в упор, — Зона — это очень паршивое место. Она может выглядеть романтической и экзотической до соплей. Она может представлять интерес для всяких там психологов, ученых и прочих любителей экзотики. Но она не место для них. Вот ты сюда пришел. Зачем? Ты хоть понимаешь, дурень, что ты здесь вне закона?

Хлюпик слушал молча. Потупил взгляд. Потом вдруг с невероятной поспешностью посмотрел мне в глаза, резко полоснув взглядом, словно ножом, и выпалил:

— Мне к Монолиту надо.

Вот так вот! Не больше, не меньше. Про исполнитель желаний много сказок ходило. Кто-то до него вроде как доходил даже. По слухам. Потому как тех, кто до него добрался, я лично за шесть лет топтания зоны не видел ни разу. Легенды ходили. Эдакий сталкерский фольклор. Но фактов не было. Да и сказки были одна другой чудеснее. Кто-то травил байки про то, что Монолит — это психотронное оружие, кто-то рассказывал про инопланетян, кто-то про пришельцев из другого измерения. Кому верить и верить ли, я не знал. Потому предпочитал относиться к этому как к мифам. Древние греки тоже в Зевса и Геракла верили. Но где тот Зевс? Где Геракл? А по небу, которое атланты держат, самолёты теперь летают с вертолетами. Причем вполне реальные.

— Плохая шутка, парень, — покачал головой я. — Монолита нет.

— Но говорят...

— Говорят, что кур доят, — зло отрезал я.

Что он, совсем дурак, что ли? Не понимает ни хрена?

— Я в него верю, — твердо произнес Хлюпик.

— Ну и дурак. — Я снова откинулся на рюкзак, вытянул ноги и прикрыл глаза.

Господи, какого рожна сюда занесло этого идиота?

Послышался шорох и скрип пружин. Хлюпик, по всей видимости, тоже решил лечь. Если бы встал, звук был бы другой. Снова завозился, и все смолкло. Я лежал не открывая глаз, но и не спал. Поспишь тут, когда посторонний рядом. Хрен его знает, чего у него на уме на самом деле. И хотя здравый смысл подсказывал, что ждать опасности от Хлюпика не стоит, заснуть я уже не мог.

Так продолжалось с полчаса. Когда я открыл глаза, в комнатухе было уже совсем темно. В темноте что-то шевельнулось.

— Угрюмый, вы не спите?

— Не сплю, — буркнул я. — И меня тут один.

— Простите, а почему вы мне помогли?

Я промолчал. Что я мог ему сказать? Я мог бы долго вспоминать про парня, который вот таким же интеллигентным воспитанным Хлюпиком вылетел по глупости из вуза и попал под призыв. Вспомнить, как этот парень после учебки попал в Чечню, в которой к тому времени уже якобы не было войны. В телевизоре ее не было, а на самом деле... Но о том, что было на самом деле, никто не говорил. Я мог бы вспомнить, как этот парень вернулся оттуда, имея совершенно ненужные в мирной жизни навыки, привычку стрелять взглядом по крышам домов и окнам, и не понимая, не помня, как жить без чувства постоянной войны.

Можно было вспомнить о том, что именно благодаря этому тот парень попал под суд, а потом в места не столь отдаленные. Не за преступление, а за то, что сильнее, чем требовалось, обработал одного ублюдка на улице. Суд даже принял это к сведению. Но срок, по гуманности своей, дал не тому, кто посреди улицы пытался отобрать чужое, а тому, кто, не отдав свое, сделал неудавшегося гопстопника калекой. Можно было вспомнить и срок на той зоне, и выход после того срока, и попадание в эту от безысходности. Можно было даже вспомнить, что у того парня было настоящее имя, а не угрюмое погоняло, но что это объясняло?

Расскажи я все это дурню Хлюпику, разве смог бы я объяснить то чувство, которое возникло, шевельнулось где-то глубоко, когда увидел его в баре «Сто рентген»? Я и себе-то это до конца объяснить не мог. Ностальгия, что ли? Или какое-то подсознательное желание человека, вляпавшегося в дерьмо, оградить от этого опыта того, кто стоит над кучей, занеся ногу для решающего шага?

— Угрюмый, вы меня слышите?

— Меня тут один, — сердито повторил я. — И перестань извиняться через слово, а то вгрызлю дам.

— За что?

— За лишние слова, — объяснил я неохотно. — Хочешь говорить, говори по делу. Не хочешь по делу, не засоряй эфир. Доступно?

— Вполне, — усмехнулась темнота. Вот зараза, он еще и веселится.

— Еще вопросы будут, или я могу поспать?

— А почему он Мунлайт?

— А почему я Угрюмый, тебя не интересует?

— Ну, это понятно, — заявил уверенно голос из темноты и осекся.

Ишь ты какой. С пониманием.

— А он тебе не объяснял?

— Объяснял что-то про мистера Мунлайта и американских контрабандистов-самогонщиков тридцатых годов, которых мунлайтерами называли. Но как-то неубедительно.

Я хмыкнул. Неубедительно. Мунлайта я узнал, когда он уже был Мунлайтом. Так что уверенности нет, но причин могло быть две, на мой взгляд. Когда Мунлайт уходил в себя и на чем-то сосредоточивался, он всегда начинал тянуть под нос песенку Криса Де Бурга «Moonlight and vodka»¹. Сколько помню, он частенько ныл это себе под нос. Он вообще был известен как человек умеющий насиловать гитару и петь под нее любое старье от Битлов до Кати Лель.

А еще рассказывали, что Мунлайт ненавидит песенку «Moonlight Shadow»² Майка Олдфилда. Говорят, что когда-то с ним в паре топтал зону один мелкий занудный осетинчик, который, зная об этом, неустанно подначивал Мунлайта и просил спеть ненавистную песенку. Так продолжалось, пока тот по пьяни не переломал ему ноги. С тех пор мелкого занудного никто не видел, а Мунлайт получил свое погоняло.

Как было на самом деле, я, честно говоря, не знал.

— Из-за любви к англо-американской эстраде, — собрал я оба варианта в одну кучу.

— Угу.

Темнота комнаты погрузилась в молчание. Но тишина была такой напряженной, что я понял — он хочет спросить что-то еще. Хочет, но не может. Не решается. Потому и спрашивает о чужих кличках и прочей ерунде, которая на самом деле его не интересует.

— Угрюмый, простите, а вы...

— По лбу дам, — сердито пообещал я.

— А вы... ты ведь сталкер? То есть тебя зона кормит? Я не ответил. На еврейские вопросы армянское радио не отвечает.

— Тебе деньги нужны?

Я молчал. Уже понял, к чему он клонит со своими риторическими вопросами.

¹ «Лунный свет и водка» (англ.).

² «Тень лунного света» (англ.).

— Я заплачу. У меня квартира есть в сталинской высотке. От деда осталась. Она прилично стоит. Я продам и заплачу. Правда. А ты отведи меня к Монолиту. Мунлайт сказал, что один туда не сунется. Обещал найти кого-нибудь в пару и проводить. Ты ведь можешь с ним в паре? Проводи меня, а?...

Он говорил все медленнее, пока совсем не потерялся. Но я знал, что он не спит, а ждет ответа. Ладно, зато теперь понятно, что за работенку хотел Мунлайт подсунуть.

— Я провожу тебя. Завтра. Причем бесплатно, — пообещал я.

И я не врал.

5

Проснулся я от дикого рева. Было темно, но темнота, кажется стала, чуть реже. Приближался рассвет. Под окном хохотали, травили байки и голосили под гитару. Чья была гитара, не знаю, а вот голос, который пел, я узнал сразу.

— Rape me, my friend. Rape me again, — надрывался Мунлайт.

Чертыхнувшись, я поднялся на ноги и подошел к окну. Внизу в сотне метров от стены игриво полыхал костерок. Рядом сидели Вася Кабан, тренькающий на гитаре Мунлайт и еще пара смутно знакомых сталкеров.

My favorite inside source

I'll kiss your open sores

Appreciate your concern

You'll always stink and burn

Rape me, my friend...

Чертов музыкант со всей дури зафигачил по струнам и заорал свое «Rape me» на разные лады.

— Это что? — поинтересовался заспанный голос Хлюпика.

— Ты боялся, что у него сотрясение мозга? — проворчал я. — Было бы чего сотрясать. Петь оне изволят.

— А-а... — протянул Хлюпик. Странно как-то протянул.

Я щелкнул зажигалкой и посмотрел, чего там с ним. Ничего странного не было. Только заспанная рожа с отпечатком матраса на щеке, выставленная вперед рука и все тот же голос.

— Не светите...

— Нас здесь по-прежнему одна штука, — сказал я, но зажигалку потушил.

Мунлайт продолжал орать до хрипоты, причем от всей песни осталось два слова, которые со смаком перекатывались на разные лады.

— Это он по-английски? — спросил я у Хлюпика.

— Ага.

— И чего поет?

— Ну-у... — голос слегка замялся. — Опуская все подробности, просит, чтобы его изнасиловали.

— Всю песню? — Полезно, оказывается, знать буржуйские языки.

— Ага.

— А если не опускать подробности, — заинтересовался я.

Хлюпик помялся.

— Если не опускать подробности, то просит, чтобы его изнасиловали, в подробностях.

Я подхватил куртку, накинул на плечи. Хлюпик завожился активнее. Когда я забросил на плечо рюкзак, парень не выдержал.

— А ты куда?

— Пойду, — буркнул я. — Трахну его. Чего не нагнуть, раз так просит. Видишь, как надывается человек.

Хлюпик не ответил, мекнул что-то нечленораздельное. Видимо, так и не понял, шучу я или нет.

— Ладно, — успокоил я его. — Вернусь скоро. Спи пока.

Койка жалостливо скрипнула. Я вышел.

Дверь на всякий случай запер. Не то чтобы я боялся за свое имущество, которого в комнате практически не осталось. А вот о неуместном моем госте, сочетающемся со здешними реалиями, как раскладушка с балдахин, стоило побеспокоиться. Проснется, пойдет куда, нарвется на кого со своим «простите-извините», и будет как вчера вечером с Васей Кабаном.

Я спустился вниз, проскочил через притихший бар. Сейчас здесь было значительно меньше народу. Просвистав мимо охранника, поднялся наверх и потребовал оружие. Карауливший стволы мужик подозрительно сощурился.

— Слышь, Угрюмый, а у тебя «калаша» вроде не было.

— Не было, теперь есть, — пожал я плечами.

Он протянул АК. Я схватился за цевье, но он не отпустил. Придерживая «калаш», пристально посмотрел мне в глаза. Что за манера пошла в zenки мне пялиться?

— А ведь это не твой, я хозяина знаю, — с вызовом сообщил мужик.

— Теперь мой.

Я резко дернул ствол на себя, он расцепил пальцы, выставил передо мной руки с раскрытыми ладонями, словно ища примирения.

Закинув автомат на плечо, я молча пошел прочь. Знакомый, значит. Выходит, этот его знакомый меня обуть хотел. А я-то думал, на меня бандюки напали. А эти бандюки, выходит, какое-то отношение к «Долгу» имеют. Или этот говнюк привратник со всяким сбродом якшается? Ладно, не суть. Если долго думать, башка треснет.

Трахать Мунлайта я, разумеется, не собирался. Сейчас он если и был мне интересен, то в последнюю очередь. Первым делом надо было выйти с территории «Долга».

На улице было противно. Дождь так и не перестал, да и сильнее не разошелся. Сверху сыпала мелкая морось. Под ногами мерзко чавкало раскисшей грязью. Намокшие облезлые стены навевали хмурое настроение и желание запрятаться в дальний угол и греться водкой, пока не свалишься в беспамятстве. Тускло, сыро, противно, беспросветно. Я поежился, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Подтянув рюкзак, запетлял мелкими переходиками между зданий.

База у «должников» сравнительно небольшая, а передвигаться по ней, если оружием не махать, почти так же просто и безопасно, как по главной пешеходной улице столицы нашей родины. Впрочем, сравнение так себе. В зоне не только представители разных городов трутся, но и родина тут у каждого своя. Так брякнешь какому воинствующему украинскому хлопцу «здоровя, земляк» — и доказывай потом, что ты не верблюд. С другой стороны, про себя кого хочу, того тем и называю. Если долгольца «должником» вслух назвать, можно не то что по морде получить, к праотцам отправиться.

«Долг» группировка серьезная. Говорят, изначально она состояла из оставшихся в зоне военных. Сейчас в ряды «Долга» принимают не только военных. Хотя это не значит, что возьмут кого попало. Пришлых здесь тоже не шибко любят, хотя порой и допускают. Меня здесь терпят. Сам я в «Долге» не состою. Зато состою в крепких деловых отношениях с барменом. Долгосрочных и взаимовыгодных. А это дорогого стоит. Короче, «должники» за три года ко мне привыкли. Но своим я не стал. Если на рожон полезу, пристрелят на месте, к гадалке не ходи.

Стало светать. В предрассветном сумраке постройки стали видны в подробностях. Обогнув очередное здание, я выскочил на блокпост. Там явно не ждали визитеров в такое время. Пара «должников» схватились за автоматы.

— Стой! — рявкнул тот, что справа.

Я послушно остановился, поднял руки вверх и неторопливо шагнул ближе, давая себя разглядеть.

— Угрюмый, мать твою за ногу. Куда тебя несет среди ночи? — проворчал тот, что слева.

— Пусть идет, — усмехнулся правый. — Может, ему до ветру приспичило.

Левый хихикнул. Понимаю. Мокрые, злые, усталые. Им сейчас все смешно, что кого-то другого цепляет. Отвечать я не стал. Зачем?

На рассвете гулять по зоне жутковато. Не так страшно, как ночью, конечно, но все равно. Тут и днем-то как минимум неприятно, а когда все вокруг тает в сумеречной дымке, и вовсе становится не по себе.

В сумерки мир теряет четкость, линии сглаживаются, тени сливаются. Здесь это особенно заметно, потому что опасно. В зоне нельзя чего-то не увидеть. Невнимательность грозит смертью.

Обычно, когда сталкеры начинают говорить про зону, звучат банальности. Новичков это зачастую сбивает с толку, наводит на мысль, что не так страшен черт, как его малюют. А такой подход грозит скорой бедой. Потому старики норовят предостеречь. А как предостеречь? В который раз рассказать, что зона — это зона и она не похожа ни на джунгли Амазонки, ни на вершины Эльбруса, но в разы опаснее. Банально.

Или поведать, что в зоне нет знакомых дорог. Что в зоне все меняется. Постоянно. Потому что зона — это зона. Потому что она обладает известной самостоятельностью и подвижностью, живет своей жизнью. Тоже банальность.

Так же банально звучит мысль о том, что, несмотря на кажущуюся безопасность, здесь опасно всегда. А прямая дорога не всегда самая безопасная. Банальности, банальности. Как прописные истины они вязнут на ушах, создавая иллюзию у новичков, что все это занудство стариков и ничего сверхъестественного не случится. Заколдованный круг.

Правда, при первом же столкновении с аномалией эта иллюзия рассеивается. Но одного столкновения зачастую более чем достаточно.

Я шел медленно. Здесь не ходят быстро и не бегают. Чуть впереди, справа, словно над гигантским костром, подрагивал воздух. Только костра не было. Запищал датчик, предупреждая об аномалии, но я уже заложил крюк, обходя опасное место по широкой дуге.

Нычки устраивали все, кто подолгу торчал в зоне. Все ценное с собой не потаскаешь. И тяжесть лишняя, и потерять все скопом никому не захочется. А остаться в зоне без порток так же просто, как до трех сосчитать. Бродяг всяких, охочих до чужого добра на халяву, здесь, как грязи. Да и вояки не всегда стреляют на поражение. Могут со скуки развлекухи ради оставить без оружия и снаряги и отпустить на все четыре, наблюдая, далеко ли ты уйдешь. А без оружия в зоне далеко уходят только фантастические везунчики. Про них среди сталкеров тоже ходят байки, так что их погоняла всем известны.

Некоторые нычки устраивают группировки. Что называется, для своих, на всякий пожарный случай. Еще случаются нычки со странностями. По зоне давно гуляли байки про загадочного сталкера Снейка, который устраивал схроны в труднодоступных местах и наполнял их совершенно непонятным содержимым. Например, мог в одной нычке сложить десять «калашей». Или припрятать в одном месте два десятка одинаковых артефактов. Зачем, пес его знает. Может, были какие свои мотивы, может, мозги потекли от прогулок по зоне, излучение все-таки. А может, все это просто сталкерские байки.

Мой тайник был совсем недалеко. Если по прямой. Только по прямой не получалось. Весь путь занял с полчаса. Со времени моего последнего визита здесь никого не было. Тайник сохранился нетронутым, точно таким, каким я его оставлял.

Оглядевшись по сторонам, я сбросил на землю рюкзак и разворошил нычку. Несмотря на то что бармен платил мне довольно паршиво, за шесть лет в тайнике накопилась весьма достойная сумма. За такие деньги многие работают всю жизнь. На тот случай, если этого будет мало, у меня была припрятана пара артефактов, за которые мой скупщик удавился бы. Вот только что со всем этим делать, я пока не придумал. Потому и деньги, и артефакты лежали мертвым грузом и ждали неизвестно чего.

На то, чтобы переложить полученные от бармена деньги в тайник и замаскировать все обратно, ушли считанные минуты. Результат моих трудов показался вполне удовлетворительным.

Я застегнул рюкзак и присел на него сверху. Пять минут «покурить, оправиться». И хотя давно бросил привычку мусолить сигареты, а гадить посреди зоны себе дорожке, отдых не помешает.

Когда-нибудь я придумаю для себя какое-то будущее. Если у меня когда-нибудь хватит на него фантазии. Тогда я приду сюда, заберу все под ноль и навсегда уйду из зоны. И перестану быть Угрюмым. Губы потянулись в стороны в грустной ухмылке. Забавно звучит. Вот только будущего я не вижу. То ли фантазия сдохла, то ли сам я давно уже живой труп.

Все, посидели, и будя. Возвращаться пора.

Назад я шел другим путем. Впрочем, мне было все равно. Так и так не заблудился бы. Место расположения моего тайника и опознавательные приметы у меня в голове. Я не доверяю ни бумаге, ни ПДА. Никто и никогда от меня не узнает, где находится нычка. Потому и здесь рассказывать не буду. Не нужны подробности. Они мои, как и тайник, и зажученное в нем эфемерное будущее.

* * *

К базе «Долга» я подходил с другой стороны. Уже совсем рассвело. И хотя противный дождь так и не прекратился, мир вокруг стал значительно приятнее. Если слово «приятно» вообще может каким-то боком относиться к зоне.

Споткнулся на мысли. А ведь вру, иногда и в зоне бывает красиво. Случается, сквозь хмарь пробивается свет. Играет солнечными зайчиками на яркой листве. С утра, когда солнце только вываливается из-за серовато-розового горизонта и до вечера, когда закатывается, утопая в малиновом закате.

Бывает. Но не сегодня. Сегодня будни. Сегодня дождь. Сегодня все серо и хмуро.

До блокпоста осталось всего метров четырехста, и я сделал очень большую ошибку. Я расслабился.

Подобной глупости зона не прощает. Можно считать это очередной банальностью, но это факт. И стоило мне один раз сглупить, как тут же последовала реакция. Шагах в десяти от меня возникло шевеление. Я замер.

То, что еще секунду назад казалось сквозь пелену мороси здоровым валуном, поднялось и с хрустом потянулось. Кабан! Везет мне на них в последнее время. В отличие от Васьки этот не был пьян, зато был огромен и дик. И если затуманенные водкой мозги Васи Кабана и рождающиеся в них мыслишки были мне понятны, то предположить, что происходит в огромной мохнатой башке чернобыльского кабана, я бы не рискнул.

Зверюга покосилась в мою сторону. Я осторожно потянул ремень. «Калаш» принял горизонтальное положение. Металл под рукой показался обжигающе холодным. Я дернул плечом, стряхивая ремень, перехватил автомат поудобнее и сделал шаг.

Боров чуть заметно шевельнул огромной, как пивной котел, головой.

Не будь свиньей, попросил я мысленно, дай пройти. Я ж тебя не трогаю.

Кабан не то фыркнул, не то хрюкнул. Не знаю, можно ли было принять это за ответ, услышал ли он мою просьбу... Может, и услышал, многие местные твари имеют странные способности. Так или иначе, я сделал еще один шаг, затем еще и еще. С каждым шагом я больше удалялся от кабана, чем приближался к «должникам».

Зверь делал вид, что мои передвижения ему не интересны. А может, они и в самом деле были ему до фонаря. Шаг за шагом я огибал зверюгу по широкой дуге. Мне удалось отойти от него шагов на тридцать. На секунду показалось, что счастье рядом. Все, я прошел, и кабан меня не тронет.

Предательской мысли оказалось достаточно, чтобы шаткое ощущение рухнуло, как карточный домик от включенного вентилятора. Дикая тварь вскинула голову и без предупреждения бросилась на меня.

Я поразился тому, какую скорость рвет эта зараза с места. Секунда, и кабан был уже на полпути ко мне. Половина таких бесконечно трудных шагов.

А дальше сработали рефлексy. Я не успел подумать, не успел прицелиться. Палец сам собой дернул спусковой крючок. Треснуло. Я дал короткую очередь. Автомат задержался в руках, пытаюсь усвистать в сторону, вырваться. Затем вторую. Следом третью. Хотя третья была уже не нужна. Первая очередь остановила кабана, дернула его чуть в сторону. Вторая попала в голову. Зверюгу отшвырнуло. Кaban взвизгнул дико и повалился на землю. Его визг прокатился во все стороны, разрывая тишину мертвого утра зоны, кажется, на многие километры. Тело зверя задержалось в агонии, а может, его затрясло от третьей очереди. Так или иначе, он больше не поднялся.

Все. Пора сматывать. Я зашагал быстрее. Сзади почувствовалась легкая вибрация. Дрожал не воздух, дрожала земля. И это была не аномалия. Я оглянулся. Дьявол! На меня неслись с десятков кабанов. И хотя они были далеко, а силуэты их едва различимы, скорость оказалась такой же невероятной, как и у пристреленной мной особи.

В зоне не бегают. Я знал это. Но сейчас другого выхода не было. И я припустил что есть мочи к блокпосту.

Я бежал так, как не бежал очень давно. Сзади топало, бухало, хрипело, словно за мной гнался табун слонов. Почуяли, что ли, твари, что я их сородича похоронил? Или услышали. Могли услышать. Покойник так орал, что не услышал бы только глухой.

Глупо. Последняя шутка могла быть и поизящнее. Хотя каких еще шуток ждать от Угрюмого?

До блокпоста оставалось метров сто. Впереди замелькали фигуры людей. К двоим, которые пропускали меня на выход, сейчас присоединилось еще пятеро. Я рванул на блокпост из последних сил, как бежал с автоматом наперевес.

Впереди мелькнула злая харя... Другая со следами отрешенности... Дула автоматов...

— Оружие брось! — рявкнул кто-то. Ага. Сейчас. Размечтались.

Треснула очередь. В первый момент показалось, что стреляют в меня. Я нырнул вниз, но у людей сейчас была цель посерьезнее моей скромной персоны. Земля приняла мою распластанную, словно лягушка под катком, тушку крепким ударом. Я шлепнулся плашмя, но собрался и тут же перекатился. В то же мгновение застрекотали автоматы. Топот сзади сбился с ритма, его разбавил визг расстреливаемых животных и грохот автоматных выстрелов.

Я попытался подняться и помочь отстреливать тварей, но в затылок что-то неуклюже ударило. В голове загудело, словно заиграл орган на одной ноте, но от души. Сквозь гуд прорезался дребезжащий голос сверху:

— Лежи, сука. С тобой потом разберемся.

Прикладом врезали, подумал я. Перед глазами возникло взволнованное лицо Хлюпика. «А если сотрясение?» — опасливо поинтересовался он и растекся в мутное радужно переливающееся пятно. В следующее мгновение пятно налилось черным, и я отрубился окончательно.

6

— Так это Угрюмый, — донеслось сквозь непроходящий болезненный гул, как будто у меня в голове отчаливающий пароход давал бесконечный прощальный гудок.

— А я его прикладом, — задумчиво добавил второй голос. — А с другой стороны, хрен ли он с автоматом?

— До ветру ходил, — хохотнул третий голос. Этот голос я слышал совсем недавно.

Я открыл глаза. Трое стояли надо мной и с интересом меня разглядывали. Хоть бы пульс пощупали, может, я помер давно. Собаки дикие. Хотя им-то что.

— О, очухался. — Первый оказался не то самым наблюдательным, не то самым говорливым.

— Ну чего, Угрюмый, поссал? — развеселился третий.

— Какое там поссал, — весело поддержал второй. — За ним десяток кабанов перло. Он уж небось не только поссал, но и пару раз обгадился.

Все трое бодро расхохотались. Сволочи, блин. Я с трудом оперся на автомат, который все еще сжимал в руке, тяжело поднялся. Голова гудела, ноги подрагивали. Меня мутило и шатало из стороны в сторону.

— Ну, чего, Угрюмый, сколько раз облегчиться успел? Еле переставляя ноги, я потопал к бару. В спину снова загоготали. Понятное дело, смеются. Хоть всемером и при оружии, а с десятком кабанов тягаться все равно страшно. Так что регочут не оттого, что смешно. Просто разрядка. Сами обгадиться успели. И не упрекнешь. В зоне обгадиться проще пареной репы. Вот чтоб штаны не намочить — это талант иметь надо.

До бара дошёл как-то. Привратник, забирая «калаш», бывшего хозяина которого он знал, гадко улыбался. Спуститься вниз и подняться к себе наверх оказалось менее проблематично, видимо, я начал приходить в себя. Но когда вошел в комнату, уронил рюкзак и как был без сил грохнулся на пол.

Хлюпик дрых без задних ног и от моего появления даже не проснулся. Мне бы такой сон.

— Эй, — позвал я. — Подъем!

Он завозился, сладко потянулся и, открыв глаза, уставился на меня. Лицо его вытянулось и стало по-детски удивленным.

— Что с вами?

— Я все еще один.

— Простите.

— И я тебе все-таки дам по лбу. Вот только в себя приду.

Он улыбнулся, сел на койке. Скинув ноги вниз, принялся обуваться.

— У вас... у тебя, — поспешил поправиться он, — такой вид, как будто тебя изнасиловали. Что, Мунлайт не дался?

О чем это он? Ах да...

— Можно и так сказать, — буркнул я. — Под кроватью ящик с консервами. Доставай, жрать будем.

— Весь ящик? — глупо переспросил он.

— Если осилишь ящик тушенки, можешь доставать весь. Мне будет любопытно на это посмотреть.

Хлюпик снова улыбнулся и полез под койку. Чего-то он сегодня слишком веселый. Освоился, страх потерял? Так я живо напому, кого бояться.

После тушенки стало легче. Хотя первые куски упирались и вместо того, чтобы лезть в глотку, упорно старались вылезти обратно, вывернув следом за собой и желудок.

Когда ложка заскоблила по дну банки, Хлюпик едва дошел до середины. Аппетита у него, несмотря на бодрое настроение, видимо, не было.

— Ешь быстрее, и пошли, — распорядился я.

— Куда? — оживился Хлюпик.

— С вещами на выход.

В отличие от него у меня настроение было хуже некуда. Отдохнул, называется, недельку. Попил водочки и поотсыпался за счет заведения.

Мунлайта долго искать не пришлось. Он стоял в баре, опершись о стойку, и медленно посасывал пиво. Извращенец. В зоне пиво пьют только извращенцы, гурманы и пижоны, что в принципе одно и то же. Водка хоть лечит. Радиацию глушит. Хотя в случае Мунлайта пиво сейчас, наверное, тоже можно было назвать лекарством.

Выглядел он паршиво. Острые глазки сверкали нездоровым блеском. Рожа опухла. На скуле запеклась кривая царапина — видимые последствия вчерашней потасовки. Но обрамленная бородкой-подковкой ухмылка была на месте.

Я огляделся. Бармена не было, видать, дрыхнет. За стойкой, подперев голову рукой, подремывал Сынок. Встав рядом с Мунлайтом, я грохнул ладонью по стойке. Хлопок

получился смачным. Ладонь засадило. Зато Сынок подпрыгнул так, как будто у него над ухом из пушки шарахнули.

— Чего? — потирая заспанные глазенки, поинтересовался Сынок.

Мой указательный палец ткнул в исходящий паром чайник, потом принял вертикальное положение. Сынок понял меня без слов. Подхватил пластиковый стаканчик, кинул в него ложку дешевого кофейного порошка, две ложки сахара, плеснул кипятка и поставил передо мной готовый продукт.

— За счет заведения, — кивнул Сынок на стакан и вернулся на свое место.

Интересно, он мне теперь неделю будет напоминать, что они меня угощают? Стаканчик обжигал пальцы. Я сделал несколько глотков, покосился на Муна, который все это время мусолил кружку с пивом.

— Где он? — спросил Мунлайт, наблюдая, как Сынок, подперев башку другой рукой, пытается перебороть вновь наваливающуюся дремоту.

Я молча ткнул пальцем в потолок и снова присосался к стакану. Растворимый кофе, как и любой другой кофеиносодержащий напиток, чудесного действия не оказывал. Спать хотелось, как и раньше. Вообще от недосыпа лечит только сон, проверено на практике.

— Он тебе сказал? — поинтересовался Мун. Вместо ответа он получил короткий кивок.

— Чего думаешь?

Я подавил зевок и пожат плечами. Чего тут думать?

— Надо отвести парня.

— Круто, — оживился Мунлайт. — Не думал, что ты согласишься. С другой стороны, за такие бабки... Кстати, бабки пополам. Хотя согласишься, за такую работу я мог бы содрать процент побольше. Это ж я его надыбал.

Я молча допил кофеек и смял стаканчик.

— Он тебе заплатил за то, что ты его сюда приволок?

— А то!

— Значит, ты не внакладе, хорошо. — Я легонько щелкнул пальцем по мятому стакану. Скукоженный пластик качнулся и завалился набок. — Дальше мы его ведем бесплатно.

Мунлайт посмотрел на меня странно, но удар выдержал.

— Бесплатно? А если Монолита не существует? А если нам не повезет с артефактами по дороге? Плюс риск. Гарантии нужны. Нет, я понимаю, что у Монолита можно чего угодно выпросить, но... Бесплатно в четвертый энергоблок...

Я отвалился от стойки, выпрямился и посмотрел на него в упор.

— Разве я сказал что-то про четвертый энергоблок?

— Но ему же нужен Монолит.

Разговор меня напрягал. Не люблю много говорить. Зачем? А тут... Домой ему нужно, Хлюпику этому. Подальше от зоны, а не к Монолиту. Так что проводим парня за кордон, и все.

— Домой ему нужно, — сердито пробурчал я. Мунлайт отодвинул недопитое пиво и набычился.

— Это он сказал? / Я молчал.

— Ему нужно к Монолиту. Он сам сказал. И он не маленький, может самостоятельные решения принимать. А ты не нянька, слышь ты, Мистер Большое Ухо, Ему нужно к Монолигу, и все.

— А если Монолита не существует? — поинтересовался я.

— Плевать. Зато существует квартира в сталинской высотке. Ты знаешь сколько стоит квартира в сталинской высотке? Знаешь, москаль клятый.

— Зачем ему к Монолиту?

— Не сказал. А тебе это важно? Сказал, что нужно очень.

— Он сам не знает, что ему нужно, — не сдержался я. — Ты его видел? Что он может попросить у Монолита? Денег? Любви, надежды, тихой славы? Мир во всем мире? Лекарство от СПИДа? Или ему баба не дает, а других средств ее нагнуть он не знает? Не

нужно ему к Монолиту. Понимаешь? Чего ты пялишься на меня? Выключи калькулятор и включи мозги.

Черт, ненавижу моменты, когда меня прорывает. Говорю много, говорю лишнее. Потом жалею. Всегда. Вот и сейчас хватило одного взгляда на Мунлайта, чтобы пожалеть о сказанном.

На похмельное лицо вернулась уверенная ядовитая ухмылка.

— Ну, понятно, — издевательски протянул Мун. — Супер Радж — защитник бедных, обездоленных, униженных и слабоумных.

Он отвернулся и залпом допил пиво. Пустая кружка шлепнулась на стойку. Мунлайт повернулся ко мне и снова заулыбался, словно придумал нечто гадостное и злорадно потирает лапки.

— Хорошо, — неожиданно легко согласился он, — только сам ему расскажешь, что мы провожаем его домой. Он ведь еще не знает этой сногшибательной новости?

Я покачал головой. Он смотрел на меня с видом заправского садиста и желчно ухмылялся.

— Вот и замечательно. Ты его и просветишь.

7

Мое появление Хлюпик воспринял с энтузиазмом.

— О! Угрюмый. А я уж вас заждался.

Я зыркнул в его сторону, но говорить ничего не стал. Хлюпик стушевался.

— Прости, — промямлил жалко. — Я не хочу по лбу, я все понял.

По лбу я ему давать и не собирался. Но то, что вымуштровался парнишка, уже хорошо. Значит, прогулка будет, считай, увеселительной. Главное, чтоб шел, куда говорят, и не совался, куда не надо. Отведу его к Сидоровичу. Сидорович живет за кордоном, там, где почти уж и зоны нет. Сдам с рук на руки, и нехай свищет отсюда до дому, до хаты в своей сталинской высотке. Нет во внешнем мире ничего такого, что бы нельзя было купить, продав квартиру в сталинской высотке. Так что никаких Монолитов.

Размышляя таким макаром, я выволок из-под койки пару ящиков. Один был заполнен консервными банками и гранатами. Во втором было напихано много всякой всячины. Например, новенькая «беретта».

Хлюпик нависал сверху, норовя заглянуть в ящик. Любопытный, зараза.

— На вот, — сунул я ему ствол. — Подержи. И не маячь.

Получив в руки пистолет, он приосанился и стал с интересом вертеть его в руках. Уловив краем глаза эту картину, я невольно вспомнил, как сам впервые прикоснулся к боевому оружию. Ствол в руке, словно волшебный ключик, открывал что-то потаенное глубоко внутри, добавлял уверенности. Пьянящее чувство. Неповторимое, незабываемое. И весьма опасное, как и любая другая эйфория. Мужик с пистолетом в руке начинает чувствовать себя чуть ли не богом всемогущим. Поддаваясь ложному пьянящему чувству вседозволенности и всемогущества, человек расслабляется, и ага. Говорят, против лома нет приема, пока нет другого лома. Так вот, когда пушка только у тебя одного — это преимущество. Да и то сомнительное, потому как любым стволом надо еще успеть и суметь воспользоваться. А когда стволы у каждого первого, то никаких преимуществ у тебя нет, хоть и кажется, что с пистолетом ты крут, а с «калашом» или «грозой» и вовсе непобедим. Это, кстати, одна из причин, по которой предпочитаю пистолеты. Второе преимущество пистолета перед автоматическим оружием — вес и габариты. Пистолет легче таскать, легче спрятать. Хотя глубоко в зону с одним пистолетом не сходишь. Только я так глубоко не хожу. Мне и поверхностных прогулок хватает.

Поковырявшись в ящике, я выволок свою старую куртку, протянул Хлюпику.

— Надевай.

Тот положил «беретту» на матрас и с сомнением на роже полез напяливать обновку. Я критично оглядел Хлюпика. Мой куртец болтался на нем, как на вешалке. Ну да ничего. Лучше так, чем черт-те в чем по зоне шлендрать. Правда, рукава длинноваты, но это можно подогнуть. Ему не помешает. Чему мешать? Драться он не будет, стрелять тоже. Его задача — топать за мной и не отвлекаться от дороги. Так что сойдет для сельской местности.

Подхватив рюкзак, я побросал туда несколько банок тушенки, несколько РГД и коробку с патронами. Рюкзак привычно устроился на плече.

Ногой отослав ящики обратно под койку, подхватил с тахты пистолет и протянул его Хлюпику.

— Спрячь.

Тот поспешно пихнул ствол за пояс. Да как пихнул! Слава богу, пистолет на предохранителе. А то так недолго и бездетным остаться.

— Аккуратнее, — поморщился я, — и спрячь так, чтоб в глаза не бросался.

— Мы уже идем? — поинтересовался Хлюпик, старательно ныкая «беретту».

Угу. Уже. Я кивнул ему на дверь.

— Выходи.

Мунлайт ждал нас уже за блокпостом. Дождь чуть перестал, может, потому он и позволил себе такую вольность.

Он сидел под деревом, подложив под задницу рюкзак, и жевал травинку. Не иначе совсем мозгов не осталось, раз всякую гадость в рот тянет.

Хлюпик, оценив мое сегодняшнее молчаливое настроение по достоинству, появлению Мунлайта искренне обрадовался.

— Доброе утро, — приветствовал он. — А вы не боитесь?

Мун посмотрел на него с интересом.

— Чего?

— Ну-у-у, — растерялся Хлюпик и кивнул на травинку.

— По фиг, — отозвался сталкер, отрывая зад от рюкзака. Но травинку все же выплюнул.

Парень поглядел на Муна с уважением. Тот вальяжно поднял рюкзак, накинул на плечи, подтянул лямки. Хлюпик наблюдал за ним с интересом. Когда Мун вскинул на плечо внушительного вида автомат, уважения во взгляде неуместного мужичка добавилось еще больше.

— Скоро? — поинтересовался я.

— Готов, как юный пионер. — Мун вытянулся и щелкнул каблуками. Звук получился далеко не таким изящным, как хотелось бы этому клоуну, но он, кажется, вовсе не расстроился.

— Куда топаем? — ядовито любопытствовал Мунлайт.

— Прямо, — сердито ответил я. — Я первый, за мной Хлюпик. Ты замыкаешь.

— Хлюпик? — возбудился Мун, поворачиваясь к пугалу в моей старой куртке.

Тот пожал плечами. Мун усмехнулся.

— Хлюпик. Ха! Давай, шагай. Хлюпик.

Реакции парня я ждать не стал. Развернулся и пошел к дороге. Там, конечно, не шибко хорошо ходить, на открытом-то пространстве, но все лучше, чем по кустам тащиться и псов черныбыльских дразнить. С Муном я бы пошел по кустам. С Хлюпиком на асфальте безопаснее.

Я не оглядывался, но прекрасно слышал, как позади, тяжело сопя, шлепает Хлюпик. А еще чуть дальше идет Мун. Последний в отличие от новичка двигался бесшумно. Ну, во всяком случае, шагов слышно не было. Сам же Мунлайт периодически тихонько похрюкивал. Словно ему в голову стукнула удивительно смешная мысль и он пытался всячески сдержаться, чтобы не заржать.

Увы, долго радоваться тишине не пришлось. Шагов через тридцать сзади послышался тихий голосок Хлюпика:

— А это что за винтовка?

— Это не винтовка, — усмехнулся в ответ Мунлайт. — Это СА «Вал».

— Что совал? — не понял Хлюпик. Мун хохотнул.

— СА «Вал». Специальный автомат. Вернее, он — автомат специальный «Вал», но СА «Вал» звучит смешнее.

— Тяжелый?

— Нет. Килограмма три с магазином вместе. Разбирается легко. И тихий. А в зоне шуметь не надо.

Хлюпик молчал, но делал это как-то подозрительно. А Мунлайта понесло. То ли от такого уважительного молчания, то ли от желания меня подначить. Второй вариант казался мне почему-то более реальным.

— Может, это пунктик, но на оружие в зоне только дурак не заморачивается. Нужно много раз подумать над тем, с чем в зону идти. Это вон Угрюмый с пистолетиком, как дурак, шатается. Но даже он, как видишь, «калаш» с собой прихватил.

Вот ведь разговорился, балабол. И не потому я «Калашникова» с собой прихватил, что в зону иду. И вообще надо будет сдать этот автомат кому-нибудь. Хоть тому же бармену. Бармен, конечно, обдерет, как липку, но я на этот «калаш» тоже не сильно потратился.

— А вообще с Угрюмого пример брать не стоит, — продолжал Мунлайт. — Из него сталкер тот еще. Сам посуди. С барменом кто торгует? Новички, неудачники и Угрюмый. С пистолетом в зону кто лезет? Новички, дураки и Угрюмый. И потом...

Все, хватит. Я резко остановился и развернулся. Хлюпик едва успел притормозить, чуть не налетел на меня. Мунлайт замер сразу. У этого с реакцией все в порядке.

— Автомат специальный «Вал» имеет ряд недостатков, — менторским тоном начал я. — У него не очень высокая для такого оружия эффективная дальность стрельбы. Магазины мелкие. Всего на десять или двадцать патронов. Кроме того, патроны для него хрен достанешь. Для выключения предохранителя надо снимать руку с рукояти. Запор узла глушителя не особенно надежен. Затвор взводится только правой рукой.

Все это я говорил, глядя в глаза Хлюпику, но, если быть честным, тирада была адресована Муну. Тот все прекрасно понял. Стоял и гнусно скалился в мою сторону. Вот зараза. Подколол-таки. А я, дурак, повелся.

— Затвор правой рукой взводить жутко неудобно, — значительно кивнул Мун. — Ага! Жу-утко неудобно. Только мне вот по фиг! Я левша.

— И еще, — добавил я. — Только дураки топчут зону, засоряя эфир пустопорожним трепом.

Рожа Мунлайта расплылась в еще более гадостной улыбке. Зря я это сказал.

Мысленно обругав себя последними словами, я развернулся и потопал вперед. Между лопатками свербило, не иначе Мун в спину пялится и ухмыляется. Сукин кот. С пистолетами в зону только дураки ходят, видишь ли. Глубоко без серьезного оружия я и не полезу. А по свалке шляться, артефакты собирать никакие автоматы на хрен не нужны. Да если из пистолета нормально стрелять уметь, то для свалки лучше моего БП не придумаешь. Разве что зверье из пистолета валить неудобно. Но на это у меня всегда с собой обрез был припасен. Из обреза и попадать не надо. Жахнул пару раз в стаю слепых собак, зверушки и разбежались с перепугу. Пистолета они почему-то не шибко боятся. А от обреза бегут. Жаль только, обрез свой я потерял, пока от Хрипатого с его балбесами драпал. Зато автоматик нашел. Вот похоже с «калашом», потом сдам и новый обрез возьму.

Так ведь не отчитываться же мне во всем этом перед каждым Мунлайтом. Вот дерьмо! Дрянное место, дрянные люди. И шутки с подначками дерьмовые. Вывести отсюда этого дурня. Хлюпика, пока из него тоже дерьмо не попёрло. И самому отсюда слинять. Но это потом. Когда-нибудь. Когда я наконец придумаю, куда сбежать. Куда и зачем.

* * *

В следующий раз Мунлайт подал голос, когда мы вышли на дорогу. Серая полоска асфальта убегала влево и вправо. И просматривалась со всех сторон. Во всяком случае,

скудная растительность по бокам дороги обзору не мешала. Я вышел и остановился, дожидаясь Хлюпика и его говорливого проводника.

— Левое плечо вперед, — злорадно скомандовал Мунлайт, последним выходя на дорогу.

Вот обязательно акценты расставлять? Я посмотрел на сталкера. Тот, довольный собой, лыбился в свою подковообразную бородку. Вот ведь гадюка подколодная.

Окинув взглядом обоих, я повернул налево и пошел так же неторопливо, оставляя за спиной Припять, Чернобыль, АЭС и сказки про Монолит вместе с ними.

Хлюпик, судя по звуку, послушно засеменил следом. Но покорности его надолго не хватило. Хотя к зоне это существо и не было приспособлено никаким боком, но дураком-то он не был. Да и топографическим кретинизмом, как многие городские жители, видимо, не страдал. Во всяком случае, на местности сориентировался верно.

— Эй, — позвали сзади.

Я не остановился, не притормозил и не ускорил шаг. Топал себе и топал. В голове словно метроном включили, и каждый шаг отщелкивался в том же ритме.

— Угрюмый!

Хлюпик нагнал меня, мелькнул сбоку и выскочил передо мной. Идиот. Кто ж так делает в зоне! Но остановиться он меня все же вынудил.

— Никогда не лезь вперед ведущего. — Я постарался придать голосу максимально отстраненную интонацию. Кажется, получилось достаточно спокойно и весомо.

— Угрюмый, куда мы идем? — проигнорировал мою реплику Хлюпик.

— Прямо.

Я попытался обойти его и продолжить движение, но неуместный мужичок оказался на удивление проворен.

— Но ведь Монолит не в той стороне.

— Монолит — легенда.

— И, по легенде, он в четвертом энергоблоке. А четвертый энергоблок совсем в другой стороне, — настойчиво сказал он.

Что ты будешь делать. Я оглянулся на Мунлайта. Тот стоял в сторонке, жевал очередную травинку и с любопытством наблюдал за нашей беседой. Помощи от него ждать смысла не было.

— Ты удивительно наблюдателен. — Я снова попытался обойти его и снова безуспешно.

Черт возьми, ну не драться же мне с ним в самом деле.

— Иди за мной.

— Куда?

Я посмотрел на него и осекся. Слова застряли поперек глотки. Он смотрел на меня, но как! Прямой открытый взгляд. Взгляд упертого сильного человека. Да, он был хлюпиком, да ему здесь нечего было делать по определению. Да, его слепые собаки порвут через три минуты, стоит его только оставить одного. Но, черт подери, человек с таким взглядом не пустое место. Он — человек. В отличие от тех моральных уродов, которыми зона полнится.

Ну, что ты пялишься на меня, хотелось сказать ему. Что ты меня ломаешь? Беги отсюда, пока не поздно. Беги, пока еще человек. Пока у тебя есть что-то там — за кордоном. Беги, маленький неуместный человечек, пока зона не сломала, не переварила, не сделала тебя частицей себя. Каждый сталкер просто кусок радиоактивного мяса. Мы все мечтаем уйти отсюда богатыми и счастливыми, только никто не ушел пока. Наоборот. Мы сидим здесь и жрём друг друга, как пауки, запертые в банке. Сидим и убиваем друг друга. За что? Да ни за что. Кто за артефакты, кто за патроны, кто за оружие, кто за бабки. А кто-то просто так, для собственного развлечения. Каждый, правда, оправдывает себя, дескать, не я такой, работа такая. У вояк служба такая, у сталкеров... тоже служебная необходимость. Но только все это отговорки. А по факту есть куча уродов, растерявших все человеческое, ставших кусочками зоны. Кусочками самого мерзкого места в этом мире.

Скажи я ему это, понял бы он меня? Вряд ли. Да и не умею я объяснять. Все это внутри, чувствую все это. А сказать не могу. Слова все портят.

— Угрюмый, Чернобыль в другой стороне. Я кивнул. Не спорить же с очевидным.

— Тогда почему мы идем в обратную сторону?

— Потому что тебе пора домой. — Слова прозвучали глупо. Глупее не придумаешь. Что я ему, мамка родная, чтоб так разговаривать.

Но его это ни капли не тронуло.

— Мне нужно к Монолиту, — уперто проговорил он.

— Нет, — покачал я головой.

— Мне нужно к Монолиту, — повторил он, не меняя интонации. — И я туда дойду, с тобой или без тебя.

— Без меня ты здесь и ста метров не пройдешь, — честно ответил я.

Хлюпик повернулся к Мунлайту.

— Тогда он меня туда отведет.

Мун посмотрел на Хлюпика, потом на меня и весело подмигнул. Его все это, кажется, просто забавляло. Я стиснул челюсти, скрипнули зубы.

— Он один тебя не поведет. И никакой дурак с вами к Монолиту не попрется.

Пискнул ПДА, сообщая о доставленном сообщении. Я проигнорировал, не до того. Через секунду пискнуло у Муна. Тот сплюнул травинку и полез ковырять наладонник.

Я уставился на Хлюпика:

— Поверь мне, парень, тебе не надо сюда. Ничего хорошего тут нет. Это дерьмовое место, в котором собрались дерьмовые люди. Потому лучший для тебя выход — топать домой.

— Слушай. — В глазах Хлюпика полыхнуло так, что другой на моем месте вздрогнул бы, голос его звучал теперь холодно и резко. — Я плачу деньги. И мне плевать, кто и что тут думает. Мне нужен Монолит, и все. Если ты человек, помоги мне просто по-человечески.

— Нет тут человеческого, — буркнул я. — Дерьмо здесь одно. И я дерьмо.

— Тогда, — спокойно закончил Хлюпик, — бери деньги и веди куда просят.

Я стиснул челюсти до скрежета зубного. Челюсть едва не свело судорогой. Пальцы сжались в кулаки, царапая ногтями ладони. Ей-богу, риторика — не мой конек. Самый простой выход из ситуации был двинуть Хлюпику в торец, чтоб отключился, и отволочь его к Сидоровичу, пока в себя не пришел.

— Хорош базарить, — вклинился Мунлайт. — Задрали. Пошли уже.

Он убрал ПДА, вскинул «Вал» и пошел в сторону от дороги.

— Куда? — не понял Хлюпик.

Меня этот вопрос интересовал не меньше.

— На еврейские вопросы армянское радио не отвечает, — отозвался Мун. — У тебя оно тоже пиликало.

Я вытащил свой ПДА и кинул взгляд на экран. Просьба о помощи была краткой и отчаянной. Такими записками в кино слезы из зрителей выжимают. Вот только я не впечатлительная киноманка и здесь не кино. Хлюпик пялился в мой наладонник через плечо. Интеллигенция драная, неужели не учили чужие письма не читать.

Мунлайт стоял в ожидании, пока я изучу депешу. Я поспешно сунул ПДА в карман.

— Это не мое дело, — покачал головой.

— Сука ты. Угрюмый, — фыркнул Мунлайт. — Сегодня их бандюки прижали, завтра тебя прижмут. Попросишь о помощи...

— Не попрошу, — перебил я. — Я никому не помогаю и никого ни о чем не прошу.

— Ну ты нах, — брезгливо отмахнулся Мунлайт и потрусил прочь, не оборачиваясь.

Да и хрен с ним. Выведу Хлюпика отсюда и один. Раз все всё знают, то толку от Муна мне никакого. Обойдусь.

— Идем, — повернулся я к Хлюпику.

— Куда? — отстранился тот.

— Прямо.

Препираться еще и с ним мне совсем не хотелось. Не дожидаясь ответа, я зашагал в сторону кордона. Пока можно еще немного идти по дороге. Потом либо обходить стороной блокпост, либо пихать взятку военным. Если правильно пихнуть, возьмут. Проверено.

Мысли были вполне трезвыми, но что-то тревожило. Что? Я прислушался к ощущениям внутри и окружающему снаружи. Сзади было тихо. Шаркающих шагов Хлюпика не было слышно. Вот что было не так.

Я обернулся. Хлюпика за спиной не было. И на дороге его не было. Его фигурка бежала в сторону от дороги и была уже довольно далеко. Далеко от меня. И далеко от Мунлайта, который успел учесать вообще невесть куда.

Все слова, которые пришли мне в этот момент в голову, были нецензурными. И я от души выматерился. И если кто спросит, о чем я тогда думал, объяснить я не смогу. Риторика — не мой конек.

Перехватив автомат поудобнее и не переставая ругаться себе под нос, я пошел обратно. Очень быстро. Почти бегом. Почти, ведь в зоне не бегают.

8

Вопли о помощи шли от брошенного ангара. Того самого, возле которого я еще вчера столкнулся с Хрипатым. Место довольно гадостное, хотя где это в зоне другие места? Ангар отличался тем, что не принадлежал никому. А по старым допотопным законам моего советского младенчества все то, что не принадлежит никому, принадлежит всем. В оригинале, правда, наоборот, но от перестановки мест слагаемых...

Короче говоря, в ангаре периодически зависали все, кому не лень. Одиночки-сталкеры, группы сталкеров, бандиты. Периодически сюда наведывались и вояки, когда стрельба у ангара превышала критический предел децибел и становилась более чем заметной.

А стреляли здесь всегда. Дня не проходило, чтобы возле ангара не завязывалась какая-нибудь заваруха.

Когда я догнал Хлюпика, тот уже достиг забора, огораживающего ангар, и чесал вдоль него направо. Мунлайт, за которым он туда перся, благополучно исчез за углом, откуда неслись выстрелы.

Догнал я его вовремя. В полутора десятках шагов от него знакомо дрожал воздух. Если б у меня или у него был датчик аномалий, он бы уже захлебнулся истеричным писком. Только мне датчик не нужен. Я шесть лет зону топчу, он у меня уже встроенный. А Хлюпик... Ну, откуда у Хлюпика датчик?

— Стой, — рявкнул я.

Каким бы строптивым он ни был, а послушался мгновенно. Не то мозги сработали, не то эффект неожиданности.

— И, если хочешь жить, не двигайся.

— А что? — насторожился он.

Я подошел сзади, молча повернул его башкой в нужном направлении и ткнул пальцем в сторону аномалии.

Хлюпик вздрогнул. Проняло наконец. Ничего, в другой раз не полезет куда не просят без моего разрешения.

— Это что?

Задержись тут Мунлайт, непременно сказал бы ему что-нибудь эпохальное, вроде: «Сунь пальчик, будет зайчик».

— Это аномалия? — забормотал Хлюпик. — А как же Мунлайт прошел?

— Обошел. Иди за мной.

Я развернулся и пошел вдоль забора влево. Хлюпик шкандыбал сзади.

— А как же...

— Там есть другие ворота, — не дал я закончить вопрос.

— Но Мунлайт... — снова попытался он.

Не стоило ему меня доставать. Я остановился, развернулся и коротким справа засадил ему в ухо. От неожиданности парень отшатнулся, не удержался на ногах и полетел на землю, по дороге шкрябнувшись виском о бетон забора.

— Если хочешь, — холодно сообщил я, — можешь бежать за ним, влетать в гравитационную аномалию. Это ее так по-научному зовут. Но тебе это все будет уже до лампы. Тебя порвет на запчасти, а я со спокойной совестью пойду выпью водочки и лягу спать. Усек?

Он сидел на земле и зло зыркал на меня, держась за ухо. Оглушил его мой удар, что ли? Хотя, если по видимым последствиям судить, виском по забору он проехался сильнее, чем от меня схлопотал.

— Усек, — сердито отозвался Хлюпик.

Я протянул ему руку. Он покосился на нее, но помощью не воспользовался. Поднялся сам. Выглядел он теперь еще хуже, чем утром. Штаны в грязи, куртка в белых от забора разводах, на виске кровавая ссадина.

— Пистолет где? — спросил я.

Хлюпик сунул руку за пояс, злобно-обиженную гримасу с его лица сдуло в одно мгновение. Вид у парня сделался растерянным и несчастным.

— Потерял, — пробормотал он. Твою мать! Вояка.

— Исусик, — фыркнул я. — Чип и Дейл спешат на помощь. И чем ты тут помочь собирался без оружия? Помощничек.

Он окончательно стушевался. Я вынул БП, снял с предохранителя и протянул Хлюпику.

— Пользоваться умеешь?

— В тире стрелял, — промямлил он. — В парке Горького.

Зашибись! Я посмотрел на его несчастную рожу и сдержался от вертящейся на языке тирады.

Я перевел «калаша» на одиночные и заскользил вдоль забора. Хлюпик поспешал за мной, стараясь идти тихо, насколько это было в его силах.

— Держись рядом. Не высовывайся. Из-за моей спины не стреляй. Цепанешь меня — пристрелю на месте.

Я остановился и оглянулся. Парень преданно смотрел мне в глаза. Кокер-спаниель, едренать!

— И если потеряешь этот, считай себя покойником, — безжалостно припечатал я, кивнув на любимый БП.

Их было двое. Стрельба постепенно перемещалась на тот край ангара, от которого я уводил своего безбашенного спасателя. А здесь, у ворот, осталось всего два уroda. Не знаю, оставляли их на стреме или в арьергарде, так или иначе оба чувствовали себя явно в безопасности. Расслабились. А расслабляться в зоне нельзя. Не знают этого только новички-дурачки. Знают и игнорируют новички-фраера. И те, и другие долго не живут.

Пригляделся. Один с укороченным «калашкиным», второй — с МР-5. Паршивый автоматик. Полностью соответствует своей гадской кликухе — «Гадюка». Впрочем, чтобы его так называли, я лично слышал только здесь, в зоне. Кто придумал гадскому автомату это гадючное погоняло?

Я отклонился от угла забора и пихнул Хлюпика. Тот открыл было рот, но демонстрация моего кулака оказалась достаточно красноречивой, чтобы отбить желание трепать языком. Это хорошо. Обойдемся без слов.

Указательным пальцем ткнул ему в грудь, после указал на трубу. Хоть и без слов, но достаточно вразумительно. Не понял бы только олигофрен. Хлюпик дауном не был.

Наблюдать, как он ползет к трубе, оттопырив задницу, было смешно. Хотя человек в здравом уме в подобной ситуации даже не подумал бы искать что-то смешное. Но то обычный человек в обычном мире. А тут — зона. Чувство юмора у сталкеров сродни черному юмору кументов и патологоанатомов.

Хлюпик дополз до трубы, распластался и оглянулся. Осторожно, не поднимая головы. Знаков он не подавал, но на роже было написано: «Дальше что?»

Хорошая игра — молчанка. Чем меньше слов, тем больше понимания. Вот дашь один раз по морде, и все ясно. А говоришь полчаса, и, кроме нервотрепки, никакого толку.

Я опустил на землю и по-пластунски двинул к трубе. Добравшись до Хлюпика, повернулся и молча выставил руку ладонью вперед. Стоп. Парень дотумкал, что лезть за мной ему не надо. Во всяком случае, когда я оглянулся, откатившись чуть в сторону, он покорно валялся там, где я его и оставил. Вот и славно. Я вынырнул из лямок, бросив рюкзак там же, рядом с Хлюпиком, и заработал руками.

Земля размокла. Под брюхом чавкало мерзкой холодной грязной кашей. Ползать во всем этом — удовольствие ниже среднего. И кой черт меня сюда понес? И зачем? То есть за чем — понятно, за Хлюпиком. Только кто мне этот Хлюпик? Никто. И в честь чего я решил его отсюда вытаскивать и душеспасением заниматься? Меня никто не спасает. На меня всем насрать. И Хлюпику этому, такому человеческому, тоже. И он для меня никто, и я для него никто. Он меня и за человека-то не держит. Он сюда, как на базар, за проводником пришел. И Угрюмый для него — товар. Сторговался по сходной цене — и вперед. Не сторговался, сразу гонор показывать. Дескать, какого рожна ты, Угрюмый, из себя человечка корчишь, решаешь чего-то? Тебе, Угрюмый, платят, вот и пляши, как дудят. А твое человеческое всем до одного места. Дерьмо!

Труба кончилась. Я осторожно высунулся, кувыркнулся за бетонные блоки. Снова высунулся. Не заметили. Не ждут они здесь никого, тем более меня.

Я приподнялся и на полусогнутых затрусил дальше. Прячась за бетонными блоками, трубами и кустами, обогнул пятачок, на котором вчера пристрелил Хрипатого. Когда добрался до дальнего края полянки и присел за деревом, сердце уже готово было проломить ребра.

Осторожно высунул нос из-за дерева. Хотя можно было уже не прятаться. Трубы и бетонные блоки остались по правую руку. Где-то там далеко впереди и справа притаился Хлюпик. Прямо передо мной метрах в трехстах был забор. А по левую руку в этом заборе были ворота к ангару. И около ворот оставались два колдыря. Только ни им меня, ни мне их видно не было. Между нами возвышались брошенные здесь невесть кем неизвестно когда сцепленные между собой вагоны. От рельсов с вагонами слева меня отделяла теперь узкая дорожка.

Встав в полный рост, я неслышно метнулся к составу. Обогнув его, заскользил вдоль вагонов с другой стороны.

Я подкрался к ним почти вплотную. Я видел их. Они меня нет, а я их видел. И они были беспечны. А это смерть. Зона беспечности не прощает, и мы с ней в этом солидарны.

А дальше все было хладнокровно, на автомате. «Калашников» — на одиночные.левой перехватить автомат на изготовку, поудобнее. Хотя левой всегда неудобно. Но нож я левой руке не доверю.

Правая легко скользнула на пояс, расстегнула ножны. Пальцы стиснулись на прорезиненной рукояти. Я потянул нож, и тот легко вышел из ножен. Скорее по инерции взвесив его на руке, я подкинул клинок, перехватывая удобнее.

Глубокий вдох. Раз, два...

Три! Повинуясь собственной беззвучной команде, я выскочил из-за вагона и метнул нож. Лезвие сверкнуло и ударило точно в цель. Тот, что был с МР-5, дернулся. Левая его метнулась к горлу, стиснула воздух, так отчего-то и не дотянув до рукояти. А вот автомат из правой он так и не выпустил. И хотя МР-5 ткнулся носом в землю, палец ее хозяина заклинило на спуске. Автомат задергался, давая длинную очередь и уводя за собой мертвого уже хозяина. Тот повалился на землю. МР-5 в его руке умолк. И хотя вся очередь ушла в грунт, укусить эта змея успела.

Второй бандит, стоявший ко мне спиной, метнулся в сторону. Разворачиваясь, дал короткую из «калаша».

Все это произошло настолько молниеносно, что выстрелить я не успел. Надо тренировать левую. Сколько раз зарекался. Первый раз еще в школе. Тогда хотел научиться писать левой так же, как и правой. Тело на рефлексх понеслось в сторону и вниз. Я рухнул на землю. Перехватил автомат уже обеими руками и выстрелил. Но было слишком поздно.

Хозяин укороченного «калаша», в отличие от хозяина МР-5 оказался проворнее, а может, удачливее. Так или иначе, он успел отбежать за прикрытую проржавевшую воротину.

Как лежал, я перекатился обратно к вагону. Плечо уперлось в рельс. Я взял створку ворот на мушку. Пусть только высунется. Второго шанса сбежать я ему не дам. Если только он по-прежнему сидит за створкой ворот, а не бежит сейчас по внутренней территории к своим.

Выстрелы и крики с дальнего конца ангара стали громче и интенсивнее. Неужели и впрямь к своим дернул. В груди екнуло — вдруг я ошибался. Но уже в следующую секунду я понял, что расчет был верным и мой противник все еще тут. Что-то мелькнуло на высоте человеческого роста, а потом метнулось в сторону. Я выстрелил. Возникший в проеме между створок ворот ящик брызнул щепой и, сменив траекторию, полетел назад и вниз. А там внизу от одной створки к другой покати́лся враг, выпуская очередь из автомата.

Я прижался к рельсу. Сверху задребезжало металлом по стенке вагона. Неприятный звук. Я приподнялся на локте. Противник промазал — это плюс. Но опять ушел — это минус. И упустил его сталкер Угрюмый, который полминуты назад обещал себе не дать противнику ни единого шанса. Вот тебе мудрость — не хвались, на рать идучи. Будь здесь Мунлайт, наверняка бы хихикнул и добавил: «А хвались, идучи срати». Только Муна здесь не было. Он был где-то по другую сторону ангара. Если жив еще.

Противник снова показался из-за створки. На этот раз он решил быть агрессивнее и начал с очереди из «калаша». Пропустив ее над головой, я выстрелил на опережение, но дернувшийся было вперед ублюдок вернулся обратно за правую створку.

Гранату бы. Вот только нет гранаты. Звякнуло металлом по металлу. Я рефлекторно вжался в землю. В следующую секунду пришло понимание, что выстрел был чересчур тихий, одиночный и не в мою сторону, а... Вторая пуля шкрябнулась по створке, за которой притаился мой счастливый обладатель короткого «калахана». Я повернул голову. К воротам, совершенно не таясь, вдоль бетонной стены забора перся Хлюпик. На плече его болтался мой полупустой рюкзак, а в правой он держал БП. По-идиотски держал, на вытянутой прямой руке.

Твою мать. В парке Горького, значит...

Третья пуля из БП шваркнула по ржавому железу. Не знаю, сыграло ли это какую-то роль или мой супротивник просто сглупил...

Он снова появился в трехметровом зазоре между створками. Причем на этот раз рванулся без пугалок, швыряния ящиками и стрельбы. Я нажал на спуск. Чавкнуло. Он кувыркнулся на землю, лицом вниз. Впрочем, как он пропахал носом землю, я уже не видел — это было за левой створкой. Но оставшиеся торчать в проеме ноги, замершие без движения, говорили о многом.

Я поднялся и направился к труп с МР-5. Шарить по карманам я сейчас не собирался. Не до того. А вот нож свой забрать не мешало бы.

Хлюпик был еще далеко. Шел не таясь, как у себя дома. Идиот. Я повернулся к нему спиной, закрывая собой мертвое тело, и выдернул нож из горла трупа. Тело дернулось назад, когда лезвие освободилось. Перевернув труп на бок, я обтер клинок о куртку мертвяка. Нож убирал уже на ходу, торопясь подальше отойти от мертвого тела. Устраивать Хлюпику с трупом смотрины в мои планы не входило. Черт знает, как он на негоотреагирует. В смысле Хлюпик на трупака. У мертвяка-то теперь на все одна реакция.

— Зачем приперся? — сердито спросил я.

— Подумал, помощь нужна, — отозвался он, тревожно вслушиваясь в отдаленную стрельбу и крики.

— Помощи от тебя, — фыркнул я. — Стрелок из парка Горького.

— Что, совсем плохо?

Я дернул с него свой рюкзак. Плохо... Дать бы тебе по башке, чтоб слушал, чего говорят.

— Руку прямой не держи. Чуть в локте сгибай.

Я продемонстрировал ему слегка согнутую в локте руку.

— Левую под запястье правой.

— Зачем?

— Чтоб упор был. И не трать патроны зря. Чего ты по воротам стрелял?

— Думал, вдруг пробьет. Они же ржавые... Пробьет. Ага. Нашел себе гаубицу, стальные листы насквозь шить. Это ж не калитка от садового участка. Нормальные советские ворота. На века.

— А потом, это, наверное, страшно, — добавил он как-то отстраненно. — Ты сидишь за воротами, а по ним стреляют. Неизвестно кто... неизвестно откуда.

Психологическая атака. А Хлюпик мой — генерал Капель. Не иначе.

— Пошли, — распорядился я. — Вперед не лезь. Ствол наготове. Когда я впереди, не стрелять. Шмальнешь, когда я на линии огня буду, и это будет последнее, что ты сделаешь в своей жизни.

9

Между воротами и ангаром было чисто. Стрельба шла внутри. Причем с другой стороны от нас. Хлюпик ежился у меня за спиной. Бесстрашный спасатель никак испугался. С чего бы вдруг... Ах да, труп у ворот валялся. До того все на игру было похоже, а сейчас покойника увидел, и все мысли о том, что здесь как на площадке для страйкбола, закончились. Ничего, это ты еще зону не видел, салага.

А может, и хорошо, что сюда сунулся. Глядишь, бредни про Монолит из головы выкинет. Если отсюда живым уйдет.

Я прижался к груде ящиков. Жестом велел Хлюпику оставаться на месте. Взгляд забегал по окрестностям в поисках другого укрытия. Выбрав, за чем бы спрятаться, я быстро пересек открытое пространство. Никого.

Хлюпик подался было вперед, но я остановил его жестом. Пусть ждет. Нечего ему пока вперед лезть. Подобное пренебрежение явно не вызвало у него восторга, но настроения Хлюпика меня сейчас трогали в последнюю очередь.

В ритме вальса я задвигался от одного сомнительного укрытия до другого. Расстояние от ворот до входа в ангар было не таким маленьким. Особенно если из-за каждого угла ждешь выскакивающего упыря при оружии.

На удивление, больше здесь никого не было. Тылы и в самом деле прикрывали два притырка, так и не разжившиеся за свою недолгую безрадостную жизнь серым веществом.

Последний рывок, и я оказался возле дверей ангара. Внутри было темно. По другую сторону огромного помещения шла ожесточенная перестрелка. А ведь сталкеры, схлестнувшиеся с бандитами и просившие о помощи, тоже не шибко умные. Кто мешал разделиться на две группы и одной держать позицию, а второй обойти кругом и пострелять бандюков в спину? Просто вселенское скудоумие. И кой черт меня сюда принес? Двое дерутся, третий не мешает. Тем более зачем лезть в драку и спасать одних идиотов от других. Идиоты все равно долго не живут.

Прижавшись к стене, я скользнул внутрь. Хоть за выстрелами, приправленными трехэтажной матерщиной, и не слышно, старался двигаться тихо. Обходить проще левой стороной. Справа окна. Какой-никакой, а источник света.

Шаги выходили практически беззвучными. Главное, ни во что не вляпаться. И в проеме не светиться. Потому я придерживался стены. Аномалий не боялся. Если здесь прошла и схлестнулась такая толпа, значит, чисто. В противном случае следы контакта человека с аномалией уже были бы заметны.

Стараясь следить за тем, что под ногами, я чуть не нарвался на него. Он сидел в нескольких шагах от меня за контейнером и вылавливал кого-то в прицел. Выдавать свое присутствие сейчас в мои планы не входило, и я отшатнулся в сторону.

Он не заметил. Не успел. Вот только теперь нас разделял один контейнер, а про остальных бойцов, которые были сейчас врагами, и их местонахождении я ничего не знал. Отступать? Смысл ходить туда-сюда. Зайти со спины и кончить его. Да, пожалуй. Только если рядом окажется еще пара-тройка друзей моей жертвы, то покойником стану я. Угрюмый вам не супермен, чтоб рубить всех в мелкий винегрет. Значит, нужно знать точно месторасположение противника.

ПДА я выключил еще на подходе к ангару. Выключенный наладонник — лучшая маскировка. Включу его сейчас и сразу стану всем заметен. Это минус. Но есть и плюс. Я увижу всех, кто есть в ангаре.

Решение пришло само собой. Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Привалившись спиной к холодному металлическому боку контейнера, я правой взял на изготовку автомат. Левая нырнула в карман. Управляться с ПДА одной рукой я наловчился давным-давно. Это только поначалу кажется сложным. С практикой хитрая наука становится довольно простым навыком.

Засветился экран. Я включил карту, оценивая ситуацию. Позитивно. Силы теперь уже примерно равны. Мунлайт еще жив. А с той стороны контейнера всего один человек. Повезло...

Вот сколько раз зарекался не произносить это слово в зоне. Везение кончилось в ту же секунду, когда в голову пришла крамольная мысль. Сперва чуть затихли выстрелы, и практически одновременно с этим запищал новым сообщением ПДА.

Можно было надеяться, что этого писка никто не услышал, вот только чувак по ту сторону контейнера вряд ли был глухим. Я поднялся на ноги и спиной начал отступать к предыдущему контейнеру, что остался позади.

Все остальное делалось уже на ходу. Прежде чем вырубить предательский наладонник, я кинул беглый взгляд на экран. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ухватить смысл короткого сообщения.

Твою мать! Пальцы сделались непослушными. В кнопку выключения попал со второго раза, а ПДА в карман упихал и вовсе с третьего. Движения стали нервными, неточными, а это раздражало, от чего нервов поприбавилось. Спокойствие, только спокойствие, как говорил один персонаж одного мультя, застрявшего в голове еще в глубоком детстве. Глубокий вдох. Раз, два, три...

Я отступил за контейнер как раз вовремя. Секунда — и по железному углу моего укрытия прошла очередь. Как раз там, где только что стоял. Не поворачиваясь к врагу спиной, я продолжал пятиться, чувствуя себя крабом. Во всяком случае, драпал я задом наперед с той же поспешностью и глазами по сторонам шнырял, только в путь.

Убегать не стыдно. Если кто-то считает это трусостью, пусть утрется. Стыдно проигрывать поединок. А двигаться во время поединка не зазорно в любых направлениях. Это еще партизаны доказали лет двести с лишним назад, воюя в российских лесах с французами, плюя на все правила ведения войны с высокой колокольни. А для того, чтобы выиграть в этой стычке, сейчас надо было бежать.

Я дал короткую очередь, ни в кого не целясь. Так, для остротки. В ответ робко затрещало, но так же поспешно захлебнулось. Только теперь я позволил себе развернуться и побежать. На ходу вытащил ПДА. Включил. Мельком глянул на карту. За мной двигались двое. Но делали это не спеша, с опаской. Это правильно. Бояться — значит уважают.

Уже почти у самого выхода я притормозил и оттарабанил короткое сообщение Мунлайту. В одно слово: «Уходи!» Наладонник пискнул, сообщая о доставке. И я выбежал на свежий воздух.

Стоило только мне появиться в проеме входа, как изнутри ангара застрекотали автоматы преследователей. А чего еще ждать? По силуэту на свету из темного помещения не стрелять — грех.

Дав очередь по одной из вспышек в темноте, кинулся на землю. Попасть я не рассчитывал. Да и наивно было предполагать, что я в кого-то попаду. Только если по очень большой дури с очень большим везением. Рассчитывать на дурь и везение не по мне.

Упал, перекатился. Из темноты ангара снова застрекотало. Слева. Затем справа. И еще раз слева, но уже ближе. Ничего, братцы-кролики, недолго вам осталось. Я отполз за ящики. Выбрал следующий перевалочный пункт и дал деру.

Стрельбы больше не было. Скорее всего, меня сейчас не видели. Этим надо пользоваться и быстрее уходить, пока те двое не вышли из ангара. Словно прима-балерина, я начал вытанцовывать от одной точки к другой.

В зоне много мест, где абсолютно посторонние предметы раскиданы в совершенно непредсказуемом порядке. Я не про глубины зоны, где всякая нечисть, вроде бюреров, выстраивает из всяческого мусора алтари. И не про лабиринты, натасканные хитрозадыми кровососами. Хотя и говорят, что у кровососов интеллект отсутствует, но я слышал про них разные истории, и некоторые известный тезис опровергали. Но я не об этом. Я о менее диких местах. Вот у того же ангара чего только не валяется. Трудно сказать, когда это побросали, в 86-м после первого взрыва, или в новом веке после второго, но люди бежали отсюда, побросав все. Иногда подобная небрежность спасала жизнь, давая укрытие в самом неожиданном месте. Правда, иногда не тебе, тогда для тебя в самом неожиданном месте обнаруживалась очаровательная засада. И это не исключение — правило. Помимо честных стalkerов, честность которых тоже весьма относительна, здесь полно всякого отребья.

Хлюпик ждал там, где его и оставили, но выглядел паршиво. Словно собака, которую хозяин посадил на цепь и ушел неизвестно куда. Разве что не скулил с тоски.

— Что там?

— Уходим.

Я прошел мимо. Обернулся. Он смотрел на меня насупившись, но с места не сдвинулся.

— Я пришел сюда не для того, чтобы уходить. Мы же на помощь шли.

Ответить ему не успел. Краем глаза уловил движение за дальней баррикадой из ящиков. Тело, повинуясь рефлексам, дернулось вперед прежде, чем мозг успел до конца осознать причину. Схватив Хлюпика за плечи, я буквально завалил его за ящик, уходя с линии огня. Вовремя.

На этот раз очередь была длинной. Противник был уверен, что застал нас врасплох. Дудки. Перебьется.

Хлюпика трясло. Он смотрел на меня выпученными глазами и молча открывал и закрывал рот. Помощничек. Одно слово — хлюпик. И какого ж я за ним сюда поперся!

Присев на колено, я высунулся из-за ящика и дал очередь в ответ. А то слишком самоуверенно поперли, пусть знают, что они не охотники, а тут не безмозглая жертва.

— Цел?

Хлюпик кивнул.

— Через пять-десять минут здесь будут военные. Они сюда в стрелялки играть не полезут. С вертолетов все распахнут, остальных потом добьют. Хочешь жить — уходим. Нет — хрен с тобой.

Я еще раз отклонился в сторону и дал очередь. Так, на всякий случай, и чтоб припугнуть малость. И бандитов, и Хлюпика. Да, давно так бездарно патроны не тратил.

— Бежишь до ворот. Уходишь за левую створку. Я прикрою. Дальше ждешь. Без меня ни шагу.

Я поднялся в полный рост и кивнул: — Ну!

Рык возымел-таки действие. Плохо соображающий Хлюпик на полусогнутых потрусил к воротам. Я высунулся из укрытия, но реакции с той стороны не последовало. Обходят, что ли.

Я обернулся. Хлюпик доковылял до ворот и скрылся за ржавой створкой, которую еще недавно глупо расстреливал из пистолета. Теперь и мне пора.

Сердце колотилось с маниакальным упорством, хотя особых физнагрузок я ему не устраивал. Нервишки, Угрюмый, нервишки. Глубокий вдох. Раз, два... три!

Я взял высокий старт и побежал к воротам. В проеме между створками задержался и дал прощальную очередь. Мимо Хлюпика промчался, уже снижая скорость.

— За мной, — бросил не оглядываясь. — След в след.

— Х-хорошо, — как-то странно заикнулось сзади. Не прошло и года, он послушался. Не иначе слепые собаки в зоне передохли.

Полянку, на которой за последние сутки мне довелось стрелять дважды, я пересек быстрым шагом. Дальше пришлось идти осторожнее.

— А Мунлайт? — донеслось сзади. — Мы его бросили?

Кажется, Хлюпик начал приходить в себя.

— Не бросили. Я ему написал, чтоб уходил, — буркнул я.

Надоело все объяснять. Чувствую себя не то как оправдывающийся в чем-то, не то как нянька в детском саду. И то, и другое ощущение не из приятных.

— А если он не уйдет? Вот упертый.

— Значит, дурак, — бросил я. — Но...

Я остановился и резко обернулся. Хлюпик по инерции чуть не ткнулся мне носом в грудь.

— Еще одно «но» или «если», — вкрадчиво произнес я, — и я тебя убью. Ты понял? Есть что сказать по делу, говори. Нет — не загаживай эфир.

Он кивнул. Я посмотрел ему в глаза. Большие, глубокие. И лицо с тонкими интеллигентными чертами. И выражение на лице... Нет, он не боялся. Его оглушило непривычной обстановкой, он растерялся, он робел меня. Но страха в нем не было ни капли. Так и не решив, злиться дури или завидовать бесстрашию, я пошел дальше.

* * *

В расчетах я ошибся. Прошло меньше десяти минут, хотя, когда я говорил Хлюпику про пять-десять, рассчитывал на запас в десять-пятнадцать. Сначала вдалеке послышался знакомый рокот. Нарос, вошел в силу, пока не обнаружил свой источник двумя приближающимися вертолетами.

Здесь вертолетов я не боялся. Во-первых, за деревьями нас не видно. Во-вторых, два дурака не такая интересная мишень, как два десятка дураков. Хотя ловил я как-то волну скучающих военных. Судя по разговорам, погонять глупого сталкера и расстрелять его с вертолета — развлечение для них будничная. Так что, когда вертолеты пролетали над головой, я остановился. Зачем лишний раз отвечивать?

Машины, посветив матовыми крашеными днищами, прошли в сторону ангара. Сейчас начнется. Шагов через двадцать сзади донеслись звуки «зачистки». Усмехнувшись собственной проницательности, я прибавил ходу.

Но далеко мы уйти не смогли. Сглазил я свою удачу на сегодня. Впереди неторопливо шли трое военных. Они не спешили, перекидывались шуточками, судя по смешкам, потому что разобрать слова с такого расстояния было невозможно.

Я остановился, пригляделся. В поле зрения появились еще двое. Потом еще... На седьмом я перестал считать и ринулся назад со всей возможной прытью. Хлюпик некстати оказался под ногами.

— Назад, — жутким шепотом скомандовал я ему.

На этот раз обошлось без препирательств и вопросов. Хлюпик повиновался, отступил, пропуская меня вперед, и засеменил рядом.

Лезть в драку с семью военными, а их, может, и больше, да еще пара вертолетов, бесполезно. Тогда уж проще сразу застрелиться. Подкупить кого в полевых условиях тоже нереально. Это на блокпосту можно взятку пихнуть в свободно конвертируемой валюте. Здесь боевые действия, никто даже близко меня не подпустит. Шарахнут сразу на поражение. Куда деваться? Обратно к ангару? Самоубийство.

Выход был только один. Правда, он тоже походил на самоубийство, но другого все равно нет.

— Быстрее, — поторопил я Хлюпика, увеличивая скорость.

Чего-то меня на слова потянуло, хоть он и не отставал. Нервы. Я глубоко вдохнул.

Шагов через пятьдесят свернул в сторону и нырнул в кусты. Хлюпик, как и было велено, топал за мной след в след. Невидимый за кустами провал открытого люка зиял черной дырой. Я опустился на колени, глянул в пахнущую гнилью темень.

Как соединялись здесь между собой подземные коммуникации, не знал, наверное, никто. Отдельные герои составляли карты каких-то фрагментов. И только.

Ржаво-коричневая крышка валялась рядом. Кто и когда последний раз спускался в этот люк?

Хлюпик глядел на меня заворуженно. Я отпрянул от провала люка и кивнул ему на зияющий чернотой колодец.

— Лезь.

Парень поежился. — А ты?

— Я следом.

Хлюпик помялся. Пихнув за пояс пистолет, который все это время стискивал в руке, как утопающий соломину, полез вниз. Я догадывался, что это будет шумно, но не думал, что настолько. Каждая ступенька несчастной вертикальной лестницы лязгала под его небогатым весом, словно бы по ней полз не один, а десяток Хлюпиков. Наконец снизу влажно чавкнуло.

Он добрался до земли, и там мокро. С этой сногшибательной мыслью я полез в колодец. Когда макушка моя поравнялась с краем люка, в голову пришла идиотская мысль: «Надо закрыть за собой люк».

Впрочем, она пропала так же молниеносно, как и пришла. Колодезная крышка весит столько, что мне ее и до люка не дотащить. А если и дотащу, то при попытке прикрыть ее за собой без пальцев останусь — к гадалке не ходи. Да и не найдет нас тут никто, а если и найдут, то в люк не полезут. Разве что дадут пару очередей вслед, коли патронов много.

Кружок открытого люка уменьшился далеко наверху. Хотя я старался на него не смотреть. Глядел вниз.

Света совсем не осталось. В крошечной темноте было жутко. Хватаясь по очереди то одной, то другой рукой за шершавые прутья ступенек, я спускался все ниже, пока задница не уперлась во что-то твердое... подвижное... Сдавленно ойкнул Хлюпик, и твердое-подвижное отодвинулось в сторону.

— Ты можешь под ногами не путаться? — сердито спросил я у темноты.

— Извините, — отозвалось тошнотворно интеллигентное.

10

Я сидел на корточках на голом бетонном полу колодца. Спинай прислонился к стене, голову запрокинул, глаза закрыл. Вокруг было тихо. Только вода под ногами журчала, спускаясь с правой стороны коридора и убегая в левую. Ручеек оказался мелким, не доставал и до шнуровки ботинка, но раскинулся чуть ли не на всю площадь подземного коридора.

Темнота. Тишина. Вода журчит. Мысли идут неспешно, спокойно. Мышца на руке перестала дергаться. Красота. Может, это и есть моя мечта? Тишина и покой? Вот сейчас засну и никогда больше не проснусь. Тело так и останется сидеть у стены угрюмым монументом, потом усохнет. Со временем тлен и остатки разложения унесет вода, смочет, как все гадкое и гнилое, что было в моей жизни. Останется только скелет. Стержень. Он будет худ, крепок и непоколебим. И он будет угрюмо таращиться пустыми глазницами в противоположную стену, словно пытаюсь найти там смысл бытия. А смысл, как всегда, укроется. Зато эти уставившиеся в стену кости будут полностью соответствовать моему погонялу.

Но самое главное, что все это останется здесь, среди сумасшедшей зоны, сумасбродного мира. А я буду где-то или нигде не буду. Но мне будет тихо и спокойно.

— Кхе-кхе...

Как же! Будет мне тихо и спокойно. Размечтался!

Я открыл глаза. Хлюпик покорно сидел рядом и играл фонарем, который я вручил ему первым делом, как спустился вниз. Фонарь — не пистолет. С ним, пожалуй, немного безопаснее.

Лучик фонарика вяло гулял по стенам, но Хлюпику явно было скучно. Он напоминал сейчас ребенка, которому взрослые обещали поиграть, но вместо этого сунули игрушку, а сами уселись скучные разговоры разговаривать. А ребенок, наигравшись с игрушкой, с которой и играть-то не хотел, не выдержал и решил привлечь к себе внимание единственным доступным, хоть и наивным, способом.

Реакция была столь же наивной и предсказуемой, как у того ребенка. Стоило мне только чуть пошевелиться, это уже было воспринято как интерес к его персоне.

— Угрюмый? — У?

— А откуда ты знал про военных? Хороший вопрос. По делу. Ладно...

— У меня есть свои источники информации, — уклончиво ответил я, — причем им можно верить.

— По дружбе?

— За деньги. Любой друг может предать. Человек, которому платят, может только продать. Потому я плачу так, чтобы не было желания продаться кому-то еще. Другам я не верю. У меня их нет.

— А Мунлайт?

Я скосился на него. Он смотрел на меня с неподдельным интересом.

— Мунлайт просто человек, которого я знаю и который знает меня. Все. Я ему ничего не должен, он мне ничем не обязан. И нам обоим друг на друга наплевать по большому счету.

— А есть кто-то, на кого не наплевать?

— Я уже сказал, — бросил я. — У меня нет друзей. Вообще.

Хлюпик насупился. Не то решил, что я его обманываю, не то еще что.

— Так не бывает. У каждого человека есть друг. Хоть один. Друзей не бывает много. Но совсем без друзей ни один человек не может...

Ни один человек? Я рассмеялся. Хлюпик посмотрел на меня с обидой, но я уже не мог остановиться. Обида на утонченном лице московского интеллигента, У которого дедушка за какие-то неведомые заслуги схлопотал квартиру в сталинской высотке, сменилась непониманием. Затем физиономия Хлюпика приняла опасливое выражение. Он чуть отстранился и бросил на меня косой взгляд.

Я перестал смеяться. Резко. Внезапно нахлынувшее веселье, как выключили. От этого мой спутник отодвинулся уже основательнее.

— Я не человек, понимаешь? Я не нормальный человек. Здесь зона. Здесь нет нормальных людей. Здесь вообще нет людей. Только полное отребье и взматеревшие малость бродяги. Ни у кого из них нет ничего человеческого. Злость, грязь, жажда наживы. В лучшем случае свой интерес.

Он смотрел на меня слегка ошарашенно, как будто я сошел с ума, а он впервые попал в одну комнату с сумасшедшим и не знал, что делать. Только понимал инстинктивно, что что-то, наверное, делать надо.

— Знаешь, те кто в зоне, они вне закона, — продолжал я. — Военные имеют право их отстреливать. Нас отстреливать. Думаешь, они стреляют сразу наповал? Нет. Они не экономят патроны, они изгаляются. Попал к военным и пристрелили сразу — считай, повезло. Так бывает, только если у них времени нет. А если им скучно и они не спешат... Эти люди охраняют зону. Они и зоны-то не видели толком. А в зоне... Знаешь, что такое отмычка?

— Ключик такой? — робко пожал плечами Хлюпик.

— Ага. Ключик. Открывает любую дверь. Вот иду я в зону. Не по свалке гулять, а по-серьезному. Беру с собой человек пять новичков, обещаю им процент от гонорара за наш поход. Вот они и есть мои отмычки. Не всякую аномалию определишь, понимаешь. Есть

известные, часто встречающиеся. А есть такие, которые и не увидишь сразу. Разве что почувствуешь смутно. Вот тогда в ход идут отмычки. Отправляешь отмычку вперед и смотришь. Если аномалия была, то одной отмычкой меньше, и дальше пошли. Потому отмычкам и обещают хорошие деньги, что из них редко кто возвращается. Они — мясо на убой. А ведь тоже люди...

Хлюпик набылся. Брови сошлись на переносице, видом он напоминал тощую нахохлившуюся птицу.

— Ты обо всем этом задумываешься?

Хотел бы я соврать. Сказать «нет» и поверить, что это правда.

— Значит ты человек. В тебе больше человеческого, чем ты думаешь.

— Нет здесь людей, — покачал я головой. — Сволочи одни. Дерьмовое место, дерьмовые люди. И я не человек.

— А кто ты?

Кто я? Дерьмо я...

...Дерьмо я. Так я и думал тогда. А что я еще мог думать, выйдя после пяти лет и наткнувшись на опечатанную дверь? Хотел содрать опечатку, рука дрогнула.

Словно, содрав бумажку с казенным штампом, я нарушу что-то тонкое, едва уловимое.

Я провел по двери квартиры, в которой прошло мое детство, ладонью. Дверь осталась все та же. Соседи вставляли новомодные металлические с красивой обивкой. А у мамы оставалась та самая старая хлипкая дверка, изнутри обитая дерматином, а снаружи обтянутая какой-то странной клеенчатой пленкой с рисунком под дерево, какой когда-то оклеивали все двери. Мама считала, что дверь и замок менять незачем. Двери от честных людей.

Теперь я стоял перед старенькой дверью, за которой опечатали мое детство. Пальцы, едва касаясь, прошли по двери.

Я так и не смог войти. Пошел к тете Нине, соседке. Она тоже была старенькая. Она и в детстве казалась старой. Потом только понял, что женщина в двадцать восемь совсем не глубокая старуха. Сейчас ей было около шестидесяти.

Когда открыла дверь, руки были мокрыми. Она терла их кухонным полотенцем.

— Митя!

Полотенце заходило ходуном, а потом принялось вытирать насухо и без того уже сухие руки. Тетя Нина плакала. И мне пришлось говорить ей какую-то глупую банальность, чтобы она успокоилась. Успокоилась и рассказала, что мама ждала, но не дождалась совсем чуть-чуть. От чего умерла? Сердце не выдержало. Давно? Полтора месяца, как схоронили.

Дерьмо я. Ведь это я ее убил. Ментами, судом, своей отсидкой. Кому я что доказал? А мама умерла. Ждала и не дождалась.

Я сидел на кухне у тети Нины и раскачивал табурет, на который плюхнулся с порога. Она что-то говорила, а я не слышал. Дерьмо, стучало в голове. Дерьмо.

— Поплачь, Митенька, — тихо говорила тетя Нина. — Поплачь, легче станет.

— Теть Нин, водка есть?

Водка была, но легче не стало. Мама была единственным человеком, который меня ждал. Ждал и не дождался. Сердце не выдержало. Больше у меня никого не было. И я ушел. В зону. Куда мне было еще идти? Не взламывать же опечатанное за старой дверью детство? За тридцать детства уже не бывает...

— Угрюмый, ты чего?

Сквозь туман перед глазами возникло лицо Хлюпика. Он стоял надо мной и тряс меня за плечо. Рожа испуганная, словно я помер и оставил его здесь одного.

— Что ты?

Я резко поднялся. Вскинул «калаш» и включил второй фонарик, осветив туннель. Обшарпанные, плесневелые, покрытые ржавыми потеками стены уходили вперед, растворяясь в темноте.

— Ничего, — шепнул я еле слышно и добавил чуть громче. — Идем.

Шаги гулким эхом разносились по туннелю далеко в обе стороны. Хлюпик топал, как стадо слонов. Ну, может, не как стадо, но шуму от него было более чем достаточно. Хотя, надо отдать должное, после того, как под ногами стало сухо, а неведомый ручей куда-то рассосался, шуметь он стал все же меньше.

Впереди казавшаяся бесконечной кишка туннеля заканчивалась развилкой. Ничего хорошего в таких развилках нет. Особенно в зоне. Особенно под землей. Черт его маму знает, чего там за поворотом и с какой стороны оно кинется. Что-то неприятно ударило по ушам. Звук или даже предчувствие звука. Что-то знакомое и...

Я остановился, выкинув назад руку, жестом приказывая не двигаться. Позади успело прошлепать еще несколько шагов. Господи, он когда-нибудь научится останавливаться сразу? В каких облаках витает? Неужто так трудно смотреть перед собой и реагировать сразу, а не как бог на душу положит.

Теперь, когда никто не топал, стало, кажется, абсолютно тихо. Только капало где-то очень далеко и очень неторопливо. По капле сверху вниз. Нет, не тот это был звук.

Я опустил руку и пошел дальше. Перед развилкой все же остановился и осторожно высунул нос в проем. Справа никого. Слева никого. Пустые коридоры. Но беспокойное чувство не оставляло.

ПДА включился сразу. Засветиться тут я не опасался, в здравом уме и твердой памяти просто так под землю никто не полезет. Боялся другого, что карты не найдется. Ее и не нашлось. Смутные огрызки. Если тут кто-то когда-то и бывал, то отсюда не вышел. А если и вышел, то схемой делиться не захотел.

— А Мунлайт не писал? — подал голос Хлюпик, отрывая от мыслей.

Я дернулся от неожиданности. Чуть не выронил наладонник.

— Черт тебя подери! Да хрен с ним, с Муном твоим. Пристрелили — значит сам виноват. Нет — может, когда увидите.

Хлюпик насупился и, обойдя меня по дуге, пошлепал вперед в правое ответвление. Идиот! Хотя у него-то все просто. Это я в раздумьях, куда идти, а он просто идет. Это не бесстрашие и не решительность. Это даже не дурь. Просто незнание и отсутствие опыта. Большая часть новичков так и гибнет...

Стоп!

То ли мне показалось, то ли на самом деле в паре метров от него пронеслась череда легких игристых искорок. А может, я просто понял наконец, что за звук мне послышался раньше.

— Стоять! — рявкнул я.

Вернее, хотел рявкнуть. Связки перехватило спазмом. Как в ночном кошмаре, когда надо крикнуть, предупредить, иначе случится непоправимое, а ты понимаешь, что говорить не можешь. Из глотки вместо рыка вырвался невразумительный сип. Но он услышал.

На этот раз Хлюпик среагировал сразу. Это и спасло ему жизнь.

— Стой, — прошептал я, потому что голос так и не вернулся.

В горле запершило, я закашлялся. Странное дело, но шепот действовал лучше, чем крик. Парень замер, оглянулся в нерешительности.

Откашлявшись, я приблизился, взял его за плечо и оттащил в сторону. Болт мне был не нужен. И так уже знал, что этой стороной мы не пойдем. Но для демонстрации болта не жалко. Пусть поглядит, в другой раз умнее будет.

Вытянув из кармана средних размеров болтик, я подкинул его на ладони и легонько кинул вперед. Слова были не нужны. Лучше один раз увидеть, чем сто инструкций выслушать.

Болт описал дугу метров в пять-шесть длиной, шлепнулся на пол, прокатился чуть вперед и застыл без движения. Стоящий рядом Хлюпик секунду смотрел на него с ошалелым видом. Затем перевел на меня взгляд. Сказать ничего не успел, только собирался, но глаза у

парня были, как у обиженного и обманутого ребенка. Какую-то долю секунды он смотрел на меня.

Заискрилось, треснуло. Хлюпик резко повернул голову, над болтом изогнулась маленькая электрическая дуга, как на контактах электрошока. Затрещало сильнее, а потом с диким грохотом пространство от стены до стены развалилось от искрящегося и переливающегося пучка молний. Молнии засверкали с треском, распадаясь и снова сплетаясь в пучок. Потом на мгновение пропали, но тут же застрекотали на шаг дальше и медленно понеслись вдаль по коридору.

Все, концерт окончен. Я повернулся к Хлюпику. На этот раз он стоял окончательно подавленный и размазанный тонким слоем чуть ниже плинтуса. Смотрел теперь только на меня, и глаза, казалось, сейчас выкатятся из орбит.

— Мы пойдем налево, — бодро, словно ничего не случилось, ответил я.

— Что это бы... Что? Он указал вперед.

— Электра, — объяснил я. — Шаровую молнию знаешь?

Хлюпик часто-часто закивал.

— Вот такая же, только не она. Не знаю, что опаснее, но если на электру нарвешься, мало не покажется. Идем.

Я осветил левый рукав туннеля фонариком и, убедившись, что ничего подозрительного рядом нет, побрел туда. Хлюпик осторожно шел за мной. Кажется, даже шагать стал тише. Ну да, так и есть. Раньше шел, как по Бродвею, а теперь ступает осторожно, взвешивает каждый шаг. Словно по минному полю. Это правильно. Лучше перебдеть, чем недобдеть, как говорил один неглупый, хоть и не существовавший в реальности мужик.

— Угрюмый, — тихонько позвали сзади. — Можно спросить?

Я кивнул.

— А что это на самом деле? Ну эта... электра... Это как?

Я пожал плечами.

— Просто. Аномалия. Обычно метров десять в диаметре. Здесь вот в длину разрослась. Ученые говорят, там статическое электричество накапливается и, если потревожить, взрывается молниями. Ну, ты видел. А подробнее не знаю. Да и не интересно мне знать, честно говоря, что меня убивает, с научной точки зрения. Зверю, попавшему в капкан, наплевать, из стали тот сделан или из титанового сплава. Ему это не важно. Тут то же самое. Мне выжить интересно. А разряд там такой, что живым редко кто уходит.

— Но бывает?

— Бывает, — согласился я, останавливаясь. Впереди легко искрилось. Рука потянулась в карман за новым болтом. Как-то под моим окном у костерка сталкеры байки травили. Так один рассказывал, как камешки кидал. Кидает, вроде все в порядке, последний кинул — ничего. Нет аномалии. Руку потянул камешки собрать, тут и жажнуло по полной. Аномалия все-таки была. Все камешки в пыль, только последний, который в руке был, целехонький. Камешек вроде как камешек, но с тех пор рассказчик его с собой таскает, так, на всякий случай. Правда это или треп, черт его разберет, но мне бы такой камешек на удачу не помешал.

— Бывает, что человек в высоковольтный щиток сунется, его потрянет, и все. Только труп его изувеченный и видели. А бывает, чудака ползет по пьяни в трансформаторную будку нужду малую справить, разряд получит, и ничего.

— Я читал про такое. — Голос Хлюпика прозвучал напряженно. — Они потом через стены видят и стаканы взглядом двигать могут.

Я посмотрел на него. Он застыл у меня за плечом. Напряженный, как перетянутая струна. Взгляд его метался с искорок в темноте на мою руку с болтом и обратно.

— Может, один какой уникум и стал после этого через стены видеть. Или крыша у него съехала, и ему казаться начало, что у него вместо глаз рентген-аппарат. Но тех, которые выжили, по пальцам перечесть. Ссать на оголенные провода в трансформаторной будке, так же как и за оголенные концы высоковольтной линии хвататься, опасно для здоровья. И обычно от этого умирают. Так же и здесь. Кому-то немерено повезло, а остальные умерли.

Кому-то ведь и в самом деле везет. Вот как тому дурню с камешком. Если не соврал, то невероятно повезло. И сам жив, и рука на месте. Еще и камешек на удачу чудесный.

Болтик пролетел над искрящимся пространством и звонко застучал по полу. Я подождал малость, потом смело подошел и протянул руку. Полупрозрачное аморфное образование слегка искрилось в темноте. Я скинул рюкзак, расстегнул его другой рукой и достал контейнер.

Хлюпик наблюдал за мной с выпученными, как у рака, глазами.

— Это из нее электра получается?

Щелкнули запоры, я уложил артефакт в ячейку и закрыл.

— Почти. Только наоборот. Это «бенгальский огонь». Артефактик. Возникает в местах активности электры. Тут тоже электра была, вот он и получился.

— Как?

Контейнер вернулся в рюкзак, рюкзак — на плечо. Я пожал плечами:

— Не знаю. Я не ученый. Хотя они тоже гипотезы строят только. На словах очень красиво рассказывают, какая аномалия как устроена, да чего должно происходить, чтобы артефакт получился. Но даже на семьдесят процентов в своих словах не уверены. Они предполагают.

— А... — снова начал он, но я не стал слушать. Жестом попросив Хлюпика заткнуться, повернулся к нему спиной и неторопливо пошел дальше. Торопиться некуда. Да и нельзя. Вот только говорить всю дорогу меня совсем не тянет. И без того за последние сутки языком молочу больше, чем за последние три месяца.

Хлюпик молча топал следом. У него уже выходило не очень шуметь и идти если не след в след, то хотя бы приблизительно так же.

12

Коридоры, туннели и переходы сменяли друг друга, а выхода не было. Собственно, и опасности особой не было. Я притормаживал и собирался перед каждым новым проемом или поворотом. Но опасности не чувствовал. Только напряжение за спиной.

То, что Хлюпик стал относиться с опаской к окружающему, меня радовало. А вот отсутствие активности со стороны зоны напрягало. С того момента, как мой попутчик чуть не влетел в электру, прошло уже несколько часов. Мы наматывали километры коридоров, туннелей, переходов и прочих странных подземных помещений. Под ногами хлюпала вода, по стенам змеились провода. Иногда появлялись искусственные источники освещения. Причем неведомым образом подземные светильники, горящие здесь со времен заката СССР, работали и теперь. Но ни аномалий, ни артефактов, ни мутантов не было.

Полная тотальная тишина со стороны зоны. Словно я не сталкер, а простой диггер. И нахожусь не в зоне, а в какой-нибудь хоженной-перехоженной московской подземке. Еще пара коридорчиков, и вылезу где-нибудь в депо московского метрополитена имени Владимира Ильича, Мавзолей ему пухом.

Ситуация напрягала с каждым шагом все больше и больше. По мне, так в зоне самая крепкая неприятность лучше такого спокойствия. С любой проблемой можно разобраться, потому что она понятна, ожидаема, предсказуема. Ясен как возможный положительный, так и отрицательный исход дела. А с затишьем непонятно ничего.

Тишина и покой заставляют расслабиться. Расслабляться нельзя, потому что может что-то случиться. Но ничего не происходит. И ты ждешь, а по-прежнему ничего не происходит. И это напрягает еще больше, потому что так не бывает. И ты начинаешь ждать еще большей проблемы. Потому что чем спокойнее затишье, тем крупнее неприятности. И опять ничего не происходит. Наконец накал доходит до того, что ты понимаешь: адекватная затишью неприятность тебя просто похоронит.

Я глубоко вздохнул. Раз, два, три.

Спокойно. Пока ничего не произошло.

Или произошло? А может, мы попали в какую-нибудь аномалию — ходим по кругу и будем теперь вечно делать это. Всегда. Начинать в исходной точке, проходить ряд подземных сообщений и возвращаться в исходную точку, чтобы снова пройти тем же путем. А что, здесь все похоже. Никакой оригинальности интерьера.

Я сунул руку в карман и незаметно обронил болтик. Хлюпику про мои невеселые размышления знать пока не надо. А болтик, если мы действительно попали в пространственную петлю, я увижу. Мимо не пройду. Интересно, бывают временные петли? Я что-то слышал про это. Какие-то сталкерские байки. Но сам не сталкивался с подобным никогда. Так что, вполне возможно, все это сказки.

А три часа простой пешей прогулки под землей в зоне без эксцессов — это не сказка? Хотел бы я знать, что здесь на самом деле происходит. А может, реально мы уже трупы. Лежим где-нибудь там, где разорвалась электра. А все, что происходит, — это бред, предсмертная вспышка сознания.

Бред, мысленно отругал себя я. Слушать чужие сказки не зазорно, но самому-то зачем фольклором заниматься и мифы плодить? Хватит бредить, Угрюмый.

Под ногой хрустнуло. Я вздрогнул. Неужели болт. Замерев на месте, я посветил себе фонариком. Пятно света метнулось под ноги. На полу валялась россыпь мелких камешков. Никакого болта. Да и быть его тут не могло.

Параноик чертов.

Только сейчас понял, что стою на месте. Причем с перепугу не только сам остановился, но и Хлюпика остановил. Я повернулся. Он стоял рядом притихший и послушный, как божий агнец.

— Случилось что-то? — аккуратно поинтересовался мой спутник.

Случилось. Ослабил ляжку. Ремень легко скользнул с плеча. Рюкзак шлепнулся на пол.

— Привал, — скомандовал все еще ожидающему ответа Хлюпику.

Расстегнув рюкзак, я углубился в его недра. Хлюпик присел рядом. С любопытством наблюдал за мной. Ждал, видимо, еще чего-то необычного, вроде подбирания артефактов или кидания болтов по аномалии. Но на этот раз, к его разочарованию, все оказалось банально.

Я вынул две банки тушенки, поставил на пол и принялся застегивать рюкзак. Внутри осталось еще две. И то удача. Могло ни одной не быть, ведь таскать на себе консервы до кордона — это лишний вес по зоне волохат. Тут недалеко. С голодухи не помрешь. Никто ж не знал, что вместо того, чтобы вытащить отсюда Хлюпика и вернуться, мы влипнем в такую передрыгу. Был бы на моем месте кто другой, сидели бы сейчас голодные. У меня же привычка. Я лишнего веса не боюсь, а патроны, консервы и аптечка лишними не бывают. Никогда. Мало ли что.

Хлюпик на удивление молча смотрел, как вскрываю банку ножом. Первую протянул ему. Когда его пальцы уцепились за жестяной бок банки, в глазах появился алчный блеск, достойный неандертальца. На этот раз он слопал все подчистую и даже управился быстрее меня. Куда девался тот интеллигент, что еще утром вяло ковырял точно такую же тушенку и делал вид, что она ему не по нутру. Голод не тетка. А аппетит здесь быстро нагуливается.

Выскоблив остатки тушенки, я привалился спиной к стене, запрокинул голову и сомкнул веки. Желудок сыто заурчал, переваривая тушенку.

— Все. Тихий час пятнадцать минут.

— Так час, пятнадцать минут или час пятнадцать? — к Хлюпику возвращалась его разговорчивость.

Я приоткрыл один глаз, посмотрел на него недовольно.

— Хлюпик, не пытайся казаться глупее, чем есть. Толкни через четверть часа.

Подремать, хоть и пятнадцать минут, будет очень кстати. Глаза закрылись мгновенно.

— Угрюмый, а, Угрюмый, а мы где сейчас?

— В канализации, — отозвался я, не разлепляя смеженных ресниц.

— Это я понял, а... — Он замялся, когда продолжил, голос его вибрировал от напряжения. — А если мы отсюда никогда не выберемся? Мы все идем, идем. А выходит, как на месте топчемся. Если выхода нет?

Последнюю фразу я слышал уже сквозь сон. Ответ шевельнулся на краю сознания, но я не стал его озвучивать, предпочел уйти в сон. Через секунду я отключился...

— ...Мы с вами на месте топчемся. — Адвокат был молодой. Очень молодой.

Что он видел в жизни? Чего хотел от нее? Что умел? Вчерашний студент какого-нибудь юридического факультета, которых тьма развелась. Бывает такое. Появляется какая-то модная профессия, и все начинают в нее ломиться. Считается, что на нее есть спрос, и у ее представителей всегда будут деньги.

По этим профессиям можно судить о состоянии общества. Когда возникает мода на психологов, народу явно нужно выплакаться. Когда на врачей, нация на грани вымирания. А когда на адвокатов... Тут два варианта. Либо судебная система завернула гайки, либо народ проворовался. Суд у нас гайки никогда не закручивал и всегда готов был позволить себя умаслить. Выходит, тенденция паршивая.

— Может быть, состояние аффекта? — предложил молодой юрист.

— Какой аффект?

— Вы же из Чечни только вернулись. Психика расшатана и так далее...

— Вот именно, из Чечни вернулся. Это кое-чему учит. Например, спокойствию. Я спокоен, как удав. Особенно когда хребет ломаю.

Тут я немного лукавил. Чечня действительно научила кое-чему. Например, я так и не смог избавиться от привычки стрелять глазами по крышам и окнам. Но аффекта не было, тут я не врал. Было два ублюдка, которые хотели моих денег. Тому, что стоял у меня за спиной повезло больше. А вот тот, что зашел спереди, имел неосторожность распустить руки. Аффект! Рефлексы там были, а не аффект. Вот на этих рефлексах неудавшийся гопстопник и поломался. В прямом смысле. Я не хотел ломать дураку жизнь и делать его паралитиком. Так получилось. Просто сломал немного не в том месте.

— Дмитрий, я не понимаю. — Юный адвокат снял изящные очки и запыхтел на стекла. — Вы сесть хотите?

Я покачал головой. Юрист принялся нервно полировать стекла замшевой тряпочкой.

Нет, я не хотел сесть. Но юлить и говорить неправду я тоже не хотел. Выкручиваться было противно. Я был прав. Я защищался. На меня напали, меня хотели ограбить, меня били... точнее, пытались побить. Ударили. Но я только защищался. Конечно, если защищаться неправильно, то я виноват. Но, по моему мнению, сажать надо было его, а не меня. Хоть даже и в инвалидном кресле.

Народа в зале суда почти совсем не было. Все было не так, как показывают в кино. Судья в мантии с небрежно расстегнутым воротом и скучным видом, защита, обвинение, еще мама сидела в дальнем углу.

Все выглядело смешно и нелепо. Я ответил на глупые вопросы, как мне казалось, ответил нормально, по-человечески. Но по-человечески и по-юридически, как оказалось, не одно и то же. В этом мой вздыхающий юный адвокат оказался прав.

Признаю я, что такого-то числа при таких-то обстоятельствах нанес телесные повреждения такому-то гражданину? Естественно, я это признаю. Как можно отрицать очевидное?

Считаю ли я себя виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей? Нет, не считаю.

Раскаиваетесь? Поступили бы в подобной ситуации иначе? Нет, поступил бы так же. Считаю, что поступил правильно. Считаю, что был прав на сто процентов...

Вместо сто четырнадцатой статьи я получил сто одиннадцатую. А по ней шесть лет лишения свободы. Почему так? У поломанного мной мальчика оказался правильный папа. А у меня обнаружили дурацкие принципы и не очень опытный адвокат.

Огласили приговор. Стукнул молоточек судьи. Заплакала мама. Тихо, молча заплакала. Никто не видел, как она плачет в дальнем углу. А я видел. И это был последний раз, когда я видел маму.

А потом была камера. Была зона. Были шесть лет. Поначалу мне тоже казалось, что выхода оттуда нет. Но нет, выход обнаружился. Вот только идти потом было некуда. Искать выход, когда знаешь, что есть что-то помимо лабиринта, — это счастье. А вот когда понимаешь, что за этим выходом точно такой же лабиринт, тогда все. Пиши пропало. Куда идти? Зачем идти? И вообще, зачем что-то делать?

13

— Угрюмый, — позвал Хлюпик. После того, как он меня растолкал, мы шли уже больше двух часов. И безумие продолжалось. Тотальная тишина. Как будто мы на самом деле уже не в зоне. А может, мы вправду забрели за периметр?

Я прикинул расстояние, смену направлений... Нет, не похоже. Скорее круги наматываем. Но хоть не по одному и тому же маршруту. В этом я был теперь уверен. Темный узкий коридор плавно перетек в широкий туннель, похожий на бетонную трубу огромного диаметра. Дорожка, правда, сузилась вдвое. По левой стороне ее отгораживал теперь парапет, а за ним по бетонному руслу текла не то подземная река, не то сливаемые невесть кем отходы.

Водичка выглядела вполне обыденной, хоть и мутной. Но я не рискнул бы даже палец в нее сунуть. Хоть бы мне за это и хорошо заплатили. В зоне куда-то лезть себе дороже.

— Чего надо? — не шибко вежливо отозвался я.

— А почему ты Угрюмый? Я приостановился даже.

— «Ромео, о, зачем же ты Ромео?»³ Ты же говорил, что тебе это и так понятно, — припомнил я ночной разговор.

— Не, почему кличка такая, понятно, — усмехнулся он. — Достаточно на тебя посмотреть. Я же не про кличку. Я — о другом. Зачем так?

Вот оно что. Я ускорил шаг. Товарищ Хлюпик решил из себя доктора изобразить.

— Поживешь с мое, узнаешь, — буркнул, не оглядываясь.

— Да, ладно. Ты немногим меня старше. Тут ведь не в этом дело. Просто обиженный ты.

Поэтому у меня и нет друзей. Не терплю, когда мне лезут в душу.

Резко остановившись, я обернулся и смерил его убийственным взглядом. На сей раз он успел притормозить вовремя. Дать бы ему по лбу. Кулак, словно угадав мысль, взлетел вверх. Во взгляде Хлюпика появилась насмешка.

— Ну, ударь меня, если хочешь.

Он смотрел на меня с превосходством, словно только что узнал обо мне какую-то правду, которой я и сам, может быть, не знаю. И я вдруг понял, что бить его без толку. Даже если я его изувечу до полусмерти, на его роже будет все та же понимающая насмешка. Правда, стукнуть его от этого захотелось еще больше.

— Ты все равно меня не ударишь, Угрюмый, — поведаль он.

Руки зачесались еще сильнее. Специально, что ли, он меня подзуживает? Или по глупости?

— С чего ты взял?

— С того. Ты ведь хороший мужик.

Я зло сплюнул, развернулся и быстро зашагал вперед. К черту откровения, метнулось в голову. Но мелькнуло поздно. Воистину язык мой — враг мой.

— Я, между прочим, сидел шесть лет за то, что одного такого, как ты, покалечил.

³ В. Шекспир «Ромео и Джульетта», пер. с англ. Т.Н. Щепкиной-Куперник.

Странное дело, этот парень на меня уже второй день действует как словесное слабительное. В том плане, что у меня в его присутствии словесный понос.

— Это не важно, — отмахнулся он. — Ты скажи лучше, как тебя зовут.

Не важно ему. Шесть лет за забором — не важно. Хлюпик — одно слово.

— Это важно. А зовут меня Угрюмый. Понятно? Последнюю фразу я произнес с таким нажимом, что позади закашлялись.

— Нет, ты не так понял. Просто... Ну, я не знаю, я ведь на самом деле не знаю, чего у тебя в жизни стряслось. Но ведь нельзя же таким угрюмым жить. Что бы ни случилось, жизнь-то продолжается.

Он поравнялся со мной и пошел рядом.

— У тебя в жизни ничего не происходило еще серьезного, — сказал я ему. — Я тоже когда-то дурным оптимизмом страдал.

— Почему не происходило? — нахмурился он.

— Ну, что у тебя там могло произойти? В лифте застрял. С девкой поругался. Велосипед отняли или в четвертом классе во вкладыши продулся. Иногда случается такое, что жить некуда дальше.

— Так не бывает.

— Ты что, психолог? — не выдержал я.

— Нет. Но всегда есть какая-то цель в жизни. Даже если все совсем плохо.

Я снова остановился и посмотрел на него внимательно.

— У тебя есть цель?

— Есть, — не задумываясь, ответил он.

А у меня нет, — жестко отрубил я. — Понимаешь? Моя жизнь — бесцельное существование. Нет цели. И не предвидится. Поэтому зовут меня — Угрюмый. Потому что я угрюмый.

— Зря. Ты ведь это сам себе придумал зачем-то. И поверил в собственную придумку.

— Идите в жопу, доктор Фрейд.

— И пытаешься отстоять свою придумку. Защитить свое жалкое бесцельное существование. А все потому, что тебе дальше жить страшно. Я заметил. И зона у тебя дерьмо, и люди, и себя ты дерьмом называешь. Не считаешь, а называешь. Ты зону считаешь дерьмом, но если тебя выпустить за пределы зоны, то ничего не изменится. Просто весь мир дерьмом станет.

Я пихнул его плечом и двинулся дальше вдоль желоба с мутной водой. Мы с ней похожи. Оба несемся неизвестно куда и у обоих внутри муть и слякоть.

— А это не так, — донеслось сзади. — Я же вижу, что ты человек неплохой. Просто тебе хорошим быть неудобно.

Он догнал меня через дюжину шагов. Голос его был слегка запыхавшимся, словно дыхание сбилось.

— Проще в дерьме, по принципу: с волками жить, по-волчьи выть. Я ведь прав? Только дерьмо — это не вектор. Это направление жизненного вектора. Хочешь, чтобы жизнь не была дерьмом и люди не были дерьмом, измени угол зрения. Все от тебя зависит.

— Заткнись лучше, — сообщил я. — Мы не на вечере встречи, а в зоне. Так что молчи и не сбивай меня. А то на самом деле стукну.

Я снова отпихнул его и пошел четко по середине коридора, чтобы лишить его возможности идти рядом со мной. Но как освоился, зараза! То простите-извините, а то в душу гадить полез. Не иначе, за своего признал.

Туннель закончился метров через сто. Причем закончился неожиданно. В нос ударил запах сырости. Пространство распахнулось, как раскрывшийся бутон, и мы оказались в огромном помещении. Посреди этого подземного зала раскинулся коллектор, в который втекал ручей канализации.

Отстойник с мутной водой. Если продолжать аллегорию, то, может быть, это намек на то, что бегу на месте. А на самом деле застоялся. От того и муть в душе.

Я замер, оглядывая помещение. Опасности не было. Разве что в коллекторе кто-то живет. Но в воду лезть я не собирался!

— Ладно, прости, — подошел ко мне Хлюпик. — Я не хотел палку перегибать. Так, слово за слово... само получилось.

Вскинутой руки оказалось достаточно. Он недовольно засопел, но умолк. Куда дальше. Я еще раз обвел взглядом помещение. Выхода два. Либо через коллектор, дальний край которого упирается в стену, но между кромкой воды и стеной зазор сантиметров в двадцать. Значит, коллектор сообщается с соседним помещением. Вот только в воду я не полезу. Проще себе пулю в лоб пустить на берегу. Быстрее и вернее.

Второй выход был по другую сторону коллектора. В дальнем углу раскинулась размашистыми сетчатыми пролетами металлическая лестница. Верхний конец ее упирался в черный провал входа. Черт его знает, есть там проход дальше или просто глухая комната, но попробовать стоит. В противном случае придется возвращаться обратно и искать другой путь. А обратной дороги нет.

— Лестницу видишь? — повернулся я к Хлюпику. — Идем к ней. Топаешь за мной след в след.

— Хорошо. А что случилось?

— Пока ничего. Но если не будешь делать, чего говорю, может и случиться.

— А как мы на ту сторону этого бассейна попадем? Взгляд, которым я его одарил, видимо, был достаточно красноречивым. Хлюпик потупился.

— Я плавать не умею.

— Прекрасно, — кивнул я. — А теперь закрой рот, разуй глаза, и пошли.

Он снова насупился, но уже метров через тридцать недовольное сопение прекратилось. Видимо, разглядел-таки металлический сетчатый мостик. Мостик начинался с этой стороны, проходил под стеной над коллектором и утыкался в нижние ступени лестницы.

Мостик мне не нравился, как и сама идея идти над водой. Но других идей не было.

У моста я остановился. Ржавая металлическая конструкция представляла собой спаянный каркас, обтянутый неведь зачем металлической сеткой. Сетка проржавела настолько, что висела уже рваными клочьями. Внизу плескалась мутная вода. В Москве-реке, кажется, и то чище.

Кто бы знал, насколько мне это не нравится. Сунул руку в карман, нащупывая болтик. Этого добра у меня тоже хватает. Я запасливый.

Замах был не сильным. Болт пролетел точнехонько над мостиком, долетел где-то до середины коллектора и, громыхая и путаясь в металлических деталях моста, проскочил сквозь ржавую сетку. Плюхнуло. С тихим бульком вода заглотнула болт, пустив на прощание рябой веер кругов. Проследить за движением болта дальше оказалось нереально. Ушел, как в Лету канул. Кстати, неплохое сравнение. Коллектор в зоне вполне сойдет за реку забвения, текущую в мире мертвых.

Я ждал. Ничего не происходило. Не знаю, чего я хотел от воды в коллекторе, но вынырнувшая из этой мути мутировавшая акула меня сейчас порадовала бы больше, чем эта тишина.

— Хочешь, я первым пойду? — нарушил безмолвие Хлюпик.

Я посмотрел на него, как на восьмое чудо света. Он ответил своим фирменным взглядом. Таким взглядом хорошо гвозди заколачивать.

— Я не использую отмычек, — холодно произнес я.

— А я не предлагаю себя в качестве отмычки, — парировал он.

— Тогда к чему это геройство? Ты один раз уже погеройствовал. Никого не спас, зато теперь мы здесь торчим.

— Это не геройство. — Мой наезд он пропустил мимо ушей. — Простая логика. Кто-то должен идти первым. Но если первым пойдешь ты, и с тобой случится что-то нехорошее, то я один отсюда все равно не выберусь.

Вот по такому принципу отмычек с собой и таскают, хотел сказать я. Но Хлюпик уже ступил на мост. И я не остановил его. Что бы он там мне ни рассказывал, я такая же сволочь, как и все остальные. Потому он сейчас на мосту, а я смотрю, что из этого получится.

Хлюпик тем временем добрался до середины моста. Я подошел ближе, к самому мосту. Внутри что-то щемило от напряжения. Казалось, еще шаг — и зона перестанет играть в поддавки, ринется на человечка, которому здесь не место изначально, сомнет его и выбросит покореженные останки.

Но время шло, а ничего не происходило. Наконец он дошел до конца моста, поднялся на первые ступени лестницы и вскинул руки.

— Вуаля! — бодро крикнул он с той стороны.

Но бодрость была напускной, а в голосе слышалось невероятное облегчение. Перетрухал Хлюпик. Это хорошо.

Я вступил на мост и осторожно зашагал на ту сторону. Металлическая конструкция завибрировала под ногами. Все же веса во мне побольше, чем в моем попутчике. Ладно, выдержит мост, никуда не денется.

До Хлюпика оставалось шагов двадцать, когда в мою многомудрую голову пришла эта сногшибательная мысль.

«Хочешь посмешить бога, поделись с ним своими планами», — говорил один неглупый сталкер. «Не кажи «гоп», доки не перестрибнеш», — любил повторять другой. И оба были правы. А самое главное, что ведь я это знал. Никогда-никогда нельзя расслабляться.

То ли поперечные прутья в этом месте окончательно проржавели, то ли распаялись, но на очередной мой шаг лязгнуло, и я полетел вперед. Вес уже был перенесен на правую ногу, и эта самая правая сейчас проваливалась, лишившись опоры.

Раздался скрежет, всплеск. Ногу рвануло болью, я почувствовал, как что-то прошло сквозь штаны и впарывается в ляжку с внутренней стороны. Цепляясь рукой за стену, чтобы не навернуться окончательно, я выматерился и завис в раскоряченном положении.

Хлюпик спрыгнул со ступенек и рванул вперед.

— Стоять!

Я сам поразился, насколько страшно прозвучал мой голос. Парень замер. Слава богу. Только его веса мне на этом ржавом мосту не хватало. Хлюпик заметался, словно внутри у него шла борьба между желанием помочь и моим приказом. Наконец «терзаниям юного Вертера» пришел конец, и он остановился в ожидании.

— Вот так и стой, — прохрипел ему.

Я глубоко вздохнул. Раз, два... Выдохнул на счет «три» и посмотрел вниз.

Зрелище было не сильно радостным. Два поперечных прута отвалились и лежали теперь, наверное, где-то на дне коллектора. Третья ржавая железка по какому-то глупому стечению обстоятельств отломилась только одной стороной, второй конец прута держался намертво. Прут изогнулся и оторванным концом пропорол мне ногу, остановившись недалеко от промежности.

Вытянуть ногу из такого положения было нереально. Я медленно ухватился за гнутую железку обеими руками и перенес на нее вес, заставляя выгнуться еще сильнее. Ноге стало немного легче. Я вывернулся и, рыча от боли, принялся вытаскивать пораненную конечность.

Это удалось не сразу, но удалось. Изогнутый прут вырвался из ослабевших пальцев и с неприятным звуком вернулся на свое законное место. Собравшись с силами, я поднялся на ноги.

На ногу, как оказалось, наступать могу. Хотя штанина повлажнела и липла к ноге. Шаг, еще шаг. Теперь я взвешивал каждое свое движение. Взмолнованный Хлюпик отступил, когда я добрался до лестницы. Но стоило мне присесть, тут же кинулся на помощь.

— Не суетись, — остановил его я. — Возьми рюкзак. Там аптечка. Давай ее сюда.

Хлюпик послушно завозился с рюкзаком. Пальцы у него плясали так, словно кур крал. В рюкзак занырнул чуть ли не с головой. Я приспустил штаны и принялся изучать рану.

Не так страшен черт, как его малюют. Царапина оказалась глубокой, но не такой страшной. Сухожилия целы, кость не задета. А мясо нарастет.

Хлюпик возился долго, наконец вынырнул из рюкзака с аптечкой. Нерешительно протянул ее мне.

— Эта?

Я молча распотрошил аптечку. Первым делом обеззаразил рану. Затем всобачил в ляжку пару инъекций. Одну — на случай, если в кровь уже попала какая-то пакость, вторую — с обезболивающим. То, что я на нотах, скорее всего следствие болевого шока. Минут пятнадцать, и он пройдет, как раз тогда обезболивающее начнет действовать.

Узрев, как игла входит в ногу, Хлюпик поморщился и отвернулся. Интересно, может, он еще от вида крови без сознания брякнется. Вот будет аттракцион.

Наложив на рану тампон, я принялся бинтовать ногу. Аптечка у меня была хорошая, даже не армейская. Такими пользуются ученые. Пару месяцев назад недалеко от базы «Долга» вертолет с какими-то высоколобыми исследователями навернулся. Из ботаников вроде никто не выжил, а «вертушку», как водится, растащили. Среди прочего, на борту обнаружилась пара ящичков со спецаптечками. Далеко ящики было не утащить, так что сбыли по дешевке барыге-бармену. А тот уже с не кислой наценкой распродал всем желающим. Я был желающим и, наплевав на то, что с меня дерут втридорога, купил сразу десяток. На таких вещах экономить нельзя. Как и на оружии с патронами.

Закончив с ногой, я поднялся. Сделал шаг. Раненая конечность тут же отозвалась болью. Я скривился, сделал еще несколько шагов, привыкая к новому, и не сказать, что приятному, ощущению.

Попутчик следил за моими передвижениями с болью в глазах. С таким видом воспитанные люди наблюдают за убивающимся человеком, у которого помер близкий друг или родственник, прежде чем принести ему соболезнования.

— Может, тебе полежать? — предложил он. Нет, все-таки это существо неисправимо.

— Угу, — кивнул я. — Пока сердце не остановится. А там еще полежать. Пошли уже. Лежать дома буду. В койке с бабой. Если отсюда вылезем.

Закинув на плечо рюкзак и взяв в руки автомат, я двинулся вверх по ступеням, надеясь только, что лестница окажется прочнее, чем ржавый мосток.

14

Дверь наверху была открыта. Створка криво болталась на петлях, словно ее снесли когда-то могучим плечом и забыли в следующую же секунду. Возможно, кто-то когда-то именно так и поступил, теперь уже не поймешь, что и как здесь происходило в реальности. Ведь не разыщешь же теперь кого-то из тех, кто был в этих канализационных дебрях в далеком 1986 году во время первого взрыва. Да и очевидцев второго взрыва надо еще постараться найти. А если кого и найдешь, то все воспоминания будут общими, спонтанными и бессмысленными. Когда человек попадает в экстремальную ситуацию, он не задерживает внимание на нюансах. Он старается выжить. Все остальное не важно.

В отличие от зала с коллектором в новом пространстве освещения не было. Я включил фонарь и сделал пару шагов внутрь, давая Хлюпику возможность войти, а не топтаться на верхнем пролете лестницы. Комнатенка оказалась небольшой и пустой, если не считать мелкого мусора на полу и здоровенной, в половину человеческого роста, катушки с кабелем...

За катушкой что-то сверкнуло. Внутри все оборвалось, в следующую секунду я уже был напряжен и готов практически к чему угодно. Впрочем, тревога оказалась ложной. Я сделал шаг в сторону, дал целенаправленно свет и чертыхнулся. За катушкой стояла ополовиненная бутылка с прозрачной жидкостью и бело-синей этикеткой. На этикетке красовался живописный пейзажик со стожками и надпись «Пшеничная». Раритет. Была бы целая, взял бы с собой. Хоть бы попробовал. В советском детстве я водки не пил, так что

культура советского алкоголя прошла мимо меня. Если не считать бутылки армянского коньяка, заваливавшейся у матери в шкафу и обнаруженной уже в веселые девяностые, когда я пил — только в путь.

Комната была проходной. Помимо двери, через которую мы зашли, в ней обнаружилась еще одна дверь. Я шагнул и взялся за ручку. Замер. Стоп. Хорошая мысль приходит опосля, но в данном случае она поспела вовремя.

Я отстранился от ручки, жестом кивнул Хлюпику на дверь. Тот открыл было рот, но привычный вид моего кулака имел неповторимое влияние на его красноречие. Хлюпик тихо клацнул челюстью и, глядя на меня, будто пытаясь убедиться, верно ли он меня понял, подошел к двери.

Хорошо. Вскинув автомат наизготовку, я рукой дал сигнал. Он понял более чем правильно. Не то потихоньку привыкать начал, не то озарение на него снизошло. Отойдя с линии огня, Хлюпик медленно опустил ручку и толкнул дверь.

В следующее мгновение он отскочил в сторону, а я, выкрутив фонарь на полную мощность, дал в темноту луч света. Никого. Никакого движения, вообще ничего. Тишина и покой.

Опустив автомат, я принялся водить лучом света от стены к стене. Зал был поистине огромен. Кроме того, здесь валялись груды ящиков, бочек, строительного мусора. Куски труб и обломки досок. Создавалось такое впечатление, что их сюда специально стаскивали. Особенно если учесть, что во всех предыдущих помещениях ничего подобного не было. Кто может в зоне заниматься подобной бессмыслицей? Либо человек с прокисшими от излучения мозгами, либо бюреры. У этих даже интеллект какой-никакой присутствует, они не только натащить, они еще и алтарь сложить могут. Неизвестно, правда, кому там эти карлики молятся, но зачатки религии у них есть.

Еще я слышал истории про матерых разумных кровососов. Говорят, Хемуль с таким сталкивался и живым ушел. Впрочем, Хемуля я лично не знаю, потому для меня и он, и его кровосос разумный — только сталкерская легенда. Правда, в любой сказке только доля сказки, но думать сейчас об этом мне не хотелось.

К тому, что из-за любой груды коробок может выскочить кровосос, я был готов, насколько вообще к этому можно быть готовым, но предпочел бы, чтобы мы с ним разминулись где-нибудь в соседних коридорах.

Глубоко вдохнув и выдохнув на счет «три», я шагнул внутрь. Из всего помещения мне пока был доступен лишь фрагмент. Стена с дверью, в которую мы вошли, стена, прилегающая к ней слева, и кучи хлама посередине. Правая и дальняя стены терялись в темноте, если они вообще тут были.

— Фонарь включи, — велел притихшему в дверях Хлюпику.

Голос разнесся гулким эхом, как бывает в пустой просторной комнате. Тихо щелкнул выключатель. Темноту пререзал второй луч света.

— Иди за мной, смотри под ноги и по сторонам.

— Так под ноги или по сторонам? — не понял Хлюпик.

— Хочешь жить — и под ноги, и по сторонам смотреть будешь. И хватит доставать меня лишними вопросами.

Я отошел от входа, стараясь держаться левой стороны. Лучше двигаться вдоль стены. Хоть какой-то ориентир в случае чего будет, чем наобум в темноте метаться.

Шел медленно. Даже не шел, а переставлял ноги одну за другой, осторожно перенося вес и прислушиваясь к тишине. А тишина была гробовая. И в этой гробовой тишине грохнуло. Глухой металлический звук пустой упавшей бочки.

На то, чтобы развернуться, ушла доля секунды. Я подпрыгнул, как кот, на которого плеснули кипятком. Автомат наизготовку, палец на спусковом крючке...

Над поваленной бочкой стоял Хлюпик со смущенным выражением на роже. Фонарь его смотрел в пол, как нос провинившегося первоклассника. Черт, еще бы секунда — и я бы его пристрелил.

— Твою мать, — буднично, насколько мог, сообщил Хлюпику.

Заниматься воспитанием было некогда. Не место и не время. Еще через пару шагов слева появился провал. Еще одна дверь? Сдерживая желание идти быстрее, я, не меняя темпа, добрался до черного прямоугольника в стене.

Это был не проход. Чтобы протиснуться в него, мне пришлось чуть нагнуться. Внутри обнаружился небольшой закуток в несколько квадратных метров. Вверх от закутка уходила не то шахта, не то вентиляционный короб. Но, вне зависимости от того, чем этот короб являлся на самом деле, подняться по нему не было решительно никакой возможности.

Пригнувшись, я выбрался обратно в зал. Хлюпик уже протопал мимо и бодро попер дальше. Совсем страх потерял.

— О! — азартно бросил попутчик. — Выход.

Я и сам уже видел дверь, к которой он направлялся. Но лезть туда вот так... Так вы идохнете, новички безмозглые.

— Ты чего делаешь, скотина! — гаркнул я, но было поздно.

Хлюпик, добравшись до двери, вцепился в ручку. Я в несколько скачков оказался рядом. Хлопок двери и шлепок по физиономии прозвучали одновременно. Стоящий в двух шагах от двери Хлюпик потирал скулу и ухо, по которым пришлась оплеуха. Взгляд у него был шальной, глазки бегали от меня до двери и обратно.

— Я ее... — пробормотал он. — А она захлопнулась.

Этого скомканного объяснения мне было достаточно. Хотя представления о том, что произошло, оно не давало, но ясно было одно — ничего хорошего не происходит. С автоматом наизготовку я дернул ручку — никакого толку. Ее словно держали с другой стороны. Причем нужно учесть, что силенок у меня было в разы больше, чем у Хлюпика, поэтому то, что ручку оказалось невозможно сдвинуть даже на сантиметр, оптимизма не вызывало. Я даже боялся себе представить, сколько силенок у существа, которое ее удерживает, и что вообще это за существо.

Вышибать дверь плечом... Во-первых, она металлическая, во-вторых, тот, кто ее держит, мне явно не даст этого сделать. Знать бы, кто ее держит.

Отвернувшись от двери, я грубо отпихнул своего спутника. Тот не возражал, чувствуя, видимо, свою вину. Более того, шел теперь за мной, как козел на поводке.

Я отошел подальше, повернулся. Автомат устоял дулом в дверь. Палец лег на спуск. Глубокий вдох. Раз, два... Загрохотала очередь, со звоном отрикошетили пули. Без толку.

Опустив «калаш», я поглядел на Хлюпика. Дать бы ему посильнее, чтоб не лез.

— Может, гранатой? — жалобно предложил он.

— Ага. Кому-то по башке гранатой.

Гранатой эту дверь, может, и вынесешь, но только кто нас потом отсюда выносить будет вперед ногами? Ладно, есть еще необследованный кусок. Может, здесь найдется другой выход.

— Стой тут, — велел я Хлюпику. — Следи за дверью. Если что, стреляй. Только никакой самодеятельности. Еще хоть один чих без моего ведома, и я тебя здесь своими руками положу одной пулей в затылок.

Он закивал, как китайский болванчик. Переборов желание еще разок двинуть ему по морде, я повернул правее и пошел вперед. Через десяток шагов фонарь осветил правую стену. В луче что-то чуть дрогнуло. Словно воздух над костром. Я замер на месте и медленно повел луч обратно.

Ничего. Или смотрю не там, или показалось. Бросив «Калашникова» болтаться на ремне, я перехватил фонарь в другую руку и достал болт. Кусок металла с потертой резьбой мелькнул в свете фонаря, спикировал в темноту и грохнулся на пол. Одновременно с ним на пол полетел и я. Только в обратную сторону.

Потревоженная аномалия собралась с силами и показала все свои возможности. Над головой пронеслась волна жара. Я откатился в сторону, поднялся и побежал назад. Что происходит за спиной, уже не видел, но мне это и не обязательно. Жарку в действии мне видеть доводилось не единожды.

Этой аномалии нужно время. Сначала в воздухе словно из ниоткуда собираются огненные всполохи, сплетаясь и выкручиваясь, как зарождающаяся галактика. Затем эта галактика набирает объем, наливается цветом... а потом выплевывает фонтан пламени. Такой, что любой напалм может дух испустить от зависти. Говорят, в пламени жарки температура доходит до полутора тысяч градусов. Так это или нет, не знаю. Лезть в нее с термометром мне в голову не приходило. Пыхнуло второй раз, но далеко. До меня дошла лишь волна горячего воздуха.

Перед носом возник Хлюпик. Рожа ошалелая. Еще бы — такого фейерверка ты, дитятко, не видел. Ну, посмотри.

Он и смотрел. Стоял и пялился заворуженно. Наверное, с такой заворуженностью насекомые летят на свет и бьются в экстазе, когда горят заживо в огоньке свечи или плафоне лампы.

— За мной! — приказал я, хватая его за рукав.

Укрытие мне на ум приходило только одно. Бежать до двери, через которую вошли, было немыслимой глупостью. А вот шахта, или короб, который я изучал, пока Хлюпик ручонки шаловливые тянул, куда не надо, был как раз рядом.

Я торопился, и было от чего. Новая жарка уже закручивала свое файер-шоу. И смотреть его до конца мне не улыбалось. Спасительная лазейка была уже в двух шагах. Я поднырнул в проем, уходящий шахтой вверх, и отпрыгнул к дальней стене. Хлюпик вжался спиной в стену рядом.

Полыхнуло. Следом еще и еще. Откуда их столько? И какого черта они перемещаются? Обычно жарки практически статичны. Привязаны к месту. А здесь отчего-то разгуливают по комнате. Или я умудрился пройти и не потревожить их раньше? Нет, не может быть. Бред.

— Что это? — хрипло спросил Хлюпик и закашлялся. Понимаю. У самого от сухого воздуха в глотке першит.

— Жарки, — отозвался я. — Жарят на тысячу с лишним градусов. Но красивые. Хочешь сгореть заживо — выйди посмотри.

Хлюпик зябко повел плечами, хотя что-то, а уж холодно тут никак не было.

— Это аномалия такая?

Умный какой. Был бы тут Мунлайт, уже сообщил бы свое любимое: «Возьми с полки пирожок. Там их два, твой — посередине».

Снаружи стало тихо. Жарки поутихли. Только тихо гуляли по стенам и полу странные всполохи. Интересно, что это такое. На жарку не похоже. Свет и тень мелькали хаотичными всплесками. Как будто кто-то нес над комнатой лампу с абажуром, но шутки ради раскачивал ее из стороны в сторону. Полыхнуло в последний раз, и помещение снова погрузилось в темноту.

Нет, бюреров тут нету. И кровососов нету. Они хоть и безмозглые, но в аномалию лезть не станут. Хотя если учесть, что среди них попадаются почти разумные, то, может быть, нашелся один, который научился таким образом жарить себе мясо.

Я присел на корточки и осторожно высунулся наружу. Хлюпик рыпнулся следом, но я пресек.

— Жди здесь!

Только Хлюпика мне еще снаружи не хватало. Там и без него жарко.

В зале снова было тихо. Я включил фонарь и зашарил лучом по окрестностям. Ничего. Ни жарок, ни памяти о них, ни даже подрагивающего воздуха. Хотя в темноте хрен разглядишь. Это мне повезло крупно, что заметил. Считаю, в рубашке родился с серебряной ложкой во рту и прочими атрибутами врожденного везения.

Ладно, аномалия не активна. А дальше что? Спрятаться-то мы спрятались, только теперь оказались в мышеловке. И дверка захлопнулась. Возвращаться к двери, через которую вошли, нереально. И потом, кто сказал, что ее тоже кто-нибудь не прикрыл уже. Да и не возвращаются в зоне никогда. Добираться до оставшейся неисследованной стены и надеяться, что там будет выход, тоже не вариант. Ломиться в закрытую дверь или учиться лазать по стенам и уходить через короб. Бред какой-то. Оставшийся вариант — сидеть и

ждать. Пока не сдохнешь с голоду или не свихнешься и не попрешь на жарки. Как мотылек на лампочку.

Никто и не подозревал, а будет у Угрюмого феерический конец. Жаль, никто не увидит. Шутка опять получилась паршивой, но отшучивался я не для кого-то, а для себя. Так что сойдет.

Болтиков в карманчике оставалось штуки три. Я с прискорбием вытащил металлическую болванку и подумал, что если дальше так пойдет, то скоро мне кидать будет нечего, разве что раскидывать боезапас по одному патрону. Интересно, что будет, если патрон в жарку попадет? Обычно из жарки, если туда что-то попадает, кристаллы и огненные шары получаются. Ну, еще пресловутые «капли», за которые я, по договоренности с барменом, должен был бы сейчас водку жрать на халяву и отсыпаться. И кой черт меня дернул связаться с этим Хлюпиком.

Рука привычно дернулась в короткий замах и обратно. Болтик пролетел метров семь и покатился по полу. Жарки не заставили себя ждать. Так как среагировали они не в мою сторону, я мог сидеть, высунув нос наружу, и наблюдать за феерией. А посмотреть было на что, и аномальное зрелище в самом деле притягивало, завораживало.

В воздухе закрутилось сразу три сгустка. Набухая, как бутоны, и распускаясь, как огромные пышные цветы, из которых огненной струей неожиданно вываливался непомерно большой пестик. Три активные жарки — это убийственно красиво.

Зал осветило практически полностью. Я забежал глазами по помещению. Сейчас увидел все завалы и разглядел наконец противоположную стену. Глухая была та стена. И другого выхода, как уже известные две двери и неведомая шахта, не было.

Жарки потихоньку стали затухать, и по стенам снова заплясали странные всполохи. Я задрал голову. Над центром зала порхало... Нет, я не смог бы это описать. Таких штук я не видел никогда. Словно пламя от костра поднялось в воздух и, будто птица, замахало крыльями. Хотя формой этот огонек, размером с кабанью голову, напоминал скорее бабочку.

Точно. Потревоженная бабочка. И порхает так же. И такая же непостижимо красивая. Плохо дело, Угрюмый, не иначе мир перевернулся, если ты решил аномалиями любоваться.

Бабочка стала опускаться вниз. Движения ее стали более спокойными, плавными. Даже немного заторможенными, словно внутри у нее села батарейка или закончился завод. На высоте полутора метров она застыла на мгновение и вдруг снова задергалась, быстрыми резкими движениями запорхала в мою сторону.

Только этого мне не хватало. Я зло сплюнул. Словно по приказу бабочки снова завоились жарки. Причем теперь они глядели четко в мою сторону. Вот ведь зараза!

Я откатился назад. Подскочив на ноги, вжался в стену рядом с Хлюпиком. Снаружи затрещало струящимся пламенем. На мгновение воздух накалился до предела, стало нечем дышать. Но через несколько секунд жар спал. Лицо горело. Спина намокла настолько, что, казалось, можно раздеваться и отжимать одежду, как после стирки.

Всполохи снова завертелись из стороны в сторону. Огненная бабочка искала меня.

— Это тоже жарка? — прошептал едва слышно Хлюпик.

— А мне откуда знать, — огрызнулся я. — Нашел себе энциклопедию ходячую.

Всполохи стали медленнее и печальнее. А что, если мне на эту дрянь тоже поохотиться?

Идея показалась занятной. Я скинул рюкзак, подхватил автомат и высунулся наружу. Бабочка, порхавшая в дюжине метров от меня, уже собралась на покой. Видимо, посчитала свою миссию выполненной. Спят усталые жаркушки, мерзкие аномалюшки.

Я вылез из своего убежища, присел на одно колено. Приклад уперся в плечо, автомат удобно устроился в руках, палец на спуске.

Сейчас посмотрим, кто из нас круче. Я поймал в прицел огонечек и спустил курок. Очередь ушла мимо. Видимо, мимо, потому как бабочка снова заметалась и понеслась в мою сторону. Я снова попытался взять ее на мушку, но движения этой штуки были настолько дергаными, хаотичными и непредсказуемыми, что целиться было невыносимо трудно. Сбоку задрожал закручивающимся пламенем воздух. Я дал вторую очередь. Бабочка легко

увернулась и закружила почти у меня над головой. Или промазал, или моя пристрелка ей как мертвому припарки.

Краем глаза поймал крутящееся пламя. Одно, два... Еще одна попытка и назад. Иначе меня зажарят. Я поймал цель и нажал спуск. В последний момент рука дрогнула, я чертыхнулся и метнулся назад, в спасительный закуток. Но именно дрогнувшая рука меня, видимо, и спасла. Поднырнув в провал, дернулся к стене, только сейчас, задним числом, осознавая, что над головой вспыхнуло как-то неестественно ярко. Вспыхнуло и потухло.

Я обернулся. Еще пара спонтанных вспышек в стороне, и вокруг установилась привычная уже тьма. Только теперь она была другая. Что-то в ней изменилось. И жарки почему-то не сработали.

Дыхание было тяжелым, сердце чуть не ломало ребра. Я поглядел на Хлюпика. Тот стоял, прижавшись к стене, и благоразумно светил фонарем в пол. На меня посмотрел затравленно.

— Ты ее убил?

— Аномалию нельзя убить, она не живая, — начал я и прикусил язык.

Если не живая, то как она на меня реагировала? Хотя, наверное, есть какие-то поля, энергии, векторы силы и законы физики. Я в этом всем, один черт, дуб дубом.

— Тогда что? — странным тоном проговорил Хлюпик.

Я пожал плечами и вылез наружу. В сторону, где последний раз закипали жарки, полетел предпоследний болт. Руки тряслись, и силы не рассчитал. Болт с легким свистом рассек воздух и, ударившись обо что-то в темноте, покатился в сторону. Чертыхнувшись, я заново врубил фонарь. Темноту прорезал луч света.

Фонарь повертел светящимся глазом из стороны в сторону. Ничего. Болт искать без толку, а ничего подозрительного нет. Или я действительно прикончил аномалию, или... Другого «или» у меня не было, первое выглядело каким-то хитрым фокусом из сказок про стелкеров, которыми зона полнится. Еще одна легенда родится.

Хотя нет, я тут один, если не считать Хлюпика. Но Хлюпик не расскажет, а я — тем более. Так что сказок про Угрюмого не будет.

— Вылезай, — окликнул я. — И рюкзак прихвати. Он появился мгновенно. Рюкзак на плече. Надо же, послушный какой стал. Интересно, надолго ли? Я сдернул свое имущество с хлипкого плеча спутника и вернул на законное место.

— Куда теперь? — поинтересовался он.

Опять риторические вопросы. Меньше знаешь — крепче спишь. Я молча развернулся и потопал к запертой двери.

На этот раз ручка поддавалась легко. Пальцы только коснулись теплого металла, а уже стало ясно, что ручку никто не держит. Она вихлялась из стороны в сторону. Говорят, в Советском Союзе все делали на века. Не знаю, СССР я застал краешком детства, когда на производство в частности и экономику вообще плевали с высокой колокольни. Для меня Союз нерушимый остался ярким и солнечным, а вся ответственность и груз системы вылились в яркую капельку октябратского значка — вписанную в пентакль фотографию юного Володи Ульянова. Так или иначе, с советских времен ручка разболталась и держалась на соплях.

Я осторожно толкнул дверь и тотчас чуть прищурился. В коридоре за дверью горел свет. Причем яркий. Смысла в фонаре больше не было. Шагнув вперед, я выпустил из темноты Хлюпика.

Коридорчик оказался сравнительно недлинным. Всего метров пятнадцать. Далее был тупик и поворот на девяносто градусов.

— А это как? — подал голос Хлюпик.

Я повернулся к нему. Он напоминал сейчас свежевытащенную на берег рыбу. Еще не бьющуюся в агонии, но уже весьма удивленную тем непостижимым миром без воды, в который она вляпалась.

— Что?

Он ткнул пальцем мне за спину. Я повернулся. Секунды хватило на то, чтобы понять, что так удивило моего попутчика. В голове возникли слова, много слов из лексикона одной маминой подружки-профессорши, которая, зарабатывая себе степень доктора филологических наук, писала работу по теме истории и семантики русского мата.

В конце коридора под потолком недвижно висел деревянный ящик. Может быть, из-за этой неподвижности и резкой смены освещения я его и пропустил. Отмазка. Просто расслабился опять.

Я попятился, отодвигая Хлюпика обратно в темный зал. Ящик, словно уловив мою мысль, резко сорвался с места и с невероятной скоростью полетел мне в голову.

15

Кажется, я все-таки помянул вслух чьих-то родственников по материнской линии. Толкнув Хлюпика назад, присел. Ящик пронесся над головой и впечатался в дверной косяк. Раздался треск ломающегося дерева, и на голову посыпались обломки. Болезненно, но не смертельно.

Чертова тварь. Я поднялся на ноги, стряхивая с костюма щепки. Хлюпик сидел на полу и тер лоб. Посреди лба, словно прорезающийся рог единорога, вздулась огромная шишка с рассеченной посередине кожей. Сразу стало ясно, куда и чем пришелся удар. Везет ему сегодня на оплеухи.

Беглым взглядом оценил коридор. Больше до конца коридора посторонних предметов, по счастью, не было. А там поглядим. Если ублюдок один, то не сунется. Если много, то нам хана.

— Что это было? — Хлюпик поднялся-таки на ноги и теперь, морщась, мял свою шишку пальцами. Мазохист он, что ли?

— Бюрер, — коротко ответил я.

— Тоже аномалия?

Господи! Интересно, этот дурень хоть что-то про зону знает?

— Ты бы хоть поинтересовался, куда лезешь, — пожурил я. — Или про Монолит узнал и жадность глазки затуманила?

— Иди ты, — огрызнулся он.

Опять характер показать решил. Ни черта не умеет, ничего не знает, но на неприятности нарывается и характер есть. Наверное, этим он мне и понравился. Хлюпик, но не тряпка.

— Мутанты это, — устало объяснил я. — Говорят, разумные. Насколько у них реально мозги варят, я не знаю, хотя какое-то примитивное общество у них существует и даже подобие идолопоклонничества. Наташат кучу мусора и молятся. Но самое паршивое, что в них есть, это какие-то телекинетические способности. Видел, как ящиком кинул? Это не руками, а силой мысли, что ли. Кстати, судя по тому, как швырнул, он где-то рядом.

Хлюпик перестал терзать свою несчастную шишку.

— А почему бюреры?

— А почему Хлюпик?

— Сам назвал, — парировал он.

— Вот и их так называли. Готов? Пошли.

За углом бюрера не оказалось. Зато в воздухе парила пара бочек. В отличие от ящика, который чуть не разможил две головы: одну — дурную, а другую — мою, бочки плавали вверх-вниз с люфтом сантиметров в двадцать. То ли бюрер был далеко, то ли бочки были тяжелыми, хотя полные он их не поднял бы ни в жизнь.

Словно подтверждая мои мысли, первый бочонок сорвался и с пустым металлическим грохотом шваркнулся об пол. Пустой. И у бюрера явно силенок маловато. Это радует. Интересно, на что он растратился? Или это не та непонятная бабочка, а он дверь держал?

— Идем быстро. Не останавливаемся, — проинструктировал я. — Смотри, аккуратнее. Как он кинуть может, уже знаешь. Идешь за мной, держимся правой стороны.

Хлюпик что-то понимающе промычал, а я уже шагал по коридору. Порванная на мосту нога начинала нить, и мне это совсем не нравилось.

Бочка снова поднялась в воздух и заколыхалась рядом со своей подружкой. Продолжалось это недолго, секунды три. Потом снова раздался грохот, и пустой бочонок покатился по полу.

Воспользовавшись моментом, я поспешил проскочить мимо. Получилось. Во всяком случае, у меня. Сзади грохнуло. Следом послышался возмущенный вопль и выстрел. Я повернулся.

Хлюпик второй раз пальнул по валяющейся на полу бочке и потер ушибленное плечо. По себе знаю, когда в тебя попадает такой штукой, очень хочется ее пристрелить. Только толку в этом никакого. Бочку не убьешь, бюрера стрелять надо. А его сперва хорошо бы найти. Эти сволочи, когда поодиночке, очень неплохо прячутся.

Бочки зашевелились и вновь, хоть и с натугой, оторвались от пола. Я шел вперед, стараясь не отвлекаться на парящие в воздухе посторонние предметы. Справа возник проем, я мельком глянул внутрь. Бюрера не видно, выхода тоже — комната глухая. Идем дальше.

Я развил довольно приличную скорость. Хлюпик не отставал, тяжело сопел в затылок. Коридор еще раз изогнулся. Сзади загрохотали падающие бочки. Не то бюрер совсем надорвался, не то решил, что больше нет смысла держать их в воздухе.

На этот раз двери были слева, но зато — три, а не одна. Первая оказалась закрыта. Я дернул ручку. Заперто. Вторая была сорвана с петель и лежала на полу недалеко от входа. Чуть дальше были набросаны старые, еще с советской символикой, газеты. А под потолком справа завис очередной ящик.

Ящик подозрительно зашевелился, словно невидимая рука намеревалась размахнуться посильнее, чтобы швырнуть побольнее. Я шарахнулся в сторону от дверного проема. Хлюпик застыл в нерешительности с той стороны и вопрошающе поглядел на меня.

— Быстро проходи, — посоветовал я. — А то опять по башке получишь.

На сей раз повторять и отвечать на вопросы не пришлось. Хлюпик рванул с места, как будто ему всобачили клизму из скипидара с патефонными иглками. Рывок оказался настолько молниеносным, что кровососы со своим стелс-режимом могли бы порадоваться за возможности человеческого организма.

Я кивнул и двинулся дальше. Третья дверь была нараспашку. В комнате за ней оказалось темно, зато в противоположной стене светился прямоугольником еще один дверной проем.

Вперед. Комнату я просвистал едва ли с меньшей поспешностью, чем избитый мной, ящиками и бочками Хлюпик кусок коридора возле предыдущей двери. По другую сторону проходной комнаты обнаружился еще один коридор. Справа он упирался в стену, слева через десяток метров сворачивал за угол. Под стеной справа зиял провал, над ним под потолком болтался кусок прямоугольного жестяного короба. Вентиляция, что ли?

Приблизившись к провалу, я осторожно заглянул вниз. Такой же жестяной короб, что и наверху, уходил от провала вниз. Но делал он это под углом, оттого понять, что там, внизу, было невозможно. Я встал на самый край и, едва придерживаясь пальцами за стену, извернувшись, запрокинул голову и посмотрел наверх в короб...

Точнее, хотел посмотреть, но не успел. Все произошло мгновенно. Жавшийся рядом и озирающийся по сторонам Хлюпик с воплем «Угрюмый!» дернулся ко мне. Я пошатнулся, балансируя на самом краешке провала, и, не удержавшись, полетел вниз.

Последнее, что я успел увидеть, мелькнувшая физиономия Хлюпика и черный силуэт карлика, стоявшего в конце коридора.

Я с грохотом прокатился пару метров. Дальше короб принял вертикальное положение, и моя многострадальная тушка просто упала вниз. Слава богу, не высоко. Жестяные стенки ощутимо ударили напоследок в бок и под зад. А затем я рухнул на пол в махонькой комнатенке.

Освещение здесь было тусклым, а пространство забитым. В четырех стенах умудрились уместиться пара шкафов, некое подобие стола и здоровенные станины каких-то допотопных машин неизвестного мне предназначения.

Конура была абсолютно замкнутой. Без окон, без дверей, что называется. И кроме меня здесь никого не было. Последний момент меня сильно порадовал. Короткая передышка не помешает. А там придумаю, как отсюда выбираться. Я поднялся на ноги и отошел в сторону. После полета по коробу тело болело так, будто я только что схлестнулся в неравной борьбе с профессиональной командой регбистов.

Наверху забряцало что-то, словно дите великана трясло огромную погремушку. Коротко грюкнуло, и из-под потолка к моим ногам шлепнулся Хлюпик с пистолетом в руке.

— Зря ты там не остался, — мрачно заметил я. — Пусть бы лучше бюрер с тобой мучался.

Парень поднялся на ноги и посмотрел на меня. Глаза этого паразита блестели так, словно его забрали с необитаемого острова и запустили сперва в баню с девками, а потом в элитный ресторан.

— Так это он был? — проигнорировал мой выпад Хлюпик.

— Был? — Я даже оживился. — Ты его пристрелил?

— Нет. — Хлюпик сокрушенно встряхнул рукой с пистолетом. — Заело что-то. Не стреляет. И я за тобой. Но он не полез. Он вообще не лез, стоял и смотрел только.

Еще бы. Я бы тоже посмотрел, как один дурак другого в вентиляцию сталкивает, а потом с суетливой поспешностью сам следом лезет. Если б у бюрера помимо зачатка мозгов был хоть какой-то намек на чувство юмора, он, наверное, не только стоял бы и смотрел, но еще и от души повеселился.

— Дай сюда.

Не дожидаясь реакции, я забрал у него пистолет. Ну, так и думал. Не стреляет чего-то. Патроны кончились, вот и не стреляет. Надо было мне об этом раньше подумать. Я вытащил обойму, протянул по очереди и БП, и пустую обойму Хлюпику.

Привычным движением вынул, не считая, восемь патронов из кармана, подкинул на ладони.

— Сам сможешь или показать?

— Я попробую.

Он протянул ладонь лодочкой, и я ссыпал в нее патроны. Я наблюдал за Хлюпиком со стороны. Занимался ли он этим когда-то, или просто включил логику, а дело хоть и медленно, но шло. Об автоматизме здесь, конечно, речи не было, в другое время в другом месте он бы уже мертвым валялся с такой скоростью, но по крайней мере патрон той стороной вставлял.

Убедившись, что Хлюпик справится без меня, я пошел изучать комнату. Сперва обшарил шкафы. В них оказалось пусто. Причем, судя по следам, их обчистили совсем недавно. Интересно, кто и как? А самое главное, как этот кто-то сюда попал и как отсюда ушел?

Труба, через которую мы вывалились в эту конуру, отпадает. До нее так просто с пола не достать. Варианты? Я осмотрелся и полез на станину.

Сверху комната казалась чуть более просторной, но все равно крохотной. А вот и выход. За станией под потолком обнаружился еще один, не то вентиляционный, не то еще какой, короб. Лазейка в него была небольшой, ну да не страшно.

Я спрыгнул со станины и вернулся к Хлюпику.

— Закончил?

— Да получилось вроде. Ты мне патронов еще не дашь? А то, если что...

Он комично развел руками. И ведь прав. Надо было мне раньше об этом подумать. А то БП сунул и забыл. Ладно, не извиняться ж мне перед ним теперь. Если б не он, я б сейчас отдыхал у себя в комнатухе, пил водку и ждал очередного выброса, чтоб спуститься от него подальше в подвал к бармену и догнаться там с его Сыном. Сын он бармену или не сын, бог бы с ним. Просто славный парнишка, говорит мало.

Я молча выгреб из кармана горсть патронов штук на пятнадцать и сгрузил их Хлюпику. Кушайте, не обляпайтесь, как сказал бы Мунлайт.

— Готов?

Хлюпик кивнул. Всегда бы так, цены б ему не было. Я закинул на плечо рюкзак, подхватил «калаш» и снова полез на станину. Хлюпик удивленно пялился на меня снизу вверх. Глазенки непонимающие, ресничками хлоп-хлоп.

— Тебе приглашение нужно? — любопытствовал я. — Или руку подать?

Последняя фраза его, видимо, оскорбила. Парень небрежно фыркнул и полез наверх. Ну и хрен с ним, охота обижаться — нехай дуется. На надутых воду возят, а на обиженных вообще с прибором кладут.

Я подпрыгнул, пригнулся и упал в темноту. На секунду возникло ощущение, что меня заперли, замуровали в четырех стенах на одном квадратном метре. Но в следующую секунду я увидел лазейку и успокоился.

Снаружи снова был коридор. Причем теперь это был не канализационный туннель с покатыми, выгнутыми стенами и не странные узкие переходики с ярким освещением. Это был нормальный полноценный подвальный коридор. В меру широкий, в меру загаженный. В меру знакомый.

Освещение плохонькое, тусклое, но есть. Стены грязные, покрытые плесенью. Посреди коридора у стены от пола в потолок уходит еще один короб. Что-то смутно знакомое мне в нем показалось.

Я снова закрутил башкой. Нуда, похоже. Там, справа, студни булькают. И куча коридоров и комнат. Там еще здоровый темный зал, в котором кровососы живут. Туда мы не пойдем. А налево пара изгибов, лестница наверх и пара колодцев наружу, к НИИ Агропром.

Если только я не ошибся. Потому как, когда я блуждал здесь в последний раз, на месте пролома, из которого мы вылезли, была гладкая плесневелая, как и все прочие, стена.

Ну-ка. Я вынул ПДА и нажал кнопку. Засветился включенный экран. Внутриросло радостное возбуждение. Нет, не облегчение, расслабляться пока рано, но какое-то светлое радостное чувство только оттого, что я знаю, где нахожусь. Как мало человеку надо для счастья. На самом деле ему надо всего-навсего лишиться тех нехитрых радостей, которыми он живет. Совсем лишиться и осознать, как это — жить без них. А когда ты распрощался с тем, что имел, и что не ценил, и оно нежданно-негаданно вдруг вернулось к тебе обратно, вот тогда — счастье. Счастье — это ценить то, что имеешь. Ценить и беречь и помнить, что все преходяще.

Палец лег на кнопку выключения. Наладонник протестующе вспискнул и погас. Прости, друг электронный, но лучше тебе пока побыть в выключенном состоянии. Без тебя меня не видно.

Сзади протиснулся Хлюпик, встал рядом. Вот Хлюпик — тоже кусочек счастья. Наивный, дурной, совершенно не приспособленный к здешним условиям, чем немало раздражает, но хороший. Хороший светлый человек. И это счастье, что рядом не говнюк, каких зона делает из каждого первого, а вот этот...

Я посмотрел на Хлюпика.

— Чего дальше? — спросил он шепотом, едва перехватив мой взгляд.

Нет, пожалуй, насчет него я погорячился.

— Дальше полета метров коридора, три поворота и лестница наверх, — тихо ответил я. — Если повезет, то пройдем без осложнений.

Я подтянул лямки, перехватил поудобнее автомат и пошел вперед. Главное, идти как можно тише. И не торопиться. Сколько таких здесь было, которые видели выход,

чувствовали эйфорию и навсегда оставались на последней сотне метров. Потому что зона эйфории не прощает. Расслабиться можно у себя дома, в четырех стенах. Да и то не до конца.

На этой мысли я вдруг осекся. Странно, давно ли начал называть снимаемую у бармена комнату домом? Раньше не называл. Сама мысль о том, чтобы считать домом хоть какое-то место в зоне, была омерзительна. Неужели я настолько к этому привык? Неужели я постепенно стал частью этого гадостного места, язвы на теле голубой планетки? Хотя чему тут удивляться, если я сам давеча, обзывая зону и себя, прилепил к нам обоим одинаковый ярлычок.

Хлюпик сосредоточенно топал рядом и делал это практически беззвучно. Хотя на такой скорости умудриться шуметь — это постараться надо. По сторонам мой спутник, правда, не смотрел, зато старательно рассматривал каждый сантиметр, выцеливая место, куда поставить ногу, чтобы чем-нибудь не хрустнуть. Усердие, достойное первоклассника. Ладно, по сторонам я сам погляжу, хорошо хоть не топает.

Коридор повернул направо и почти сразу изогнулся влево под девяносто градусов. Не доходя полушага до поворота, я притормозил, качнулся вперед и тут же отшатнулся. Выкинул левую руку в сторону, перекрывая дорогу. И вовремя. Если б не это, мой нечаянный попутчик сейчас бы выскочил из-за угла и скорее всего эффектно умер.

Мне повезло. Когда я высунулся, тот, что находился у последнего поворота, повернулся ко мне затылком. Рассмотреть его мне не удалось, но картинка четко застыла в памяти. Это был человек, если только не зомби. Хотя зомбяки здесь редко появляются. Агропром не так глубоко. Он сидел на корточках, прислонившись к стене. А поперек колен у него лежал автомат. И на спусковом крючке автомата лежал палец. Не знаю, видел ли я последнюю деталь, но если ее дорисовало воображение, то сделано это было очень ярко.

Хлюпик повернулся ко мне. Я убрал руку и поднес к губам указательный палец. После чего ткнул им в Хлюпика и себе под ноги. Ничего личного дружок, но ты — тут.

«Калашников» легко щелкнул, когда переводил его на одиночные. Не знаю, услышал меня противник в этот момент или раньше. А может, он меня и вовсе не слышал. Но когда я, присев на корточки, выставил из-за угла ствол автомата и нажал на спуск, мысленно прикинув, куда стрелять, его в той точке уже не было.

Коротко треснула очередь. Я поднялся на ноги и выскочил из-за угла, готовясь добить раненого, но раненого не было. Никого не было. Шарахнувшись назад, повернулся к Хлюпику.

— Беги за мной, — бросил ему, меняя рожок. — Если что, падай. И, пока я на линии огня, не вздумай стрелять.

Не дожидаясь ответа, присел, вскинул автомат и высунулся из-за угла, готовый нажать на спуск. Противника не было.

Я рысью добежал до последнего поворота, высунулся — никого.

— Ушел. — Плевок приземлился в сантиметре от ноги подоспевшего Хлюпика.

— Это плохо?

— Если он был один, то плохо. Если с друзьями, то очень плохо. Значит, они вернутся и нас перестреляют. Или засаду устроят. Дерьмо.

— Может, там хороший человек был, а ты в него стрелять сразу.

— Хорошие сдохли давно, — буркнул я. — А новых не завозили. Все, заткнись.

Я вышел из-за угла и пошел вперед. Это точно был человек. Зомбяки так не бегают. У тех мозги гнилые, и та часть, которая извилинами шевелит, и та, что за рефлексy отвечает. Если один, то может за углом у прохода к лестнице ждать. Или наверх побежал и наружу вышел. А если их там много...

На этом мысли закончились. До дверного проема оставалась всего пара шагов, за ним уже маячил фрагмент металлической винтовой лестницы, теряющейся в темноте. Я глубоко вдохнул. Раз, два...

На счет «три» я прыгнул в проем.

— Вон он, сука! — крикнул кто-то сверху.

Застрекотало сразу несколько автоматов. Я отскочил назад, и вовремя. Пули забарабанили по металлическим деталям лестницы, высекая искры и улетаая рикошетом.

Итого в сухом остатке: недобитый мной мужик был не один. Засаду он не устраивал, зато успел подняться наверх и поставить на уши своих друзей. Это плохо. С другой стороны, вниз они спуститься не успели. Это хорошо.

Значит, ситуация патовая. Подняться они мне не дадут, спуститься я им не дам. Если только их там не полсотни человек и они не ломанутся на меня все разом, а это сомнительно. Обойти меня они тоже не смогут, так что за тыл можно не беспокоиться, если только какая-то группа не ушла вперед по коридору и не блуждала изначально у нас в тылу.

По лестнице заплясали отсветы фонариков. Сверху слышались звуки шагов. Идти беззвучно по такой ажурной металлической конструкции невозможно, даже если ты балерина в мягких тапочках. А если ты здоровый мужик в армейских ботинках и с полной выкладкой...

Я выставил руку с автоматом в дверной проем и дал очередь вверх. В ответ затрещали автоматные очереди. Судя по звуку, их там трое, не считая того, который быстро бежит. И, судя по свету, я заставил их отступить.

— Спину прикрывай, — бросил я Хлюпику.

— От кого? — не понял тот.

— Вот узнаешь от кого, скажешь, а пока просто следи за коридором и готовься стрелять, если что.

Я вскинул автомат, запрокинул голову вверх и шагнул на порог. Пространство вокруг лестницы наполнилось грохотом выстрелов и звоном рикошетов. Я снова переместился в коридор.

Паршиво. Прицелиться не выходило. В помещении было темно, лестница винтом уходила вверх, и понять, где и на какой Высоте мои противники, было нереально. Точнее, реально, если б мне дали на это хотя бы пару секунд. Но этих секунд у меня как раз и не было.

Выстрелы умолкли не сразу. Дилетанты. Стреляют наугад, боезапас не берегут. Не то патронов у них там ящик, не то — просто фара. Хлюпика моего они, конечно, завалили бы без проблем, а вот с опытным сталкером эта гопота воевать устанет.

Я сделал пару шагов назад, наткнулся на что-то, резко обернулся. Уже оборачиваясь, понял, что увижу. Хлюпик подпрыгнул от неожиданности не меньше, чем я. Посмотрел на меня, ожидая инструкций. Я поднес палец к губам, потом указал ему вперед, туда, где коридор поворачивал налево под девяносто градусов. Туда, откуда мы пришли. Пусть не расслабляется.

Выдав безмолвные инструкции, я повернулся к проему, сместился левее. Косяк уперся в плечо. Надежный и непоколебимый. Вскинул автомат. Дуло хищно уткнулось в черноту, приклад уперся в плечо. Я запрокинул голову и стал ждать.

Надо отдать должное противнику. Четверо ушлепков хоть и были случайными гостями зоны, а трепаться не стали. Даже не перешептывались. Договорились молча. Ничего, это вас не спасет.

Время шло. Я ждал. Наконец металлическая конструкция легко завибрировала в такт шагам. Мышцы напряглись. Палец аккуратно соскользнул со скобы и лег на спусковой крючок.

Минуты растянулись если не в вечность, то в пару столетий, к гадалке не ходи. Я глубоко вдохнул, сосчитал до трех и выдохнул. Выскакивать и стрелять раньше времени мы не будем. Мы будем ждать.

Наверху замелькали светлые пятна, по стенам забегали тени. Бздынькнуло, свет рывком метнулся вперед. Загудел металл, кто-то тихо чертыхнулся. Куда вы лезете, ребятки, вы ж даже на ногах не держитесь?

Следующий шаг показался особенно громким. Первый из моих противников ступил на решетку лестничного пролета, который расположился почти у меня над головой. Еще пара шагов, и я увидел подошвы ботинок.

Одну, две, три... Они всей кучей, что ли, прут? Большой палец лег на предохранитель, рычажок с легким щелчком сместился с одиночной стрельбы в крайнее положение. Я глубоко вздохнул, пытаюсь успокоить раскошегарившееся сердце. Раз, два...

Три! Я сделал полшага вперед и нажал спуск. Короткая очередь срезала того, который шел первым. Дальше тело заработало на автомате. Шаг назад, три вправо. На лестнице уже стрекотали автоматы. Шаг вперед. Очередь. Назад. Вперед. Очередь. Снова назад.

Собравшись с силами, я рванул вперед, через проем и комнату, к противоположной стене. В этот рывок я вложился по полной. Движение вышло молниеносным. На середине комнаты я начал разворачиваться. Возле стены вдавил спусковой крючок и бросился вверх по ступеням. Их действительно было четверо. Одного я срезал первой очередью наповал. Второй извивался лежа на боку и стонал пролетом выше. А оставшиеся двое, перестав понимать, что происходит, сделали самую большую ошибку — бросились бежать.

Они еще пытались отстреливаться, но делали это настолько бездумно и неумело, что шансов попасть у них практически не было. Разве что наудачу. Но удача сегодня была не на их стороне.

Я присел на колени, прицелился и срезал первого. Тот кулем повалился на ступени, прокатился чуть вниз и повис, как тряпичная кукла. Второй почти добрался доверху. Прыгая через четыре ступени, я помчался за ним. Давно уже так не бегал. Мелькнули последние ступени, бетонная площадка, дверной проем и коридор. Противник был уже на середине коридора. Я вскинул автомат и, практически не целясь, выстрелил в спину.

Очередь ушла в темноту коридора. Убегающая фигурка споткнулась и кувыркнулась на пол. Тело дернулось и застыло.

Он упал, сердце больше не билось. Я сплюнул под ноги и пошел обратно. Надо было забрать Хлюпика.

Склонившись над трупом, я обшарил карманы, сунулся в худой, как некормленная слепая собака, рюкзак. Боезапас у дурней был в самом деле немаленьким, во всяком случае, у того, что попал под раздачу первым. Я сгрузил патроны, благо больше ничего интересного не нашел, и похромал вниз. Нога начинала болеть весьма ощутимо.

На нижнем пролете я снова склонился над телами и принялся потрошить карманы. Один был мертв, второй уже не дергался. Едва слышно стонал, но и стонать ему недолго осталось. Судя по всему, у него три-четыре пули в брюхе.

— Угрюмый? — донесся голос от входа. Неужели! Случилось чудо, и Хлюпик впервые за все время сделал то, что от него требовалось, — никуда не полез. Аллилуйя!

— Поднимайся, — велел я.

Внизу поспешно зашлепали шаги. Он уже не таился, решил, что все кончилось. Все мы на этом и попадаемся. И новички, и профи. Новички чаще. Ничего не кончилось. Пока ты в зоне, вообще ничего не кончается. Пока не добрался до убежища, все продолжается.

Хлюпик появился на лестнице. Увидел меня, ковыряющего карманы, остановился. На лице возникло странное выражение, как будто я был его непогрешимым во всех отношениях папой, а тут он вдруг застал меня за онанизмом.

— Пистолет дай, — потребовал я и протянул руку. Он молча протянул БП.

— Хочешь, можешь отвернуться, — предложил я.

— Зачем? — не понял Хлюпик.

Ладно, обойдемся без объяснений. Не особо церемонясь, я поднял руку с пистолетом и выстрелил недобитому искателю приключений в голову. Руку дернуло отдачей. Голова бродяги дрогнула, стоны оборвались, как не было.

Хлюпик выпучился на меня так, словно к сцене с онанизмом добавились пара голых девиц с раздвинутыми ногами и мальчик, подставляющий задницу. Я протянул пистолет обратно.

— Держи.

Он принял оружие чуть ли не с налетом брезгливости. Ничего, переживет. Я его предупреждал, что здесь дрянное место, в котором шляются паршивые люди и работают законы джунглей. Пусть смотрит. Когда все это закончится, надеюсь, он сам отсюда сбежит, выкинув из головы дурь на тему Монолита.

Пальцы забегали по последним кармашкам.

— Это нехорошо, — тихо сказал Хлюпик.

— Нормально, — не глядя бросил я.

Он смолчал. Но я видел краем глаза, как несогласно он качает головой. И в глазах его была... нет, не брезгливость, как показалось мне вначале. Что-то другое. Как будто ему за меня было стыдно или даже обидно.

Чертыхнувшись про себя, я оставил мародерство незаконченным, поднялся и пошел вверх.

Хлюпик шел сзади, лестница гулко гудела от его скромных легких шагов. Моралист хренов. И я тоже хорош, плюнуть на его укоризненные гляделки не мог, что ли?

18

Темный коридор, прямой, как стрела, уходил в черную неизвестность. Луч фонарика выхватывал только кусок пространства. Посреди коридора валялся последний труп. Что там, дальше, в этой темноте, меня волновало мало. Судя по карте, тупик. Я прошел метров пятьдесят. Справа в стене появился небольшой утопленный закуток. Внутри заутка от стены чуть отступала металлическая лесенка.

Сверившись с картой, шагнул в закуток. Запрокинул голову, посмотрел вверх. И хотя там ни черта не было видно, я точно знал, что наверху колодезная крышка, а за ней — зона. Опасная, дикая, непредсказуемая, но все лучше, чем катакомбы.

Хрустя разбросанным по полу мусором, подошел Хлюпик. Потрепанный, уставший.

— Ну, вот и все, — кивнул я на лестницу. — Осталось только вверх подняться.

— А что там, наверху?

— Научно-исследовательский институт.

— Чего, работающий?

Я фыркнул. Ага, работающий. Прибежищем для всякого сброда.

— А чего за институт?

— НИИ Агропром. — Я бросил на пол рюкзак, прислонил к стене автомат и плюхнулся рядом, возле лестницы.

— А чего мы не идем?

Вот прорвало. Интересно, он сам заткнется, или его попросить нужно?

— Передохнем и пойдем. Кто знает, что там, наверху. Хлюпик сел напротив, прямо посреди коридора.

Ноги его вытянулись вперед и чуть не касались моих. Он смолчал. Хотя на физиономии у него был здоровенными буквами написан вопрос: «А что там, наверху?»

— Там, наверху, могут быть военные, — ответил я на незаданный вопрос. — Может быть, какое-то отребье. А может, просто собаки с кабанами носятся. Еще вопросы?

Он потупился, помялся, словно собираясь с силами, потом кинул на меня беглый взгляд и поинтересовался полупшепотом, словно боялся, что кто-то услышит:

— А где здесь... ну, это... дела делают?

Нет, все-таки он неподражаем. Я ждал любого вопроса, но от этого чуть не поперхнулся.

— Для вас везде.

Он непонимающе заморгал.

— Ну, чего ты смотришь, — не выдержал я. — Тебе в канализации отдельный туалет поставить? Может, еще биде и душевую кабинку? Гадь, где хочешь.

Хлюпик засопел, поднялся на ноги и потопал обратно по коридору.

— Ты куда? — окликнул я.

— Туда, — буркнул он. — Я где угодно не могу. Шаги растворились в темноте. Там, вдалеке, что-то завозилось. Дурдом на колесах. Нет, я за него сейчас не сильно переживал. Живых там не осталось, аномалий тоже. Но охота была так далеко переться, чтоб нужду справить. Не может он. Клоун.

Тело ныло от долгой ходьбы. Спина устала от рюкзака. Да еще и нога до кучи давала о себе знать все сильнее. Ныла, тянула, дергала уже не только при ходьбе. И это совсем не радовало, так как означало, что действие обезболивающего потихоньку подходит к концу. Сперва начнет ныть и дергать, и ты просто хромаешь, а потом будет болеть все больше и больше, пока не разболится до такой степени, что ходить невозможно станет. Пора потихоньку топать.

Я поднялся на ноги и с хрустом потянулся. Ну, чего там этот деятель, сделал свое дело?

— Эй, Хлюпик, ты там как?

Погруженный во тьму коридор безмолвствовал. Я вынул фонарик и осветил вперед. Увидеть ничего не успел.

Голова стала чугунной, уши словно забило ватой. Оглох, некстати пронеслось в голове. В ушах запищало протяжно на какой-то высокой, возможно, даже неуловимой ноте. И тут же виски пронзило болью. Голову прострелило, словно насквозь проткнули спицей. Перед глазами стало темно. Сквозь темноту проступил силуэт. Я попытался сконцентрироваться на нем, но очертания его вибрировали.

Тело не слушалось, будто было уже не моим. Грохнулся на пол, мелькнув хаотичными световыми изломами, фонарик. Я тряхнул головой. Кажется, немного отпустило. Но только немного.

Я поднял глаза и уставился в темноту коридора. Где-то там угадывалась корявая нечеловеческая угловатая тень. Теперь окончательно стало понятно, что происходит. И хотя лично мы не сталкивались прежде, я уже понял, что мне хана. И Хлюпика скорее всего уже нет. Вернее, есть, но уже не Хлюпик, а жертва контролера.

Никогда не видел контролеров вживую. И, кажется, уже не увижу. Вот, значит, как это бывает... Мысли были разрозненными, как осколки китайской вазы, которую грохнули об пол. Надо бы дотянуться до автомата...

Я напрягся. Снова засвистело, закладывая уши. В глазах стало темно. Виски пронзило болью. На этот раз значительно сильнее, как будто вместо одной спицы вставили сразу штуки четыре.

Я пошатнулся. Против контролера с его телепатическими возможностями приема нет. То есть, его, конечно, можно завалить, но не тогда, когда автомат у стенки в трех метрах от тебя, а ты ни рукой, ни ногой шевельнуть не можешь.

В голове заплескали мысли... Идти... Куда? Нет, не вверх... в глубину... а там... Нет, это не мои мысли, мне надо... Куда мне надо... мне и идти-то некуда... Мне надо вниз... там есть путь, которым никто не ходил, он приведет меня... Куда?

Не мое! Я напрягся, собрался с силами, постарался выдавить из себя чужое сознание. Я стою в коридоре, рядом лестница вверх. Я Угрюмый. Я жду...

Он, уже не таясь, подошел ближе. Я даже разглядел уродливую рожу, на которую не то плеснули кислотой, не то сперва стянули кожу, а потом брызнули какой-то химией. Снова стало темно, в темноте возникло зеркало. Я подошел ближе и вместо отражения увидел уродливое рыло контролера.

Контролера...

Из темноты снова выдвинулись очертания коридора. Видимо, я еще сопротивлялся, но...

Контролер вздрогнул, его жутковатая харя расцвела алой розой. Писк оборвался, перед глазами взрывом пронесся веер неопишуемых картинок, словно за секунду передо мной, наложив одну на другую, прокрутили штук пять часовых пленок с разными фильмами. Среди этого хаоса было что-то сродни откровению, я даже порадовался ему, но ничего не запомнил.

Снова проявились стенки коридора. Контролер медленно падал лицом вниз, хотя липа у него теперь не было. Сзади него в трех шагах стоял Хлюпик с пистолетом в вытянутой руке.

Контролер упал. В голове загудело, к глотке подкатил комок тошноты. Вокруг снова стало темно, и я поплыл в этой темноте в бесконечном медленном падении в неизвестную сторону.

Какой прекрасный бред! — пришла счастливая мысль, прежде чем я отключился, навсегда отдавая свое сознание мерзкой твари.

Часть вторая ДОЛЖОК

1

«Рабочая совесть — лучший контролер!»

Этот звонкий лозунг был написан могучими красными буквами на белом, мутном, похожем на плафон лампы пластике. Огромный пластиковый транспарант болтался под потолком над цехом, свешивался на металлических стержнях. По всей видимости, плафоном он и был, но лампочка внутри него перегорела, вероятно, еще в советские времена. Теперь лозунг не зажигался, светясь в недосыгаемости, как светлое будущее советского народа, а болтался мутным пятном, вызывая ехидные усмешки практикантов.

Мы вообще тогда много издевались. И над производственной практикой, которая казалась совковым пережитком, и над захламленным цехом, который не чистили, кажется, с тех самых советских времен. И над людьми, которые здесь работали, вместо того чтобы крутить свой бизнес. Свой бизнес! Как тогда думалось, его нет только у неудачников и туповатых представителей простого народа. Себя мы ни к тем, ни к другим не причисляли. И у нас то будущее должно было быть не мутное и не светлое, а сверкающее с долларово-зеленым отливом.

Самое приятное место в цехе было в закутке под транспарантом про совесть. Здесь же стоял широкий, похожий на болванку президентского стола верстак и висела еще пара плакатов. Эти были бумажными, но помнили, кажется, еще живого Сталина. Во всяком случае, тот, что был совсем ветхим, с пожелтевшими до коричневы краями, явно пережил на этой стене не только полет Гагарина, но и Великую Отечественную. На плакате из синечерной тьмы такого же, как наш, цеха выступал артериально-алый рабочий с молотом, поднятом в могучем замахе. «Назад оглянись, потом размахнись!» — гласила надпись. А темнеющая на заднем плане, позади рабочего, фигура, роняющая из ослабевших пальцев свой молот, объясняла приписку ниже: «Ставь предохранительный щиток!» На втором плакате, поновее, красовался вождь мирового пролетариата на фоне красного знамени, рядом трепетала цитата из Маяковского: «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить...»

Но привлекали нас в этом чудном закутке не старосоветские плакатики. В семь часов, когда цех превращался в огромное пустое пространство, в этом закутке можно было мирно пить пиво. Чем мы бесстыдно и пользовались. Это была самая приятная и самая понятная часть практики. Если вся остальная часть вызывала вопрос: «Зачем это нам?», то с пивом все было просто и понятно.

— Сергеич! — Юрка высунулся из закутка и поглядел на начальника цеха.

Сергеичу было лет под полета. Он имел руки рабочего человека со всеми атрибутами вплоть до вечной черноты под ногтями и отхваченного невесть чем и невесть когда мизинца. А еще он был счастливым обладателем усталой от жизни и довольно потертой алкоголем рожи. Но перед нами он валял ваньку и делал вид, что никогда не пил, да еще и зашился.

— Чего, Юр? — поинтересовался начальник цеха.

— Пиво будешь? — подмигнул Юрик Сергеичу, зная, что практикантам тот позволял с собой общаться в таком легком хамовато-простецком тоне. Видимо, считал, что таким образом сближается с молодежью.

— Я не пью, — покачал головой Сергеич:

«Со студентами», — произнес я одними губами за спиной у начальника цеха.

— Со студентами, — добавил Сергеич.

Юрка поперхнулся смешком, но поспешил придать физиономии серьезное выражение.

Сергеич грустно посмотрел на Юрку, на пиво. Потом повернулся со вздохом ко мне, сунул ключ, попросив закрыть и последить, чтоб все было «в ажуре». После чего, получив в ответ заверения, что «мы по-тихому и по-быстрому», удалился.

По-быстрому, конечно, не получалось. Пива было много, нам было весело. А палатка через дорогу от проходной торговала до двадцати трех ноль-ноль, и там запас жидкого хлеба был неисчерпаем. Дальше все шло по стандарту, достойному советских ГОСТов. Первым, как правило, скисал Малик. Мы продолжали пить, пока Вовка Чепыхряев не смотрел на часы. Поглядев на свои «командирские», он обычно начинал материться, подхватывая на плечо Малика, которого нереально было привести в себя, и уезжал. А мы с Юркой допивали оставшееся. Потом я шел в туалет, а вернувшись, традиционно заставлял Юрку за пьяной попыткой стянуть со стены ветхий плакат с красным рабочим, по неосторожности прибившим молотом своего коллегу. Эх, надо было ставить предохранительный щиток!

А потом я запирал все, и мы шли домой. Пешком, благо было недалеко. По дороге мы пили пиво, травили байки и весело ржали.

Тогда все время было весело. И смысл жизни находился, и цели были видны. А если и не были, то это никого не тревожило. Потому что было куда жить. Впереди было непашаное поле радости и недостижимый горизонт возможностей. Был лучший друг Юрка. И кто ж знал, что ничего этого скоро не будет?

Радость плескала через край, и казалось, что так будет всегда. Состояние эйфории будет длиться вечно, ну, может, только чуть потускнеет. Потом, через много лет. Как пластиковый лозунг:

«Рабочая совесть — лучший контролер!»

2

...контролер!

Перед глазами возникла страшная харя, словно облитая кислотой. Я вздрогнул и открыл глаза.

В первое мгновение ничего не понял. Не было туннеля, не было сырых темных стен и потолка с запертым люком, в который упиралась ржавая лестница. Не было серого неба, плюющего вечной моросью. Не было...

Нет, зона была. Был знакомый, облупившийся потолок. Я закрыл глаза.

— Угрюмый? — позвал голос откуда-то издалека, куда я не хотел возвращаться.

Я решил не отвечать. Мне хотелось туда, где мы весело смеялись с Юркой, ужравшись пивом после никому не нужной практики. Туда, где рабочая совесть — лучший контролер. Стоп! Контролер. Меня взял в оборот контролер. Я точно это помню. В подвале, где не было никого, кроме меня и Хлюпика.

Выходит меня по-прежнему глючит. Мерзкая тварь продолжает со мной забавляться. И ничего этого нет. Ни Хлюпика с его надоевшим голосом, ни комнаты, в которую я не мог вернуться. Только воспоминания и галлюцинации. Вот, значит, как это бывает.

Решив, что глюки меня не пугают, я снова открыл глаза. Хлюпик стоял рядом, нависнув надо мной, как медсестра из немецкого кино.

— Угрюмый, ты как?

Признаться, я предпочел бы немецкую медсестричку с большим бюстом. И пусть бы у меня были сломаны ноги, а она меня при этом нещадно отымела. Все лучше, чем зона и чертов бред.

— Ты не молчи только, — продолжал приставать Хлюпик. — Скажи что-нибудь.

Я разомкнул губы и прохрипел первое, что пришло на ум:

— Пить...

Голос прозвучал настолько неестественно, что я сам себя не узнал.

— Сейчас, — засуетился Хлюпик. — Одну минуту. Он навернул пару кругов по комнате. Суевливых и абсолютно ненужных. Потом, словно что-то вспомнил, дернулся к двери и вышел вон.

Я сел на кровати. Голова болела нещадно. Тело ломило, суставы ныли, во рту было сухо, а поперек горла стоял мерзкий комок. Состояние похмельное. Если бы не все то, что подкидывала мне память, и не Хлюпик в моей комнате до кучи, я бы подумал, что у меня похмелье, а все остальное — пьяный бред. Но вот беда, активный участник этого бреда побежал принести мне попить.

Интересно, что происходит и как я здесь оказался.

Дверь скрипнула. Хлюпик стоял на пороге с двумя банками пива. Что ж, у бармена помимо этой дряни ничего не осталось? Ни воды, ни водки? Хотя водка мне, честно сказать, сейчас не в кайф.

Подрагивающей рукой я принял банку. Дернул жестяное колечко. Пальцы ослабели и отказывались выполнять простейшие движения. Коротко пшикнуло, оповещая мир о нарушении целостности жестяной упаковки. Запрокинув голову, я судорожно присосался к банке. Пиво ринулось в глотку пощипывающей струей. Внутри запузырилось, напоминая о наличии рвотного рефлекса.

Я бросил пустую банку на пол и снова завалился на койку. Подал голос старый матрас. Хлюпик все еще стоял посреди комнаты со второй банкой в руке и тарасился на меня, судорожно соображая, что дальше. Я неопределенно махнул ему рукой. Повинуясь жесту, он поставил вторую банку пива в изголовье кровати, а сам сел рядом на плотно набитый рюкзак.

— Ты как? — поинтересовался его заботливый голос.

Последний раз я такую заботу слышал от матери на первом курсе. Тогда я нажрался, друзья принесли домой мое бесчувственное тело, и с утра было очень плохо. Мама окружила меня заботой, велела не ходить в институт и полежать... Полежать мне удалось часов до десяти. Потом я был нещадно разбужен и с призывом заняться трудотерапией отправлен в магазин. А после вместо отдыха получил еще некий список домашних забот. Трудотерапия пошла на пользу, после того случая я старался приходить домой на своих двоих. Где мои семнадцать лет?

Вопрос был риторическим. Я закрыл глаза и отключился.

Проснулся я ближе к вечеру. Мне было явно лучше. Ушла ломота и дикая головная боль. Хотелось есть.

Сев на койке, я поднял до сих пор стоявшую на полу банку пивка. На этот раз колечко поддалось легче. Да и пить было как-то приятнее. Сухость из глотки уходила, а тошнота не торопилась занимать ее место.

Хлюпик кемарил, сидя на рюкзаке. Скрюченный в три погибели, голова упала на грудь. Создавалось такое впечатление, что он долго не спал, а сейчас не выдержал и отрубился. Или его просто пристрелили...

От последней мысли обдало холодом. Отступившие было бредни о том, что я все еще во власти контролера, стали возвращаться обратно. Я потормошил Хлюпика за плечо. Тот мгновенно вскинулся. Осоловелые в первую секунду глаза стали приобретать осмысленность.

Живой. И на бред не похож. Я сдержал вздох облегчения и вернулся на койку. Хлюпик зевнул и потер глаза.

— Угрюмый, ты как? Лучше?

— Ты ел? — спросил я, проигнорировав идиотский вопрос.

— Давно, — отозвался он.

— Тогда доставай тушенку.

Он поднялся на ноги и потянул ящик из-под кровати.

— Сколько? Вот ведь зануда.

— Сколько съешь, — буркнул я. — И мне одну. Хлюпик выудил две банки тушенки. Коробка снова заняла свое законное место под кроватью. На нож в руках Хлюпика и его попытки открыть банку смотреть было больно. Но я решил не вмешиваться. Наконец одна из консервных жестянок с опасно зазубренными рваными краями попала мне в руки. Хлюпик начал изгаляться над второй.

— Если мясо с ножа ты не ел ни куска, — пробормотал я под нос, глядя на его потуги.

— Если, руки сложа, наблюдал свысока и в борьбу не вступал с подлецом, с палачом, значит, в жизни ты был ни при чем, — беззаботно поддержал он, кромсая неподдающуюся банку.

Я напрягся. Что-то в его голосе проскочило такое. Намек на издевку, что ли?

— Это ты о ком? — поинтересовался я.

— Это не я. — Хлюпик справился-таки с банкой, но поцарапал ладонь и теперь активно слюнявил царапину, сочащуюся кровью. — Это Высоцкий. Владимир Семенович. Честно.

Он посмотрел на меня до тошноты честными глазами. Так изящно мог издеваться Мунлайт, но от этого недомерка я таких пассажей не ожидал. Владимир Семеныч это. Надо же, интеллигент какой. Хотя Хлюпику, пожалуй, за тридцать, значит, кто такой Высоцкий, он должен знать по хриплым аудиокассетам конца прошлого века, а не по фальшивому документальному кино начала нового.

Я вернулся к тушенке. Ел молча. На Хлюпика взгляда не поднял ни разу, пока не доскреб до жестяного доньшка. Пустая банка полетела к двум своим подружкам из-под пива.

— Я смотрю, тебе лучше, — буркнул Хлюпик, перехватив мой взгляд.

— А я смотрю, ты разговорился, — парировал я. — Ну, раз у тебя приступ красноречия, расскажи, как мы здесь оказались.

Хлюпик просиял, как начищенный до блеска деревенский самовар. Даже тушенку отставил.

— А я уж думал, ты не спросишь, — победным тоном сообщил он. — Ты помнишь, что в туннеле было?

Я оглядел себя с ног до головы, Взгляд споткнулся на перебинтованной ноге. Еще бы я не помнил. Незнакомые катакомбы, ржавый мост, жарки, доходяга-бюер. Потом еще пачка неудачников и...

При воспоминании о контролере в висках снова запульсировало, а в ушах поднялся нестерпимый писк. Как от телевизора, вещающего настроечную таблицу. Только выше и громче в разы.

— Ты чего? — насторожился Хлюпик.

Я покачал головой. Нормально, мол. Рассказывай уже.

Тот покосился с подозрением, но спорить не решился. Уже прогресс.

— Ну, сначала я отошел, — начал Хлюпик. — Отошел подальше. Не на проходе же. А потом иду обратно, слышу шаги, но не твои, а шаркающие такие, как будто старик идет или хромой какой. Я сначала посветить хотел или позвать. А потом... Рассердился я на тебя, ну и думаю, дай подберусь поближе и гляну. Вдруг какую сволочь вперед тебя подстрелю, вот тебе обидно станет...

Господи, какой идиот. К контролеру он подберется и пристрелит вперед меня. Но ведь и подобрался, и подстрелил. Невероятное везение. Воистину бог помогает убогим. Иначе как еще объяснить такое.

— Ну, я подкрался, — продолжал Хлюпик. — Смотрю, ты стоишь, и лицо у тебя такое... Ну, как будто мозги из башки все вынули. Дурак дураком, только слюни не пускаешь. А напротив тебя мужик какой-то. И голова у него... вроде как освежеванная. Такими живых мертвецов в плохом кино показывают. Но тут-то не кино. А ты стоишь с раззявленным ртом, смотришь на это чудище стеклянными глазами и молчишь. Вот тут мне совсем страшно стало. Ну, я с перепугу и выстрелил этому мужику в голову. Сначала выстрелил, потом испугался, что пуля насквозь пройдет и в тебя попадет. И стрелять больше

не стал. А дальше я все плохо помню. Сначала мужик этот брякнулся. Потом секунд через десять ты. Но в тебя я не попал, я сразу увидел. А потом... Хлюпик замолчал и потупился.

— Чего потом-то? — подстегнул я.

— Вырвало меня, — недовольно пробурчал он. — Можешь тоже посмеяться, но мне не смешно было. Как увидел этого мужика... а он лежит мозгами наружу...

Хлюпик передернул плечами и судорожно сглотнул. Видимо, воспоминание по-прежнему было настолько ярким, что заставляло желудок дергаться в спазмах. Ничего, это бывает. Меня тоже наизнанку от некоторых вещей выворачивало. Правда, это еще до зоны было. В зоне уже спокойнее кишки реагировали. А вот кошмары по ночам — милое дело. Псевдогиганты, бюреры и кровососы не один год снились. Потом привык. Человек ко всему привыкает. Хотя и сейчас нет-нет, да вскакиваю среди ночи.

— Ладно, забудь, — я поспешил перевести тему. — А дальше что? Как я здесь оказался?

— Ну, из колодца я тебя вытащил, — начал Хлюпик. Я поперхнулся и закашлялся. Он посмотрел на меня с тем выражением, с каким в подобных случаях шлепают по спине, но руку поднимать на меня не рискнул даже в благих целях.

Вытащил он меня. Он! Меня! На Геракла Хлюпик не тянет даже с большой натяжкой, а так я и повыше, и потяжелее буду.

— И как ты меня вытащил? — хрипло спросил я.

— Не знаю, — снова потупился он. — Говорят, у организма есть скрытые ресурсы, которые в критических ситуациях...

— Не свисти! — оборвал я.

— А я и не свистю, — обиделся Хлюпик. — Взял и вытащил. То есть сначала поднялся, поглядел, что снаружи. Крышка-то открыта была. Потом спустился и тебя наверх. Долго. Неудобно. Ты тяжелый и длинный.

Он поднял на меня честные глаза, споткнулся о мой ошарашенный взгляд и честно спросил:

— Ну а чего мне еще было делать?

Я не нашелся с ответом. Что бы я делал в такой ситуации? Подождал бы, пока брякнувшийся без сознания в себя придет. И сколько бы я так ждал? Или, может, бросил бы попутчика на фиг. Кто он мне? Или не бросил бы? Да нет, наверное, все-таки бросил. Сволочь я. Здесь все сволочи. В зоне по-другому нельзя. Или ты стреляешь, или в тебя. Или ты бьешь, или тебя. Или ты убиваешь, или тебя сожрут. Выбирай, что больше нравится. Мне больше нравится живым.

Хотя у Хлюпика ситуация другая — ему без меня деваться некуда. С другой стороны, если я в бессознании, то какой ему от меня прок? Выходит, он все-таки парень не плохой. Не дерьмо. Дурак, это есть. Везучий наивный дурень, но не дерьмо. Сожрут его, поймал я себя на тоскливой мысли. Хотя мысль эта теперь была довольно вялой. Как можно спасти того, кто спастись не хочет?

— Ладно, — буркнул я, — только не говори, что ты меня до самой базы на себе пер. Не поверю.

— А я и не говорю, — обидчиво взъерепенился он. — Я тебя только наверх вытащил. А дальше чего делать, не знаю. Ты лежишь, еле дышишь. Место незнакомое. Я наладонник твой врубил, хотел понять, как работает, и помощь позвать. Только начал разбираться, тут Мунлайт подошел.

Нет, так не бывает. Подкрался к контролеру, пристрелил его. Выволок из колодца меня наверх. Ни на кого не нарвался. Врубил ПДА и привлек только раздолбая Муна. Фантастический оболтус с фантастическим везением.

Собственно, дальше все ясно. С Муном на пару они меня сюда дотащить уже могли. Не так это и далеко. И Мунлайта долговцы знают и пропускают без проблем. Я "глянул на перебинтованную ногу. Повязка тоже, видать, его рук дело. Не Хлюпик же бинтовал, в самом деле.

— А потом мы с Мунлайтом тебя сюда принесли. Он тебя перебинтовал, вколол что-то. Не знаю что. Он сказал, чтоб тебе спокойнее спалось и чтоб конечность не отвалилась.

— Чего еще сказал? — фыркнул я. Хлюпик потупился.

— Сказал, что я в рубашке родился, а ты дурак. Потому что это контролер был, а ты страх потерял. И что в зону ходить — это тебе не по свалке шантрапу гонять. Так и просил передать.

Понятно. Мунлайт в своем репертуаре. Хам. Хотя и обаятельный. С другой стороны, не мне сейчас привередничать. Эти двое мне жизнь спасли. Особенно Хлюпик. Кто бы мог подумать, а?

— А сам он где?

— Мунлайт? — переспросил Хлюпик, вот же страсть к глупым вопросам, — Он в зону ушел. Велел мне тебя караулить, а сам говорит: «Дружба — дружбой, а табачок врозь. В общем, ну ты нах». Вот так и сказал. И ушел.

Мне представился Мунлайт. Наглая ухмылка, скабрзные шутки. Полные ехидства глазки и бороденка подковой. Как он, должно быть, хохмил и изгалялся. Как еще поиздевается при встрече. И не один раз. Но ведь нашел же Хлюпика и тащил меня от Агропрома до долговской базы.

А Хлюпик...

Я посмотрел на него. Теперь он молчал с чувством выполненного долга и ковырял остатки тушенки. Кажется, он малость расстроился. С чего бы? Хотя понятно, с чего. Он мне жизнь спас, а я даже спасибо не сказал. Говорю с ним, как со второсортным.

Так, хватит. Не хватало еще себя виноватым чувствовать. Хлюпик, он и есть второсортный. Даже хуже. Ему здесь вообще делать нечего.

— Спасибо, — тихо сказал я.

— Не за что, — буркнул Хлюпик.

В его голосе смешались обида, гордость и удовлетворение. И я понял, что ему в самом деле нужно было всего лишь услышать одно это спасибо. И все. Вот только я одним словом ограничиться не могу. Не терплю в должниках ходить.

— Ты ведь мне жизнь спас, — начал я. — Я тебе обязан.

Он все еще дожевывал тушенку. Хотя банка и стояла пустой на полу. Челюсти двигались размеренно, а глаза с интересом буравили меня. Он ждал.

— Хочешь денег? — спросил я.

Хлюпик нахмурился и уткнулся себе под ноги. Лишнего я брякнул, не подумав. Но ведь искренне.

— Не обижайся, — попросил я. — Но у меня больше все равно ничего нет. А я ведь тебе должен. А так вернешься с хорошими деньгами, заживешь.

— Долго и счастливо? — хмыкнул он.

И в этом вопросе вдруг прозвучало столько боли, злости и бессилия, что я растерялся. Хлюпик смотрел на меня теперь в упор.

— Я не обиделся. И мне не нужны деньги, Угрюмый, — твердо произнес он. — Мне нужна помощь. Я сам заплачу, но ты отведи меня к Монолиту.

«Черт тебя дери, — хотел крикнуть я, — за каким лешим тебе этот сказочный исполнитель желаний? На кой? Его, может, и в природе не существует». Хотел, но не крикнул.

Он смотрел мне в глаза и ждал ответа.

— Я подумаю, — тихо сказал ему и отвернулся к стенке. Хватит разговоров.

3

Проснулся я рано. Хлюпик сопел на полу в обнимку с рюкзаком. Интересно, что он в него напихал? Не иначе, куртку зажучил. Тихонько скрипнула дверь. Хлюпик не

пошевелился. Умаялся. Пусть спит пока. Вынырнув в коридор, я прикрыл за собой дверь и похромал вниз. Нога по-прежнему давала о себе знать, но болела не сильно. Бывало хуже.

В зале было пустовато, хотя кто-то то ли еще, то ли уже бубнил в углу, рассказывая собутыльнику, как охотиться на кровососов. Трепачи. Не люблю пустопорожнего трепача. Хотя иногда что-то полезное услышать и можно, но в основном либо анекдоты с бородой, либо байки про черных сталкеров, Монолит и прочую ерунду, которую никто не видел. Толку от этой белиберды ноль.

Я споткнулся на собственной мысли. Не ты ли, брат Угрюмый, проснулся с решением прогуляться до одной такой никем не виданной ерунды? Так что за языком лучше последить.

За стойкой на боевом посту торчал бармен. Сынок, видать, отсыпается. Оно и к лучшему. Малец мне был ни к чему.

Я приветственно вскинул руку. Подошел ближе и встал против барыги-бармена, уперев локти в стойку.

— О, Угрюмый! — излишне радостно приветствовал он. — Живой. Тебе плеснуть чего?

Я покачал головой.

— А я выпью, — сообщил он, вытаскивая банку энергетика. — А то в сон клонит.

Толстые пальцы бармена суетливо откупорили банку. Из жестянки, впрочем, он пить не стал, а достал чашечку и вылил в нее содержимое. Я никогда не задумывался о том, имеет ли энергетик какой-то цвет, и если имеет, то какой. Пузырчатая жидкость оказалась ядовито-желтой.

Бармен отхлебнул из чашечки.

— А я уж думал — тебе хана, — добродушно поделился он. — Они тебя когда приволокли, ты на полудохлого дебила похож был. Рот разязвлен. Рожа... цвета такого... знаешь...

Он поцелкал пальцами, огляделся, словно в поисках подходящего цвета.

— Как простыня нестиранная, — нашелся наконец. — А ты ничего так. Бодрячком.

— Не жалуюсь, — кивнул я. — У тебя из стволов свободное что есть?

Бармен мгновенно посерьезнел.

— Пара «калашей». Новенькие. Как со склада, в солидоле. Еще МР-5 есть. Но с ним хуже. Его до ума доводить надо. Другому бы так втюхал, тебя по-свойски предупреждаю, как родного.

Ага. Как родного, держи карман шире. Просто знает, куркуль толстый, что в оружии я не профан и обманывать меня себе дороже. А МР-5 этот он непременно впарит какому-нибудь чайнику вроде моего Хлюпика. Скорее всего это будет первым оружием, которое тот возьмет в руки. И скорее всего оно же станет и последним.

— Но ты же пистолеты предпочитаешь, — ворковал барыга. — Вот пистолетов сейчас нет.

— Мне пукалка нужна погромче. Собак гонять. Бармен замолк. На меня поглядел странно. Во взгляде читалось: «Ты так шутишь или после общения с контролером мозги не варят?» Но вслух ничего такого сказать не рискнул. Это правильно, а то я ведь и обидеться могу.

— Сейчас, — кивнул он и ушел в заднюю комнату. Ждать пришлось недолго. Через пару минут он вернулся с обрезом двуствольного охотничьего ружья. Ствол с легким стуком грохнулся на стойку. Рядом шлепнулась пачка с патронами.

— Держи, — кивнул бармен.

Я подхватил оружие, повертел в руках.

— Собак пугать — самое оно, — авторитетно заявил барыга.

Он смотрел, как я протянул руку. Пальцы сами вскрыли коробку с патронами, подцепили пару. Один за другим я загнал два патрона в обрез. Вскинул заряженный ствол. Щелкнуло.

— Убери, — поморщился бармен. — Что ты как маленький? Не за кордоном. Здесь болтик не так подкинешь, уже рискуешь в дуршлаг превратиться.

— Сколько? — небрежно поинтересовался я.
— Для тебя по стандарту, — повел массивными плечами бармен.
Я фыркнул.
— А что? Хочешь опять за счет заведения? — взвился бармен. — Угрюмый, не наглей.
А то «капли» твои верну и счет выставлю. По стандарту берешь?
Я кивнул и побрел наверх.
— Эй, — окликнул бармен. — Бабки гони. А то тебя в зоне пришибут, не приведи господь, а я что, в убытке?
В убытке! Но каков нахал этот барыга. Когда это он был в убытке? Если только прибыль меньше ста процентов — это убыток.
— Я пока еще не ушел, — улыбнулся я и поковылял к себе.
На этот раз церемониться с Хлюпиком не стал. Хватит спать. Растолкал его без всякого сожаления. Он подскочил, долго тарачил на меня ошалелые, по пять копеек, глазки, прежде чем начал хоть что-то соображать.
Есть я ему не дал, да и сам завтракать не торопился. Потом перекусим.
— Вставай, — распорядился я. — Пошли.
— Куда? — подскочил он.
Отвечать я не стал. Обойдется. Если хочет от меня помощи, пусть отвыкает от детсадовской игры в почемучки. Похватав необходимое, я молча направился к двери. Хлюпик сообразил, что надо поторапливаться. Рюкзак, на котором он дрых, в одно мгновение оказался у него за плечом.
Я подождал в коридоре. Дверь закрывать начал заранее, так что створка чуть не защемила ему ногу. Ничего, пусть учится шевелиться. Ключ ковырнул замок. Хоть по своей прежней жизни и знал, что замки от честных людей, а все равно запираю, когда уходил куда-то. Привычка.
Внизу остановился возле лестницы, окинул зал взглядом. Повернулся к Хлюпику.
— Что? — живо заинтересовался он.
— Деньги есть?
Хлюпик дернулся, как будто я свистнул ему в ухо. Он явно ожидал чего угодно, но только не подобного вопроса. Руки его автоматически забегали по карманам.
— Да, — пробормотал он. — Конечно.
— Хорошо. — Я благосклонно кивнул. — Мужика за стойкой видишь? Иди, заплати ему, сколько попросит. Скажи, что это от меня. И догоняй. Я наверху.
И, развернувшись, я пошел на выход, оставив Хлюпика в крайнем замешательстве.

4

День еще не разошелся. Наверху потихоньку рассеивались густые предрассветные сумерки. Говорят, сумерки — время силы. Я в этой серости бессилен, благо практически слеп. Не в прямом смысле, конечно, но в темноте вижу много крат лучше, чем в сумерки. Зато дождь закончился. И то хорошо. Хоть сырости от этого не меньше, но по крайней мере не так тоскливо.

Хлюпик показался в дверях под вывеской «Сто рентген», остановился. Рюкзак соскользнул с его плеча. Застежки поддались практически мгновенно. На свет божий показалась куртка. Выходит, я был прав. Ай да Угрюмый, ай да сукин сын.

Я подождал в стороне, пока он оденется и застегнет рюкзак. Когда Хлюпик зашагал в мою сторону, я развернулся и обычным шагом пошел закутками к выходу с долговской базы. Шаги за спиной участились. Хлюпик перешел на бег, и вскоре я услышал за плечом его дыхание.

— Никогда не бегай, — сказал я, не оборачиваясь. — Что бы ни происходило. Если ты побежал, ты труп. Уследить за ловушками в зоне на бегу невозможно. А смерть в аномалии

может быть очень страшной. Потому лучше остановиться и схлестнуться с любой опасностью нос к носу, чем повернуться к ней спиной и побежать.

Я повернул раз, другой. Хлюпик не отставал. Слушал молча. Не то не проснулся еще, не то поумнел резко.

— Ты меня услышал?

— Да, — кивнул он.

Дорога стала шире, и Хлюпик, вырвавшись на секунду на полшага вперед, топал теперь рядом со мной. Впереди показался блокпост.

— Оружие с собой? — спросил я. И тут же пожалел об этом.

— Да, конечно, — подтвердил Хлюпик и достал мой БП.

С ума сошел!

— Убери сейчас же! — рыкнул я на него.

Он поспешно завозился, пряча оружие. Лихо выхваченный пистолет не желал упрятываться обратно за пояс. Интересно, в каком кино он набрался этой пошлятины, или ему на самом деле удобно так носить пистолет?

— Заряжен?

— Да, — коротко подтвердил он.

— Никогда не доставай пистолет, если не будешь стрелять, — менторским тоном продолжил я нравоучение.

— Достал — стреляй? — похвастался знанием расхожей фразочки Хлюпик.

— Можно и так сказать. Если ты просто праздно шатаешься с пушкой, то тебя запросто можно принять за бандита. А все, кто не свой, здесь чужие. И любой чужой с оружием в руке — это мишень. Понятно?

Хлюпик поразил меня лаконичностью и кивнул, не издав ни единого звука.

— Для других мишень — ты. Для тебя мишень — все остальные. Запомнил? Вот никогда об этом не забывай. И соразмеряй силы. Ты можешь выступить против всей группировки «Долг»?

Хлюпик завис на время, словно пытаясь понять, о ком речь. Но не зная этого он не мог. Чай, не первый день на долговской базе, а тут почти круглые сутки агитка из всех матюгальников по кругу ездит. Вроде: «Вступайте в «Долг», братцы, и будет вам счастье».

— Нет, — проблеял он, сообразив наконец, что я имел в виду.

— Тогда засунь ствол поглубже и не нарывайся.

На посту дежурили малознакомые люди. Я молча кивнул, проходя мимо. Они даже не отреагировали. Вообще смотрели больше не на меня, а на Хлюпика. Оно и понятно — человек незнакомый, но весьма колоритный для местных реалий. Особенно в моей куртке, которая ему велика на два размера, если не больше.

От выхода я повернул направо. Хлюпик еще минуты две сопровождал меня в тишине, борясь с желанием заговорить. Наконец не выдержал.

— А мы куда?

Я остановился. Он стоял передо мной присмиривший, но не смилившийся. Он ждал от меня ответа и готов был спорить, а если надо, то и к черту меня послать. Решительный взгляд из тех, что ломают руки и рубят дрова, сверлил меня, все увеличивая обороты.

Чего это он? Ах да! Мы же опять повернули к кордону. И я ничего ему не объяснил.

— Очень любезно, что ты спросил, — ответил я. — А теперь слушай сюда. У меня никогда не было напарников, поэтому заниматься воспитанием я не умею и не буду. Все, что говорю, будешь запоминать с первого раза. Не запомнил — сам виноват. Дважды повторять не буду. Если что — по морде. И не говори, что не предупреждал. Это ясно?

Он кивнул.

— Хорошо. Дальше. С этого момента и на все наше дальнейшее общение запомни, как отче наш: пока мы в зоне, ты делаешь только то, что говорю я. Делаешь сразу, без вопросов, даже если тебе это покажется глупостью. — Я всверлил в него взглядом. — Если я сказал лежать, значит, ты ложишься. И плевать, что там лужа или насрал кто-то. Понял?

— Понял, — покорно согласился Хлюпик.

Я пристально посмотрел ему в глаза. На самом деле понял или говорит, чтоб от него отвязались?

— Если я чего-то не говорил, — продолжил я, — то ты этого не делаешь. Ни при каких обстоятельствах. Даже если тебе кажется, что так будет лучше.

Я вспомнил, как оставил его ждать у ангара, вспомнил пистолет на вытянутой руке и стрельбу по железным воротам.

— Исключение может быть только в том случае, если меня убьют. Вот тогда можешь делать все, что заблагорассудится. Это уже будет на твоей совести. Усек?

Он смотрел на меня напряженно, вслушивался в каждое слово. На вопрос покладисто закивал. Что-то он чересчур сговорчив.

— И еще, — подытожил я. — На дурацкие вопросы с этого момента я не отвечаю. Все, что тебе надо будет узнать, я тебе расскажу. Причем расскажу тогда, когда надо будет. Если я тебе чего-то не сказал, значит, тебе это знать не обязательно. Ясно?

— Ясно, — кивнул он.

— Прежде чем спросить, подумай. Потом еще подумай. А потом лучше промолчи. Доходчиво?

Он кивнул, соглашаясь со всем сразу. Видимо, понял. Уже легче.

— Так мы не домой? — радостно поинтересовался он.

— Нет, — пробурчал я. — Хотя лучше бы тебе именно туда и отправиться.

Глаза Хлюпика заблестели щенячьей преданностью. На лице была благодарность. Меня это злило. С таким же успехом можно радоваться и благодарить палача за то, что помог на эшафот подняться.

— Спасибо, — горячо выдохнул он.

— Не за что, — буркнул я.

— А куда мы идем? — беззаботно, как ни в чем не бывало, спросил Хлюпик.

Я зло сплюнул, развернулся на каблуках и пошел прочь. Неисправимый балбес!

Здесь, в стороне от базы и от дороги, было тихо. Особенно сейчас. Ночью в зону редко кто лезет, да и на рассвете она мало кому нужна. Особенно в таких местах, где нечем поживиться. Только шелестели листвой, роняя корявые тени, редкие деревья.

В этой утренней тишине очень хорошо различался далекий перелай. Стая слепых собак была далеко. Нас они не видели, а если и заметили, то решили, видимо, пока не соваться. Я вытащил бинокль и пригляделся. Три, четыре... Пять собак. Они гоняли с холма на холм, бодро гавкая. Словно обычные, пущенные на волю дворняги.

Как же, обычные. Еще повезло, что черныбыльских псов среди них нет. Те поумнее слепых шавок и, видимо, имеют какую-то склонность к телепатии. Во всяком случае, своих тупых слепых собратьев они берут под контроль совершенно спокойно. Не знаю, чем это обосновано. Может, и в самом деле телепатические способности есть, а может, черныбыльские псы просто от природы более сильный вид. Хотя «от природы» в данной ситуации звучит не шибко убедительно. Версий много, правды, как и в любом другом случае, не знает никто.

Зону можно изучать бесконечно. Очкариков высоколобых, которые ее пытаются постичь, здесь вагон и маленькая тележка. А сколько их было... а сколько еще будет.

Я отпустил оптику. Бинокль повис на груди на ремешке. Хлюпик наблюдал за мной с интересом.

— Собак видишь? — спросил я.

— Вижу.

— Стреляй.

— То есть? — не понял он.

— Чего непонятно? Вон цель. Пять штук. Выбирай любую и стреляй.

Он посмотрел на меня так, словно я заставлял его стрелять по детям. Чуть попятился. Хотя пистолет, я заметил, уже был у него в руке.

Я смотрел на него в упор.

— Нельзя же так, — протянул он жалобно, покачав головой. — Ведь они живые и ничего не сделали.

Нет, он ничего не понял. А я обещал ему по морде. Кулаки стиснулись до рези в ладонях. Ногти вошли в кожу, оставляя следы. Бить нельзя. Точнее, нужно, но не по морде. От удара по лицу ничего не изменится. Не поймет, обидится только. Хорошо, я ударю иначе.

Повернувшись к нему спиной, я легкой трусцой почесал навстречу собакам. Тут же, впрочем, притормозил, вспомнив, что на хвосте не Мун, а Хлюпик. Этому такую прыть показывать не надо, а то подумает, что так можно. А так не нужно.

Я оглянулся. Хлюпик шел рядом. Хмурый и задумчивый, словно решил, что я на него обиделся, и пытался понять, что именно меня так расстроило. А может, так оно и было.

Собаки не перестали носиться, но снизили скорость и чуть изменили траектории. Сгрудились, превращаясь из пяти особей в единое целое. Почуяли.

Пальцы стиснули обрез. Двух выстрелов хватит, чтобы положить двух собак в лучшем раскладе. Плюс к тому обрез — штука громкая. Собаки обычно их боятся.

Я замедлил шаг, не оборачиваясь, бросил Хлюпику:

— Вперед.

Мой новоиспеченный напарник насторожился, но спорить не решился. Осторожно вышел вперед. Потопал, сохраняя направление, стараясь делать вид, что не волнуется. Но пальцы с такой силой стискивали БП, что аж побелели.

Собаки тоже двигались теперь не меняя направления. Не торопясь трусили в нашу сторону. Я притормозил тихонько. Хлюпик от напряжения даже не заметил этого. Шел напряженно, словно напружинившись. И жесточайшим образом шуршал травой.

Мой расчет оказался верным. Все произошло примерно так, как я рассчитывал, и практически мгновенно. Слепые псы подошли ближе, чуть разойдясь веером. Почти остановились. А потом первый из них бросился вперед. На Хлюпика.

Я вскинул обрез и прицелился. Хлюпик тоже успел среагировать. Тихо хлопнул выстрел бэпэшки. Атаковавшую собаку дернуло в сторону, брызнул фонтанчик крови. Пес словно бы не заметил этого. Не знаю, то ли болевой порог у этих бестий низкий, то ли выносливость убийственная.

Хлюпик отступил на шаг и выстрелил еще и еще. Собаки пришли в движение. Нога отступающего Хлюпика зацепилась за что-то, и он повалился на спину. На все это ушли считанные секунды. А потом выстрелил я.

Первый выстрел разmozжил голову собаке, которой до Хлюпика оставался последний рывок. Пес не успел даже взвизгнуть. Мертвое тело грохнулось на землю рядом с испуганным не на шутку Хлюпиком. Второй выстрел ушел в свору. Этот никому сильно не повредил, но всполошившиеся уже собаки кинулись врассыпную.

Я бросился к Хлюпику, на ходу перезаряжая ружье. Он тем временем отчаянно палил вслед улепетывающим злобным и трусливым тварям. Впрочем, патроны очень скоро закончились, и заклиненный БП успокоился. Я жахнул вдогонку для острастки. И неожиданно для себя попал. Вторая собака навернулась на бегу, как подсеченная лошадь в старом советском кино, и кубарем покатилась по траве. Через пару метров тело замерло и больше не шевелилось. Я опустил ствол.

Одного взгляда на Хлюпика хватило, чтобы решить не ругаться. Признаться, я хотел пройти по нему до кучи трехэтажным, но передумал. Он полусидел на траве, оперевшись на локоть, и смотрел мимо меня потерянным взглядом.

Кажется, протряло.

— В зоне нет друзей. И тихо идущих по своим делам тоже нету, — мягко начал я. — Всё, что куда-то идет мимо, может обернуться и выстрелить или вцепиться в тебя зубами. Здесь нет людей, здесь нет собачек. Есть цели. И если ты решил, что это не цель, то ты сам становишься целью.

Я протянул ему руку.

— Вставай.

Он вцепился в протянутую ладонь, как утопающий в соломинку. Поднялся одним резким рывком. Поежился.

— Но я же в нее попал, — пролепетал виновато.

— Ее можно только в голову. Лучше в глаз. Или из обрез. Так с одного выстрела редко кто пристрелит, утешил я.

Отвернувшись, вынул патрон из кармана. Зарядил обрез. Два лучше, чем один. Спокойнее.

— Угрюмый, — позвал опасливо Хлюпик.

Я повернулся, и он тут же замолчал, словно вспомнил о чем-то.

— Спрашивай, — разрешил я.

— А если бы... Ну, если б она меня укусила, что тогда?

Вот оно. Вопрос по делу. Отчего он об этом раньше не спросил, когда собачек стрелять пожалел? Кажется, начинает задумываться. Это хорошо.

— Укол от бешенства, — мрачно пошутил я.

— Один? — Хлюпик шутки явно не понял.

— Нет, — огрызнулся я. — Сорок. В живот. Я откуда знаю? Меня не кусали, я до этого не доводил. И тебе не советую. У всех, знаешь ли, своя реакция. В обычном лесу одного может гадюка тяпнуть — и ничего, а второго тяпнет — и он помрет. Потому что реакция на яд разная. А здесь не просто лес. Здесь зона. И чем скорее ты это осознаешь, тем лучше.

Он вынул обойму и трясущимися пальцами начал заряжать, доставая из кармана патроны по одному.

— Я понял, — тихо сказал он.

— Не вижу, — сурово приложил я. — Я что сказал?

— Делать, что ты скажешь, — промямлил Хлюпик виновато. — Вопросы не задавать.

— А ты что?

Он потупился. Патрон вывалился из рук и нырнул в траву. Хлюпик кинулся на коленки и принялся обшаривать место падения, бросив пистолет.

Детский сад! Во что я ввязался?

5

А стрелял-то он неплохо. Неумело, но глаз был метким и руки не тряслись, что поразило меня до глубины души. Хотя stalkера из него, один черт, не вышло бы даже с натяжкой.

Каждое утро мы вставали с Хлюпиком засветло и шли на прогулку. Это смешное и неуместное «на прогулку» он выдал на второй день спросонья. Так оно и привязалось. Я уходил подальше в сторону, находил собак и устраивал стрельбище. Может, это и было цинично, но Хлюпику так больше не казалось. А кроме нас двоих и собак, свидетелей не было.

Один раз, правда, нарвались на пару каких-то бродяг. Я шарахнул в их сторону для остротки. Естественно, не попал, но парочка улепетнула, не успев даже подойти на прицельное расстояние.

И это было радостно. Устраивать для Хлюпика охоту на себе подобных я не хотел. Рано пока. Да и, признаться, это было бы верхом цинизма. Зачем лишний раз шокировать. Придет время, столкнется с ситуацией, там уже будет или-или. Или он, или его. И выбор будет очевиден. А охота на собачек для него все равно отчасти только игра. В игре акценты несколько смещаются.

Так прошло четверо суток. Я изъяс у Хлюпика всю наличность, добрал, сколько не хватало, из тайника и потихоньку запасался необходимым снаряжением и оружием.

На пятые сутки сунул освоившемуся кое-как с пистолетом Хлюпику «калаш». С автоматом мой хлипкий друг справиться не сумел. Впрочем, никаких особых результатов я от него и не ждал. Лезть в сердце зоны с пистолетом — самоубийство. Но это — мне, потому

я и вооружился основательнее. А Хлюпику там хоть с пистолетом, хоть с автоматом, хоть в танке — смерть. Единственный его шанс на выживание — это я.

Так что от наших «прогулок» мне требовалось только, чтобы он научился слушать и слушаться с первого раза и чтобы он сначала делал, а потом задавал вопросы. В этом плане мне удалось достичь определенного успеха. Выполнять приказы он худо-бедно научился, и болтовни от него стало раза в два меньше.

А к вечеру пятого дня он совсем сник и замкнулся. Сидел в углу мрачнее тучи и не торопился разговаривать. Видимо, неудача в общении с калаханом подтолкнула его к каким-то внутренним переосмыслениям.

Меня его глубокий внутренний мир со всеми его изменениями не трогал. Сопереживать и слюни вытирать я не умел никогда. Если человеку плохо и нужна помощь, я либо могу помочь, либо не могу помочь. А слюни распускать коллективно — это без меня.

Я валялся на койке, которую через день чередовал с Хлюпиком, и прислушивался к ощущениям в ноге. Пораненная конечность давала знать о себе все меньше. В общем и целом все было готово: и я, и снаряга. Но я ждал.

Лезть в четвертый энергоблок на пару с новичком, за которым нужен глаз да глаз, — чистой воды авантюра. А друзей у меня не было. Я вообще старался не заводить близких знакомств после случая с Юркой. Хотя бывали исключения.

Одним таким исключением был Мунлайт. Кроме того, ведь именно он тянул меня в зону с Хтюпиком. Так что это был единственный подходящий вариант напарника.

Я ждал Мунлайта, а его не было. Так прошла неделя.

В тот день мы «гуляли» допоздна. Я увел Хлюпика в сторону и нарочно водил мимо аномалий, показывая красоты зоны. В мрачно-готичных пейзажах тоже можно найти нечто красивое, завораживающее. Даже в кладбищенской тишине есть красота. А здесь даже присутствует хоть и жуткая, но жизнь.

Прогулка была небезопасна, но другого наглядного варианта я не видел. А Хлюпику надо было понять, что бегать в зоне нельзя. Кажется, он это понял.

По собакам мы больше не стреляли, хотя парочка пристроилась на уважительном расстоянии и следовала за нами, будто следила. Я держал их в поле зрения, но слепые псы не рискнули нападать.

Вернулись мы уже в сумерки. Заглотив в рекордные сроки содержимое консервной банки, Хлюпик отрубился. Устал. Еще бы, столько впечатлений и нагрузка недетская. А мне не спалось. Я крутился с боку на бок и никак не мог заснуть.

Каждый раз, когда проваливался в небытие, перед глазами возникали идущие за мной слепые собаки. Они шли непривычно тихо и целенаправленно. Сперва одна, потом две... Вскоре их собиралось несколько десятков. Они шли за мной по пятам, будто ждали чего-то, какого-то сигнала, чтобы броситься. Я из последних сил пытался удерживать их в поле зрения, понимая, что еще чуть-чуть, и я не смогу контролировать их всех. Еще одна-две собаки, и кто-нибудь обязательно выпадет из поля зрения. А как только это случится, они бросятся на меня. Все сразу.

И тогда я подскакивал на койке, хрипло дыша. Слушал темноту и заходящееся сердце. А потом успокаивался и проваливался в сон. И тогда все начиналось сызнова. Собака, две, три... Стая. Жуткая, молчаливо бредущая стая, готовая броситься, но не бросающаяся.

Я снова и снова просыпался в холодном поту. Пытался думать о чем-то приятном, но проклятые собаки не шли из головы. Заснуть я смог только на рассвете. Мне снилась Аленка...

6

То последнее лето после ненужной практики было теплым, но дождливым. Впрочем, меня это не пугало. Пыльный цех и ветхие плакаты сменились духом свободы и остатками каникул.

Сперва я хотел взять Аленку и поехать с ней в Крым. Но на Крым не было денег, и мне пришлось смириться с тем, что мечта остается мечтой. Что, впрочем, не мешало мне гулять с Аленкой по городу, целоваться с ней под дождем на Бульварном кольце и оставаться у нее на ночь в выходные, пока ее родители в лучших отечественных традициях — задом в небо, мордой в грядку — «отдыхали» на даче.

Пока предки Аленки горбатились в огороде, я, выражаясь языком Юрки, «работал на их траходроме отбойным молотком».

Юрка всегда был пошляком. А Аленка — красавицей.

— Что смотришь?

Влажная летняя ночь неслышно гуляла по комнате, шевеля тюлевую занавеску у распахнутой двери балкона. Я пожирал Аленку глазами. Лицо, шею, грудь... ниже, ниже. В неплотной темноте, подсвеченной из-за окна ночным мегаполисом, обнаженное тело приобретало легкий налет загадочности.

— Ты красивая.

Аленка смутилась. Наверняка завернулась бы в одеяло. Но то давно валялось комом на полу, причем с моей стороны кровати. Забавно. Меня всегда умиляла эта женская манера смущаться своей наготы задним числом, после соития. Уж после «этого» чего я там не видел?

— В темноте все красивые, — буркнула она.

— Нет, только ты, — улыбнулся я и поцеловал ее. А потом...

...а потом Аленка спала, положив голову мне на грудь, а я улыбался влажной августовской ночи, лежа на влажной простыне. И ночь словно улыбалась в ответ. Улыбчивое было время.

Мне казалось, так будет всегда, но в ту ночь я улыбался последний раз.

На другой день мы возвращались к Аленке домой после прогулки. Их было трое. Чего они хотели? Денег? Или им просто было скучно? Я попросил отпустить Аленку, они согласились. Я попросил ее уйти, она отошла в сторону, но осталась. Назвать дракой то, что произошло после, значило бы согрешить против истины. Они отметили меня до полубоморочного состояния и бросили. Аленку они не трогали. Только посмеялись надо мной и над ней.

Она подошла. Я поднялся. Мы добрались до ее квартиры. Там я немного пришел в себя, умылся и попрощался. Мне стыдно было оставаться у нее. Может быть напрасно?

Потом кто-то из Аленкиных подружек напел ей, что если я не могу ее защитить, то на кой черт я ей нужен. И она поверила. А может, и нет. По крайней мере разговаривать со мной она больше не желала.

— Ты не мужчина, — повторила она чужую холодную фразу, закончив наш последний телефонный разговор.

Я слушал печальные гудки в трубке и думал о том, кто я. Воспитанный мальчик из интеллигентной семьи? Во всяком случае, драться тогда я не умел. Я тогда вообще мало чего умел. Разве что улыбаться...

7

Знакомый голос разорвал картинки прошлого. Остатки сна развеялись под гитарным перебором.

Надо раздобыть себе пушку,
Жить стало трудно без пушки.
Are you gangster, mister?
Я гангстер, мать твою!

Я открыл глаза и посмотрел на облезлый потолок. Краем глаза выцепил сидящего на рюкзаке Мунлайта. Он был в старой изодранной сталкерской куртке и с гитарой. Больше у него ничего не было. Без своего обычного снаряжения, которым он дорожил чуть ли не до приступов фетишизма, Мун выглядел непривычно.

Когда гуляем мы с подружкой
Возникают мысли не о сексе,
А о том, как трудно быть без пушки!
Ведь если нападут хулиганы,
Я не знаю ни одного приема...

Пел Мунлайт тоже непривычно. Каким-то плюющим речитативом, будто кому-то подражал. Не люблю рэп, или как там это называется.

Трудно дать отпор без гана,
Волыны или пистолета,
Его достану...

Я сел на кровати, Мунлайт ядовито ухмыльнулся в бородку и резво вплеп меня в песню.

Угрюмый, что вы скажете на это?
Мерзкий тип, слышишь мое имя?
Значит, влип! Снимайте клип.
В данном положении я господин!
Мой пистолет бисексуален,
Он может поиметь как женщин,
Так и мужчин...
Надо раздобыть себе пушку,
Жить стало трудно без пушки.
Are you gangster, mister?
Я гангстер, мать твою!
Со мной не связывайся,
А то убью! ⁴

Он тренькнул по струнам и отставил в сторону гитару. Хлюпик наблюдал за ним с интересом и был на удивление молчалив. Не то моя школа сработала, не то слов у него не было.

Мунлайт поднялся на ноги, демонстративно проскрипев что-то сквозь зубы, словно ему было за семьдесят и такие телодвижения давались с трудом. А я, негодяй такой, не имея уважения к старости, усадил его на пол.

— Здрас-сьте, на фиг, — язвительно ухмыляясь, приветствовал он. — Ну и горазды же вы спать, дядя Угрюмый.

Я молча наклонился и принялся шнуровать ботинки. Интересно, давно он здесь? Да нет, вряд ли. Он бы начал болтать с Хлюпиком, и я бы проснулся. С другой стороны, он пришел, Хлюпик его впустил, а я все это мирно проспал.

Распрямившись, кинул взгляд на Хлюпика. Тот словно почуял что-то неладное, потупился:

— Вот, у нас гости.

— Гости, — фыркнул Мунлайт. — Праздник в дом пришел.

Глаза у него блестели. И хотя держался он довольно бодро, сивухой от него несло ощутимо.

⁴ Автор песни Ю.Г.

— Ты как? — поинтересовался он. — Оклемался?

— Как видишь, — ответил я. — А вот с тобой чего, не пойму.

Мунлайт растекся в своей фирменной улыбке. Взгляд его затуманился, словно он смотрел разом через пространство и время, причем на очень внушительное расстояние.

— Совсем дурак? — удивленно промурлыкал он. — Не видишь, я нажрался.

Тоже мне Колумб. Америку открыл. То, что он нажрался, я и сам разглядел. Я молча смотрел на него и ждал нормального ответа. Он долго играл со мной в гляделки, наконец хохотнул и поведал:

— Меня обули.

— Кто? — не сдержался я.

Обождать в зоне могут кого угодно. Хоть Мунлайта, хоть меня, хоть бригаду спецназовцев. Это как раз неудивительно. Но быть ограбленным и суметь при этом вернуться живым... Кто отпустит?

Мунлайт порадовался произведенному эффекту и растекся в довольной улыбке, хотя радоваться вроде как было нечему.

— Какие-то уроды. Первый раз их видел. Я удачно погулял, тянул не кислый такой хабар. А они меня ждали. Человек десять. Уютно так устроились. Место правильное выбрали. Потом в кольцо взяли, и ага: «Выворачивайте карманчики». А против десяти, которые со всех сторон, я воевать не буду. Я ж не супермен какой-нибудь.

Мунлайт взял паузу. Если ждали, значит, знали, кого ждут. А если знали, значит, по наводке работали. Простые бродяги на сталкеров лезть не рискуют. Стараются не нарываться. А тут не просто набросились, ждали.

— И что? — подал голос Хлюпик.

— Чего-чего... Отдал им... — Мун запнулся, будто составлял список, — все. И хабар, и снарягу, и оружие. Пришел в одном свитере. Хорошо, недалеко идти было.

Я смотрел на Муна. Бред какой-то. Кто ж его отпустил? Пристрелили бы по-тихому, и все. Концы в воду. Ушел человек в зону, и нет человека. Никто искать не станет. А тут...

— И как же ты от них ушел? — полюбопытствовал я.

— На своих двоих, — отмахнулся Мунлайт. — Ты что, меня не знаешь? Я, как колобок, от кого хошь уйду.

— Отпустили? — не отставал я.

— Зануда, — пробурчал он. — Я сказал, что у меня нычка есть на долговской базе, обещал выпотрошить и через два дня принести бабки, чтоб только они меня отпустили. Повелись.

Все равно что-то не клеивалось. Стали бы они отпускать Мунлайта под честное слово ради мифической нычки. Или жадные чересчур попались? Такая жадность среди людей, работающих по наводке... Странно как-то.

— И чего, будешь отдавать?

Мунлайт посмотрел на меня, как на ненормального.

— Ты чего, Угрюмый, совсем с головой рассорился? Откуда у меня нычка? Все, что было, с собой таскал. Но...

Он прошелся по комнате, потирая руки. Бросил на меня заговорщицкий взгляд:

— У меня есть грандиозная идея, как быстро обогатиться. И я с тобой ею обязательно поделюсь, если только Хлюпик сбегает вниз за водкой.

Хлюпик послушно поднялся.

— Не сбегает, — отрубил я. — Что он тебе, мальчик что ли, за водкой бегать?

— А что ли нет?

— Что ли нет, — отрезал я.

— Ладно, — согласился Мун. — Мы с ним вместе сходим, вдет? Я один не дойду. Там лестница крутая, а я с гитарой.

Я посмотрел на Муна. Обаятельная сволочь. Пройдоха, алкоголик, придурок, транжира и мот. Но с чувством юмора и харизмой. Тем и берет.

— Оставь гитару здесь, — предложил я.

— Не пойдет. Гитара не моя. Отдать надо.

— Ладно, — согласился я. — Идите оба. Только туда и обратно.

Мун послушно кивнул и потопал к дверям. Потом спохватился, вернулся за гитарой. Я придержал Хлюпика, сунул ему денег и шепнул:

— Один пузырь. Не больше.

Тот понимающе кивнул, сделал одно неуловимое движение. Деньги как корова языком слизнула. И парочка исчезла в коридоре.

Скрипнуло. Хлопнуло. Я посмотрел на захлопнувшуюся створку. Шут гороховый и сопляк блаженный. Замечательную я компанию себе подобрал. Было бы совсем хорошо, если б завтра в этой компании я собирался бы в баню с девками идти, а не в зону.

Может, бросить все к черту? Послать Муна с его идеями по-скорому денег срубить. И Хлюпика с его глупой прихотью. Подумаешь, жизнь мне спас. Сколько я его шкуру спасал до того, почему же он себя задолжавшим не чувствует?

Задушив порыв слабости, а иначе такие мысли не назовешь, я рухнул на койку и усталился в потолок. Там все так же топорщилась лохмотьями облезшая побелки. Все так же расплзались желтыми пятнами водянистые разводы.

Скрипнула дверь. Я поднял голову. В дверях маячил Хлюпик. С бутылкой водки, но один.

— А этот где? — небрежно спросил я. — Гитару отдает?

Хлюпик шагнул внутрь и пожал плечами.

— За пистолетом, что ли, пошел, — протянул он. — Все говорил, что надо раздобыть себе пушку. А потом сказал, что скоро вернется. Только на манеж сходит.

— Куда?! — Я подскочил с койки.

— На манеж, — промямлил растерявшийся Хлюпик. — Или на арену... нет, кажется, на арену.

Но я уже не слушал. Надо было перехватить этого сумасброда прежде, чем он доберется до Арены. В отличие от Хлюпика я знал, что это такое.

8

Разумеется, я не успел. Не мог успеть. Так называемая Арена находилась совсем рядом. Будь у меня хоть реактивный двигатель в заднице, я не успел бы оказаться там раньше Муна. Надежда была только на то, что по дороге он встретит кого-нибудь и застрянет, сцепившись языками или запив. Как назло, он никого не встретил.

Арена располагалась в здании напротив вывески «Сто рентген». Только если до входа в бар нужно было пройти долгий извилистый путь по лабиринту мелких закоулков, то вход на Арену был вот он. Два шага — и ты внутри.

Я почти вбежал туда, в эту дверь под вывеску. Сзади задыхался ничего не понимающий Хлюпик. Черт с ним, не до него.

За дверью обнаружился маленький предбанник. Слева от входа тянулся ряд узких пеналообразных шкафчиков. Справа в дальнем углу зиял черный провал дверного проема. Створки не было. Зато стоял амбал, перекрывающий проход.

Прежде я был здесь лишь один раз. Несколько лет назад. С тех пор тут ничего не изменилось. Кажется, даже мордоворот тот же самый. Я шагнул ему навстречу.

— Хочешь попытать счастья? — с брезгливым любопытством поинтересовался он, перекрывая дорогу.

— Я похож на мясо? — парировал я. — Мне нужно знать, кто сегодня участвует. Мунлайт заявлен?

Мордоворот принял степенный вид и полез в нагрудный карман. На свет божий показался потрепанный блокнот и огрызок карандаша. Его пальцы, торчащие из бойцовских перчаток, принялись неторопливо перевертывать странички. Вот ведь зараза, а то так не помнит. Значимость показывает? Ну-ну, еще десять секунд, и я его убью.

Глубокий вдох. Я стиснул зубы. Скулы свело судорогой. Раз, два, три...

— Заявлен в трех раундах, — поведал амбал и, хохотнув, добавил: — Самоубийца.

Я молча припечатал его взглядом. Не знаю, как это выглядело со стороны, но мордovorот подавился смешком, закашлялся и буркнул, пряча глаза:

— Его выход с третьего раунда. Еще успеете посмотреть.

Я кивнул и вышел на воздух. Запрокинул голову. Отчего-то захотелось дождя. Ливня. Чтоб хлестал в лицо тугими, как из брандспойта, струями. Чтобы смыть это все, забыть. А потом начать все заново. С чистого листа. Всю жизнь, чтоб ни прошлого, ни настоящего. Чтоб ни зоны, ни Арены, ни других сталкерских забав. Ни Мунлайта, ни бармена, ни Хлюпика...

— А что случилось-то?

Я посмотрел на Хлюпика. Тот выдержал взгляд.

— Я подумал, прежде чем спрашивать. И думаю, что это тот случай, когда мне нужно знать. Что такого страшного в этой Арене? Что вообще за Арена такая?

Что такое Арена? Хороший вопрос. С одной стороны, это просто сталкерская забава. С другой стороны, это фактически зона в миниатюре. Правда, без аномалий и артефактов, но с тем же самым человеческим дерьмом. Здесь есть идиоты, которые за деньги играют со смертью идохнут, так денег и не получив. Есть подонки, которые наживают деньги на идиотах. Есть азарт, риск и везение.

Я снова подставил лицо небу. Проклятого дождя не было. Даже тошнотворной мороси.

— Угрюмый, — позвал Хлюпик.

Он стоял, смотрел на меня и ждал ответа.

— Гладиаторские бои знаешь что такое?

— Знаю, конечно.

— Вот и здесь то же самое, — мрачно поделился я. — Берут, к примеру, двух человек, дают им по одинаковому пистолету. В каждом пистолете обойма на восемь патронов. И запускают на арену. Зрители ставки делают. Кто кого.

Я замолчал.

— И что? — поторопил жаждающий продолжения Хлюпик.

— И все. Один с арены сам выходит, другого выносят вперед ногами.

Хлюпик опешил.

— Но ведь это же убийство.

— Какой догадливый, — пробурчал я не без сарказма. — В зоне и убивают, надо же — открытие какое.

Я снова запрокинул голову. Хотелось смотреть куда угодно, только бы всего этого не видеть. Лучше серое тоскливое небо, чем это дерьмо бесконечное на земле. Ушел бы от всего этого в монахи богу служить, жаль только, попам не верю.

— Одно дело в зоне, — донесся голос со стороны, — а другое — вот так. Неужели кто-то в этом участвует?

Участвует. Целые толпы на трибунах. Некоторые здесь практически живут. Как на ипподроме. Таблички выстраивают. Расчеты делают. Доходы подсчитывают. И зарабатывают на этом мясе не хуже, чем завсегдатаи ипподрома на лошадках. И тех, которые на арену выходят, хватает. Дураков, желающих денег на халяву, много. Вот только из двух дураков одному достанется денежка, а другому — пуля. Так что шансов на удачу уже пятьдесят процентов. А если взять в расчет, что в боях участвуют и постоянные гости Арены...

— Участвует, — буркнул я. — Мунлайт твой участвует. Сегодня. В трех раундах.

— И что это значит?

— Это значит, что если его пристрелят, то ты в зону без меня пойдешь, — рыкнул я.

Хлюпик отшатнулся. Насупился. На физиономии проступило обиженное выражение.

— Почему сразу пристрелят?

— Может, и не сразу. — Я апатично пожал плечами. — Если его с первого раза не пристрелят, то у него в запасе еще два. А если его и с третьего раза не убьют, то я его на выходе сам пришибу. Сволочь!

На трибуне было не протолкнуться. Хотя, если по чести, то никакая это оказалась не трибуна, а коридор. С одной стороны коридора находились окна, выходящие на огромное складское помещение. Собственно, это помещение и было ареной. Окна располагались в нем под самым потолком, и зрителей снизу не было видно. Для вышедших на арену наблюдатели находились где-то очень далеко. За пределами досягаемости. Для зрителей же все, что происходило внизу, виделось как на ладони.

К окнам прилипли в ожидании зрелища десятки человек. Хлеба и зрелищ. Века пройдут, тысячелетия. А народ будет радоваться куску хлеба и кровавому шоу. Люди!

Грубовато работая локтями, я пробился к окну. Посторонился, давая возможность занять место рядом толкающемуся сзади Хлюпику. Тот мгновенно принял к окошку. Начал вглядываться в расставленные лабиринтом ящики, словно ожидая увидеть за одним из них знакомую рожу с бородашкой-подковкой.

Только напрасно таращился. Людей внизу пока не было. Зато великолепно просматривались хитро расставленные груды ящиков. Огромные, выше человеческого роста.

Хрипло треснуло. Ожили динамики, расставленные по периметру коридора.

— Раз-раз, — буднично поведал унылый голос. — Работает.

Щелкнуло раз, другой. И динамики снова заговорили, но теперь уже другим голосом. Излишне жизнерадостным, полным задорного напора.

— И еще одна порция радиоактивного мяса-а!!! — взревел голос.

Трибуна подхватила невменяемым ревом. Со спины надавили. Я со всей дури саданул назад локтем, но напор не уменьшился.

— Слева кусок мяса по кличке Крест! — рявкнул динамик.

В левом конце зала, возле стенки, появилась фигурка. Я прозевал момент, когда он вышел, но выглядел потенциальный противник обреченно. И я расслабился.

— Справа стalker Мунла-айт! — взвыл динамик. Зрители снова дико взревели. Голос, усиленный техникой, тем временем шутливо пояснял:

— Еще вчера он пел вам песенки, а сегодня его песенка спета. Как же он докатился до жизни такой?

Мун тем временем шел вдоль правой стены. Дойдя до середины, он остановился и приветственно вскинул руку с пистолетом.

— Он будет стрелять? — тихо спросил Хлюпик. Я кивнул.

— Но ведь это убийство.

— А ты хочешь, чтоб убили его? Мир жесток. Хочешь жить — учись убивать.

— И это цивилизованный мир, — тоскливо шмыгнув носом Хлюпик.

— Это зона, — отозвался я, думая о том, что между Ареной, зоной и «цивилизованным миром» нет по сути никакой разницы. Масштабы разве что другие. И нюансы в правилах игры чуть разнятся.

Динамик продолжал бубнить что-то про пистолеты, про схватку и про то, как каждый из зрителей может оказаться на месте тех, кто сейчас на арене. Он даже выдал какую-то сентенцию на тему изменчивости фортуны.

Хлюпик смотрел вниз с ужасом.

— Схватка начинается! Пое-ехали!!! — прокричал голос.

В тот же миг фигуры пришли в движение, а зрители притихли.

Названный Крестом бросился вперед, споткнулся, но удержался на ногах. Добравшись до ближайшего ящика, он прижался к нему спиной и поднял наизготовку руку с пистолетом.

Мунлайт тем временем легко добрался до начала ящичного лабиринта и исчез с обратной от зрителей стороны. Где он теперь находится и где окажется в следующий момент, предположить было невозможно.

Я посмотрел на Хлюпика. Тот глядел вниз полными страдания глазами. Зубами закусил и нещадно мямл нижнюю губу. Волнуется Хлюпик. Понимаю. Я тоже волновался. Если

Мунлайта пристрелят, то больше мне в зону тянуть некого. Так, как Муна, я никого здесь толком не знаю. Разве что барыгу-бармена, но того в зону силком не затянешь. Да и компаньон из него такой же, как из Хлюпика. А с незнакомым человеком я тем более в зону не пойду.

Трибуна замерла в ожидании. Стоял, вжавшись спиной в ящики, Крест. Вслушивался в происходящее. Что-то мелькнуло и снова исчезло справа между ящиками. А потом в тишине негромко засвистели «Moonlight and vodka».

Кто-то напряженно хихикнул на трибуне. Крест расслабился и, прижимаясь к ящику, двинулся вперед на звук с пистолетом наизготовку. Свист на мгновение оборвался, его подхватил знакомый голос:

Moonlight and vodka, takes me away,
Midnight in Moscow is lunchtime in L.A. ⁵

Голос не стоял на месте, из чего можно было сделать вывод, что Мунлайт передвигается. А притом что пел он не замолкая, вычислить направление его передвижений не составляло никакого труда. И хотя никто не видел, за каким именно ящиком находится сейчас Мунлайт, вся трибуна могла хотя бы примерно ткнуть пальцем и не ошибиться.

— Что он делает? — не сдержался кто-то.

Ответа не последовало. Трибуна замерла в ожидании.

Крест шел на голос, готовый в любое мгновение выпустить всю обойму, только бы певец попал на глаза.

Espionage is a serious business,
Well I've had enough of this serious business,
That dancing girl is making eyes at me,
I'm sure she's working for the K.G.B. ⁶

Мунлайт снова засвистел на мотив припева. Он был уже почти в центре арены. И Крест находился там же. Дошел ближним краем до центра зала и замер за ящиком. Свист сменил направление и приближался теперь к зрителям.

Сейчас практически со стопроцентной уверенностью можно было сказать, что Мунлайт находится четко по другую сторону ящиков, за которыми притаился его противник. Крест приготовился стрелять. Он уже считал себя победителем. Ждал, что свистун выйдет к нему навстречу и получит порцию свинца.

Зрители застыли в ожидании. Тишина стояла гробовая. Только беспечно насвистывал Мунлайт. А потом свист резко оборвался.

Крест замер, не понимая, что происходит. Растерянн вжался в ящики, судорожно задергался, завертел головой...

Он не успел. Не успел среагировать и даже понять, что произошло. Мунлайт вышел из-за ящика, но не нос к носу с противником. Его фигура тенью мелькнула за спиной у Креста. Рука вскинула пистолет.

— Espionage is a serious business, — громко сообщил он.

Выстрел грянул одновременно с глупой пафосной и совершенно неуместной фразой. Но трибуна восприняла этот пафос на ура. Грохот единственного выстрела потонул в шквале зрительского восторга. Крест замертво повалился на арену. Мунлайт поднял руку с пистолетом и под вопли публики выпустил оставшиеся семь патронов в воздух.

⁵ Лунный свет и водка уносят меня прочь.
В Москве полночь, а в Лос-Анжелесе время завтрака (англ.).

⁶ Шпионаж — дело серьезное,
Что ж, хватит с меня этого бизнеса.
Танцующая девушка строит мне глазки,
Я уверен, она работает на КГБ (англ.).

Я выдохнул с облегчением и повернулся к Хлюпику. Тот смотрел на арену с целым букетом чувств на физиономии. Губы его дрожали.

— Пойдем. — Я потянул его за рукав. — Следующий раунд без него. Пошли на воздух. Душно здесь.

Свежий воздух не помог. Хлюпика трясло. Я остановился в сторонке от входа — небольшой дверки под огромным щитом «Арена». Мой приятель тут же привалился спиной к стене, сполз по ней и, усевшись на корточки, опустил голову на руки.

Плечи Хлюпика ходили ходуном. Плачет или просто адреналина нахватался?

Он поднял голову. Глаза были сухими, но его продолжало колотить.

— Зачем? — не своим голосом спросил он. — Зачем это?

— За деньги, — честно ответил я. — Еще за острые ощущения. Может, еще по какой причине. Я не психолог, чтоб в этом ковыряться. И Фрейда не читал. Знаю только, что у него все из-за яиц.

— И это в двух шагах от нормального, законопослушного мира, — пожаловался непонятно на что и неизвестно кому Хлюпик.

Чистоплюй! Меня затрясло от злости. Я перестал сдерживаться и дал волю чувствам. Рука сама метнулась вперед. Я подхватил его за грудки, поднял над землей и впечатал спиной в стену. Он засучил ногами, схватился за мою руку. Не то чтобы сопротивлялся, скорее от неожиданности.

— В двух шагах от какого мира? — тихо, но очень жестко прорычал я. — От твоего беспечного рафинированного мира, которого нет. Вы же просто не знаете другого. Видите его только в телевизоре. В кино и в криминальных новостях. Вы и воспринимаете это как кино. Кто-то обдолбался наркоты и с балкона вышел в лучшую жизнь — кино. Где-то дом взорвали — кино. Деда салабонов лупят — кино. Шалавы трахаются, по малолетству ни о чем не думая, а потом детей на помойку выбрасывают — кино.

Я разжал пальцы. Хлюпик шлепнулся на землю и принялся тереть перетянутую курткой шею.

— Вы даже повздыхать можете, дескать, ой как жалко, какой кошмар творится. Но для вас же этот кошмар, как голливудская сказка про живых мертвецов. Вы в это не верите. Вы не замечаете, что это есть, что вы в этом живете, что это может коснуться и вас. Как там... гром не грянет — мужик не перекрестится. Пока вас лично это не касается, вы, по примеру страуса, живете в неведении с головой в песке. «Мне не видно — мне не страшно». Хлюпик поднялся. Глаза очумелые, рожа красная.

— Ты чего, Угрюмый?

В самом деле, чего это меня понесло? — мелькнуло в голове.

— Мир — дерьмо, — резюмировал я по инерции. — Зона — дерьмо. Люди — дерьмо.

Он пошатывался и продолжал тереть шею. На меня глянул искоса.

— Но ведь это неправда, — покачал головой. Неправда? А что тогда правда? То, что он видит, — правда. Оно есть. И оно есть везде. И есть потому, что есть люди, которые позволяют себе то, что тысячелетиями запрещали. Стоило ли сотни и тысячи лет выводить запреты, выстраивать морали, заповеди и религии для того лишь, чтобы научиться их обходить и оправдывать себя? Я вот себя не оправдываю. Честно говорю: я — говно. Такое же, как все. Хотел бы быть лучше, но уже не умею.

Кажется, я говорил вслух. Во всяком случае, последняя фраза была сказана в голос. Хлюпик посмотрел на меня с пониманием. Взгляд у него вдруг стал тем самым, металлическим, которым можно ломать кости и колоть дрова.

— Просто тебя очень сильно обидели, — тихо сказал он. — Не знаю кто, не знаю когда, но очень сильно ударили.

Я мотнул головой. Да, ударили. Не просто ударили, а всю жизнь били. И наколотили не только шишек, но и понимание того, как устроен этот мир.

— Тебя зато мордой об стол не прикладывали, — пробурчал я.

— Прикладывали, — отозвался Хлюпик. — И больше, чем ты думаешь. Только держать удар надо уметь. Не только когда по морде бьют, но и когда в душу плюют.

Человека иной раз обидят — не важно как. Он опыт получает, пусть и негативный. И, знаешь, девяносто девять из ста решают, мол, раз другие могут бить меня, то я могу лупцевать других. Причем так же безнаказанно. И только один на сотню вспомнит, что чувствовал, когда его, как ты говоришь, «мордой об стол». И не станет бить другого со злости, а остановится, вспомнив, каково это — быть битым. Помнишь: «подставь другую щеку»? Надо быть очень сильным человеком, чтобы суметь не ударить в ответ. А ты — слабак.

Кровь прилила к голове. В висках стучало. Я стиснул зубы и глубоко вдохнул. Раз, два, три... выдох. Только б не сорваться и не пришибить его прямо здесь и сейчас. Исусик хренов.

Я развернулся к нему спиной и пошел обратно.

— Идем, — бросил, не оборачиваясь. — Нас ждать не будут.

9

Трибуна гудела. На этот раз пробиться к окну нам не дали. Пришлось довольствоваться тем, что было видно из-за плеча стоявшего перед нами Васи Кабана. Когда мы пробирались вперед, он обернулся. Увидел меня и Хлюпика. В глазах мелькнуло узнавание, но здороваться он не стал.

Да и бог с ним. Не очень-то и хотелось.

— Ну что, — вопил динамик фальшиво завывающим голосом местного шоумена. — Хотите погорячее?

Трибуна заколыхалась и заревела, подтверждая, что невидимый диктор угадал желание. Слева появилась фигура с обрезом.

— Слева звезда сегодняшнего дня, — раскатисто заливался динамик. — Поставивший крест на карьере Креста сталкер-р-р Му-у-унла-а-айт!!!

Со всех сторон заорали так, что заложило уши. Кто-то ощутимо пихнул Хлюпика, и тот ткнулся носом мне в плечо. Тут же посмотрел на меня робко, словно извиняясь. Я бросил испепеляющий взгляд на толкнувшего его зрителя, но тот и ухом не повел. Все внимание этой толпы было приковано к арене. Сегодня им обещали захватывающее зрелище. И, как показали первые раунды, оно в самом деле было необычным.

— Как оказалось, Мунлайт не только умеет петь и пить. Он знает и другие способы развлечь публику. Посмотрим, справится ли он на этот раз. Потому что в правом углу... Братья Вайнеры-ы!!!

Толпа снова пришла в движение. Кто-то с той стороны трибуны заорал: «Бей жидов!» Кто-то тут же пригрозил юдофобу расправой. Началась возня.

Я не обращал на толпу внимания. Любопытнее сейчас было смотреть на противников Муна. Их в самом деле было двое. Насчет братьев... Скорее я поверил бы в то, что Сынок — настоящий сын бармену, чем в то, что эти ряхи связаны между собой кровными узами. Да и на Вайнеров их рязанские морды тянули так же, как я на перезревшую, но упорно молодящуюся Бритни Спирс.

Разборка на трибуне грозила перерасти в полноценную драку, но рассказывавший о том, что у каждого из участников схватки есть обрез и тридцать патронов к нему, диктор закончил вводную и раскатисто возвестил начало поединка.

На трибуне мгновенно стало тихо. Еще немного пошебуршились зачинщики свары, но вскоре смолкли и они. Жажда зрелища победила желание самому таранить морды.

Мунлайт скользнул в середину. Его фигура замелькала между горами ящиков и контейнерами. Братья выбрали другую стратегию. Они разошлись в разные стороны и пошли через весь зал, огибая лабиринт по краям. По тому, как уверенно они двигались, было видно, что на арене они не в первый раз.

Расстояние между поединщиками сокращалось. Мун лавировал в центре лабиринта, периодически отступая чуть правее или чуть левее, словно изучая все закутки и составляя в голове некое подобие карты.

Вайнеры двигались практически синхронно и довольно четко. Когда противники поравнялись, Мунлайт приостановился на секунду, как застывшая в янтаре муха. Остановился он удачно. Ни справа, ни слева видно его не было. Дальний от зрителей «братец» просвистал мимо. Ближний к трибуне легко вскинул обрез, видимо, почуяв что-то, но стрелять не стал и беззвучно заскользил дальше.

Разминувшись, соперники стали расходиться, меняясь позициями. На трибуне началось оживление, засвистели.

Братья вскинулись практически одновременно, словно тренировали это движение не один день. Толпа принялась свистеть и орать громче. Вайнеры, не сговариваясь, развернулись и побрели обратно. На этот раз медленнее и внимательнее вглядываясь в разделяющий их ящичный лабиринт.

Мунлайт тем временем достиг противоположного края лабиринта и, не выходя из него, развернулся в обратную сторону. Причем, сделав пару шагов, он исчез в тени очередной кучи ящиков, и больше его уже не было видно.

Зрители затихли. Время текло медленно. Напряжение росло с каждым шагом Вайнеров. Муна по-прежнему не было видно.

Что-то дернулось между ящиками. Едва уловимо. Словно тень отделилась от одного препятствия и пристала к другому. Тот из братьев, что был ближе к зрителям, вскинул обрез и метнулся в центр лабиринта, исчезая из поля зрения. Грохнул выстрел. Трибуна кровожадно взревела.

В центре лабиринта хаотично заметались тени. Грохнуло еще раз, и еще, и еще. На пятом выстреле все затихло. Из-за ящика выпрыгнул Мунлайт. Он двигался широкими легкими скачками, на ходу перезаряжая обрез. Обойдя вокруг контейнера, перехватил ружье в левую руку и, снова готовый к стрельбе, исчез за ящиками.

Тут же, чуть дальше, показался один из рязанских братков с еврейским псевдонимом. Мордоворот выглядел озадаченным. Привычная, отработанная стратегия явно не работала, и это заставляло его напрягаться. А то, что он напряжен, улавливалось в каждом движении.

Выстрел шарахнул совершенно неожиданно и совсем не в том месте, где ожидала притихшая публика. Вайнер снова юркнул в дебри лабиринта, замелькал, не особенно стараясь прятаться. Выстрелы доносились с левого конца лабиринта. Мелькнула тень, другая. Грохнуло.

К тому времени, когда туда добрался мордоворот, стрельба прекратилась. Мелькавшая по лабиринту тень застыла, надломилась, исчезая где-то внизу.

— Сука-а!!! — донеслось оттуда через секунду.

Мунлайт снова показался перед зрителями. На этот раз далеко справа. В каждой руке у него теперь было по обрезу. Вне зависимости от исхода дела, бренд «Братья Вайнеры» сегодня прекратил свое существование. Либо оставшемуся в живых парню с рязанской мордой придется искать себе нового «брата».

Обе фигуры снова исчезли в лабиринте, появляясь теперь хаотично то тут, то там. В какой-то момент мелькнули рядом, заплясали, обмениваясь выстрелами. Один, два, три, четыре... Фигуры снова разошлись в стороны.

Первым перед зрителями показался Мунлайт. Один обрез, в правой руке, он запрокинул дулом в потолок, второй, в левой, держал наизготовку. Он шел вперед не таясь. С такой уверенностью, словно просчитал каждое движение. Публика зашуршала. Кто-то выкрикнул что-то подбадривающее.

Оставшийся противник замер в центре лабиринта и ринулся Мунлайту наперерез. В отличие от хладнокровного Муна он был в ярости. Это его и погубило. Вайнер выскочил навстречу Мунлайту и нажал спуск, но прежде успел выстрелить Мун. Выстрелы практически слились в один. Второго «брата» дернуло за плечо, разворачивая и меняя

направление выстрела. Мун остался стоять на ногах. Выстрелил второй раз с левой, опустил правую и методично разрядил оба оставшихся ствола.

Вайнер дернулся раз, другой, заваливаясь под яростные вопли толпы. Третий раз вздрогнуло уже соприкоснувшееся с полом мертвое тело.

Трибуна визжала и скандировала кликуху победителя. Рев стоял оглушающий. Коридор сотрясся так, что казалось, обрушится с высоты к ногам победителя. Под неопиcуемый гвалт Мун вскинул вверх оба обрезка, бросил их на пол и сплюнул.

Публика визжала. Победитель тяжело дышал, и я отметил, что верткий и непобедимый стalker жутко устал. А впереди был третий поединок.

Следующий поединок снова обошелся без Муна. Устроители кровавой бойни старались быть хоть немного объективными и давали выжившим, желающим продолжить участие, короткую передышку.

У Муилайта о его желаниях продолжать или уйти непобежденным никто не спрашивал. Аферист подписался на три раунда разом и не имел права теперь получить деньги и уйти после двух схваток.

Когда оружий ведущий снова заявил Мунлайта слева, толпа взорвалась настолько оглушительным ревом, что стало страшно за стекла в окнах и барабанные перепонки. Кажется, в этой толпе было только два человека, не разделявших общего настроения. Я продолжал волноваться за исход дела. Хлюпик ушел в себя, погрузившись в какие-то неведомые дебри мрачных мыслей. Да еще у Васьки Кабана странное выражение на физиономии было.

Я огляделся, но Кабана нигде не было видно. Ну и бог с ним. Дался мне этот Вася. Взгляд скользнул по арене. Мунлайт снова маячил слева, зажимая пистолет в левой руке. Справа стоял мелкий мужичок, погоняло которого я умудрился прослушать.

Если их поставить рядом, мелкий, конечно, не будет Муну в пупок дышать, но однозначно окажется не выше подбородка.

— У каждого из них пистолет, — проорал голос из динамика. — С одним патроном!!! Посмотрим, кто из этих двоих более искусный стрелок. И пусть победит сильнейший!!!

Толпа привычно смолкла вместе с началом раунда.

Мун сделал несколько шагов вперед. Оценил взглядом ближайшую грудку ящиков. Отступил, легко разбежался и, взлетев по ящичной пирамиде, уцепился за верхний край. Толпа ободоряще зашумела.

Мунлайт подтянулся на руках, вскарабкался наверх груды ящиков и затаился. Сверху ему, должно быть, открывался фрагмент лабиринта, но только фрагмент. Правой стороны, где находился его противник, он видеть не мог.

Противник тоже оказался не прост. Добравшись до контейнера, заваленного набок, мелкий мужичок вышиб плечом крышку и нырнул внутрь.

Трибуна недовольно загалдела. Время шло, ничего не происходило. Недовольный шепоток креп, перерастая в волну возмущения. Вскоре послышался свист и вопли с обвинениями в трусости. Если бы это было возможно, в Муну и его противника уже летели бы яйца и помидоры. Публика ждала события, шоу. А его не было.

Мунлайт лежал на ящиках и осматривал окрестности. Его противник сидел в контейнере, выжидал, затаившись.

— Твари трусливые!!!

— Мясо радиоактивное!!!

Трибуна свистела и плескала во все стороны праведным гневом. Над ареной понеслись более едкие и менее цензурные словосочетания. Мунлайт завалился на спину и демонстративно смотрел в потолок, закинув руки за голову и положив ногу на ногу.

Первым не выдержал мелкий. Он вылез из контейнера и, прижимаясь к препятствиям, двинулся в сторону Муна. Публика приветственно взревела. Мунлайт тут же встrepенулся, перевернулся на живот и напрягся.

Мелкий приближался осторожно, от публики он не прятался. Зато очень хорошо прятался от противника. Трибуна молчала. Через минуту Мун вскинул руку с пистолетом и принялся целиться.

Публика замерла в ожидании. Грохнул выстрел, и...

Край ящика в сантиметре от носа мелкого вздыбился свежей щепкой. Мелкий мужичок вздрогнул, словно получил пощечину, но уже в следующее мгновение задвигался вперед быстрее и увереннее.

Мун, судя по долго шевелящимся губам, смачно выmaterился, отполз на пузе назад, повис, держась за край, и спрыгнул вниз. В следующее мгновение оба противника пропали из виду.

Ну, вот и все. Кирдык Муну. Допелся притырок. Против лома нет приема. А ведь все делал правильно. И расчет был верным, и выждал, не сорвался. Что ж промазал-то, чудило? Теперь его смерть — вопрос времени, причем счет идет на минуты. Разве только у него в кармане пара патронов завалялась.

Над ареной висела кладбищенская тишина. Даже не кладбищенская, на кладбище вороны орут, а замогильная. Зрители ждали. Ничего не происходило. А может, и происходило, но только видно не было.

Хлюпик судорожно терзал зубами губу. Я считал удары собственного заходящегося сердца. В чудо с каждым мгновением верилось все меньше.

Вспышка и грохот выстрела раздалась в центре зала. Ну, вот и все, прощай, Мунлайт. Правда, оставалась робкая надежда на то, что мелкий тоже промазал. Но что тогда? Их снова разведут в стороны и дадут еще по одному патрону? Что делают в таких случаях устроители сталкере кого шоу, я не знал.

Между ящиками мелькнула тень. Зрители притихли на мгновение, а потом трибуна взорвалась овацией. Из-за груды ящиков вышел Мунлайт. В руке он держал нож. По лезвию и обнаженной до локтя конечности стекала кровь.

Послушав вопли с трибуны, сталкер отбросил нож. Лезвие сверкнуло, кувыркаясь, и прекратило полет, вонзившись в ящик в десятке шагов от победителя. Мунлайт тяжело повернулся и, не оглядываясь, пошел к выходу.

Я глубоко дышал, пытаюсь унять взбесившееся сердце. На руке повис Хлюпик. Он был бледен, как выбеленная синькой простыня.

— Ты чего? — не понял я.

— Идем отсюда, — попросил он. — А то меня стошнит.

10

Муна я дожидаться не стал. Достаточно было знать, что он живой. А раз живой и у него, как он сказал, ко мне грандиозное предложение, то сам найдет. Причем этот найдет, даже если я из зоны совсем слиняю.

Хлюпик плелся еле-еле. В комнате откупорил бутылку, залудил грамм сто прямо из горла и повалился на койку. Я следил за ним молча. Он перехватил мой вопросительный взгляд.

— Сегодня моя очередь?

Я кивнул. Раз договорились пользоваться койку и пол по очереди, значит, так и будет.

— Ну, вот и идите в жопу, — пробурчал Хлюпик и отвернулся носом к стене, а ко мне той самой частью, в которую предлагал топать.

Надулся Хлюпик. Не иначе, обиделся. Интересно, на жизнь вообще или на меня в частности? А еще говорил про то, как надо удар держать. Эх-хе-хех.

Запустив руку под кровать, я порылся в коробке и выудил банку опостылевшей тушенки. Неплохо бы устроить хоть какое-то разнообразие, но для этого нужно было идти вниз, а там сейчас толпа, суета. Ну, в баню.

Нож легко вошел в банку, в несколько рывков срезал крышку. Не хуже консервного. И чего Хлюпик с ними уж сколько дней уродуется? Я сел на пол, приложился к бутылке и закусил тушенкой.

Водка из горлышка и заплывшая жиром тушенка с ножа почему-то вдруг напомнили студенчество. От накативших воспоминаний пропали остатки аппетита. Вот же вставило. Сколько раз так пил и жрал и ни разу на ностальгию не пробивало, а тут вдруг...

В дверь легонько постучали. Никак у Муна совесть прорезалась. Или случилось страшное и бармен пришел меня выселять.

— Не заперто, — констатировал я.

Дверь приоткрылась, впуская Мунлайта с бутылкой, и закрылась снова.

— Здорово, Угрюмый.

— Здоровались, — кивнул я. — Гитару отдал?

— А то, — довольно ухмыльнулся он.

— Ты, кажется, мне дело предлагал, — напомнил я. — Если я соглашаюсь, мы ведь напарники?

Мунлайт кивнул.

— Конечно.

Я отставил бутылку в сторону, чтоб не разлить ненароком. Не то чтоб мне жалко водкой пол помыть, просто неохота всю ночь сивуху нюхать. Поднявшись одним резким движением, выпрямился и посмотрел на Муна. Значит, напарники. Ну, тогда и разговор, как с напарником.

Размахнувшись, я со всей дури залепил Муну правой в челюсть. Голова новоиспеченного напарника дернулась в сторону. Сам он едва устоял на ногах. Распрямился, потирая скулу, и улыбнулся.

— Понял?

— Не дурак, — гнусно усмехнулся он.

От этой ухмылки рука непроизвольно взлетела для нового удара, но цели не достигла. Цепкие пальцы перехватили запястье. Мы застыли. Он пытался оттянуть мою руку в сторону, я — удержать ее на месте. О том, чтобы дотянуться до ухмыляющейся рожи, речи уже не шло. Силы были равными.

— Я с первого раза понимаю, — зло оскалился Мун. Я ослабил хватку. Он отбросил в сторону мою руку.

На пол опустились практически одновременно.

— Зато теперь у меня и снаряга, и оружие будут. Знаешь, сколько мне эти, на арене, заплатили?

— Ты был пьян.

— Конечно, трезвым я бы туда ни в жисть не полез.

— Все равно оно того не стоило, — буркнул я. — Мог бы у меня денег попросить.

— Не мог, — отрезал Мун.

Сказано это было так, что сразу стало ясно — действительно не мог. Вопрос только почему не мог? Я покосился на напарника. Тот хреначил водку. От вида присосавшегося к бутылке Муна пить мне расхотелось.

— У меня к тебе просьба.

Мунлайт поперхнулся водкой и посмотрел на меня. Рожа снова растеклась в гадостной ухмылке.

— Не может быть, — театрально всплеснул руками сталкер, — Угрюмый кого-то о чем-то просит. Или близится конец света, или все слепые собаки в зоне передохли.

От этой скабрёзности я почувствовал, что загоняю себя в зависимое положение. А это положение мне никогда не нравилось. А Мун, скотина, сам пришел просить, но вместо того, чтобы прогнуться, норовит меня наклонить. Я скрежетнул зубами. Глубоко вздохнул и сосчитал до трех. Только б второй раз не засветить ему по роже.

— Ладно, — отмахнулся он. — Шучу. Говори уже, чего хотел.

— Мужика на койке видишь?

— Хлюпика? Я кивнул:

— Отводим его к Монолиту, гонорар пополам. Сколько он предлагает, ты знаешь. Готов на авантюру за полста процентов?

Мун поднял бутылку, словно предлагая выпить за мое здоровье, и надолго приложился к горлышку. Потом оторвался и занюхнул рукавом собственной куртки.

— Годится, — кивнул он, поморщившись. — Когда идем?

— Утром. Так что ты на водку не налегай.

— Слушаюсь, товарищ начальник.

Он мотнул бутылкой из стороны в сторону. Остатки водки забултыхались, заворачиваясь в прозрачную воронку.

— Ща вот это допью и больше не буду, — мстительно добавил он. — Хлюпик в курсе, что мы завтра выходим?

— Я не сплю, — буркнул Хлюпик, не поворачиваясь.

— Значит в курсе.

Пьяно ухмыльнувшись, Мун снова присосался к пузырю с сивухой.

— А ты чего хотел предложить? — припомнил я.

— Как чего? Пятьдесят процентов, — расплылся он, — за поход к Монолиту.

Мун приватизировал мою тушенку, радостно сообщив: «Я же знал, что на закусь тратиться не надо». На упрек в склонности к евреистости поведал, что он не еврей, а хохол, а где хохол прошел, там двум евреям делать нечего.

После этого довольно быстро доел тушенку, допил водку, окончательно окосев, и завалился спать на полу под дверь. Через минуту он уже храпел. Хлюпик признаков жизни не подавал. То ли все терзался вопросами устройства мироздания, то ли спал.

А вот мне не спалось. Стоило только сомкнуть глаза, как снова начинали сниться собаки. Они шли за мной по пятам. Сначала одна, потом две, три... Потом приходило понимание, что не могу уследить за все разрастающейся стаей и что вся свора сейчас кинется на меня. Тогда я просыпался.

Вскочив в очередной раз, я поднялся и подошел к окну. Распахнул створку. От глотка свежего воздуха сердце чуть подуспокоилось. Выглянул наружу. Снизу на привычном месте горел знакомый костерок. Рядом сидели неизвестные мне сталкеры. Один травил какой-то анекдот, омерзительно длинный и не смешной.

Оставив окно приоткрытым, я вернулся на свое место. Залудил солидную дозу из так и оставшейся стоять на полу купленной Хлюпиком бутылки. От водки пришел спазм, пытавшийся вывернуть сивуху обратно. Я подавил тошноту. Следом пробежала теплая волна расслабленности.

Поставив бутылку в сторону, я опустил голову на рюкзак, укрылся курткой и наконец заснул. Сон был не такой жуткий, как с собаками, но неприятный. Мне приснился Юрка...

...Лето кончилось, начался сентябрь. Впрочем, ничего не изменилось. Деревья по-прежнему стояли почти зелеными, небо по-прежнему оставалось серым. Все так же поливал дождь, может быть, он стал чуть прохладнее, но это не ощущалось. По-прежнему было сыро и тепло. Разве что каникулы закончились и занятия начались.

В институте я снова встретил Аленку. Она была весела и невозмутима, вела себя как обычно, только упорно игнорировала мое присутствие. Будто не видела меня, не замечала. А если видела, то не меня, а совершенно незнакомого человека, не вызывающего никакого интереса.

Я вроде как и не существовал для нее. При этом в ее поведении ничего не изменилось и в жизни, казалось, тоже. Она цвела, я страдал.

— Плюнь на нее, старик, — посоветовал Юрка. Мы сидели на лавочке возле института и пили дешевое пиво.

— Не могу. — Я покачал головой. — Люблю ее.

— Ну и дурак. — Юрка приник к бутылке. Кадык заходил туда-сюда, словно именно он принимал живейшее участие в перекачке пива из бутылки в моего приятеля.

— Слушай, может, ты с ней поговоришь? — робко предложил я.

Он посмотрел на меня странно. Потом поговорил и спустя пару дней посоветовал плюнуть и растереть. А еще через неделю я застал их в пустой аудитории. Они целовались, и совсем не по-дружески. Вот тогда меня переключило.

— Пошла вон, — очень тихо приказал я. Кажется, впервые в жизни Аленка не стала спорить.

Она вышла. Юрка глупо улыбался и лопотал что-то, повторяя через фразу: «Старик, ты пойми, вы ж уже не вместе». Я не помню, как подошел к нему. Меня трясло. Я за одну минуту потерял любовь и дружбу.

— Мы же не поссоримся из-за бабы? — спросил он. Уж не знаю, в каком кино или книжке он подцепил эту фразу, но она оказалась последней.

Я ударил. Он пытался уворачиваться, сопротивляться. Кажется, он не хотел со мной драться. А я в тот момент очень хотел его убить или хоть немного покалечить. Я не видел, что делаю, да и соображал плохо. Перед глазами стояла кровавая пелена.

В себя пришел только тогда, когда в аудитории было уже человек пятнадцать. Четверо держали меня, выкручивая руки за спиной. Двое оттаскивали плюющего кровью Юрку. Что-то зло говорил декан, яростно размахивая руками. Рядом с ним суетливо переговаривались тетечки из преподавателей. А за плечом декана гневно полыхала глазами Аленка.

Я расслабился, давая понять, что драться больше не полезу. Хватка ослабла, меня отпустили. Декану указали на меня, он начал отчитывать теперь уже персонально. Я не слышал слов. Они потеряли смысл, текли мимо каким-то ничего не значащим гулом.

— Пошли вы все на хер, — выдал я и вышел из аудитории.

Из института меня отчислили. Юрка отделался выговором. По слухам. Ни его, ни Аленку я больше никогда не видел. А потом меня загребли в армию. Не то чтобы я решил героически погибнуть, чтоб она узнала, кого лишилась. Или чтобы «они все поняли». Вовсе нет. Просто был призыв, а у меня не было справки из института. Да и планов на жизнь не было. Кончились.

Жизнь текла куда-то. Я не сопротивлялся. Делал то, что считал нужным, и плевал на все остальное.

Вот только с той самой драки я не заводил больше друзей и близких отношений с женщинами. Редкими знакомыми вне зависимости от пола больше пользовался, но никогда никого ни о чем не просил. Со временем научился ломать людей и морально, и физически. Научился молчать и разучился улыбаться.

Армия, тюрьма и зона не располагают к улыбкам. А потом кто-то назвал меня Угрюмым. Я не сопротивлялся. Какая разница, как тебя зовут?

— Угрюмый!

Я открыл глаза. Надо мной стоял Мунлайт. Помятый с похмела, но уже при полном параде. Видать, спустился к бармену и устроил небольшой обмен, сдав вчерашний гонорар и заимев новую снарягу и оружие.

Куртка валялась рядом, я был весь мокрый.

— Ты стонал во сне, — поделился Мунлайт и ядовито улыбнулся: — Горячие бабы снились?

— Не твоё дело, — пробурчал я.

— Ну и ну ты нах, — фыркнул он. — Собирайтесь, я на улице подожду. Задолбало меня твоё гостеприимство.

11

Сборы были недолгими. Я все приготовил заранее, так что Хлюпика расталкивать пришлось дольше, чем собираться. До конца он так и не проснулся, спал на ходу. Интересно, что ночью делал? Или так и лежал в обиженном раздумье?

Рюкзак я ему не доверил. Во-первых, мне совсем не улыбалось в случае чего остаться без припасов и снаряжения. Во-вторых, хватит с него и «Калашникова». Помимо пистолетов и гранат, я прихватил у бармена два АК. Себе и Хлюпику, рассудив, что ему оно тоже не повредит.

Выбор оружия оказался, пожалуй, самым тяжелым. Я буквально разрывался между всевозможными вариантами автоматов, предложенными барыгой-скупщиком. В конечном счете плюнул на терзания и остановился на «калаше». Знакомый с детства автомат Калашникова казался простым, надежным и понятным, как памятник Ленину.

Теперь я глядел, как проснувшийся наконец Хлюпик бодро вышагивает с АК на плече. По моим прикидкам, бодрость эта ненадолго, очень скоро он поймет, что автомат кажется легким только первое время.

Мунлайт ждал снаружи. Между вывеской «Сто рентген» и Ареной, где он вчера выступил чуть ли не звездой сезона. Во рту торчала очередная травинка. Интересно, ему не надоело сено жевать?

Он перехватил мой взгляд и усмехнулся.

— Я раньше курил, — сообщил он, хотя я ничего не спрашивал. — Потом бросил. А привычка что-то во рту мусолить осталась.

— Не боишься? — поинтересовался Хлюпик.

— Чего? — не понял Мун.

— Ну, как, — стушевался тот, — все-таки радиация и все такое.

— Тут везде радиация и все такое, — отмахнулся сталкер. — Или ты за здоровье опасаясь? Тогда я тебе открою страшную тайну: мы все сдохнем.

Мунлайт состоит жуткую рожу и потопал к блоkpосту, напевая себе под нос какую-то ерунду, из которой я расслышал только: «Мы живем, чтобы завтра сдохнуть» и многократно повторяющееся «пам-пабам».

С территории «Долга» мы вышли спокойно. Нас узнали, потому пропустили сразу.

— Как жизнь? — поинтересовался вместо приветствия Мунлайт.

— Нормально, — отмахнулся один.

— Зверье достало, — посетовал второй. — Напирает последние дни. Вот собираемся шугануть как следует. Не хотите поучаствовать?

Я решил не вмешиваться. Хлюпик вмешиваться не решился.

— Теперь не раньше, чем вернемся, — покачал головой Мунлайт.

И мы, не прощаясь, прошли мимо. Я шел первым, следом Хлюпик. Мунлайт остался в арьергарде. Только оглянулся пару раз, словно проверяя, не идет ли кто следом. А ведь перестраховка лишней не бывает.

С этой мыслью я повернул в сторону Янтара. Дорожка там мне знакомая, хоть и опасная. Народу опять же не много шастает. Так что если кто-то решит на хвост сесть, это будет заметно сразу.

Мунлайт косился на меня с подозрением. Я чувствовал, как сверлит меня взглядом, но спросить, в честь чего меня в обход потянуло, не решился. Ну и славно. Объясняться с ним мне не хотелось.

Вокруг с каждым шагом все ощутимее вступала в свои права зона. Как это? Нет, я не рискнул бы объяснять. Слов бы не хватило. Да и нету таких слов, чтобы передать ощущение. Объяснить можно, передать нельзя. Визуально ничего не менялось. Вокруг все те же пасмурные пейзажи. Разве что все меньше и меньше ощущается человеческое присутствие.

Вот оно! Может быть, именно в отсутствие человека обостряются звуки и запахи, которые теряются рядом с себе подобными. Когда рядом люди, пусть даже враждебно настроенные, все просто и понятно. Все легко, потому что знаешь, чего ждать. Когда люди остаются где-то там, далеко, а ты оказываешься один на один с зоной, тогда все меняется. Неуловимо, но меняется.

Вроде все как всегда, но ты начинаешь слышать какие-то звуки, которым нет объяснения, чувствовать какие-то запахи. Тени, на которые не обратил бы внимания, выпячиваются, становятся выпуклыми и загадочными. И ты вглядываешься в них,

пытаешься высмотреть что-то. Углядеть угрозу или, наоборот, найти что-то безобидное. А в ответ...

А в ответ — тишина. Жуткая отстраненность. Не безразличие, нет. Ты чувствуешь, что за тобой приглядывают. Ты ощущаешь, как к тебе присматриваются. Ты понимаешь, что тебя впускают, делают частью чего-то большего. Но это большее загадочно и необъяснимо. Оно непредсказуемо, непонятно. Это впустившее тебя, присоединившее тебя пространство будто бы имеет свое сознание. И сознание это недостижаемо.

Ученые могут сколько угодно ковыряться в зоне, пытаться объяснить логически, описать то, что можно пощупать. Их описания и объяснения здесь скудны и наивны, как попытка трехлетнего ребенка объяснить, почему едет автобус. Колеса крутятся, водитель ведет, бензин есть — вот и едет. Если ребенок объясняет это другому ребенку, то он, может быть, и будет выглядеть убедительно. Если ребенок объясняет это инженеру, то выглядеть он будет ребенком, которым и является.

Пытаясь объяснить зону, ученые выглядят такими же детьми. Правда, рассказывают они свои байки «сверстникам», потому что нет в зоне таких «инженеров», знающих все.

Говорят, есть «хозяева зоны». Ходят байки, что есть люди, знающие и понимающие, что произошло. Знающие, как возникла зона. Причастные к ее созданию. Не знаю, верить ли этому сталкерскому фольклору. Наверное, как и любое другое народное творчество, эти легенды имеют под собой фактическую основу. Не знаю. Но даже если и так, то, кажется, в данном случае создание переросло своих создателей.

Может быть, зона и возникла из-за людей, может, даже по воле людей. Но она растет и развивается. Она самостоятельна. И пока ее создатели что-то там себе думают, она живет уже по своим законам. Никому не подчиняясь.

Объяснить зону, измерить ее линейкой, привести к формуле — невозможно. Это то же самое, что объяснить Бога. Или даже объяснить человека. Объяснений тьма, с каждым годом их все больше, они все сложнее, а до сути никто так и не докопался. И не докопается. Есть вещи, которые нельзя объяснить. Можно только почувствовать. И понимание приходит только через чувственный опыт.

Я чувствовал зону. Немного, как мне казалось, но чувствовал. А вот понять не мог. И отсутствие понимания нагоняло на меня вселенский ужас. Самое страшное для человека — непонимание. Незнание. Неведение.

Смерть сама по себе не вызывает страха. Боязнь появляется вместе с попыткой осознать, что же дальше. Жутко не умирать, а ждать, что умрешь. Потому что ожидание оставляет время на раздумье. А раздумья эти упираются в отсутствие опыта и панический ужас от того, что впереди неведомое.

Каждый раз, когда иду в зону, сталкиваюсь с этим самым неясным. Непонятным, потому пугающим. Я поежился, оглянулся украдкой. Сзади, упорно стараясь попадать след в след, вышагивал Хлюпик. Замыкающим, небрежно жуя очередную травинку, пер Мунлайт. Сталкер гляделся бодрячком, но раскрепощенные легкие движения, если приглядеться, пружинили. Бравирует Мун, передо мной выделяется или перед Хлюпиком. А может, самому себе пытается что-то доказать. Но на самом деле за легкостью и показным безрассудством видна осторожная постоянная работа над каждым движением. Правда, чтобы понять это, надо знать Мунлайта чуть ближе.

А вообще это правильно. Не знаю ни одного человека, который, приходя в зону, шел бы без оглядки и не чувствовал бы опасности. Без страха здесь ходят только дураки. Дураки долго не живут. Пожалуй, эта одна из немногих формул, которые действуют в зоне.

Ощущение, что за мной кто-то смотрит, не проходило. Странное ощущение. Будто зона раздумывала, принять меня сегодня или нет. Размышляла и не находила решения. Наверное, что-то похожее ощущала бы пешка, которую перед началом игры держат в руке, думая, поставить ее на доску или отставить в сторону, в качестве форы. Наверное, если бы могла что-то ощущать.

Я остановился и оглянулся. Никого и ничего. Зона. Да одиноко трусящая слепая собака далеко в стороне. Странно. Обычно слепые псы стаями носятся.

Мои спутники последовали моему примеру. Мунлайт посмотрел на меня настороженно.

— Чего там? — спросил с деланным равнодушием.

Я покачал головой. Не делиться же с ним своими домыслами и ощущениями.

— Собака какая-то увязалась.

Мунлайт оглянулся. Чуть поспешнее, чем диктовал его липовый пофигизм.

— Слепая, — отмахнулся он. Как мне показалось, с облегчением.

— Странная, — не согласился я. — Почему одна?

Мун прищурился, вглядываясь в даль. Чего бы бинокль не взять? Или у него на оптику денег не хватило? «Интересно, во сколько в конечном итоге ему обошелся вчерашний риск?» — подумал я, зная, что напрямую никогда его об этом не спрошу.

Сталкер тем временем опустил руку, которую держал козырьком у лба. Глупое занятие, учитывая, что солнца как не было, так и нет.

— Две, — сообщил он мне. — Что?

— Две собаки, а не одна.

Я присмотрелся. На мгновение меня обдало холодом. Там, где еще недавно бежала одна собака, сейчас трусили две. Первая остановилась и повернула морду в мою сторону. Если бы она могла видеть, я предположил бы, что она смотрит на меня. Второй пес пробежал чуть вперед, почуял, что собрат остался позади, и вернулся обратно. Постояв немного, он разлеся у ног своего незрячего приятеля. Жуткие твари, как любое другое порождение зоны. Непонятные и жуткие.

— А откуда они вообще взялись? — прервал молчание Хлюпик.

О, начинается. Давненько его слышно не было. А я уж обрадовался.

— Мутировали, — объяснил Мун. — Сам же говоришь — радиация и все такое. Вот они от этой радиации... То ли от собак бездомных, то ли от волков.

— Откуда здесь волки? — вмешался я. — Припать рядом. Хоть и не Москва, но городок не маленький. Не деревня.

— Ага, — кивнул Мунлайт. — Город — не деревня. Только ты прикинь своей угрюмой башкой, сколько лет здесь ни города, ни деревни. С восемьдесят шестого зона отчуждения, а?

Я не ответил. Чего спорить, если в этом он прав. Да и вообще спор — глупое занятие. Меньше слов, больше дела. Мун повернулся к Хлюпику.

— В общем, от кого они мутировали — неизвестно, только во всем остальном мире такая дрянь не водится. И эти собаки, и кабаны — это еще самое безобидное и похожее на что-то, что ты знаешь и видел.

— А кто еще... — начал было Хлюпик. Но я не дал закончить.

— Хорош трепаться. Пойдем уже.

— Как скажешь, товарищ командир, — небрежно хмыкнул Мунлайт.

— Иди вперед, — попросил его. — Я пока сзади. На всякий случай.

12

Вскоре собаки поотстали, а потом и вовсе пропали из виду. Я уже собрался обрадоваться, когда они появились снова. На этот раз их было уже три. И я готов был поклясться, что они бегут за нами.

Слепые псы держались на приличном расстоянии. Достать их сейчас можно было бы разве что из винтовки с хорошей оптикой. Вот только где тот идиот, который станет по собакам слепым из снайперки стрелять. Хотя, говорят, находятся экзоты, которые приезжают сюда поохотиться.

Барыга-бармен мне как-то даже предлагал поводить таких охотников по зоне. Дескать, сафари им приелись, острых ощущений хочется. Я отказался. Зона, безусловно, гадостное место и тем привлекательна для всяких моральных уродов, но таскаться в зону с людьми, для

которых это игра... Пусть кто-нибудь другой в такие игры играет. Знаю, чем игры с зоной заканчиваются, потому все, что не серьезно хоть на сотую долю процента, без меня.

Собаки семенили за нами с завидным упорством. Расстояния не сокращали, но, пока я крутил в голове отстраненные мысли, их стало четыре. Очень не хотелось об этом думать, но все это напоминало дурной сон, преследовавший меня последние несколько дней. Интересно, может ли зона влиять на сны? Или это я сам тяну, чего не надо, из собственных ночных страхов в реальность?

Мелькнула мысль поделиться соображениями с Муном. Пронеслась и тут же исчезла. Только рот открою на эту тему, он меня на смех поднимет. На фиг.

— Так ты не ответил, — тихой сапой пристал Хлюпик к Мунлайту.

— На что? — не оборачиваясь, уточнил тот.

Я оглянулся, надеясь, что слепые псы отстали. Но не тут-то было. Собаки шлендрали на почтительном расстоянии, словно изображая эскорт. Внутри снова что-то дернулось. Хватит. Надо отвлечься.

— Кто тут еще мутировал, кого я себе даже представить не могу?

— Кто мутировал, понятия не имею, — отозвался Мун. — А вот в кого, другой вопрос. Ну, вот псевдоплоть, например, хрен представишь. Хотя поговаривают, что она из простых домашних хрюшек получилась. Или псевдогигант. Я его когда первый раз увидел, чуть не обгадился. Палец с перепугу в спуск вдавил и все до железки...

Мун замолчал, словно вспоминая, как это было.

— Да... Рефлексы спасли, пристрелил зверюгу. А вообще с ними лучше не сталкиваться. Увидел — беги. Я про ту историю до сих пор кому рассказываю, не верят. А вообще повезло мне тогда, конечно, как тебе с твоим контролером.

— А контролер — тоже мутант? — Хлюпик со своими вопросами уже сбил дыхание и говорил теперь с придыхом.

— Черт его знает, — отозвался Мунлайт. — Кто как говорит. Одно точно известно, контролеры — телепаты. Эта тварь каким-то образом залезает тебе в мозги, и ты начинаешь делать то, что ей захочется. Для окружающих ты вроде как ходишь, говоришь и все, как обычно. Только это уже не ты, а... Ну, как кукла на руку. За тебя ручками-ножками кукловод шевелит. Причем один такой может под контроль сразу несколько человек взять. Хлюпик подтянул лямку съезжающего автомата.

— А что же он нас двоих не взял?

— Повезло. Может, тебя не почувствовал. Может, силенок не хватило. Они же тоже устают. Ты когда килограмм шестьдесят...

Мун осекся, оглянулся на Хлюпика и продолжил:

— ...килограмм тридцать поднимешь раз-другой, ручки устают? Ну, вот и контролер так же. Наверное, они даже надорваться могут.

Пустопорожний треп раздражал. Очень хотелось обернуться и пересчитать собак. Чтобы не думать о слепых тварях, я кинул взгляд вперед.

— И потом, — Мунлайт обернулся и поглядел на Хлюпика загадочно-пугающе, — кто тебе сказал, что он вас обоих не обработал? Может, вы сейчас под контролем, а все это просто бред.

— А ты?

— А я — твоя галлюцинация, — ухмыльнулся Мун.

Эдак он сейчас начнет идею иллюзорности бытия Хлюпику толкать. Этот может. Он очень любит корчить из себя быдло, но со мной этот номер не проходит. Я давно успел заметить, что он далеко не дурак. Да и грамотный, начитанный ко всему. Интересно, как его в зону занесло? Кем он был там, в обычном мире?

Я подумал, что на самом деле ничего не знаю о своих спутниках. И они обо мне — не больше. Мы все вылавливаем какие-то черточки из общения, но и только. Никто из них о себе ничего не рассказывал. Ни трепло Мунлайт, ни балабол Хлюпик. В зоне вообще как-то не принято вспоминать о жизни вне зоны. Не то чтобы это правило, нет. Просто никто

никогда на такие темы не говорит. А когда вокруг принято сторониться какой-то темы, ты волей-неволей тоже не станешь ее касаться.

Если говорить обо мне, то я ненавижу, когда мне лезут в душу. Да и говорить много, не в моих правилах, так что никому ничего о себе рассказывать не стану. А раз не стану сам, то не полезу и к другим. Потом, кому это может быть интересно? Мне их сопли слушать? Не очень-то и хотелось. Им?

Я бросил взгляд вперед, на чуть ссутуленную спину и без того некрупного Хлюпика. Потом — на широкие плечи Муна. А потом...

Нет, я не увидел, скорее почувствовал. Почувствовал то, чего не уловил расслабившийся и продолжавший трепаться с Хлюпиком Мунлайт.

— Стой! — рявкнул я. — Не двигайся!

Мун остановился как вкопанный. Что-что, а рефлекс, которые, если верить его байкам, спасли когда-то от псевдогиганта, работали у него хорошо. Приостановившийся Хлюпик, растерянно моргая, смотрел то на меня, то на Мунлайта.

Я сделал пару шагов, остановился и кивнул вперед.

В нескольких шагах от нас с Мунлайтом подрагивал воздух. Незаметное легкое марево. Как над раскаленной за день на солнце металлической крышей. Сейчас эту зыбь было видно, практически не напрягая глаза. Создавалось впечатление, что в воздухе зависла абсолютно прозрачная сфера. С дрожащими гранями и в полтора человеческих роста размером.

— Вижу, — поведал Мун независимо, но в голосе звучали виноватые нотки.

А ведь еще пара шагов, мелькнула мысль, и из Мунлайта навертели бы фарш. Чернобыльский мясокомбинат в действии.

— Вижу, — передразнил я. — Кто из нас сейчас ведущий?

— Что там? — заинтересовался Хлюпик.

Я стиснул зубы и привычно засчитал до трех, чтоб только не двинуть кому-то в челюсть. Раз, два, три. Выдох.

— Я тебе что обещал за вопросы не по делу? — напомнил Хлюпику, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче.

Хлюпик потупился. Мунлайт, хоть и чувствовал свою вину, вступился:

— Ладно тебе. Кинь лучше гайку. Пусть посмотрит.

— Обойдемся без аттракционов. Бери левее.

Мунлайт спорить не стал. Еще бы ему спорить, когда налажал, как пацан зеленый. Забрав сильно влево, сталкер обошел аномалию по широкой дуге. Хлюпик шел следом и сопел. Видно было, что его распирает любопытство, но рот открывать боится.

Ничего, потерпит. Пороки надо в узде держать, а не подкармливать. Ничего с ним не сделается, если он не узнает, что такое мясорубка. А лучше б ему никогда об этом не знать.

Лишних разговоров больше не было. Мунлайт прекрасно осознал масштабы своего промаха и шел молча. Хлюпик ничего не понял, но реакция охотно болтавшего и вдруг замкнувшегося Муна его явно впечатлила.

Мы успели пройти всего метров триста от силы, как снова пришлось остановиться. На этот раз впередиидущий сталкер среагировал как надо.

— В ружье, — тихо шепнул он, но так, чтобы услышали и Хлюпик, и я.

После чего сделал шаг вперед. Хлюпик подался следом, но я ухватил его за плечо. Ощутимо. Любопытный извернулся. Я поспешно разжал пальцы. Когда он повернулся ко мне, испепеляя обиженным взглядом и болезненно морщась, потирая плечо, я уже скинул с плеча автомат и взял на мушку ближайший бугор.

Именно к этой кочке направлялся Мун. Не доходя полпути до препятствия, он вскинул новенький, прикупленный взамен потерянного «Вал» и окликнул:

— Эй, там. Поговорим? Или сразу стреляю?

Впереди, там, где вроде бы никого, только трава росла, поднялась фигура в кожаной куртке. Наверное, именно такое эффектное появление называют «вырос, как из-под земли». У Хлюпика отвалилась челюсть. Ничего, судьба у него такая — удивляться простым вещам.

Побежал бы по зоне подольше — и движение любое ловить научился бы, и внимание обращать на то, в горку идет или под горку, и еще много чего примечать.

Мужик поднял кверху руки, в одной из которых держал потрепанный жизнью МР-5, и очень медленно пошел навстречу Мунлайту.

— Поговорим, — крикнул он издали.

На полдороге мужичок остановился, словно прикидывая свои шансы. Он шел по наклонной вниз, мы вверх. Свое присутствие он уже выдал и подтвердил. Нас трое, он, судя по всему, один. И он у меня на мушке. Это не считая Мунлайтова ствола и стискивающего в нерешительности автомат Хлюпика.

— Поговорим, — повторил он. — Только ты тоже... того... волюну убери.

— Перетопчешься, — отрезал Мун. — Хочешь жить — придется поверить на слово в наше миролюбие. Не хочешь, только рыпнись, и я тебе устрою увеселительную прогулку в райские кущи с билетом в один конец.

Мужик опустил руки, МР-5 зыркнул стволом в нашу сторону. Мун мгновенно вскинулся, палец его напрягся на спусковой скобе. Это увидел не только я, но и мужик. Он снова застыл, дико усмехнулся.

— На, держи!

МР-5 выскользнул из пальцев и шлепнулся на землю. Мужик поддал ногой. Автомат с характерным звуком отлетел к Муну. Тот резво нагнулся, подхватил и распрямился.

— Все равно я пустой, — сообщил мужик. — Ни одного патрона.

Ухмылка его стала шире, а глаза заблестели безумием.

— Ни одного, — расхохотался он.

Я поглядел на Муна, тот отбросил бесполезный ствол и кивнул:

— Пустой, — подтвердил слова хохочущего в истерике мужика.

Мужик тем временем продолжал ржать. Смех его сделался совсем диким, захлебывающимся. Вырывался с хрипами. Мужик запрокидывал голову, ухал и всхлипывал.

— Он сумасшедший, — еле слышно поделился догадкой Хлюпик.

Напарник ежился. И хотя видно было, что ему не по себе от присутствия незнакомого психа, он явно расслабился. Сумасшедший без оружия его не пугал. Вон и АК уже на плече болтается.

Наивный. Псих может быть и не псих, пустой МР-5 — отвлекающий маневр. Кроме того, если я брошу автомат, это еще не значит, что я останусь без оружия. Да и безоружные в зоне опасны бывают. И за пригорком еще человек десять могут лежать. Да мало ли что может случиться? Нельзя расслабляться, никогда. Но воспитательной работой заниматься теперь не время.

Мужик прекратил смеяться так же резко, как начал. Запустил руку за пазуху. Мун мгновенно вскинул опущенный было автомат. Пришлый снова хихикнул и, выудив пачку сигарет, показал сталкеру.

Пальцы пляшущим движением вытянули из пачки цилиндрик сигареты. Мужик чиркнул зажигалкой и принялся прикуривать. Получалось это у него паршиво. Пальцы тряслись, руки ходили ходуном. Наконец он затаился и выпустил струю дыма.

— Вы тоже к Сахарову? — спросил он, подходя ближе.

— Какому Сахарову? — не понял Мунлайт.

Я предпочел смолчать. Однофамильца великого академика я знал лично. Этот Сахаров в отличие от создателя водородной бомбы гением и нобелевским лауреатом не был, но свою лепту в науку вносил. Причем занимался он наукой, а не коммерцией, потому немаленький бюджет на свои ученые изыскания тратил щедро, но по делу. Таскать артефакты для Сахарова в определенном смысле было выгоднее, чем для скупердя-бармена.

Мунлайт с Сахаровым, по всей видимости, не общался, но мужик понял его по-своему.

— Не хотите, не говорите, — хихикнул он истерично. — Что я, сам не знаю? Только овчинка выделки не стоит. В гроб с собой деньги не возьмешь.

Он глубоко затаился и выпустил Муну в рожу струю дыма.

— Тяпыч нас с Бродягой туда тоже тащил. Сулил золотые горы. Где теперь Тяпыч? Где Бродяга?

Мужик обвел нас победным взглядом сумасшедших глазок.

— Он точно ненормальный, — шепнул мне Хлюпик.

— И где? — уточнил у мужика Мунлайт.

— Нету, — пригорюнился мужик. — Убили. Мы дотуда-то добрались нормально. Тяпыч меня и Бродягу с Сахаровым этим познакомил. Гурскому представил. Обещал денег, если мы Гурскому этому поможем замеры снять.

Пришлый затынулся. Сигарета, догоревшая до фильтра, обожгла губу. Мужик чертыхнулся, уронил бычок и принялся трясущимися руками закуривать вторую.

А вот Гурский был для меня персонажем новым. Впрочем, оно и неудивительно. Это Сахаров практически вечен. Закрылся в своем бункере в лаборатории и сидит, в ус не дует. Изучает. В зону не выходит, за любыми материалами ему другие бегают. Артефакты сталкеры таскают, замеры свои помощники делают. А помощники эти — тоже ученые. Подготовки никакой. Потому и мрут, как мухи.

Интересный момент: например, гитлеровский доктор Август Хирт, известный своей жестокостью, ставил опасные для жизни опыты не только на жертвах концлагерей, но и на себе. Ради науки. В истории, однако, он запомнился как зверь и враг рода человеческого. А вот Сахаров собой не рисковал никогда. Ни ради науки, ни ради денег, ни ради чего-то еще. За него рисковали другие. Все его опыты и исследования оценивались не только финансовым вливанием, но и немалым количеством трупов. Однако, если он и добьется каких-то результатов, совершит какое-то открытие и оставит след в истории, эти трупы никто считать не будет. Их уже сейчас никто не считает. А доктор Сахаров станет очередным светилом, работавшим на благо человечества. Ну и где справедливость?

Мун терпеливо ждал, пока мужик закурит. Тот выпустил струю дыма, пахнуло плохим, но крепким табаком. Мунлайт не выдержал, поторопил:

— Ну и дальше чего?

— Ничего, — пыхнул дымом мужик. — Гурский, скотина очкастая, сам в комбинезон нарядился. Велел только прикрывать его, пока замеры снимать будет. А то, говорит, кадавры шалят. Мы вышли... А там... Какие кадавры! Зомбаки ходят, причем стаями. Как живые.

Взгляд мужика затуманился. Глаза сделались больными. Он всхлипнул.

— Как живые. Говорят даже. Один все про дочку повторял. Игрушки ей... игрушки обещал привезти... А потом как начал пулять. Бродягу сразу положил. Мы с Тяпычем давай отстреливаться. Тут они и повалили. Гурский, скотина, со своими замерами слинял куда-то. А эти прут и стреляют. И стреляют, и стреляют...

Мужик перешел на крик, потом вдруг заржал жутко и выпучился на меня.

— Вы ведь меня тоже убьете? — не то спросил, не то сообщил он.

Хлюпик вздрогнул у меня за плечом. Я посмотрел на мужика мягко, насколько мог, и покачал головой.

— Тяпычу очередь яйца срезало, — буднично сообщил мужик. — Он лежит и орет. У него кровь хлещет, а он визжит как резаный. Как будто ему яйца отстрелили.

Он снова расхохотался, вытирая слезящиеся глаза.

— Как будто отстрелили... а ему их и правда. Бывает же так, попадет, а... Вот я тогда не выдержал и... и вот... и побежал... побежал...

Мужик захлебнулся, в глазах у него полыхаю безумие. Мунлайт стоял и потирал бородку. Оружие держал дулом вниз. Я тоже опустил автомат. Такое не сыграешь. Хлюпик был прав, мужик и вправду спятил.

Рассказчик по-птичьи вытянул шею и зыркнул искоса.

— Я стрелял, — протянул он. — Я не просто... я до последнего... я стрелял... стрелял...

Голос его снова начал скатываться на истерику.

— А Гурский чего? — поспешил сменить тему Мунлайт.

Мужик затряс головой.

— Не знаю. Я не стал искать, не стал возвращаться. Я убежал. Не надо мне их денег. Не надо мне... ничего не надо... Я жить хочу... Вы ж меня не убьете? Вы туда тоже не ходите...

— Мы не туда, — пообещал Мун. — У нас другие дела.

Мужик восторжен, словно почувствовал себя неловко. Как собравшийся уходить гость, утомляющий пустой болтовней спешащего по делам хозяина.

— Последняя затяжка, — пообещал мужик.

— И под танк, — мрачно пошутил Мунлайт. Пришлый поперхнулся и уронил сигарету. Бычок маленькой тлеющей точкой спикировал в траву и, будто сбитый самолет, испустил дымную струйку. Мужик попятился, взгляд его стал окончательно безумным. Глаза блестели паникой.

Неудачно Мун пошутил. Напугал и без того перепуганного.

Мужик тем временем отошел в сторону. Он все еще пятился. Я сделал шаг ему навстречу. Выставил руки, как перед ребенком или туземцем, предлагая не бояться. Но эффект получился прямо противоположный.

Он шарахнулся, споткнулся. Снова подскочив, пошел, все наращивая темп, оглядываясь и спотыкаясь. Беглец не боялся, нет. Он сам был куском страха, живой паники.

Там же мясорубка, возникла мысль. Мунлайт, видимо, пришел к тому же выводу. Шагнул вперед и окликнул:

— Эй!

Мужик пригнулся, словно это могло спасти его от выстрела в спину, и побежал.

— Стой, — крикнул Мун. — погоди, как тебя... Да не тронет тебя никто.

Беглец уже не верил словам. Вообще ничему не верил, кроме собственного страха. А страх говорил, что трое незнакомцев выстрелят в спину, потому что не могут отпустить. Страх нашептывал, что здесь нет ничего, кроме смерти. Страх орал, напоминая про Тяпыча и Бродягу. Не дай бог когда-нибудь поддаться такому страху, впасть в панику.

— Стой! — рявкнул Мунлайт. — Там...

Договорить он не успел. Мужик петляющим, каким-то заячьим скоком пронесся несколько сотен метров. В очередной раз споткнулся, видимо, понимая уже, куда попадет в следующий миг. А может, и не понимая, а окончательно обезумев от страха.

Фигурка в кожаной куртке споткнулась, начала падать, но не упала. Ее подкинуло, завертело... Я отвернулся, зная, что ничего хорошего там не увижу. Мунлайт тоже опустил взгляд. Только Хлюпик, бледный как смерть, таращился на человека, попавшего в мясорубку. Я мог бы посоветовать ему не смотреть, но такие советы не действуют, по себе знаю.

Мясорубка действовала безотказно. Дикий крик смешался с хрустом ломающихся костей. Хлюпик дернулся. Бледное лицо исказила отчаянная гримаса. Он рванулся вперед. Я резко выставил руку, останавливая от глупой выходки.

— Ему никто ничем не поможет.

Хлюпик издал странный гортанный звук, дернулся и притих. Я убрал руку. Он больше никуда не рвался, словно из него выдернули стержень, на котором держалась если не основа мировоззрения, то что-то очень важное. И, кажется, впервые за все время нашего знакомства он молчал. Не потому, что его заткнули, а потому, что слов не было.

Дикий нечеловеческий вопль давно стих. Зона притихла, шуршала только какими-то своими, привычными шорохами. Я хлопнул Хлюпика по опущенному плечу. Держись, парень, это только начало.

Мунлайт присел рядом. Дернул травинку и принялся задумчиво жевать кончик. Доиграется он когда-нибудь с этим сеном. Сталкер, впрочем, моего пессимизма не разделял. Не прошло и минуты, как он замурчал себе под нос «Moonlight and vodka».

— Что это было? — сдавленно просипел Хлюпик.

Я посмотрел на Муна. Надеюсь, мне объяснять ничего не придется.

— Мясорубка, — пожал плечами Мунлайт, оборвав пение. — Ботаники говорят «гравитационная аномалия». Там внутри какие-то физические завихрения происходят. Человека либо рвет, либо расплющивает. Мне подробности неинтересны. С аномалиями, как

с бытовой техникой. Среднестатистическому человеку плевать на то, как действуют микроволны. Ему достаточно знать, на сколько минут сунуть в микроволновку тарелку с супом, и еще полезно знать, чего в СВЧ совать не надо. А все остальное не имеет ни смысла, ни значения.

В этом я с Муном согласен. Ковыряться в физических принципах действия аномалий — ничемное занятие. Это то же самое, что, будучи приговоренным к смертной казни, начать изучать принцип работы электрического стула. Будешь ты знать, как он действует, или нет — это ничего уже не изменит.

Хлюпик немного успокоился. Во всяком случае, глаза хоть и полны скорбью, но уже не шальные. И на лице появились какие-то оттенки, кроме бледно-серого.

Я оглянулся назад. Никого и ничего. Даже треклятых собак не видно. Видимо, мясорубка их вспугнула.

— Ладно, пошли, — скомандовал я. — Я первый, Мунлайт последний.

— А я?

Головка у коня. Я скрежетнул зубами, проглотив неприятный ответ. Не стоит на него сейчас наезжать. Ему и без этого не весело. Перегибать палку тоже не надо.

...два, три. Выдох.

— А ты, как обычно, — буркнул я и пошел туда, откуда двое только что не вернулись, а один предпочел сбежать в мясорубку.

13

Лаборатория Сахарова напоминала небольшую, но неприступную крепость. Войти внутрь можно было только в том случае, если этого пожелает хозяин. Врата его бункера открывались исключительно автоматически. Я со злорадством подумал, что если автоматику переклинит, то старый мозгосос останется в своей лаборатории навсегда. Руками дверь не сдвинуть никогда. С тем же успехом можно вручную взламывать бомбоубежище.

Вокруг лаборатории, как по законам средневековых фортификаций, высился забор с массивными воротами. Ворота, правда, давно снесли, зато окрест вместо крепостного рва хлюпало болото. И помянутые «кадавры» уж если начинали шалить, то любой случайный человек устремился бы в лабораторию не для того, чтобы взять ее штурмом и вытряхнуть бюджетные сокровища, а чтобы смиренно просить защиты.

Сахаров казался гостеприимным. Пускал к себе практически любого, давал временный приют, скупал артефакты по полной цене, приторговывал оружием, обещал приличные деньги за простые, на первый взгляд, услуги. Он даже расставался с обещанным весьма охотно. Вот только напускная простота выдаваемых им поручений поставила крест далеко не на одном десятке жизней.

Впрочем, к Сахарову я заходить не собирался. И «Янтарь», и лабораторию лучше обойти стороной. Как там народ говорит: «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». А народ у нас мудрый, к нему полезно прислушиваться.

Я забрал в сторону, обходя обнесенную забором лабораторию. Оглянулся украдкой. Хлюпик топает почти след в след, но пытит, как паровоз. Видно, устал. Мунлайт идет задумчивый и сосредоточенный. Интересно, понял мой маршрут или до сих пор гадает о моих планах и неведомом Сахарове? Ладно, пусть гадает. Пока он ведомый, выбор маршрута — не его забота, а там поменяемся.

Вот обойдем «Янтарь», устроим привал. А там поменяемся.

Впереди замаячил пригорок. Наверх дорога и мостик. Под мостиком бетонная, шире человеческого роста в диаметре, труба. Эдакий туннель на ту сторону. У входа в трубу мельтешило что-то ярко-оранжевое. А вот и ученый на побегушках. Как бишь его, Гурский?

Оранжевый комбинезон я узнал сразу. В таких костюмчиках, похожих на обмундирование первых советских космонавтов, ходили, кажется, все ученые зоны. Ярко-оранжевый комбинезон и белый с тонированным забралом шлем. Выглядело броско и

комично. Ядовитый окрас делал ученых прекрасной мишенью, а само обмундирование хоть и защищало от радиации, но в отличие от сталкеровских костюмов хреново держало выстрел. Фактически пуля проходила через него, не задерживаясь.

Я поколебался и направился к рыжему. Мимо пройти можно, но незаметно не пройдешь. А если этот тип нас увидит, может запросто принять за зомбяков. Еще, чего доброго, палить начнет с перепугу. Попадет, не дай бог. Пуля-то дура, как известно.

— Кто это там? — пропыхтел в спину Хлюпик, наконец разглядевший ученого.

— Космонавт, — усмехнулся Мунлайт.

— Какой космонавт? — опешил Хлюпик.

— Герой Советского Союза Юрий Алексеевич Гагарин, — продолжал паясничать Мун. — Все думали, что он погиб, а он ушел от людей подальше. Слава его утомила. Сначала в казахских степях прятался, а потом в зону отчуждения ушел. Еще в конце восьмидесятых. А ты не знал? Про это даже в прессе писали. Газета «Спид-инфо». А ЦК партии присылал ему сюда консервы, водку и проститутку. Статья так и называлась «Сиськи для героя».

Шутник, блин. Это он тоже может. Несет пургу с умным видом, ссылается на что-то значительное. А когда ему начинают верить, гнусно ухмыляется и сообщает, что лох — это судьба.

Хлюпик пока еще не поверил, но наживку заглотнул, опешил. Судя по звуку, споткнулся даже. Я чувствовал его взгляд между лопаток.

— Угрюмый, а что, правда была такая статья? Была, не была. Я откуда знаю? Что я, желтую прессу читаю, что ли? Хотя могла быть. Борзописцы все, что угодно, придумают, чтобы читателя поразить. Сколько было всяких статей из серии: «восьмидесятишестилетний дедушка случайно изнасиловал бабушку, поскользнувшись на банановой кожуре. Восьмидесятилетняя женщина ожидает тройню». И самое смешное, что эти фантазеры умудряются относиться к подобному бреду серьезно.

Видал я одного такого журналиста. Еще в Чечне к нам в часть приезжал. Как его только занесло туда? Так вроде ничего мужик, нормальный. А как накатил малость, начал нести пургу про какого-то Фоменко. У того, если верить его книгам, Куликовская битва была в районе Фрязино, а сражение на Калке закончилось в пригороде Самары со счетом четыре-ноль в нашу пользу. Про Фоменко журналистик рассказывал с завистливо горящими глазками, а потом признался, что хочет создать фантаσμαгорию такого же уровня, как этот великий человек. Так что, если кто-то относится к этому как к вранью, то для кого-то это глобальный фантастический прожект.

— Заткнитесь оба, — посоветовал я спутникам, не оглядываясь, и вышел навстречу Гурскому.

Тот стоял, зажав какую-то хрень в руках, и был увлечен настолько, что не особо смотрел по сторонам. Более того, о безопасности он тоже особенно не думал. Оружие стояло рядом, прислоненное к бетонной стенке туннеля, там же валялся стянутый с головы шлем.

Без шлема ученый смотрелся еще более комично. Торчащая из широкоплечего комбинезона взлохмаченная голова гляделась непропорционально маленькой. На выдающемся носу сидели толстые очки в старомодной роговой оправе.

— Господи, зачем ему вообще охрана понадобилась, — подал голос Мунлайт. — Будь я кадавром, я бы на него не напал.

Я оставил реплику без внимания. Если на каждую шутку Муна реагировать, никаких нервов не хватит. Ученый отвлекся от прибора и наконец разглядел нас. Присматривался с опаской, но, видимо, понял, что мы живые.

Меня больше заинтересовало его оружие. Хорошая такая винтовочка. Английская. Enfield L85A2. Непонятно только, зачем она ему, бетон подпирать? Для этой цели и чего попроще сгодилось бы.

— Гурский? — окликнул я.

— Откуда вы знаете? — удивился ученый.

Он окончательно расслабился, удостоверившись, что мы не зомби.

— Охрана твоя проболталась, — развеселился Мун. — Рекомендую поменять.

— Может, вы до лаборатории проводите? — Ученый снова углубился в показания прибора, не отвлекаясь на нас. — Вам заплатят.

Заплатят. Нужна нам твоя плата.

— Мы на север, — покачал головой Мун. Гурский посмотрел косо, но ничего не ответил.

Дескать, ну и идите. Мало ли тут притырков ходит, не вы первые. Все знают, что на север дороги нет, но постоянно находятся ненормальные, жаждущие это проверить. Что ж, каждого сумасшедшего отговаривать? Хозяин — барин.

Я прошел мимо, держа в поле зрения привалившийся к бетонной трубе ствол. Но очкарик, кажется, не собирался стрелять в спину. Буркнул только что-то про ублюдков-сталкеров, которые под ногами пугаются и вечно мешают работать великим ученым.

Шагов через десять я оглянулся проверить, не изменились ли его намерения, а заодно глянул, как там мои ребята.

Ощущение опасности горячей волной прокатилось по спине. Мозг еще не успел осознать до конца увиденное, а рука уже сдергивала «Калашников», переставляя переключатель из одного крайнего положения в другое. Хлюпик непонимающе завертел башкой. Зато Мун не затянул с реакцией. Верно оценив мои действия, вскинул свой «смешно звучащий» СА «Вал» и резко развернулся.

— Гурский, — крикнул стalker ученому. — Чудило с Нижнего Тагила. Брось свой дозиметр на хрен.

Ученый вскинулся так, как будто его отвлекли от важного дела из-за какой-то чепухи. А чепуха была уже рядом. Пока очкарик с зоной пиписьками мерялся, зона приготовила ему смешной сюрприз. С пригорка, откуда всего несколько минут назад спустились мы, топала парочка зомбаков.

Их действительно было несложно отличить от людей. Движения у кадавров были медленными и ломаными. Так мог двигаться имбецил. А может, они и страдали от чего-то похожего. Когда-то они были людьми. Когда-то они были такими же сталкерами, как я или Мунлайт. Но что-то с ними случилось...

Кто-то рассказывает страшилки про восставших мертвецов, дескать, умерший в зоне становится зомби. Я не верю в сказки про восстание живых мертвецов. Кто-то говорит, что все это ерунда, и кадавры просто попадают под чей-то контроль. Не знаю. Мне трудно представить себе контролера, который мог бы удерживать столько людей в таком состоянии одновременно. Третьи говорят про некое пси-излучение, которое сворачивает мозги. Четвертые утверждают, что мозги скисают от постоянного продолжительного контакта с зоной. Кому верить, я не знаю. Но результат налицо.

Вот он, результат. Топает по склону с видом имбецила или жертвы церебрального паралича. Мимика скудная, движения грубые, ломаные. Они похожи на нормальных людей, но только похожи. Речь бедна и неправильна. Мышление скудно и прямолинейно. А может, и того нет. Просто шевелятся какие-то останки памяти в изувеченной голове.

— Не спать! — рявкнул я Хлюпику.

Тот наконец вышел из оцепенения, в которое впал, узрев кадавров, и суетливо, с кучей лишних движений, приводил в рабочее состояние автомат. Мун дал очередь.

— Погоди, — притормозил его я. — Патроны не трать зря, пусть ближе подойдут. И стреляй в голову.

Мун кивнул, прицеливаясь. Ученый убрал наконец свою шайтан-машину и взялся за оружие. Делал он это с явной неохотой. Блаженный. Все они, что ли, блаженные, живут в своих выдуманных мирах, научных изысканиях и плевать хотели на реальность.

Реальность тем временем подбиралась ближе. На пригорке было уже четверо. Еще трое подбирались со стороны болот. Те, что попались на глаза первыми, подошли уже совсем близко. Первый поднял руку с пистолетом.

— Урааа, — хрипло протянул он бесцветным, пустым, как его черепная коробка, голосом и выстрелил.

А следом выстрелил я. Очередь прошла грудь кадавра. Существо пошатнулось, но удержалось на ногах и двинулось дальше. Не знаю, что должно произойти с человеком, чтобы он превратился в такое. Надеюсь, никогда и не узнаю. Но если чего-то убывает, значит, где-то чего-то добавляется. Это закон природы. Так и с кадаврами. Отсутствие мозгов компенсируется невероятной живучестью.

Я дал вторую очередь. К треску моего автомата и хлопанью паршивого пистолета кадавра добавились стрекотания еще пары стволов. А еще через пару секунд в грохоте стрельбы стало вовсе ничего не слышно.

Первого завалил Мун. Он ухитрился зарядить зомбаку в голову. Причем зарядил смачно. Головешку с прокисшими мозгами размочалило так, как будто ее несколько часов рвала друг у друга пара голодных мастифов. Второго подстрелил я. Хлюпик с Гурским шарашили в белый свет без всякого толку, скорее выпуская наружу адреналин, чем реально поддерживая огнем.

Но на смену первой парочке уже подползали новые, а следом появились и еще. Всего я насчитал с десятков приторможенных нелюдей.

— Отходим.

— Куда? — не понял Мун.

— В трубу, — отозвался я и шмыгнул назад.

Пропустив вперед в туннель Хлюпика, чтоб не путался под ногами, я опустился на колено и прицелился. Надеюсь, у него достанет мозгов не стрелять, когда кто-то на линии огня. В противном случае я достану его, на том свете или на этом, и придушу своими руками.

Кадавры напирали молча. Редко кто-то из них выкрикивал какой-то простенький лозунг, прежде чем начинал стрелять. Мун присел рядом, и мы снова принялись шарашить в два ствола.

Звук выстрелов уносился по трубе и глушил диким гулким эхом. Каждая очередь беспощадно лупила по барабанным перепонкам. Третий кадавр повалился навзничь, но не умер, а задержался в предсмертной агонии. Сколько такая агония может продолжаться у невероятно выносливого нечеловеческого уже существа, я представлял слабо.

— А этот где? — крикнул я в промежутке между стрельбой.

Понять, что я имею в виду, наверное, было не просто, но Мунлайт понял. Как понял и то, что вопрос обращен к нему.

— В кусты дернул, — кивнул он в сторону. — В засаде залег, не иначе.

Я проследил за направлением кивка. В голых, без единого листочка, похожих на облезлый веник кустах по земле распласталось рыжее пятно. Да, с головой у ученого примерно так же, как у кадавров. Спрятался, называется.

— Вали-и! — протянул слева дебильный голос. И мне стало не до ученого.

Очереди молотили одна за другой. Зомбаки временами дергались, ловя пули, но вреда наша пальба им причиняла мало. Намного меньше, чем предполагали затраченные усилия. Кадавры подступали все ближе, и я понял, что мы с ними не успеваем справиться.

— Отходим? — коротко бросил Мун. Видимо, мы с ним мыслили синхронно.

— Давай вперед, — кивнул я. — Хрен его знает, чего там со спины.

Мунлайт кивнул и, проскочив мимо меня и нашего компаньона-работодателя, двинулся в глубь туннеля. Продолжая стрелять, я начал пятиться, спиной отодвигая Хлюпика.

— А ученый? — неожиданно воспротивился тот.

— Сам дурак, — отрезал я и с силой пихнул упирающегося Хлюпика.

Ему говорили, чтоб топал в трубу, а не в кусты. На хрена была нужна эта самодеятельность? Или он не подчиняется кому попало? Тогда с чего этот самый «кто попало» должен его спасать? Каждый сам отвечает за свои поступки. Можно надеяться на бога или добрую фею с волшебной палочкой, но если сам сваял дурака, а фея не появилась, то никто кроме тебя в твоём бедственном положении не виноват.

Я дал прощальную очередь и пошел быстрее. Практически побежал спиной вперед. Метров через двадцать остановился. Оглянулся. Мунлайт тоже притормозил, видимо, как и я, решив, что пройденного расстояния будет достаточно. Синхронно мыслим.

— Что там?

— Чисто, — в критической ситуации он оказался сдержанным и немногословным. Говорил четко, по делу и без обычных шуток-прибауток. Это меня более чем устраивало.

Снаружи стрекотал «Энфилд». Пукали пукалки кадавров. А потом автоматическая винтовка заглохла, и донеслось глухое протяжное «Урааа». Я поморщился.

— Сейчас начнется, — предупредил, не оборачиваясь.

И не ошибся. В светлом проеме возникла нелепая, корявая фигура. Шаркающей походкой двинулась вперед. Я выстрелил. Потом еще и еще. Мне ответили.

Стреляли кадавры из рук вон плохо, но это не шибко ломало расстановку сил. Их по-прежнему было много, они перли, как танки. И завалить нечеловека оказывалось невероятно трудно. Единственное, что не могло не радовать и играло нам на руку, — ширина туннеля. Вдвоем здесь было практически не развернуться. И это думающим людям, а не безмозглым кадаврам.

Потому вражины толпились, мешая друг другу и создавая затор. Тем не менее я понял, что одному мне с ними не справиться.

— Эй, Хлюпик, — раздался за спиной голос Мунлайта. — Смотри туда, если хоть какое-то движение засечешь, ори.

— Как орать? — растерялся Хлюпик.

— Как резаный, — огрызнулся Мун, появляясь справа от меня в поле зрения. — Чтоб мы услышали.

Хлюпик притих, а Мун взял на мушку переднего нелюдя. И, надо заметить, вовремя, потому как у меня кончились патроны. Пока я перезаряжался, Мунлайт успел положить еще одного упыря. Труп, завалившийся поперек дороги, сильнее замедлил и без того приторможенных нападавших. Это сыграло нам на руку, и дело пошло куда как бодрее. Тем более в два ствола.

Наметившийся перевес в нашу сторону прогрессировал с каждой минутой. Я уже решил обрадоваться, как за спиной затрещал автомат Хлюпика. Твою мать!

Я резко оглянулся. Туннель был чист, сколько хватал глаз. Хлюпик стоял, развернувшись в нашу сторону, и самозабвенно пулял по кадаврам. Твою мать два раза! Сдержав ярость, я нажал на спуск и направил злость в нужном направлении. Через несколько минут все было кончено.

Последний зомбак шлепнулся в кучу своих собратьев, хрипло бормоча что-то невнятное. Проход был пуст, и в светлом пятне проема не было больше никого. Я поднялся на ноги, подошел к едва живому кадавру и выстрелил в голову. Хрип оборвался.

Когда вернулся назад, Хлюпик с непонимающей рожей вертел автомат. Двинуть бы ему в челюсть. Да не кулаком, а прикладом. Я покосился на Мунлайта, тот наблюдал за новичком с ядовитейшей лыбой, на какую только способно человеческое существо.

— Какого дьявола ты начал стрелять? — спросил я, сдерживая злость.

— Я подумал, помощь нужна, — растерянно пролепетал он, отрываясь от автомата.

— Тебе сказали, что делать? Хлюпик потупился.

— Там никого не было.

— А если б было? — Я из последних сил давил бурлящую ярость.

Хлюпик съежился, вжал голову в плечи, изображая верх смирения. Я зло посмотрел на Муна, мол, твоя очередь его воспитывать, и пошел к выходу. Сзади донесся насмешливый голос сталкера:

— Если бы кто сзади подошел, нас бы всех и положили. Думаешь, без тебя бы не справились?

— Я думал помочь, — оправдывался Хлюпик. — Два автомата хорошо, а три лучше.

— Так чего ж не стрелял? — скабрёзно любопытствовал Мунлайт.

— Не стреляло почему-то, — совсем потерялся Хлюпик.

Не стреляло у него. Мудило тряпчное. Заклинило, да и все. Мун в отличие от меня не рычал, а с подначками начал объяснять, что случилось с автоматом и как такое безобразие «починить». Я вышел на свежий воздух.

Поднялся ветер. Шевелил траву и трепал одежду на трупах. А еще появился странный запах. То ли ветром принесло от недалекого болота, то ли кадавры так воняли. Ладно, ковырять карманы зомбаков я так или иначе не собирался. А вот пройти мимо ученого было выше моих сил. Впрочем, в его карманах тоже ничего любопытного не оказалось, кроме горстки патронов к L85A2 и странного прибора. Чего они тут измеряют?

Я поднялся и окинул мертвого Гурского прощальным взглядом. В него попали раз восемь. Причем, судя по всему, умер он не позже, чем после третьего выстрела. На что он рассчитывал, прячась в кустах? Ладно, одним умником меньше. Сахарову, как всегда, наплевать. Пришили мальчика на побегушках — не беда, нового пришлют. Грохнули сталкеров, которые в сопровождение подрядились, — пустяки, как говорил один харизматичный нарисованный мужик с пропеллером, дело житейское. Мало ли в зоне сталкеров, готовых за деньги на грязную работу?

Из туннеля вылезли Мунлайт с Хлюпиком. Первый был доволен и гадски улыбался, второй виновато сутулился. Подошли ближе. Хлюпик при виде трупа побледнел, но блевать не побежал. Уже прогресс. Привыкает.

— Гаврила ждал в засаде зайца, — мрачно хмыкнул Мун, глядя на распростертое тело в оранжевом комбинезоне.

Эрудит. Интересно, читал или кино смотрел?

— Слушай, — неожиданно для самого себя спросил я, — а ты в миру кем был? В смысле, до зоны?

— Алкоголиком и раздолбаем, — не задумываясь ответил Мунлайт и гнусно ухмыльнулся.

Черт меня дернул справки наводить. На откровения потянуло. Язык мой — враг мой. Я прикусил «врага» и двинул в выбранном ранее направлении.

— Винтовочку не возьмем? — поинтересовался Мун. — Хорошая винтовочка.

Я остановился и посмотрел на компаньонов.

— Охота — бери и таскай. Мне и так хорошо. Мунлайт поднял винтовку, отцепил рожок, хмыкнул и бросил его обратно на землю.

— Отстрелялся птенчик, все до единого... Натовских патронов ни у кого не было. Мун тяжело вздохнул и, подмигнув Хлюпику, пихнул его в плечо. Пошли, мол.

— А похоронить не надо? — опасливо поинтересовался тот.

— Охота, — в том же тоне, что и Муну, ответил я Хлюпику, — бери и копай.

— Ему и так хорошо, — ехидно закончил Мунлайт. Хлюпик собрался было спорить, но, сообразив, что для похорон у него нет даже детсадовского совка, сдался. Я подождал, пока они поравняются со мной. Кивнул Муну вперед. Пропустил его первым, следом Хлюпика. И пошел замыкающим.

Шагов через пятнадцать сталкер обернулся и глянул не то на меня, не то мимо, словно делал вид, что смотрит мне в глаза, а сам разглядывал пейзаж у меня за спиной.

— Дальше по прямой, мимо «Янтаря»? — спросил как-то дежурно.

Я кивнул.

— «Янтарь» пройдем, там передышка.

Мун еще раз посмотрел в мою сторону, кивнул и пошел вперед ровным размеренным шагом. А у меня в голове отчего-то засел его взгляд. Станный, смотрящий мимо. И такой, словно он разглядывает дальний склон у меня за спиной, ожидая увидеть там еще пяток кадавров.

Только-только поджившая нога начала тянуть и ныть. Уж не знаю, чего ей не хватало. Не то реагировала на погоду, не то устала от долгой ходьбы. Да и Мунлайт, признаться, взял довольно приличный темп. Как еще Хлюпик не выдохся?

Я посмотрел на новичка. Тот вышагивал с излишней старательностью. Держится из последних сил, еще немного — и отставать начнет. Хотя молодец, держится.

Громада «Янтаря» со всеми его странными постройками и пристройками медленно проплывала мимо. Внутри комплекса шла своя жизнь. Время от времени оттуда доносились такие звуки, что даже если бы любопытство и подтолкнуло заглянуть внутрь, то подобный саундтрек мог отбить и охоту лезть, куда не просят, и само любопытство.

От этой мысли сразу стало зябко. Я поежился и едва сдержался, чтобы не прибавить ходу. Эту местность я знал плохо, не так часто приходилось здесь бывать. А территорию самого «Янтаря» вообще изучил только на карте. И восполнять этот пробел в познаниях не собирался. В такие места без очень веской причины и сам соваться не стану, и другим не советую. Мало того что уровень радиации шкалит, так еще и неизвестно, что или кто там внутри. Но то, что там кто-то живет, голову положить готов. И то, что это не люди, тоже зуб даю.

Скудная растительность, кажется, стала гуще. Деревья тут хоть и голые, торчали чаще. Да еще то тут, то там кустилось что-то неопознанное.

Мелькнуло. Далеко, в стороне. Где-то там, за кустами. Дернулось и пропало. Что это? Собака? От одной мысли о собаках я напрягся. Снова дернулось. Тень, намек на силуэт. Я напряг глаза, до рези вглядываясь в далекие кусты. Никого и ничего. Только ветер шевелит ветки и скудные листья деревьев. Но не могло же мне показаться?

Ладно, хватит паранойи. Лучше под ноги смотреть. Я повернулся вперед, и тут же сбоку снова почувствовалось какое-то движение. Едва уловимое, на краю видимости. Я резко повернул голову. Никого.

— Стой, — окликнул я Мунлайта.

Сталкер незамедлительно повиновался. В другой раз хрен бы он проявил такие чудеса послушания. Но мы ж не в парке культуры имени отдыха, мы в зоне. Если что, и я буду повиноваться. Если слышишь приказ от того, кто идет рядом, лучше сначала делать, а потом спорить, если охота. А лучше и потом не спорить. Никто ничего сверхъестественного не требует. А если какой глагол в повелительном наклонении и прозвучал, то для твоего же блага. Разве только приказывающий решил поприкалываться и дезу запустил. Но в таком случае чего с ним спорить, дал пару раз в торец, чтоб не шутил так больше, и нормально.

— Чего там? — насторожился Мун.

— Не видел? — спросил я. — Ничего не видел? Теперь уже я сверлил взглядом дальние кусты не отрываясь. Мунлайт всмотрелся в пейзаж, потом перевел взгляд на меня. Я почувствовал насмешку.

— Я не видел, — вставил свои три копейки Хлюпик, от чего довольства и ехидства на физиономии Мунлайта поприбавилось.

— Там кто-то, — начал я.

Слова потерялись на середине фразы. Усмешка слетела с морды моего подельника в одно мгновение. Пальцы Муна сомкнулись на ремне «Вала», сдергивая автомат с плеча. А дальше время ускорило, и счет его снова побежал на секунды.

Еще не видя опасности, я в развороте сдернул «калаш». Но выстрелить не успел.

Он был рядом. Не за дальними кустами, где мелькнул первый раз, а в десятке метров. Человек в противогазе. Хотя нет, пожалуй, уже не человек. Он двигался на четырех конечностях, нелепо отклячив задницу. Если бы это было в нормальном мире, я бы посмеялся над очередным фриком. Но здесь была зона, и это был не фрик.

Сделав несколько разболтанных шагов, существо в противогазе напряжилось и невероятным по силе и скорости рывком кинулось на нас. Успевший только нажать на спуск Мун чертыхнулся и дернулся в сторону. Я схватил за рукав остолебеневшего Хлюпика и повалился в сторону.

Падал я не сгруппировавшись, и земля приняла меня не милосердно. Плюс к тому сверху повалился упершийся в первый момент, но быстро переставший сопротивляться Хлюпик. Хрустнуло, но, судя по ощущениям, я ничего не сломал. Отбил только.

Тушка противника просвистела над головой и приземлилась в нескольких метрах от нас. Я резко отпихнул Хлюпика. Церемониться было некогда. Подскочил, схватив автомат на изготовку.

Нечеловеческое существо вывернулось в странной позе. Оперлось на руки, повернувшись лицом и брюхом к небу. Зачем?

Саданула еще одна очередь. Это Мунлайт выстрелил в существо в противогазе. И снова мимо, хоть и стрелял практически в упор. Но противник успел подсуетиться, показав заодно назначение неестественной позы. Взяв упор на руки, существо выкинуло вперед задние конечности, ударило стреляющего сталкера по голени, и тот повалился на землю. Очередь ушла в небо, а существо снова напряжилось, готовясь, кажется, броситься на поверженного Мунлайта.

Я вскочил на ноги и выстрелил не целясь. Конечно, оставался риск задеть Муна, но лучше я его приложу из автомата, чем неведомая тварь укусит.

Мне повезло больше, чем Мунлайту. Хотя везение это было сомнительным. Очередь зацепила противника, прошив ему бок. Но вреда от этого гаду в противогазе причинялось не больше, чем кадавру. Живучий какой.

Живучий молча отскочил в сторону. Затоптался на месте, напряжился, готовясь к новому рывку. Он не проронил ни звука, прочитав за маской противогаза хоть какой-то намек на эмоцию было невозможно. Заглянуть в глаза — зеркала души — тоже не получалось. Но я точно знал, что на этот раз он готовится прыгнуть на меня. Странное ощущение. Как будто я схлестнулся не с живым существом, а сдвигающимся манекеном или резиновой куклой из секс-шопа. Вот только в отличие от искусственной бабы для неудачливых онанистов-извращенцев это существо было смертельно опасным.

Я выстрелил прежде, чем он прыгнул. Стрелял в голову, но он рванул вперед, и пули снова с чавканьем ушли в живот. Прыжок его, как и предыдущие, был молниеносен. Но время для меня словно застыло. Я понял, что не успеваю его снять.

Хотелось бы сказать, что у меня вся жизнь пронеслась в тот момент перед глазами, но ни фи́га у меня перед глазами в тот момент не пронеслось. Не вспомнилось ни приятного, ни ужасного. Вообще никаких воспоминаний. И мыслей никаких, кроме одной: не успел!

И при этом, словно в ночном кошмаре, растянувшаяся в вечность секунда, невероятно медленно летящая на меня в молниеносном прыжке туша противника и жуткая, непомерная тяжесть в руках, словно автомат был цельным и отлитым из чугуна. Мозг работал в это мгновение в миллионы раз быстрее, чем мышцы, которые просто физически не были способны разогнаться до такой скорости.

Первый выстрел раздался слева. Одиночный. Хлюпик в спешке дернул предохранитель на одно деление, а не на два. Следом тихо заплевался «Вал». Летящий нечеловек дернулся, ломая выверенную идеальную траекторию полета, кувыркнулся и грохнулся вниз. Прямо на меня.

Время вернулось в свое обыкновенное состояние. Судорожно хватая ртом воздух, я спихнул с себя труп быстрее, чем отшвыривал до того Хлюпика. Голова в противогазе превратилась в кровавое месиво. Понять, достал ли его первым Хлюпик, или промазал и вся слава и охотничий трофей принадлежали теперь Муну, не представлялось возможным.

Я вскочил на ноги, стараясь выровнять дыхание и не выглядеть напуганным, хотя, признаться, эта тварь заставила сердечко екнуть.

— Что это? — голос прозвучал с предательской хрипотцой.

Поднимающийся на ноги Хлюпик застыл и покосился на меня так, как если бы всезнающий непогрешимый оракул на полном серьезе решил бы выяснить у него, сколько будет дважды два.

— Ты что, Угрюмый? — хмыкнул Мунлайт, уже поднявшийся на ноги и приводящий себя в порядок.

Снорков не видел?

Я нехотя мотнул головой. Про снорков я только слышал, мол, есть такие. Судя по остаткам экипировки и одежды, эти нелюди когда-то были военными. Или нападали на военных. Сумасшедшие, опустившиеся, облученные — не знаю. Не представляю, что должно произойти с человеком, чтобы он превратился в такое. Это даже не безмозглые кадавры. Снорки, по слухам, вели совершенно животный образ жизни. Передвигались на четырех конечностях и охотились на людей. Нападали четко, расчетливо и молниеносно. Реакция и мускулатура у снорков невероятные.

Обо всем этом я не раз слышал от сталкеров, глубоко бороздящих зону. Теперь я смог воочию убедиться в том, что это не сказки. И образ жизни, и повадки, и быстрота реакции — все соответствовало рассказам захмелевшей сталкерни в «Ста рентгенах». Только в отличие от рассказов снорк был не просто опасным. Он был жутким, насколько может быть жуток человек, потерявший все человеческое.

— Вот и познакомились, — подвел итог Мунлайт. — Пошли, пока еще не набежали.

— Он-ни что, стаями бегают? — начал заикаться вдруг Хлюпик.

— Где один, там и два, — резонно сообщил Мун.

И я был с ним солидарен. Есть в округе еще снорки или нет, встречаться с ними больше не хочется.

— За мной, — бросил я, давая понять, что Мун снова в арьергарде.

На сей раз меня поняли оба. И сталкер, и новичок. Вот только Мунлайт, кажется, опять оглянулся. От этого постоянного оглядывания у меня крепло ощущение, что за нами кто-то следит. Но, кроме зоны, я сейчас никого не чувствовал.

15

Снорков мы больше не встретили. Опасное место осталось позади, и можно было бы немного расслабиться, если б впереди не поджидало место еще более опасное. Безопасных здесь не бывает. А если разобраться, так их и вовсе не бывает. Вышел из дома, считай — на фронт попал. Если так относиться к жизни, то жить становится проще. Сразу видны и победы, и поражения, и ход «войны». А расслабиться в таком случае можно только в одном месте, даром говорят: мой дом — моя крепость. Так оно и есть.

Обо всем этом я кумекал, пока расстегивал рюкзак и выволакивал наружу консервы. Остановились мы не сразу. Место для привала выбирали долго, чтобы и самим не торчать, как три тополя на Плющихе, и если кто подбираться станет, успеть заметить прежде, чем будет поздно.

Мунлайт поглядывал за моими приготовлениями с извечной ехидцей. Потом буркнул что-то вроде: «Полно, голубь, не грехи» и полез в свои закрома. Из недр Муновского рюкзака показалась буханка хлеба, палка колбасы, бутылка водки и пара банок чего-то шипучего типа «колы».

— Лучшая рыба — это колбаса, — пояснил он, достав нож и принимаясь шинковать хлеб с колбасой. — А консервы схомячить еще успеем. Убери, целее будут. Хлюпик, а ты чего сидишь? Открывай пузырь.

Хлюпик послушно кинулся открывать банки и бутылку, я, чертыхнувшись про себя, принялся складывать обратно консервы. Банки снова заняли законное место в рюкзаке. Конечно, Мун прав, но с этой лишней возней я почему-то чувствовал себя идиотом. А я очень не люблю это чувство.

Горка бутербродов росла. На толщину отрезаемых кусков Мунлайт смотрел сквозь пальцы. Потому в получавшемся продукте не было никакой эстетики. Была у меня в армейскую бытность девочка, внучка поварихи. Так ее бы инфаркт хватил, если б она такие ломти увидела. Впрочем, мне лично было наплевать.

Сталкер, насвистывая «Moonlight and vodka», закончил свое кулинарное действо и поднял бутылку.

«Lunchtime in Moscow, Midnight in L.A.»⁷ — некстати пришла мысль.

— Не пьянства ради, — сообщил Мун. — А исключительно для здоровья.

Он приложился к бутылке и сделал значительный глоток. Пару раз дернулся кадык. Сталкер оторвался от емкости и потянулся за бутербродом. Лицо его зарумянилось, хитрые глаза приобрели маслянистый блеск.

Я принял бутылку, глотнул. Занюхав кожаным рукавом, протянул Хлюпику. Тот покачал головой.

— Пей, — подбодрил Мун, — для здоровья полезно. Там у «Янтая» знаешь как фонит? Был бы у тебя дозиметр, он бы уже с ума сошел. Знаешь, почему здесь нет никого? Недельку-другую вокруг погуляешь и облудишься так, что рак всего тебе обеспечен. Через месяц яйца отвалятся, через два мозга скиснут, через три умрешь в корчах. А водка — она нейтрализует.

Хлюпик посмотрел на Муна недоверчиво, потом перевел взгляд на меня, словно ожидая моего мнения. Не дождавшись, поспешнее, чем следовало бы, хватанул пузырь и присосался к горлышку. Сделав несколько судорожных глотков, заперхал и полез запивать «колой». И пить он тоже не умеет. Одно слово — хлюпик.

— Ты б газированным не запивал, — усмехнулся Мунлайт. — А то нам только тебя пьяного таскать на себе не доставало.

Хлюпик смутился и налег на бутерброды. Мун хмыкнул и приложился к бутылке. Взгляд его, кажется, стрельнул мне за спину. Я сделал вид, что ничего не заметил. Но сразу обратил внимание, что Мун уселся таким Макаром, чтобы держать в поле зрения ту сторону, с которой мы пришли. Хлюпика посадил рядом, а мне досталось место лицом к Припяти, навстречу приключениям. Интересно, это нарочно или специально? Или у меня паранойя?

— Ты бы тоже особо не налегал, — бросил я Муну как ни в чем не бывало. — У нас впереди такие радости, что лучше побережь мозги и рефлексy.

— У нас впереди такие радости, что я бы с удовольствием нажрался до такой степени, чтоб море по колено. И плевать на все рефлексy и мозги, — поделился Мун, но бутылку отставил.

Хлебно-колбасная горка уменьшалась с хорошей скоростью. Последний бутерброд задержался чуть дольше и был истреблен Мунлайтом с очередной гнусной ухмылочкой и скабрзностью на тему вшивой интеллигентности.

Надо было вставать и идти дальше, но идти куда-то смертельно не хотелось. Вообще это совсем небезопасное местечко казалось сейчас каким-то удивительно спокойным. Словно сюда не сунутся ни мутанты, ни аномалии, ни люди.

Глупая и опасная иллюзия. Я мысленно отругал себя за глупые мысли, но не встал, решив, что пятнадцать минут можно и передохнуть.

— А почему в зоне птиц нет?

Я покосился на Хлюпика. Кого-то после обеда тянет поспать, кого-то руки об соседа вытереть, а его пробило на расширение кругозора.

— А чего им тут делать? — пожал плечами Мунлайт.

Хлюпик посмотрел с подозрением, будто в ожидании подначки. Но Мун выглядел на удивление серьезным.

— Ну, как же... Люди живут, собаки... свиньи мутировавшие, — припомнил он. — Всякая дрянь живет...

— Включая человека, — не удержался-таки от колкости сталкер. — Понимаешь, птицы умнее людей и зверей.

— Я бы сказал, свободнее, — поддержал разговор я, чую, куда клонит бородастая язва.

— Те же яйца, только в профиль, — отмахнулся Мунлайт. — Просто, когда жареный петух в жопу клюнул, люди за вещи цеплялись, за насиженное. Потом вроде уезжать стали, но не все. Кто-то остался. А потом другие люди, любопытные, полезли посмотреть, а чего это там? Интересно же. Человеку всегда интересно. Особенно если забор стоит и табличка «Не ходить».

⁷ Время завтракать в Москве, в Лос-Анжелесе полночь (англ.).

Мун дернул травинку, сунул между зубов и откинулся на спину. Травинка покачиваясь смотрела в небо. Сталкер вытянулся и прикрыл глаза.

— Это закон: если чего-то нельзя, значит, обязательно нужно, — продолжил он, пожевывая травинку. — Знаешь, как в кино. Стоит на окраине города заколоченный дом, про него все в городе знают и рассказывают страшные истории. Дескать, кто туда заходит, того ногами вперед выносят. В дом сунется разве что сумасшедший. Ну и главный герой, разумеется. Причем идет он туда ночью, в грозу и шквальный ветер, в полнолуние, в пятницу, тринадцатого, наплевав на все приметы, слухи и погодные условия. И вот он идет, подходит к дому, а там табличка «не входи, мужик, а то кранты тебе». И музыка такая зловещая играет, и ветер, и гроза, и пятница, тринадцатое. А он табличку на двери читает, а за ручку все равно тянет. Когда такое видишь в кино, сидя на диване, обычно смешно становится. Вот ведь дурак какой, куда лезет. Только на диване перед телевизором все умные, а в жизни, так девяносто девять из ста дураки дураками и лезут, куда не надо.

Мун замолчал. Травинка дернулась пару раз и замерла в наклоненном положении. Со стороны было похоже, что он заснул. Дыхание ровное, лежит, не шевелится. Даже веки не дергались и ресницы не дрожали, как бывает у тех, кто притворяется спящим. Но я знал, что он не спит.

— Так а птицы-то при чем? — не понял Хлюпик.

— А птицы умнее, — снова шевельнулась травинка. — Их ничего не держит, и любопытства глупого у них нет.

А если и есть, то инстинкт самосохранения работает лучше. Так что птицы подорвались и улетели от всего этого безобразия подальше.

— Ну а звери чего тогда не убежали?

Мунлайт резко сел и посмотрел на Хлюпика, как на идиота.

— На своих двоих, пусть даже четырех, далеко не убежишь, — объяснил он. — И потом, у животных тоже свои норы есть.

Складно балаболит, но это только теория. У птиц ведь тоже и гнезда, и любопытство присутствуют. И с людьми не прав. У меня вот тут никакого якоря не было, и любопытство меня не глодало. Однако же я в зоне. И потом...

— Птицы в зоне есть, — ляпнул-таки я. — Сам видел.

— А что птицы? — пожал плечами Мунлайт. — Ну да, летают, бывает, видали, но ни одного гнезда я в зоне не видел...

Я не хотел спорить, а потому просто замолчал. Вот только Хлюпик, видимо, тоже думал в схожем со мной направлении.

— А почему обязательно любопытство? — поинтересовался он. — И про дурь не согласен. Я вот...

— Ты вот, — кивнул Мун, — сидишь здесь, у черта на рогах, а мог бы у себя в сталинской квартирке на диване книжечку листать и жизни радоваться. Вот чего тебя сюда занесло?

— Я не из любопытства. Я... Мне надо, — взвился Хлюпик. — А тебя вот чего сюда занесло?

Мун окаменел, как громом пораженный. Глаза его на какую-то долю секунды сузились, стали злыми, будто Хлюпик своим невинным вопросом переступил черту дозволенного. Но уже в следующее мгновение он взял себя в руки.

— И мне надо, — ответил как ни в чем не бывало. — Только все равно это все дурь. Просто сначала ты суешь нос, куда не надо, а потом его прищемляют и тебе уже никуда не деться. Ты вот думаешь, что волен уйти из зоны? Хрена лысого, она тебя уже сожрала с потрохами. Ты уже сунул сюда свой любопытный нос, и его прищемили. А ты, глупыш, и не заметил.

Мунлайт растекся в гнусной ухмылке. Травинка покачивалась в такт легким движениям челюстей. А потом морду Муна перекосило, он сплюнул и схватился за челюсть. Травинка спикировала вниз и затерялась среди еще живых и растущих себе подобных.

Я с удивлением смотрел на сталкера. Чего это он? Мун тем временем раззявил варезку и, запустив туда чуть не всю пятерню, принялся ощупывать передний зуб.

— Ты чего? — заволновался Хлюпик.

Вместо ответа Мун вынул пальцы изо рта и демонически ухмыльнулся. Еще недавно ровный ряд зубов светил небольшой, но заметной чернеющей дырой. От переднего верхнего у сталкера откололся кусок размером с третью часть. Доигрался.

Хлюпик тоже, кажется, заметил. Во всяком случае, спрашивать больше не осмелился.

— Твою мать. — Теперь Мун теребил сколотый зуб не пальцами, а кончиком языка.

Интересно, чего это за трава такая, что об нее можно зубы сломать? Может, поискать и Сахарову отнести? Готов поспорить, что он с такими штуками еще не сталкивался. Правда, он не ботаник и даже не биолог.

— Тебя предупреждали, что это опасно для здоровья, — поддел я.

— Да пошел ты, — огрызнулся Мун. — Накаркал? Молодец, возьми с полки пирожок. Там два, твой — посередине.

— Так это он об травинку? — выпучился на меня Хлюпик.

Я не ответил. Трава здесь тоже ненормальная. И если по теории этого беззубого, то растительность — другая форма крайности. Птицы улетели, потому что не могли остаться. Трава, кусты и деревья остались, потому что не могли улететь. А остальные... Остальные ушли, пришли или остались, в зависимости от собственного трезвомыслия. Если подходить с точки зрения здравого смысла, то мы трое, как и все прочие, живущие здесь, — ненормальные.

Хотя личностный фактор тоже отрицать нельзя. Вот я, например... А что я?

Нет, все-таки прав Мун, существование в таком паршивом месте — дурь. Чем бы она ни была продиктована.

16

Пейзажи становились все более пустынными и жутковатыми. Если южную часть зоны отчуждения освоили военные, ученые и сталкеры, то на север лезть не торопились. Дорога сюда считалась закрытой, даже несмотря на сказки про Монолит, группировку с аналогичным названием, сказочные артефакты. Есть такие места, в которые не полезешь даже за миллиард баксов. Риск хорош, когда точно известно, чем и за что рискуешь. В походе на север ты рискуешь жизнью. Причем шансов на выживание у тебя меньше процента. А шансов получить сказочное богатство или добраться до исполнителя желаний и того меньше. Может, и вовсе нет. Никто ж не знает, есть ли Монолит на самом деле.

В связи с этим возникает вопрос: какого ляда я здесь делаю? Хлюпик поперся на север, потому что понятия не имеет, что это значит. Мунлайт — авантюрист, которого тянет жажда наживы. А я? А я дурак, потому что вбил себе в голову, что кому-то чем-то обязан.

«А разве нет?» — шевельнулось что-то внутри.

Может, и обязан. Но самое главное, терять мне нечего.

Скажешь тоже, одернул я сам себя, вспомнив про заначку на новую жизнь. Обычно такие суммы хранят в банке где-нибудь в Швейцарии, а не в... практически у всех на виду. С другой стороны, обычно обладатели таких сумм знают, что с ними делать. А у меня нет никаких мыслей по этому поводу. Можно, конечно, уехать куда-нибудь ближе к экватору. На Кубу, в Таиланд или на какие-нибудь острова и жить там в свое удовольствие. Только какое там может быть удовольствие? Что я там стану делать? Трахать туземок и заливаться грошовым пойлом, пока не сдохну от цирроза и сифилиса. Хорошая перспектива, только с тем же успехом я могу пить и здесь. Периодически выходя в зону на промысел, чтобы хоть чем-то заниматься. При желании даже можно найти, с кем потрахаться.

Нет, лучше существовать здесь, в надежде, что когда-нибудь придумается некий смысл жить дальше, чем существовать там без всякой надежды.

А может, именно за этим я прусь к Монолиту? Ведь не только Хлюпик дойдет и загадает желание. Если дойдем, то все к Монолиту ломанемся. И тогда... А что тогда? Что я у него попрошу? Счастья? Новый смысл бытия? И, если предположить, что Монолит действительно существует и исполняет желания, что я смогу получить после такой просьбы на самом деле?

За хмурыми мыслями я прозевал тот момент, когда они появились. А увидев, вздрогнул.

Собаки! Не думал, что слепые псы заходят так глубоко в зону. Они казались неотделимым атрибутом ее предбанника, но никак не сердца. Внутри все похолодело. Кажется, я уже видел этих собак. Именно этих, хоть это и отдавало бредом.

— Эй, Мунище, — негромко позвал я.

Мунлайт не остановился и не обернулся. Зато Хлюпик тут же завертел башкой.

— Еще раз так назовешь, — пообещал сталкер, не оборачиваясь, — и я тебя пристрелю, хрен унылый.

В другой раз я бы поспорил, но сейчас мне было не до этого.

— Сзади справа, — бросил я.

Он не остановился, даже темпа не сменил. Только кинул беглый взгляд в указанном направлении.

— Хлюпик, хорош вертеться, — посоветовал новичку и добавил уже мне: — Пальни разок, разбегутся.

Я скосил глаза на собак. Стайка была уже штук в шесть. Псы держались группой, следовали четко за нами и сохраняли дистанцию. Они вели себя так, словно ими кто-то управлял. У собак никогда не хватило бы мозгов так себя вести. И что-то мне подсказывало, что выстрелом их не напугаешь.

Никогда не любил собак. Тех, что шастают без присмотра. Я не знаю, чего от них ждать. Тупые, злобные и непредсказуемые. А местные и того хуже. Вообще собаками их назвать можно с большой натяжкой. Помесь рахитичной овчарки, слепой борзой и линялого дикобраза, подцепившего стригущий лишай.

Зона вносит свои коррективы. Все, что здесь выживает, становится странным, искореженным, жутким. При этом невероятно выносливым. Выживают хоть покалеченные, но сильнейшие. И, сталкиваясь с ними, ты сталкиваешься с ночным кошмаром. Столь же ужасным и непобедимым. Вот только проснуться от этого кошмара нельзя.

Меня передернуло. Я скинул с плеча АК, хоть стрелять и не торопился. Глянул на собачек. Слепая свора была на месте и держала дистанцию. Но теперь их было уже около десятка. По спине пробежал озноб. Сейчас их будет становиться все больше и больше, а потом, когда я не смогу за ними уследить, они бросятся. Только на этот раз я не проснусь.

Сердце застучало, как отбойный молоток.

Надо успокоиться. Вдох. Раз, два...

— Ты чего не стреляешь? — обернулся Мунлайт.

— Они не уйдут, — пробормотал я.

Голос прозвучал замогильно, пророчески. Я удивился такому звучанию. Никогда за собой не замечал.

Глубокий вдох. Раз, два...

Мун усмехнулся, пожал плечами и, остановившись, жахнул в свору из автомата... Три. Выдох.

Пугач из бесшумного «Вала» получился никакой. Да и не верил я, что собак этих удастся напугать. Очередь возымела прямо противоположный эффект. Собаки рванули вперед. Только этого и не хватало. Я отступил в сторону.

Большой палец привычно скользнул на предохранитель. Крайнее положение сменилось противоположным, и я начал стрелять, не считая патронов. Попутчики выпали из поля зрения. Все внимание теперь было на собаках.

А собаки перли на нас. И их было не десять, а значительно больше. Откуда только взялись.

— Твою мать! — рявкнул где-то в стороне Мун.

К его тихо похлопывающему «Валу» присоединился Хлюпиков «калаш». Собаки подбежали ближе. Теперь, сбавив скорость, пытались обойти, зайти со спины или кинуться прямо в лицо.

Пока я успевал отстреливаться. С теми псами, что норовили броситься и вцепиться в глотку, было немного проще. А вот те, что пытались схитрить и зайти с тыла, справиться получалось сложнее. Одно я понял сразу: удерживать их всех на безопасном расстоянии нереально.

— Спину держи! — прорычал Мун.

Я закрутился, пытаюсь отстреливаться от собак и одновременно понять, где он. Через секунду стало ясно, что призыв «держат спину» относился не ко мне. Мунлайт и Хлюпик кружили спиной к спине в трех десятках метров от меня. На них наседали с полтора десятка псов.

Приплясывая, стараясь не пустить никого к себе за спину, я снова и снова жал на спуск. Мне удалось подстрелить трех слепых шавок, но меньше их, кажется, не стало. А вот злости поприбавилось.

Твари рычали и клацали зубами. Пока стрелял в одну, другая бросилась на меня уже в открытую. Матерясь, чего со мной обычно не случается, я запрокинул автомат и ударил вперед прикладом. Удар пришелся как нельзя лучше. Собака грохнулась на землю с вывернутой челюстью. Завизжала, ничего не понимая, затрясла слепой, словно глаза покрылись неведомой плесенью, головой.

Я снова принялся стрелять налево и направо. Особенно настырных тварей, что умудрялись протискиваться через линию огня, с силой отпихивал сапогом. Что тоже удавалось не всегда. До мяса они, правда, пока не достали, но штанину потрепать ухитрились.

Кажется, их все-таки становилось меньше, хотя обзор сузился до нескольких метров. Дальше я просто не успевал смотреть и осознавать. Один из псов, завернув голову набок, бросался, пытаюсь схватить за ногу, и тут же отскакивал. Еще четыре твари сгрудились кучей, так, что терлись боками друг о друга, и поочередно пытались броситься.

Лай и стрельба стояли дикие. Если бы рядом были люди, мы бы уже оказались объектом пристального внимания. Но людей не было. Я специально пошел в обход лагеря «Свободы». Вскрикнул Хлюпик, дико, словно его убивали.

— Сука! — заорал где-то рядом Мун.

Его вопль перекрыл рычание и дикий вой Хлюпика. Я шагнул назад и в сторону, отрезая очередной собаке обходной маневр. Хотел повернуться, поглядеть, что там с Хлюпиком, и...

Я не увидел аномалию. То, что вляпался в нее, понял, когда под ногами задрожало. Трясло так, словно земной шар решил сбросить меня со своей поверхности. Перед глазами все дрожало. Деревья, собаки, пара отстреливающихся людей... все ходило ходуном.

Наверное, собаки лаяли, наверное, люди стреляли. Я уже ничего не слышал. В ушах грохотало не хуже рвущегося вулкана или спускающейся лавины. Собаки замешкались, даже, кажется, чуть отстранились. Опасливо показывали зубы. Рычали?

Не знаю. На смену грохоту пришла пугающая тишина, словно я оглох. А окружающий мир продолжал трястись, вытряхивая из моего оглохшего тела душу. И тогда я снова нажал на спусковую скобу.

Пусть все это кончится, но слепых тварей я прихватчу с собой побольше. Руки тряслись. Я не попадал. Собаки злобно скалились, пытались наброситься, но боялись лезть в аномалию.

Я стрелял и кричал. Хотя не слышал ни единого звука, но палец до судороги зажимал спуск, а связки напрягались настолько, что возникал риск потерять не только слух, но и голос.

И только потом, когда трести почти перестало, а собаки отступили и принялись кидаться на подоспевшего Муна, пришла мысль: дрожь земли — не смертельная аномалия.

С этой мыслью, абсолютно оглохший, я повалился на землю. Мир потемнел и понесся куда-то в сторону.

В ушах гудело, словно рядом со мной ударил набат. Потом последовал второй удар, отдающий глухим колокольным звоном, и через этот гул прорвался гудящий, резонирующий голос:

— Угрюмый, мать твою!

Я открыл глаза. Первое, что увидел, — бородка подковой и губы, складывающиеся в нецензурную тираду. Надо мной склонился Мунлайт. Прежде чем я это понял, ладонь сталкера в третий раз смазала мне по физиономии.

Гудения в голове, кажется, стало меньше, но получать еще одну пощечину мне не хотелось. Я перехватил летящую руку и сказал:

— Хватит.

Мой голос тоже был каким-то гудящим и глухим. Вообще все слышалось глухо, будто через толстый слой ваты. Я поднялся на ноги. Меня шатало. Споткнулся, что-то мягкое попало под ногу. Собачий труп.

Чертыхнувшись, я пнул дохлого пса и пошел не разбирая дороги.

— Стой, — окликнул Мунлайт уже почти нормальным голосом.

Вернее, я его услышал почти нормально. Остановившись, я согнулся, упер ладони в колени и замер, прислушиваясь к ощущениям. Слух понемногу возвращался, шатать перестало. Но в голове продолжало гудеть, а внутри все тряслось, как заячий хвост.

Дрожь изнутри снова вышла наружу. Не сразу понял, что трясет меня Мун за плечо. Я посмотрел на него. Видимо, во взгляде было что-то невменяемое, слабо-соображающее.

— Аптечку, — потребовал он. На вечно улыбающемся лице сейчас не было и тени ухмылки. А выражение скорее было смесью злости и нетерпения.

— В рюкзаке, — вяло отозвался я. Соображалка категорически отказывалась работать.

Мозги словно заморозили. Или вытрясли, что в данном случае больше походило на правду. Мун посмотрел на меня с еще большим раздражением, но спрашивать ничего не стал. Просто молча сдернул у меня рюкзак с плеча.

В первое мгновение почему-то захотелось крикнуть: «Мое, отдай!» и начать с Муном драку. Я замотал головой, вытряхивая остатки звона, и распрямился. Поле боя было усыпано собачьими трупами. Раз, два, три, четыре, пять...

Хлюпик сидел у дерева. Лицо бледное, перекореженное гримасой страдания. Рядом возился Мун. И валялись собачьи останки. Семь, восемь, девять...

Сталкер уже бросил мой рюкзак, вытащив оттуда упаковку с набором медикаментов. Раскуроченная дорогостоящая аптечка валялась тут же. Пальцы Муна поспешно достали ампулу, вытянули шприц. Стекланный кончик хрустнул и отломился. Внутри ампулы наверняка посыпались мелкие осколки. Хотя и не настолько мелкие, чтобы попасть оттуда в шприц.

Мун набрал лекарство, поднял шприц кверху иглой, надавил на поршень, выгоняя лишний воздух. После чего без всяких сантиментов с размаху всобачил иглу в бедро Хлюпику. Тот поморщился, отвел взгляд в сторону.

Иголок, что ли, боится? Хотя знал я людей и покрепче, которые могли смотреть на любые зверства и растерзанные трупы, но безгласно отводили взгляд при виде входящей в тело тоненькой безобидной иголки. Впрочем, к Хлюпику это не относится.

— Это от бешенства? — робко спросил он.

— Чтоб не сдохнуть, — отмахнулся Мун. — Бешенством они не болеют. А если и болеют, то на людей это не распространяется. Вон на Угрюмого посмотри. Зачем его кусать? Он и без того бешеный.

Очень хотелось ответить. Но сил не было. Зато голова потихоньку начинала очищаться от посторонних шумов, и мозг делал робкие попытки вернуться к адекватной работе. Но пока успешно справлялся только с подсчетом собачьих трупов.

Тридцать два, тридцать три...

— Никогда не видел столько собак, — поделился наблюдением Мунлайт, собирая расхристанную аптечку. — Интересно, с чего они так накинулись?

Чертов балабол, из-за него сбился со счета.

А чего собаки накинулись, я, кажется, догадывался. Не зря же они за нами шли от самого «Долга». Кружили возле сахаровской лаборатории, перли практически от «Янтаря». Зона не простила мне стажировку Хлюпика и наш импровизированный тир. Видимо, попыталась отыграть свое.

Мун запихал остатки аптечки в упаковку, задержался на чем-то взглядом, присвистнул. Прежде чем убирать аптечку в рюкзак, посмотрел на меня.

— Слушай, Угрюмый, а зачем тебе аспирин?

— Аспирин с водкой мешать нельзя, — поделился познаниями Хлюпик. — Кровь сворачиваться перестает.

— По хрену, — отмахнулся Мунлайт. — Тут аспирином никто не лечится, кроме Угрюмого. Только водкой. Нет такой болячки, которую нельзя было бы вылечить водкой. Разве что венерические.

Я отобрал у Муна рюкзак, в который он только что пихнул остатки лекарств. Щелкнул застегивающими.

— Хорош скабрезничать, — буркнул нехотя. — Аптечка штатная, от ученых. Не знаю, на кой там аспирин, но есть много чего полезного.

— Я заметил, — ухмыльнулся Мун. — Ты как, тупить закончил? У нас Хлюпика погрызли.

— Сильно?

Хлюпик попытался подняться на ноги, чтобы продемонстрировать, что укусили его не сильно, но Мун пресек попытку.

— В бок вцепилась, — пожаловался он. — С боку зашла, а я и не заметил. А когда заметил, поздно было, прыгнула уже. Я от боли автомат опустил. Чуть ногу себе не прострелил. Если бы не Мунлайт...

— Нормально, — оборвал поток душевных излияний сталкер. — До свадьбы заживет. Посидим?

Я покачал головой.

— Чего сидеть? Ждать, когда еще какая дрянь поперет? Топать надо.

Мун был явно не согласен. По лицу видно. Искал предлог остаться и не находил. Если мое состояние после общения с дрожью земли и прогрызенный бок Хлюпика не повод, то придумать отмазку ему в самом деле будет трудно. Невозможно.

— Ладно, — неохотно согласился он. — Веди.

И посмотрел назад. Точно посмотрел. Теперь я готов был поклясться в этом. Еще бы понять, что он там хочет увидеть.

17

Местность становилась все более дикой. Заросли гуще. Под ногами стелился легкий туман. Рассеянный, но сырость тем не менее делала свое дело. А может, просто усталости прибавилось. Так или иначе, нога ныла все сильнее.

Раненый Хлюпик оказался не так сильно покусан. Во всяком случае, калекой себя не чувствовал и пер довольно бодро. Второе дыхание открылось, не иначе. А вот Мунлайт шкандыбал позади с непривычно мрачной миной. Чего это шутника на думки пробило?

На пригорок забрались легко. В горку, хоть умный ее и обойдет, я лез умышленно. Сверху открывался чудесный вид на окрестности. В стороне виднелась база «Свободы», чуть дальше деревушка, про нее говорили, что там у кровососов чуть ли не гнездовище. Не знаю, насколько это правда, но соваться туда, один черт, не тянет.

А еще дальше, если бы не лесной массив, можно было бы углядеть саму Припять. Темную громаду брошенного города. Мертвый город — жуткое зрелище. Впрочем, сейчас

там, если верить слухам, группировка маньяков с чудным названием «Монолит». Кроме того, где-то там, говорят, мозги выжигают. Так что в Припять идти я не собирался. Да и вообще в гору полез не для того, чтобы городом любоваться.

Я поднес к глазам бинокль, чуть подстроил и медленно начал поворачиваться от Припяти в сторону, с которой мы пришли. Впрочем, и там я никого не углядел. Может, у меня и в самом деле паранойя?

Что-то мелькнуло, а потом накатилося мутной волной, смазывая изображение. Я вздрогнул, отпрянул и опустил бинокль. Прямо передо мной стоял Мун и расплывался в едкой улыбке.

— Чего увидел? — любопытствовал он.

Я покачал головой: ничего, мол. И неспешно двинулся вперед под горку. Хлюпик привычно потопал следом. Что-то он притих. Не к добру это.

В низине туман стал гуще, мир вокруг подернулся легкой молочной дымкой. Из молока проступали темные силуэты ближних деревьев, дальние терялись. Эдак и заблудиться недолго.

Хлюпик зябко повел плечами. Но этого оказалось недостаточно, и он содрогнулся чуть ли не всем телом.

— Холодно?

— Противно, — отозвался Хлюпик. — Долго еще?

— Немного осталось, — отозвался сзади Мунлайт. — Скоро Припять, а там не так сыро, как в этой... лесополосе. Там город все-таки.

— Мы не пойдем в Припять, — тихо, но отчетливо произнес я.

Мунлайт остановился. Я слышал, как оборвались его шаги. А следом притормозил и Хлюпик. Не понимая, что произошло, завертел головой, разрываясь между мной и Муном.

Пришлось остановиться и обернуться. Хлюпик выглядел жалко. Будто ребенок, у которого разругались папа и мама. А он ведь любит обоих и оба для него большие, добрые и непогрешимые. И вот теперь они разругались, а он бессилен принять чью-то сторону.

Сталкер, напротив, таил в себе агрессию.

— Ты чего, Угрюмый, контуженный? — в голосе Муна звучала сейчас не насмешка, а угроза. — Дрожь земли до судороги пробрала? Ты чего такое плетешь?

— Мы не пойдем через Припять, — спокойно повторил я, наслаждаясь реакцией, втайне ото всех включая себя самого. — Обойдем стороной.

Мунлайт поглядел на меня, как на сумасшедшего.

— Там никто никогда не ходил, — проговорил он. — Это самоубийство.

— А лезть на арену, подписываясь на три тура, это не самоубийство? — парировал я. — А ломиться через «Свободу», два кордона и Припять, где орудует «Монолит», это не самоубийство? А переться в самое дерьмовое место зоны, где мозги, по слухам, в кисель превращаются, за тем, что, возможно, даже не существует...

— Это другое, — огрызнулся Мун. — Это... другое. Там все понятно и известно. И есть шанс, что тебя не убьют. А здесь... Кто знает, что там?

— Судя по карте, лес, — пожал я плечами.

— Судя по карте, — передразнил сталкер. — А на самом деле? Этого ведь не знает никто.

Я оглядел своих спутников. Контрастная парочка. Один покраснел и готов в любой момент взорваться, второй бледный и подавленный.

— Знаешь, Угрюмый, — проговорил наконец Мунлайт, — когда ты, за каким-то лешим, поволок нас в обход через «Янтарь», я промолчал. Когда ты протащил нас лесом мимо «Свободы», я и голоса не подал. Но вокруг Припяти идти... Ну ты нах.

Я ответил кивком: мол, принято-понято. Поглядел на Муна. Все, теперь можно идти? Не тут-то было.

— Мы идем через Припять, Угрюмый. — Мунлайт выразительно посмотрел на Хлюпика, добавил: — Там безопаснее.

Черта с два там безопаснее. Там «Монолит». Пристрелят и как звать не поинтересуются. В одном Мун прав: что там, в обход Припяти, не знает никто. Потому и пугает это «в обход». Незвестность.

А дальше — дело вкуса. Он считает, что лучше чесать по известному маршруту с вероятностью на успех в десятую долю процента. Я считаю, что в неизвестности процент на удачу больше.

— Я иду в обход, — коротко бросил я. — Там нет «Монолита».

Говорить что-то еще я не собирался. Все уже сказано. Зачем лишние слова? Их и без того уже наболтали больше, чем надо. А вот время на осмысление и принятие решения им все же нужно.

В тишине я присел на корточки и подтянул шнуровку на ботинке, хоть она и без того была нормально затянута. Минуты капали в вечность. Ветер шевелил траву. Вдали что-то ухнуло, хлопнуло и затихло. Как будто неведомая зверюшка напала на сталкера. А дальше то ли он ее, то ли она его. В любом случае одного из столкнувшихся в зоне уже нет.

Перешнуровав второй ботинок, я поднялся и пошел вниз по склону. Демократии не будет. Решения принимать должен кто-то один. И либо они сейчас примут мое решение, либо пойдут своей дорогой. Во втором случае я просто вернусь обратно на базу, нажрусь за упокой души сталкера Мунлайта и примкнувшего к нему Хлюпика и завалюсь спать. А наутро проснусь никому ничем не обязанный. Без долгов.

И все закрутится сызнова. Походы в зону, большей частью вокруг свалки, артефакты, таскаемые барыге-бармену за «стандартные» четверть цены, дерьмовая водка, тоска по мечте и мечта о новом смысле всего этого серого, квелого существования.

Планы на возвращение закончились, как только сзади зашуршали шаги. Поспешные, суетливые, излишне шумные. Хлюпик.

Я ухмыльнулся незаметно, не оборачиваясь. Успел. В десяток моих шагов уложился с решением. Видимо, что-то я ему в башку вбил. По крайней мере мне он доверяет больше, чем Муну.

Шагов последнего я не слышал. Сталкер ходить умел. Недаром зону топчет не первый день. Но свое присутствие он обозначил.

— Какой долбодятел назвал тебя Угрюмым? — В голосе сталкера мешались сдержанное недовольство с нескрываемым сарказмом. — Ты не Угрюмый, ты безумный.

И все-таки он пошел за мной, придушив самолюбие. А может, выхода у него другого не было. Тогда я этого еще не понимал, только чувствовал что-то интуитивно.

В низине туман стал гуще. Дальние деревья приобрели размытые белесые очертания. Сумрачно, зябко, сыро и противно. Бр-р! Я поежился и, выбрав направление, размеренно зашагал вперед. В обход Припяти, где давно уже не ступала нога человека. Во всяком случае, нормального человека. В трезвом уме и твердой памяти.

Часть третья В ТУМАНЕ

1

Когда-то давно, в детстве, у меня был снегокат. Такие санки на трех полозьях с мягким сиденьем, рулем, тормозами и смешным названием «Чук и Гек». Большой и шумной гурьбой мы со снегокатами и санками, ведь «Чуки-Геки» были не у всех, оккупировали горку и катались, промокая до нитки, забыв про уроки и стараясь не думать о нагоняе от мамы.

Сверху вниз снегокат давал фору санкам, потому был вожаделенной мечтой для всех, у кого его не было. Но спуск, как и любой момент счастья, был оргазмически кратким. И после мгновений эйфории начинался долгий и нудный подъем. Вот тогда на тех, у кого были санки, обладатели снегокатов смотрели с завистью. В отличие от буквально взлетающих на горку саночных друзей мы карабкались, пыхтели и спотыкались. «Чуки и Геки» весили не в пример больше, и удовольствие превращалось в пытку. К чему это я?

Здесь и сейчас не было снежоката. Да и счастливого спуска не было. Рюкзак и автомат тянули плечи, под ногами хлюпало раскисшей грязюкой. А холмы зарядили один за другим. Спуски чередовались с подъемами, радости ни от того, ни от другого не было никакой.

Хлюпик шел на удивление молча. Натужно пыхтел и месил грязь. Мунлайт по первости попытался насвистывать «Moonlight and vodka», потом начал тихо материться под нос, но вскоре устал и от брани и сосредоточенно умолк.

Я его понимал. Материться мне хотелось ничуть не меньше. Но и на выплеск эмоций сил не хватало, и отвлекаться не хотелось.

Легкий туман стал плотнее, когда спустились с холма. При подъеме на следующий он отчего-то практически не рассеялся, а дальше уже только густел, как закипающий кисель. Вскоре ориентироваться стало возможно только по карте на ПДА. И хотя в тумане и в отсутствие людей с неведомыми намерениями, при оружии, наладонник был невероятным подспорьем, предупредить об аномалиях или мутантах он не мог. А увидеть их заранее при более-менее нормальной видимости шагов в двадцать-тридцать было не просто. Потому на разговоры и не тянуло.

Туман выматывал, напряжение росло от каждого звука или тени. Не знаю, как остальные, а я себя чувствовал как тот ежик в мультфильме, который мне с детства не нравился. Только если ежа трогал вопрос, как там лошадь в тумане и как она дышит, то меня волновало наличие факта чьего-то постороннего дыхания или присутствия. И если бы сейчас сквозь мутную пелену проступил силуэт лошади, я, не задумываясь, сделал бы все, чтобы она не дышала. Ни в тумане, ни как иначе.

По счастью, никого и ничего живого, кроме нас, здесь пока не было. Один раз мимо протянулось что-то аномальное. Аномалия была заметна достаточно четко, воздух буквально трясло, как с похмелья. Только поэтому я и успел остановиться на довольно приличном расстоянии. Дрожащее, меняющее размер и форму нечто двигалось перпендикулярно нашему пути. На три застывшие фигуры оно не среагировало.

— Что за хрень? — хрипло спросил Мунлайт спустя пару минут после того, как аномалия исчезла.

Спрашивал он явно не Хлюпика. Меня. Или просто задавал риторический вопрос? Я пожал плечами. Обычно аномалии узнаю, но здесь... Либо это вовсе что-то неизвестное, либо некая смесь двух сросшихся между собой пространственных физических завихрений. А что, бывает и такое.

После встречи с неведомой блуждающей аномалией Мунлайт стал оглядываться раза в два, если не в три, чаще. Что-то разволновался балагур. А сам?

Я прислушался к ощущениям и понял: желание, хоть и мысленно, посмеяться над Мунлайтом — лишь попытка заглушить собственное волнение. Сердце билось часто и чутко, готовое в любой момент оборваться. Я глубоко вздохнул и мысленно сосчитал до трех. На этот раз многократно испытанный способ не помог.

Знобило. Вокруг было сыро и неуютно. Сквозь клубящийся туман проступали мертвые тени деревьев, и чувствовалось чье-то присутствие. Я вслушался до звона в ушах. Ничего. Ни звука, кроме наших чавкающих шагов. Но ощущение, что за этими шагами кто-то неслышно крадется в сторонке, поглядывая на нас сквозь туман, не прошло.

Если бы я шел один, наверное, уже не раз резко остановился бы, пытаясь подловить невидимого наблюдателя. Но сзади шлендрали Мун и Хлюпик.

Справа из молочно-белесого плотного воздуха вынырнул громадный силуэт. Я чуть вздрогнул, но сдержался. Это не живое, это...

Я сделал еще несколько шагов и выдохнул на счет «три». Силуэт приобрел размытые контуры, стал узнаваем. Угловатый стан, разнокалиберные колеса. Трактор стоял, накренившись набок. О том, что в кабине когда-то были стекла, напоминало несколько осколков, торчащих острыми углами из проржавевшей рамы.

Трактору внимания досталось больше, чем он того заслуживал. Но ни внутри, ни рядом с ржавыми останками сельскохозяйственной техники никого не было. Тишина.

Не люблю такие затишья. Никогда не поймешь, то ли зона с тобой в поддавки играет, то ли готовится нанести сокрушительный удар, собирается с силами. Так или иначе, хорошего не жди.

Я поспешил обойти трактор. От греха подальше. Тихо. Шаг за шагом, продолжая вслушиваться в неестественную ватную тишину, я двинулся по дуге.

Скрежетнуло, звякнуло. Я подпрыгнул, скорее от неожиданности, чем с перепугу. Никого. Только зависший в раме осколок неизвестно по какой причине решил съехать в сторону.

Хлюпик и Мунлайт стояли в нескольких шагах. Я перевел взгляд с одного на другого.

— Оно само, — поспешил отгородиться Хлюпик.

— Как говорила моя учительница по физике, — задумчиво произнес Мун, — само в этом мире ничего не происходит. Чтобы что-то упало, надо силу приложить.

Умный, как Ленин. Я развернулся и пошел дальше. Понятное дело, что силу приложить надо. Но ведь нет никого. И потом, силы разные бывают. Ветерок подул — сила. Земное притяжение — тоже сила.

Самоутешение вышло абсолютно никчемным. Ощущение чужого присутствия не отпускало ни на секунду, только усиливалось. «Если у тебя паранойя, это не значит, что за тобой никто не следит», — в который раз втемяшилась глупая мыслишка.

Шаги стали глуше, словно туман с утроенной силой съедал звуки. Слух напрягся до звона в ушах, будто поблизости снова был контролер. Ничего. И в обозримой близости — тоже. Ничего и никого.

Сунув руку в карман, выудил ПДА. Палец шлепнул по кнопке питания. Наладонник пискнул и загорелся экраном. Я включил карту. Если верить компьютеру, то кордоны «Свободы» и «Монолита» остались правее и сзади. Людей прошли. Дальше будет легче.

Утешение снова оказалось паршивым. Самообман, а не утешение. Да и не будет в зоне легче. Никогда.

Впереди взметнулась новая тень. Огромная, костлявая, неживая. Сердце дернулось в неестественной конвульсии. Нервы совсем ни к черту. Впереди высилась ажурная опора ЛЭП. Конструкция дала крен. Вправо от траверсов провисли черными змеями провода. Слева проводка была оторвана. Обрывки проводов безвольно болтались на изоляторах, покачиваясь от ветра. Только один кабель невесть как оставался натянутым. Но за счет наклона опоры провод натянулся, будто струна, и готов был лопнуть от перенапряжения в любую секунду.

Сердце металось в груди и колошматилось о ребра, как птица, попавшая в клетку. Я глубоко вздохнул. Раз, два, три. Выдох. Легче не стало.

— Все. — Я сделал еще пару шагов, после чего остановился. Рюкзак скользнул с плеча на землю, словно был живым и весь день мечтал только о том, чтоб от меня отделаться.

Только опустившись на корточки и присев, я понял, насколько сильно разболелась нога.

— Что, пришли уже? — невинно поинтересовался Мунлайт и растекся в сатанинской ухмылке. Подковообразная бородка и сузившиеся глаза дополнили образ. Рогов ему только не хватает и хвоста. А вообще молодец, быстро в себя пришел. Хмурого упаднического настроения как не бывало. Мне бы так. С другой стороны, он наярив одного дня сбросил, а мне нужно напряжение многих лет скидывать. И память. А от этого так просто не отделаешься.

— Четверть часа перекур, — поделился я со своими спутниками и откинулся на рюкзак.

За консервами не полез. Рано жрать. Нам еще топать и топать. Мунлайт присел рядом. Дернул было травинку, но тут же отбросил и принялся елозить кончиком языка по сколотому зубу. Хлюпик возился дольше, чем обычно, будто кот, пытающийся выбрать себе место, а потом удобнее на нем устроиться. Рожа брезгливая. Ну, точно, как у кота. Те тоже сырость не переваривают.

Я закрыл глаза, чтоб не видеть обоих. Устал я от людей вообще и от них в частности. Слишком много общения для меня в последние дни. Надоело. Хочется забиться куда-нибудь в нору, и чтоб никто не трогал. Нажраться водки, растопить буржуйку и уснуть в тепле и под кайфом.

Тишина вокруг стояла ватная, как на новом кладбище. Это на старых деревья на ветру перешептываются и вороны галдят. На свежестроенных, если так можно сказать о кладбище, ничего этого нет. Только поле, могилы и намек на то, что над этой смертью, украшенной искусственными венками и вениками, когда-нибудь прорастет жизнь.

— Слушай, Хлюпик, — разорвал тишину Мунлайт. — А на хрена тебе Монолит? Чего тебе в жизни не хватает?

— Иди ты, — отозвался тот. — Я ж тебя не спрашиваю, чего ты у исполнителя желаний попросишь.

О как! Хлюпик-то, оказывается, зубы показывать умеет. Я открыл глаза и приподнялся.

Хлюпик сидел надутый, как мокрый воробей. Понимаю, я тоже не люблю, когда в душу лезут. Только в отличие от Хлюпика я и в чужое личное предпочитаю не соваться. А он нехай отдувается. Пусть на своей шкуре прочувствует и осознает. У каждого есть что-то свое, сокровенное. Весь секрет только в том, чтобы не переступать черту и не лезть в чужую душу, если не хочешь открывать свою.

Мунлайт, напротив, забавлялся.

— Понятно, — ухмыльнулся он гадостно. — Очередной спаситель человечества. Мир во всем мире попросишь? Или чего? Чтоб дети не болели? Чтоб бабы не истерили? Чтоб у политиков была совесть, а у убийц сострадание?

Неизменная улыбка его стала жесткой. Он коротко сплюнул через новоприобретенную дырку в зубах.

— Много вас таких тут было. Исусики.

Взгляд новичка налился стальной твердостью и по жесткости мог посоревноваться с окаменелой муновой ухмылкой.

— Хоть бы и так, — окрысился Хлюпик. — А сам что?

— А я не претендую. У меня желание только одно сейчас, и оно сильно далеко от человеколюбия.

— Угу. Я себя не люблю, но очень нравлюсь, — подначил я.

— Именно, — кивнул Мун, пропуская подначку мимо ушей.

— А на других наплевать? — мрачно уточнил Хлюпик.

Мунлайт победно улыбнулся.

— А для того, чтобы кому-то чем-то помогать, надо самому для начала вылезти из жопы. Много вас таких. Сами в дерьме сидят и готовы помогать каждой сиротинушке. Чем ты можешь помочь, Супер Радж? Ты сам в говне по уши. Все, что ты можешь, это возюкаться в этом дерьме. Все, что ты знаешь, это как совсем в нем не утопнуть. Вся твоя жизнь — вялое копошение в навозной куче. И ты рвешься кому-то помогать, кого-то спасать? Кого и от чего? Ты ничто. Сначала себе помоги, а потом уже для других хоть что-то сделать сможешь.

Хлюпик полоснул по сталкеру металлическим взглядом, казалось, сейчас бросится и загрызет. Но вместо этого новичок стиснул зубы и отвернулся, в конец надутый.

— Ну а ты? — любопытствовал Мун, переключаясь на меня.

Я резко поднялся. В ногу отдало резкой болью. Что ж она так раздергалась-то? Я непроизвольно сморщился.

— А я пойду.

— Куда это?

— В кусты, — буркнул я.

Не то Чтобы мне очень хотелось до ветру, но продолжать этот разговор я жаждал еще меньше. Что мне ему сказать? Что ответить? Я иду к Монолиту, но даже если он существует, даже если мы до него доберемся, даже если еще куча всяких «если»... Ведь мне нечего у

него попросить. Не знаю, чего желать. И не потому, что у меня все есть. Просто мне ничего не нужно. Покойникам ничего не нужно.

От этой неожиданной мысли я вздрогнул. А ведь ты труп, Угрюмый. Живой труп.

— Понятно, — фыркнул вдогонку Мунлайт, по-своему трактовавший мое молчание. — Еще один защитник бедных, обездоленных, униженных и слабоумных. Надо было для таких, как вы, Монолит не исполнителем желаний назвать, а удовлетворителем желаний. Что б вы наконец поняли, что желание и мечта — не одно и то же. Альтруисты хреновы.

Он говорил что-то еще, но я уже не вслушивался. Голос Муна приглушил туман. Потом молочная белизна поглотила место нашей стоянки. А еще через десяток-другой шагов я остался наедине с зоной. Может быть, стоило потеряться в этом тумане навсегда? Может, где-то в нем смысл моей жизни? Или мое счастье?

2

Туман стал плотным до такой степени, что видно теперь было шага на два-три, не больше. Еще какое-то время я шагал, подгоняемый злостью, потом остановился, расстегнул ширинку и выпустил пар. Как ни странно, жить стало легче.

Отжурчав, сколько было нужно, я развернулся на сто восемьдесят градусов и застыл. В голове прояснилось. В отличие от окружающего мира, наглухо потонувшего в тумане.

Ладно, без паники. Я глубоко вдохнул. Раз, два...

На счет «три» рука уже нащупала ПДА в кармане. Пискнуло. Попытка запустить навигатор не увенчалась успехом. Туман пожрал не только окружающий пейзаж, но, кажется, и сеть. Зато загрузилась карта. Чудесно. Только при полном отсутствии видимости и мертвом навигаторе толку от этих топографических картинок, как от козла молока.

И куда я ушел? И куда теперь идти? Огляделся. Ориентиров не было никаких. Если допустить, что я шел по прямой, то, сохраняя направление и двигаясь в прямо противоположную сторону, я вернусь к исходной точке. Вот только уверенности, что в тумане я шел прямо, не было. А ко всему добавилось гложущее сомнение: повернулся ли я, опростав мочевого пузыря, на пол круга или больше? Или меньше?

Стараясь сохранить остатки спокойствия, я зашагал обратно, считая в уме шаги. Десяток метров, полета, сто. Неужели я усвистал больше, чем на сотню шагов? Вокруг ничего не менялось. Загустевший туман не желал рассеиваться. Мутная молочно-белая пелена. Сырая, промозглая, поглощающая звуки, сожравшая зону, а может, и весь мир.

— Эй! — гаркнул я в туман.

Звук ушел, растаял, потерялся. Нет ответа.

— Мунлайт! Хлюпик!

Нет ответа. Тишина и молоко, разлитое в воздухе. Я снова глянул на экран наладонника. Навигатор мертв, сети нет. Только закачанные в память ПДА картинки. Толку от них, если не видно ни зги.

Вот теперь самое время паниковать. Не бывает такого тумана. Не бывает, чтобы в тумане на расстоянии сотни-другой метров не было слышно человека, орущего во всю глотку. Не бывает...

Хотя нет, в зоне все бывает. Особенно в той зоне, про которую никто ничего не знает. Кто тут ходил? Никто. А если кто и ходил, то никто не возвращался, чтобы рассказать о местных достопримечательностях.

Здесь даже зверья нет. И мутантов. И аномалий. Или мне так везет?

Тоже мне везунчик нашелся. Неизвестно, во что вляпался, а туда же. Стоп! От жутковатой догадки стало не по себе. Вот оно. Это не просто туман, это аномалия. Может же быть такая аномалия? Почему нет. Никто такого раньше не видел? Мало ли кто чего раньше не видел. Зона вообще место концентрации раньше не виденного.

Но если это так, то все встает на свои места. В аномальной зоне запросто может теряться любая связь с внешним миром. И ни один житель зоны в аномалию не сунется. Хоть

слепая собака, хоть безмозглый кадавр. Мозгов-то у них нет, но чутье остается. Любое животное, пусть самое примитивное, знает, куда лезть не надо. Чувствует и уходит. Потому при пожарах, извержениях, землетрясениях и прочих стихийных бедствиях дохнут люди, а не зверье.

Я глубоко вдохнул. Раз, два, три... Мимо. Успокоение не пришло.

— Эй! — позвал я тихо. Ничего. Ни звука.

— Э-ге-ге-гей! — заорал уже во всю глотку.

Звук потонул, эха не было. И ответа не было. Тишина. Полная, как будто мир и вправду сузился до пяточка в четыре метра вокруг меня.

Молчал Мун. А может, он просто решил меня подразнить?

Молчал Хлюпик. Может, вконец обиделся? Или заодно с чертовым сталкером? Молчало эхо. Ну, мало ли...

Беззвучно мигал дисконнектом ПДА. А собственно, кто сказал, что он должен здесь работать?

И сама зона тоже молчала. М-да, кажется, на этот раз я вляпался крепко.

Глубокий вдох. Раз, два, три. Не помогло. Ну и черт с ним. Не ложиться же здесь помирать, в самом деле. Если я сюда зашел, значит, смогу и выйти. Главное, держать направление и не паниковать.

Я снова зашагал назад, как мне казалось, не меняя направления. Вот только без паники не получалось. В голове метрономом отщелкивали пройденные шаги, и волнения с каждым шагом прибавлялось. На шестистах я остановился. Что теперь? Снова менять направление? Или вернуться?

— Эй!!! Есть кто живой?!! Э-э-эй!!!!

В глотке запершило. Я заткнулся и закашлялся. Сыро. И орать бесполезно.

Поймал себя на том, что мысли начинают скакать без всякой логики. Снова вдохнул, выдохнул. И снова закашлялся. Сыро. И, если честно, страшно. Причем страшно беспричинно.

Направление было выбрано неверно. Значит, надо вернуться назад. Я сосредоточился и развернулся. Теперь точно на сто восемьдесят. Шестьсот шагов назад, а дальше сменить направление и попытаться еще раз.

Нога ныла, но я не обращал на нее теперь внимания. А что, если опять мимо? Что тогда? Сколько так можно ходить? Блуждать в бесконечном тумане? Пока не помру с голодухи.

Тут же прислушался к ощущениям. Нет, есть не хотелось. Голода не было. И от этого стало еще страшнее.

Сто шагов, отметил для себя пройденный рубеж.

А чего, собственно, я боюсь? Смерти? Так я ж себя и других уверял, что я ее не боюсь. Потому что терять мне нечего. Потому что нет у меня в этой жизни ничего. Выходит, врал? Да вроде нет. Что тогда?

Сто пятьдесят шагов.

С другой стороны, кто говорит про смерть? Может быть, я не умру. Может быть, я буду вечно скитаться в этом тумане и искать. Что искать? Друзей? Зону? Выход? Себя?

И чем тогда этот туман отличается от всей нашей жизни? Поиски себя и ближнего в бесконечном тумане. Поиск выхода и жутковатое понимание, что выход — смерть. Потому что другого выхода из тумана жизни не бывает.

О, господин мизантроп, вас никак на философию пробило. Если бы это сказал сейчас Мунлайт, я, наверное, среагировал и отвлекся от глупых мысленных топтаний на месте. Но Муна не было, а на собственные подначки реагировать еще глупее, чем на чужие. Самоирония не задела.

Пятьсот.

— Эй!!! Люди!!!

Крик получился хриплым. Глотку саднило. Я закашлялся и остановился. На мгновение показалось, что в стороне что-то мелькнуло.

Нет, показалось. Да и что там могло мелькнуть?

Стоп! Сердце зачастило, кровь пульсировала в висках. Я сглотнул, пытаюсь смочить в мгновение пересохшую глотку. Опоры! ЛЭП! Там, где мы остановились была опора линии электропередачи. Значит не так важно, куда я иду. Важно найти ЛЭП и идти под проводами, пока не найду своих.

Недолго думая я плюнул на направление и пошел по кругу, с каждым разом все увеличивая радиус.

Сколько я так бежал? Шаги считать я не стат. Время давно уже перестало существовать для меня в своем обычном виде. Не знаю, сколько секунд, минут или часов я нарезал круги. Только кругов этих становилось все больше, диаметр их расширился в разы, а ЛЭП видно не было.

Энтузиазма поубавилось. Я уже не бежал. Сперва перешел на шаг, а после и вовсе остановился. Может быть, я вообще не иду? Стою на месте, перебираю ногами, как муха в смоле. Или еще проще, как на беговой дорожке. Иллюзия движения есть, а самого движения нет. Бег на месте.

— Эге-ге-гей!!!

Звук привычно уже растворился в тумане. Но на этот раз появился отклик. Мелькнуло. Справа. Мутное пятно света. Я готов был в этом поклясться.

— Мунлайт? — позвал я.

Тишина. Только пятнышко снова дрогнуло и пропало. Я зашагал на свет. Кой черт бояться, все равно терять нечего.

— Хлюпик?

Никакого ответа. Зато световое пятнышко стало ярче, четче и больше не пропадало. Только раскачивалось из стороны в сторону.

Теперь я не кричал. Шел молча. Кто бы там ни был, все лучше, чем шастать неизвестно где в одиночестве. Легкомысленно это, напомнил о себе внутренний голос, а зона легкомыслия не прощает.

От этой мысли темп чуть убавил, но не остановился. Нет, назад я не вернусь. Автомат остался на месте стоянки. Слава богу, пистолет всегда с собой. Я выхватил бэпэшку. Сдвинул предохранитель, готовый в любой момент выстрелить.

Свет стал ярче, раскачивался из стороны в сторону, гуляя по заученной траектории. Туман расступался. А еще через десяток шагов вокруг света вырисовался силуэт. Огромный, жуткий, бесформенный. Я резко вскинул пистолет и уже в следующую минуту пожалел об этом.

Это была женщина. Она стояла на пороге одинокого домика, держа в поднятой руке фонарь, и медленно поводила им из стороны в сторону. При виде меня она замерла, а затем опустила фонарь. Я отвел руку с пистолетом. Пригляделся.

Нет, на кадавра она похожа не была. Взгляд осмысленный, чистый. Одета просто. Фигурка ладная. Темные вьющиеся волосы ниже плеч. Не красивая, но обаятельная. По-домашнему уютная.

Так мы и стояли, молча глядя друг на друга.

Она улыбнулась. На щеках появились очаровательные ямочки.

Я вспомнил про пистолет, стало неловко. Вот ведь... Поспешно свернул предохранитель и сунул БП в карман. Получилось настолько суетливо, что она рассмеялась беззвучно.

Беззвучно! От неловкости не осталось и следа. По спине покатились крупные капли пота. Тут же пришло сожаление об убранным пистолете. Погорячился.

Но ничего не произошло. Женщина перестала улыбаться и шагнула к дому. Я остался на месте.

Она легко вспорхнула по ступенькам на крыльцо, остановилась и оглянулась. Я не сдвинулся ни на сантиметр. Женщина распахнула дверь и приглашающе взмахнула рукой.

Меня куда-то заманивают. Там внутри обязательно будет какая-нибудь тварь. Не может быть иначе. Не живет здесь никто. И жить не может.

Хуторянка, а именно так ее почему-то хотелось назвать, видимо, устала ждать. Продемонстрировав недовольство моей нерешительностью, пожала плечами и шмыгнула в дом. Дверь закрылась с легким стуком. А я остался в тумане у крыльца. Один, как...

Я почувствовал себя идиотом. Ненавижу это чувство, оно вызывает злость, а злость в самом деле толкает на идиотские поступки.

Отмахнувшись от здравого смысла, я поднялся по ступеням и, ухватившись за ручку, потянул на себя.

Никого там не было. Никакой твари.

Крохотная прихожая с вешалкой и ковриком, на котором притулились резиновые сапоги невероятно огромного размера. Хозяйке они явно не по ноге. Значит, тут есть еще кто-то.

За предбанником обнаружилась комната. На удивление большая и светлая. Обстановка деревенская. Печь. Посреди комнаты стол, стулья. В дальнем углу дверь в другую комнату. На столе белая скатерка. На окнах веселые занавесочки. По стенам развешаны полочки и фотографии. Старые, пожелтевшие.

Женщина суетилась у стола, накрывала к позднему обеду или к раннему ужину. Я замер в дверях, не зная, как вести себя дальше. Неловко кашлянул.

Она резко повернулась, на лице мелькнула оторопь, узнавание. Хозяйка улыбнулась.

— Ты здесь живешь? — задал я самый, наверное, глупый вопрос. Но в складывающейся ситуации мне показалось, что надо что-то спросить.

Она кивнула. Побросав приготовления, выдвинула стул и приглашающе кивнула. Я послушно прошел и сел. Отметил, что пол чистый. Подумал, что, наверное, нехорошо проходить в обуви, но когда здесь кто разувался при входе. Зона же.

Хозяйка, кажется, ничего этого не замечала и неловкости не чувствовала. Просто занималась как ни в чем не бывало своим делом. Передо мной возникла тарелка, корзинка с хлебом, солонка.

Женщина грохнула на стол здоровую кастрюлю, сняла крышку. Рванулись наружу клубы пара, устремились к потолку, но какого-то особого запаха я не почувствовал. Хуторянка тем временем подхватила черпачок, хватанула варева и шлепнула мне в тарелку. Каша.

Пока я разглядывал скромное угощение, содержимое тарелки хозяйскими стараниями увеличилось в три раза.

— Спасибо, — поблагодарил я, выставя вперед руку.

Она поняла меня правильно. Убрала черпак, подхватила кастрюлю и отбежала в сторону. Через секунду вернулась, уселась к столу и, подперев рукой подбородок, уставилась на меня бездонными глазами.

Я подхватил ложку, кусок хлеба и принялся за еду. Вкуса не чувствовал. Может, потому, что каша была безвкусной, а может, оттого, что молчунья следила за каждым моим движением.

— Меня зовут Дима, — сообщил я, расправляясь с кашей. Не называться же перед ней Угрюмым, в самом деле. — А тебя?

Она покачала головой. Что бы это значило, хотел бы я знать?

— Почему ты молчишь?

Женщина рассеянно улыбнулась. Немая она, что ли?

— Ты не можешь говорить? Она снова замотала головой.

— Прости. — Я уткнулся в тарелку. Бестактность вышла. С другой стороны, откуда мне знать, что я, каждый день с немыми общаюсь?

Она продолжала следить за мной, не отрываясь. Наконец снова заулыбалась. Ладно, кивать-то она в состоянии.

— Ты здесь одна живешь? — рискнул спросить я. Утвердительный кивок. Однако смелая барышня.

— Я заблудился, — поделился с ней своим несчастьем. — Ты знаешь, как отсюда выйти?

Вопрос получился абсолютно неменяемым, но она, кажется, меня поняла. Помедлив с ответом, покачала головой.

Я снова уткнулся в тарелку. Хорошие дела. Как хочешь, так и понимай все это. Но в любом случае ничего утешительного.

За мыслями не заметил, как доел. Ложка заскребла по дну тарелки, и этот звук вывел меня из оцепенения. Я оставил пустую тарелку.

— Спасибо, — поблагодарил хозяйку.

Скромная благодарность вызвала неожиданный эффект. Она снова счастливо заулыбалась, обнажив ровные белые зубы. На щеках наметились милые ямочки. Сколько лет я не видел женской улыбки? Не говоря уже о том, сколько месяцев я не видел женщины.

Хозяйка поднялась из-за стола, посмотрела на меня сверху вниз с улыбкой. Хочет, чтобы я встал? Я поднялся.

Женщина отошла от стола и пошла в заднюю комнату. На полдороге остановилась и оглянулась. На меня глянули два бездонных омут. И зачем слова? Все и без них ясно. Я зашагал за ней следом.

В дальней комнате было темно. Только маячила белым пятном огромная кровать. Хозяйка кивнула на постель. Прошла, взворошила подушки, придавая им пышность, призывно отвернула край одеяла.

Только сейчас я почувствовал, насколько устал. Болела нога, ныли мышцы, гудела голова. Я шагнул вперед. Не раздеваясь, рухнул на кровать поверх одеяла. Что-то прошуршало рядом. А через секунду я почувствовал чужие объятия. Легкие, нежные, удивительно мягкие.

Повернулся. Она смотрела на меня бездонными глазами. Я обнял ее. Женское тело, показавшееся вдруг тонким и хрупким, прижалось ко мне, словно ища защиты.

Я стиснул ее крепче. Почувствовал, что становится необыкновенно легко. Все тревоги, сомнения и мрачные мысли уходят куда-то. На смену им пришло тепло и покой. Давно забытое ощущение.

А потом... ничего не было. Мы просто заснули. Я просто заснул.

3

Сначала появился свет. Уже утро? Сколько я проспал?

Потом появилась боль. Она пришла рывком, запульсировала скула. Я вздрогнул и открыл глаза.

И тогда жуткой волной нахлынуло что-то невообразимое. Накрыло с головой...

Сырость. Боль. Вспышка боли. И все вокруг рывком уходит в сторону. И ноют уже обе скулы. И начинает складываться нелепая картинка.

Мунлайт. Лицо злое. Держит меня за грудки. Это от него болят скулы. Он бил меня. Кулаком. По лицу. Кажется, готов ударить и еще раз.

За плечом Муна Хлюпик. Лицо испуганное. Что-то он такое увидел? Смотрит на меня. Это я его так напугал? Нет, это, наверное, Мун его испугал. Мун, который бьет меня. Зачем бьет?

И почему так сыро, ведь в доме есть печь.

Я попытался спросить об этом у Мунлайта, но язык не слушался, и вместо слов вышла каша.

Каша! Дом! Немая женщина!!!

Я вздрогнул и огляделся. Мун, Хлюпик. Туман. Рядом что-то огромное. Меня затрясло. Нет, это был не дом. Рядом валялась огромная стальная опора ЛЭП. Змеились в траве оборванные провода.

Мир вздрогнул в конвульсии. Снова стало больно. Где дом? Как я здесь оказался? Ведь она не могла меня сама утащить куда-то, пока я спал.

Сапоги! Значит, она живет здесь не одна. Ее сожитель меня и вытащил. И бросил спящего недалеко от места стоянки. А Мунлайт с Хлюпиком меня нашли.

— Угрюмый, ты соображаешь? Я кивнул. Плохо, но соображаю.

— Или еще накернить? — Голос Муна был злым. Ни тени иронии.

Я покачал головой. И так полпрожи синей будет, если верить ощущениям. И с чего этот клоун вздумал меня будить гестаповскими методами?

— Как я здесь? — спросил я. На этот раз получилось. Хоть и хрипло, но слова были разборчивыми.

— Тебя спросить надо, — ядовито отозвался Мун.

Я не ответил. Поднялся на ноги, огляделся. Туман плотный. Видно всего на пару шагов.

— Надо найти ее, — пробормотал я. — Ее и дом.

— Какой дом? — не понял Мунлайт. — Ты о чем вообще?

— Дом, где я ночевал.

Хлюпик побледнел и стал еще более испуганным. Мун крикнул и осел. Похоже было, что он растерял все слова.

— Идем, — кивнул я. — Это тут рядом где-то должно быть. Я не долго шел. Вы простите, что я пропал. Но я не знал, куда идти, а потом...

Я смолк, чувствуя, что говорю много и не по делу. Мунлайт смотрел на меня с сомнением, наконец не выдержал и взорвался:

— Какой, на хрен, дом? И кто она? И хрена ты верещал? И какого ляда ты здесь завалился?

— Я не здесь, — попытался объяснить я. — Я в тумане заплутал, потом к ее дому вышел. Это женщина. Она живет здесь.

Мунлайт бешено посмотрел на меня. Резко метнулся в мою сторону. Я не успел ничего сделать. Ничего сказать. Пальцы сталкера вцепились в куртку, стиснули, натянули. Ворот больно врезался в шею.

— Здесь никого нет! — рявкнул он. — Никаких баб! И никаких домов! И если ты сейчас не начнешь говорить что-то вменяемое, я тебя отмудохаю до полусмерти.

— Есть, — упрямо повторил я. — Я ночь провел у нее в доме.

Ворот перестал давить так же резко, как и начал. Мир снова содрогнулся, добавляя боли в челюсть. А потом все завертелось, пока не остановилось падение. Земля ударила ничуть не слабее, чем кулак напарника.

Я посмотрел на Мунлайта. Тот смотрел на меня так, как не смотрел никогда ни один сталкер.

— Мудило, — произнес он с угрозой. — Какая ночь? Тебя не было пятнадцать минут.

4

Костерок трепетал махонькими язычками пламени. Тепла от него было немного. А меня все сильнее знобило.

Мунлайт подкидывал ветки в костер. Рассказ мой он, кажется, не слушал, хоть сам потребовал, чтобы я в подробностях поведал все, что было с тех пор, как отошел от стоянки.

Хлюпик, напротив, внимал с тем жадным интересом слушателя, который позволил хитрозадой Шахерезаде продержаться со своими бесконечными байками тысячу и одну ночь.

— Что это было? — повернулся Хлюпик к Мунлайту, когда я закончил живописать свои похождения.

— Зона, — недовольно пробурчал Мун.

— Это что, аномалия такая? — не понял Хлюпик. Мун сгрузил в костер целый ворох веток. Долго смотрел в огонь, потом перевел взгляд на Хлюпика и уставился так, что тот не выдержал. Отвернулся.

— А мне откуда знать? — буркнул сталкер. — Я тебе оракул, что ли?

Хлюпик не нашелся с ответом. Я все еще был не в себе. Мысли ворочались вяло. Ощущение реальности то накатывало пугающей лавиной, то терялось вовсе.

— А чего вы меня искать пошли, если всего пятнадцать минут прошло? — спросил я.

Впервые за много-много времени мне хотелось говорить, потому что сюрреалистичная тишина была страшнее бесполезного трепы.

— Ты ушел, — сбивчиво заговорил Хлюпик. — А потом кричать начал. Мы и пошли за тобой. Но ты на месте не стоял. Двигался все время, кричал громко... и так... так...

— Как будто тебе яйца отстригают садовыми ножницами, — нашелся Мунлайт.

По всей видимости, он тоже начал приходить в себя. Во всяком случае, язвительность возвращалась.

— Когда мы тебя нашли, — закончил Хлюпик, — ты у столба этого железного валялся. То ли спал, то ли мертвый. А потом глаза открыл, смотришь и не видишь. И бормочешь чего-то. Как те... ну, которых мы стреляли. Которые ученого того...

Любопытно. Может, вот так и становятся зомби? Интересно все-таки, что это было? Говорят, глубоко в зоне существуют пси-аномалии, Может, это была она? Но почему тогда накрыло только меня?

Ладно, хорошо еще уйти далеко не успел. Метров пятьсот всего.

Я вздрогнул, только теперь хоть малость осознавая, из какого дерьма только что выбрался. Нет, оставаться здесь нельзя.

— Идти надо, — произнес я. Мун фыркнул.

— Уходить надо, а не идти. Назад и в обход. Через Припять. Как все ходят.

— Кто это — все?

— Все нормальные люди. — Мунлайт смерил меня взглядом. — Хотя чего с тебя, придурка, взять? Не требовать же, чтобы ты нормальным стал. В твоем случае это неизлечимо.

Все нормальные люди ходят через Припять. Ага! Нормальные в зону вообще не ходят. Нормальные здоровьем рисковать не станут. А жизнью и подавно. Нормальные, как говорил один нарисованный кот голосом артиста Табакова, дома сидят, телевизор смотрят.

— Много?

— Что? — не понял Мунлайт.

— Я спрашиваю, много ты таких нормальных знаешь? Которые в Припять ушли и назад вернулись?

Мун набычился, пробурчал свое коронное «ну ты нах» и отвернулся. Не то от костра, чтоб в огонь не смотреть, не то от собеседника, чтоб меня не видеть.

В голове по-прежнему было глухо и мутно, как после суточного похмелья, следующего за недельным запоем. Но теперь, во всяком случае, дом в тумане, как и его хозяйка, не казался таким реальным. Звуков там не было, запахов, вкуса. Хотя ощущения не покидали, и виделось все как сейчас, а не как во сне.

На самом деле хорошо, что я позвать решился, а не ходил молча в бесплодных поисках. А то бы лежал сейчас в бреду под поваленной опорой и...

И что? Может быть, я так и помер бы в том бреду. Хотя домик был славный. Женщина очаровательная. Да и про то, что это бред, я не догадывался.

Там было покойно и уютно. Там, в том бреду, где-то совсем рядом было счастье. Пусть все это иллюзия. Чем, собственно, иллюзия счастья отличается от счастья, если ты не видишь разницы?

Я жестко оборвал мысль. Неблагодарный ты, Угрюмый, тебя спасли, а ты... а что? Еще большой вопрос, что лучше. Можно сдохнуть счастливым, а можно прозябать в полном непотребстве без цели, без надежды. Существование в отсутствие жизни. Вот и подумай, спасли тебя или наказали?

Как ни крути, а дерьмово выходит. Я резко поднялся.

— Надо идти.

Хлюпик покосился на меня, на Муна. Так какая-то птичка вертела головой и косила глазом в зоопарке. В детстве я знал, как она называется, сейчас не помнил даже, как

выглядит. В памяти застрял только этот поворот головы и косой взгляд. Мунлайт безнадежно махнул рукой.

Я смотрел, как оба поднимаются, затаптывают костерок. Собирают вещи. Они боялись. Оба. Это было видно невооруженным глазом. Но Хлюпик знал, зачем идет. И Мунлайт знал. А мне просто было страшно. Хотя появилось легкое ощущение, что я на пороге какого-то понимания. Осталось только отмычку подобрать.

Теперь мы шли плотнее. При дистанции в десяток шагов уже можно было потеряться. Потому, когда из тумана вынырнула тень и я резко остановился, Хлюпик впечатался-таки мне в спину.

Тычок вышел сильным. Я споткнулся, но удержался на ногах. Хотя пришлось сделать пару шагов, чтобы сохранить равновесие. Неведомая тень взметнулась и распласталась прямо перед глазами, приобретая четкость.

— Мать твою за ногу, — буркнул я, отстраняясь.

— Чего там? — насторожился Мун. Вместо ответа я отошел в сторону.

Крест, а точнее, подобие креста, торчал косо. Да и сам он был кривой, кое-как прилаженный в изголовье холмика. Жутковатое зрелище. Так хоронят, когда нет возможности похоронить по-человечески. Закапывают кое-как, тыкают пару перевязанных крест-накрест палок. Зная, что не вернутся никогда к этой могиле, но не в состоянии бросить труп просто так, не похороненным.

Так закапывают дорогого человека или человека, ставшего близким, потому что других близких в этой жизни уже не предвидится. Да и жизни осталось всего ничего.

— Твою бога душу, — начал Мунлайт и перешел на трехэтажный великорусский.

И я его понимал. Нет, пугал не холм с крестом. Хотя безвестная, кое-как справленная могилка в мертвом тумане, где даже звуки не живут, может пощекотать нервы. Но еще больше нервную систему будоражила провисшая часть холмика под крестом и зияющая яма в ногах могилы.

Бледный, как простыня, Хлюпик судорожно сглотнул и провел трясущейся рукой по лицу. Мун мрачно усмехнулся.

— Как думаешь, он сам оттуда вылез?

— Или помог кто-то, — пожал плечами я.

— Вообще-то ногами вперед выкапываться как-то неудобно, — рассудил сталкер. — Хотя, с другой стороны, ноги вперед — это традиция.

Шутник. Нашел место и время. Хотя лучше смеяться, чем паниковать. А так, если судить трезво, ходит ли где-то рядом существо вроде кадавра или безумный расхититель гробниц, разница небольшая. И то, и другое не самая приятная компания.

Я прислушался. Нет, ничего. Ни звуков, ни ощущений какой-то опасности или чьего-то присутствия.

Хлюпика трясло по полной программе. На нас он косился безумными, выпученными, как у напуганной лошади, глазами.

— Он что, действительно мог сам? Я пожал плечами.

— Но это же невозможно. — В голосе Хлюпика дрожали панические нотки. Его представление о мире, где живые мертвецы могут быть только в кино, явно давало трещину.

— Вот ты помрешь, мы тебя закопаем, а потом вылезешь, придешь и расскажешь, что возможно, а что нет, — наставительно поведаль Мун.

— Хорош его путать, — одернул я.

— Хорош пугать? — взвился Мунлайт. — Тогда разворачивайся и пошли в обход, подальше отсюда. Хорош пугать! Это еще кто кого пугает.

— Не ори. — Меня тоже начинало трясти. — Хочешь сдохнуть от пули, потому что так вернее? Или считаешь, что справишься с «Монолитом»? Или думаешь, с этими фанатиками договориться можно?

Что он, в самом деле, прицепился со своей Припятью. Понятно же, что шансов выжить у нас не много, но зачем их еще сокращать? Они оба сами сюда полезли, мол, каждому надо и терять нечего. А раз терять нечего, то к чему эти истерики?

Мунлайт успокоился так же внезапно, как начал орать. А скорее просто взял себя в руки.

— Сдохнуть от пули, потому что так вернее, это очень хорошее замечание, — процедил сквозь зубы он. — Я сдохнуть не боюсь. Я не сдохнуть боюсь. Ты свою рожу, когда мы тебя под ЛЭП нашли, видел? А я видел. Очень неприятное зрелище. Вон у Хлюпика спроси. И стать таким же овощем мне не улыбается ни разу. Так что лучше умереть от пули, чем превратиться в...

Он замолчал. Ни Мунлайт, ни я, ни кто-то еще не знает, во что и как тут можно превратиться. Но откуда-то берутся кадавры и снорки, не говоря уж о других жутких тварях, которые не похожи на людей, но и на животных не тянут.

Я не стал ничего говорить. Обошел раскуроченную могилу и пошел дальше. Меня больше пугало затишье. Закон маятника здесь работает на все сто. Если что-то начинает идти слишком гладко, значит, очень скоро долбанет так, что мало не покажется.

— Угрюмый!

Я не остановился. Остановлюсь, начнутся разговоры, уговоры, истерики, качание прав и переливание из пустого в порожнее. А пока я иду, у моих попутчиков только два варианта. Или топать следом, или потерять меня насовсем. Как показала практика, расставаться со мной они не жаждали.

Открытое пространство закончилось. Из чуть поредевшего, кажется, тумана стали выскакивать колючие кусты.

Туман и в самом деле немного рассеялся, но стало темнее. Вокруг поднимались стволы деревьев. Причем чем дальше, тем гуще они росли.

Сзади доносились шаги. Топал, шаркая и сопя, Хлюпик. Почти беззвучно лавировал между кустов Мунлайт.

— Угрюмый, пора поворачивать. Не дури.

Я не дурил. Поворачивать и в самом деле надо. Переть через лес в тумане — не дело. А судя по всему, учатившаяся поросль медленно, но верно переходит в лес.

— Стой!

Вслед за окликом я ощутил на плече чужую хватку. Значит, терок не избежать.

Я развернулся. За плечо меня держал, разумеется, Мунлайт. Совсем притихший Хлюпик маячил в сторонке и устало ждал, когда мы закончим очередную разборку. А в том, что будет разборка, сомневаться не приходилось.

— Мы не пойдем дальше.

— Обойдем левее, — кивнул я.

— Ни правее, ни левее. Поворачиваем назад. В лес я не пойду.

Он был решителен, как никогда. Кажется, в этот раз мы с ним серьезно поругаемся. Черт подери! Вот потому я и не люблю ходить в зону с кем-то. Потому что с кем бы ни пошел, либо он становится отмычкой, а тебя потом гложет совесть, либо начинается игра в выяснение, кто здесь главный.

Все хотят руководить, а я не приемлю, когда кто-то пытается мне указывать. С абсолютным подчинением и дисциплиной закончил, когда из армейки вернулся. То есть подчинение, безусловно, быть должно, и дисциплина — штука хорошая, только подчиняюсь я одному человеку. И зовут его сталкер Угрюмый. И если кто-то идет со мной в зону, то он это принимает, а если не принимает, то я иду один.

В общем-то я и ходил всегда один. Если б крутые времена не потребовали крутых решений...

— Мы не будем спорить, — вкрадчиво произнес я. Обычно такой тон деморализует, но только с Муном эта шутка не прошла.

— Я тоже умею на психику давить, — ответил он, полностью скопировав и тон, и интонации.

Я посмотрел на него. Мне хотелось лишь понять, насколько он готов упорствовать. Не на того напал. Мунлайт словно только того и ждал, когда я посмотрю на него. Мы сцепились взглядами и застыли, уставившись друг другу в глаза.

Кому-то могло бы показаться, что это детская игра. Ничуть не правда. Так ломают волю. Если ты поймал взгляд собаки, не слепой, конечно, а обычной, и сумел ее переглядеть, она никогда на тебя не бросится. Если ты не отвернул взгляда от вертикальных зрачков кота, своенравное животное признает за тобой право верховодить. По крайней мере в отдельных вопросах. То же самое и с людьми. Если ты не отвел взгляд первым, а противник потупился, значит, ты победил. Сломил волю. И пусть он будет продолжать с тобой спорить, он уже отступил.

Мунлайт не отступил. Он сверлил меня взглядом с не меньшей силой, чем я его.

— А спорить в самом деле не о чем, — проговорил Мун уже своим обычным тоном. — Просто мы разворачиваемся и идем обратно.

Он смотрел мне в глаза и даже не думал отвернуть. Хорошо, посмотрим, у кого характера хватит.

— Ты идешь обратно, — холодно произнес я. — А мы идем дальше.

— Дальше идти — самоубийство, — Мун повысил голос.

Он явно начал злиться. Где-то на краю зрения дернулся Хлюпик.

— Идти в Припять — самоубийство еще более верное, — гаркнул я. — Мы идем дальше.

— Ты идешь дальше! — прорычал он громче.

Нет, у него был не испуганный взгляд. Он не боялся. Не было у него страха — ни сейчас, ни раньше. Он злился. Злился оттого, что что-то пошло наперекор задуманному. А что он задумал?

Ну и лопух же ты, Угрюмый. Пошел в зону с человеком, а сам даже приглядеться к нему не удосужился. Думаешь, знаешь его? Ни черта ты не знаешь. Привык в одиночку ходить, расслабился. А расслабляться нельзя.

— Спроси Хлюпика, — рявкнул я.

Гляделки закончились. Мы дружно повернулись к Хлюпику. Тот опешил окончательно. Отпрянул и жалобно протянул:

— Ну, вы чего?

— Ты с ним? — спросил я, сверля взглядом теперь уже Хлюпика. — Или со мной?

— С тобой, — донеслось со стороны.

Голос был чужим, хоть и знакомым. Но здесь он звучать не мог. Не было ему тут места. Я подпрыгнул как ужаленный. Рука дернулась к пистолету. Краем глаза заметил, как Мунлайт хватается за автомат.

С той стороны, откуда мы пришли, выдвинулась человеческая фигура. Сзади проступали в тумане еще четыре силуэта.

— Брось оружие, — посоветовал тот, что был первым.

Он сделал шаг вперед, и остатки сомнений растаяли в одно мгновение. Передо мной стоял и держал меня на мушке Васька Кабан.

За спиной что-то стукнуло, шлепнуло. Но я не обратил внимания. Я стоял перед Кабаном с пистолетом в руке и судорожно пытался понять, что происходит.

— Ты что, Угрюмый, глухой? — нетерпеливо спросил Вася. — Ствол на землю. И все, что мне может не понравиться из припрятанного по карманам, туда же.

Почему он обращается только ко мне? Мысль обожгла изнутри. Невольно умом понимая, что делать этого нельзя, я повернулся спиной к врагу, лицом к напарникам. Повернулся и замер.

Хлюпик лежал на земле. По вздутой скуле расплзался след от удара прикладом. Удара не настолько сильного, чтобы раздробить челюсть, но достаточного, чтобы вышибить из Хлюпика желание сопротивляться, ежели такое появится.

Мун стоял рядом с автоматом в руках. Ствол «Вала» глядел мне в живот.

— На твоём месте я бы послушался этого дядю, — ядовито поведал Мунлайт.

В голове возникла и тут же потухла яркая картинка героического сопротивления. Нет, я не киногерой. При самом лучшем раскладе все, что я успею, так это подстрелить одного из них. Подстрелить, а не пристрелить. А вот меня потом пристрелят. Их пятеро, плюс

Мунлайт. Все вооружены, пальцы на спусковых крючках, прицелы на разнообразных частях брэнной половины моей сущности. Пикнуть не успею, как нематериальная половинка от материальной отделится и отправится в сталкерский ад.

Я молча вытянул руку и отпустил пистолет. БП грохнулся о землю с глухим стуком. Следом за ним на траву отправились рюкзак, нож, автомат. Почему я автомат не схватил, а за пистолетом дернулся? Привычка, видимо.

— А теперь руки на затылок и три шага в сторону, — осклабился Вася Кабан.

Пришлось повиноваться.

5

Их было пятеро. Кабан верховодил. Из оставшейся четверки я знал только одного. Здорового светловолосого, похожего на викинга детину с голубыми глазами, известного своими странными замашками по созданию нычек.

— Какие люди, — буркнул я.

Коренастый, даже бочкообразный, Снейк отвернулся, пробормотав что-то невнятное в длинную, почти как у Деда Мороза, бородищу. От моего узнавания ему явно сделалось неуютно. И выглядела такая запинка очень и очень забавно. Ситуация вот только была совсем не смешная.

Оставшаяся троица совестью явно не маялась. Кажется, вообще не была ею обременена. Кабан только стволом повел, трое двинулись ко мне. Один мелкий, верткий. Двое покрепче, с похожими, как две капли воды, рожами. Коротко стриженные мордороты с тяжелыми челюстями и ломаными носами. Этакие «двое из ларца, одинаковых с лица».

Решить, хочется мне озвучивать эту шутку или нет, я не успел. Эти «однойцовые» наклонили довольно грубо, завернули руки за спину. В запястья врезалась веревка. Что ж, эти фразера наручников не нашли? Или умышленно решили воспользоваться старым дедовским способом?

Вязали долго, перетянули сильно, до боли. Наконец оставили и принудительно усадили. Я поспешил воспользоваться возможностью оглядеться. Хлюпика вязал третий. Тот самый, мелкий, шустрый. И получалось у него явно проворнее, чем у двоих мордоротов.

Кабан молча взирал, как нас вяжут. За его плечом маячил понурый Снейк. Бородатому явно не нравилось то, что происходит. Но высказывать несогласие он не спешил. Вроде как назвался груздем, полезай в кузов.

Подошел Мунлайт. Непривычно хмурый и тоже не шибко довольный. Словно участвовал в чем-то, что считал неизбежным злом.

— Тому, — кивнул на Хлюпика, — рот заткни. Говорливый очень.

— Незаметно, — покачал головой Вася.

— Это шок, сейчас в себя придет и начнется. Хотя если не хочешь, то и бог с ним. Мое дело предупредить.

Кабан недовольно посмотрел на Муна, кивнул вязавшему Хлюпика:

— Карась, варезку ему заткни.

Хорошее погнало, мелькнуло в голове, подходящее. Такое же верткое, мелкое и склизкое, как его бандит-хозяин. Сталкерами называть эту пятерку у меня язык не повернулся бы. Хотя и Ваську Кабана, и Снейка я знал именно как сталкеров.

Карась тем временем проворно скрутил кляп и загнал Хлюпику поглубже в глотку, так что у того глаза на лоб полезли.

Эх, Хлюпик, Хлюпик, говорили тебе, что не стоит к Монолиту идти. Вот теперь не обижайся. А Мунлайт — сука продажная. Как я раньше не догадался. И вертелся он всю дорогу неспроста. Не из страха, как мне казалось. Ждал он, когда нас Кабан со своими кабанятами нагонит. А тот все не успевал. Потерял, видать, когда я в обход через «Янтарь» пошел. Вот только мой обходной маневр нас не спас.

С другой стороны, неудивительно. Если Муну нужно было, чтобы нас нашли, всего и делов, что ПДА включенным оставить. Хотя в тумане сеть терялась и маячок пропадал.

— А вы молодцы, — радостно отметил Вася Кабан, словно бы уловил мою мысль. — Так славно орали. Если б не ваш галдеж, хрен бы мы вас нашли в этом молозиве.

Ух-ты, какие слова знает. Вот только туман белый, а не желтоватый. Но откуда Кабану знать о колоре упомянутого?

Карась подтащил Хлюпика, пихнул так, что тот, теряя равновесие, грохнулся рядом со мной. Бандита это развеселило. Мой несчастный попутчик, извиваясь, попытался сесть. Потуги выглядели жалко, что еще больше позабавило Карася.

— Как в анекдоте, — весело поделился Карась. — Один стажер другому говорит...

— Глохни, — сурово посоветовал Вася, и Карась благоразумно заткнулся.

Кабан подошел ближе. Лицо его сделалось почти приветливым.

— Ну вот, теперь можно и поговорить. Спрашивай. Тебе же интересно.

Я промолчал. Пошел он в пень, психолог доморощенный. Я тоже психолог, знаю, что сам все расскажет. Что-то же им от меня надо. Или от Хлюпика?

Украдкой кинул взгляд на извивающегося партнера, который почти ухитрился сесть. Нет, если этой братии что-то и нужно, то от меня. Оружие они мне велели бросить. Если б хотели с Хлюпика что-то поиметь, то меня сразу бы в расход пустили. С другой стороны, Хлюпика же не пустили. Но кляп в зубах у него, а не у меня. Значит, разговоры разговаривать со мной станут. Выходит, им все-таки нужен я. Вот пусть сами и объясняют, чего хотят. Не буду ничего спрашивать. На кой лишние слова?

— Ладно, — пожал плечами Вася, так и не дождавшись вопросов. — Не хочешь, как хочешь. А знаешь, кто тебя сдал?

Дурацкий вопрос. И так понятно, кто в нашем тройственном союзе говнюком оказался. Интересно другое, что значит «сдал»? Чего они от меня хотят?

Я покосился на Муна. Кабан Вася хмыкнул:

— Правильно мыслишь.

— Чего надо? — хмуро поинтересовался я. Театральщина ситуации начинала напрягать. Вася заулыбался, и я тут же пожалел, о том, что поддался на провокацию.

— Верно мыслишь. В корень зришь. Это самый главный вопрос, — похвалил Кабан за смекалку.

Боров безмозглый, пришло на ум злое, тебе бы хоть вполовину так смекать. Где только набрался этого дешевого пафоса? В каком кино насмотрелся? Если б киношные гении злодейства были немного умнее деревяшки, которую используют при постройке съемочных павильонов, их бы не менее тупые герои не уделявали бы. А если б у несчастного Васьки в голове было побольше серенького, он бы нашел более достойный пример для подражания. Или он не подражает, а на самом деле такой?

— Деньги, — поведал Кабан. — Нам нужны деньги. Севший наконец и притихший Хлюпик завозюкался, замычал. Что он там, собрался своей квартиркой в сталинке Васю с его гоп-компанией подкупить? Неозвученный вопрос остался безответным. Вася кивнул, и Хлюпик тут же замычал в другой тональности, получив от Карася ногой под дых.

— Зря сажился, — весело сообщил Карась и заржал.

— Глохни, — отрезал Кабан Вася.

Карась умолк, выставив руки ладонками вперед, мол, все, я — могила. Вася снова посмотрел на меня, но уже без наигранной теплоты.

— Деньги, — повторил он.

— А я при чем?

— Дурак ты, Угрюмый, — покачал головой Кабан. — Хоть и умный, а дурак. Говорю же, сдали тебя. Вот он, балалаечник.

— Гитараст, — хихикнул Карась.

Чего-то много он смеется. Не иначе нервное.

— Глохни, — сердито прорычал Вася.

— И чего он вам наплел? — небрежно поинтересовался я.

Глазки Кабана мгновенно сузились. Взгляд стал похож на амбразуру дзота. Он прицелился в меня, в Муна, снова в меня, будто пытаюсь понять, обманул ли его Мунлайт, или я ваньку валяю. Наконец напряжение спало. Видать, что-то для себя он решил.

— Какая разница? — В голосе Васи появилась беспечность. — Или ты хочешь сказать, что денег нет? Мы зря сюда шли? Тогда мы и тебя, и друга твоего прямо тут и застрелим.

— И никто не узнает, где могила твоя, — напел Карась.

Вася зло зыркнул на своего мелкого поделщика, и тот снова выставил руки ладонями вперед, демонстрируя полную покорность чужой воле. А у меня перед мысленным взором всплыл могильный холмик с корявеньким крестом и проваленным подножием. Я непроизвольно вздрогнул, но, кажется, этого никто не заметил.

— А если такой вариант тебя не устраивает, тогда кончай заливать. И говори, где деньги зажучил.

— Какие деньги? — невинно уточнил я, хотя все давно понял.

Вот только Мунлайт, который меня «сдал», ничего толком о моих накоплениях не знал. Мог только догадываться. Значит, надо понять степень догадливости этого паразита.

— Ты сам дурак? — не понял Кабан. — Или меня за дурака держишь? Твое бабло, миллионер подпольный.

Ага, значит, с арифметикой у Муна все хорошо. Наблюдательный, умеет не только смотреть, но и видеть. А еще считать и делать выводы. Злость на бывшего напарника сменилась уважением. Он-то про меня знал все. Хотя, по идее, должно было быть наоборот.

Умный, наблюдательный паразит. Интересно, в честь чего он меня сдал? Или это изначально его затея и Вася здесь руководит только для виду?

— Ну, допустим, деньги есть, — неторопливо поведал я, пробуя на прочность стискивающие руки путы. — С какого перепугу я тебе должен их отдавать, если ты все равно меня грохнешь?

Веревка была прочная, и затянули ее на совесть. Руки помаленьку начинали затекать.

— А если нет? Угрюмый, скажи честно, ты жить хочешь?

Риторический вопрос загнал меня в угол, я завис, как тот ПДА, которому выдали два десятка взаимоисключающих задач. Нашел, у кого спрашивать. С другой стороны, в сложившейся ситуации врать не станешь даже себе. Я и не врал. Сказать, что жить мне совсем не хочется, я не мог, но и утверждать обратное... Положим, так: я не знал ответа на этот вопрос. И это меня весьма и весьма удивило.

Кабан трактовал мое молчание по-своему.

— Знаю, знаю. Все хотят. Значит, договорились. Ты нам передаешь свои скромные сбережения миллионера-подпольщика, а мы отпускаем тебя домой и даже покупаем билет в один конец по маршруту «Зона — Урюпинск». Ну или где ты там живешь. То же самое для твоего сопляка. Идет?

Я задумался. Пристрелить сейчас не пристрелят. Иначе все труды насмарку. Охота им была денежки терять, ради которых рискнули всем, включая репутацию. Значит, будут дрючить, пока не выяснят, где нычка. Или пока я их сам туда не отведу. А вот когда деньги на руки хапнут, тогда нам с Хлюпиком хана.

Назад мы не вернемся. Потому как, если вернемся, сможем что-то рассказать. А так ушел человек и не вернулся, мало ли? Зона есть зона. И не спохватится никто.

Что же выходит? Выходит, что до конца их доводить нельзя. Дергать надо по дороге. И здесь задерживаться тоже нельзя. Начнешь упираться, начнутся угрозы, а там недалеко и до членовредительства. А терять пальцы, зубы, отстреливать себе конечности или ломать ребра с чужой помощью в мои планы не входило.

— Идет, — кивнул я. — Я довожу вас до нычки, отдаю деньги минус стоимость билетов. И вы нас отпускаете. Только с одним условием.

— Ну-ну, — усмехнулся Кабан с таким видом, мол, он еще смеет условия ставить.

— Все, что там есть помимо денег, — мое. Годится?

— Да не вопрос, — легко согласился Вася, из чего я сделал вывод, что жить нам ровно до тех пор, пока нычку не вскроем.

Ведь кто знает, может, у меня там и денег с гулькин хрен, а все ценности в артефактах. Но раз Ваське это до лампочки, то тут варианта два. Либо он дурак. А он дурак, конечно, но не настолько. Либо ему плевать, в чем там ценности, потому как возьмет он себе их все. И мне достанется билет из зоны в один конец. Только не до дома и даже не до Урюпинска.

— Где нычка-то? — доброжелательно поинтересовался Кабан, глядя, как его однойцевающие амбалы курочат мой рюкзак.

— Не там, — кивнул я в сторону рюкзака.

— Тут и хабара нет, — обиженно буркнул один из молчаливой парочки. — Консервы только и так, фигня по мелочи.

— Надо было рюкзак на нем оставить, прежде чем руки вязать, — кивнул второй. — А то тащи теперь на себе.

— Брось, — посоветовал Карась.

— Жалко, — в один голос сообщили мордовороты и переглянулись.

Жалко у пчелки в попке, зло подумал я, жалея о рюкзаке. К моей радости, жадность возобладала над ленью, и наши вещички они все-таки решили прихватить.

Парочка возилась с трофеем. Карась потешался над ними. Снейк курил в стороне и о чем-то тихо говорил с Кабаном. Только Мунлайт сидел в сторонке не при делах. Хмурый и пасмурный, как последние дни.

Давно переставший мычать и корчиться Хлюпик снова уселся. И хотя это стоило ему усилий, сейчас он сидел, привалившись ко мне спиной к спине. Собственно, Хлюпик меня сейчас заинтересовал больше, чем все пятеро вместе взятые плюс Мунлайт в качестве нагрузки.

Я попытался нащупать пальцами узлы на веревке, стягивающей его запястья. В первое мгновение Хлюпик вздрогнул. Я ощутил это всей спиной. Затем, поняв, видимо, мою задумку, расслабился и попытался подставить руки поудобнее.

Наконец пальцы нащупали заветный узелок. Попытка распустить или хотя бы ослабить узел успехом не увенчалась. У меня ведь руки тоже были связаны. И крепко. Насколько крепко, что пальцы уже начинали неметь, а в ноющих запястьях появилось характерное покалывание.

Я снова и снова пытался тормозить узлы. Получалось паршиво. Что делаю, я не видел. Руки потеряли нужную чувствительность. И ко всему прочему двигаться надо было так, чтоб со стороны это было незаметно.

Сосредоточившись на этом, я чуть не пропустил момент, когда Васька Кабан закончил шептаться со Снейком и двинулся в нашем направлении. Не вовремя он это сделал, ой, не вовремя. Мне как раз показалось, что узел начал поддаваться. Или только показалось?

— Поднимайте их, — кивнул Кабан в нашу сторону.

Первыми подорвались «двое из ларца». Следом подскочил Карась. Смешная компания. Сразу видно, кто имеет право голоса, а кто просто шестерит. К Снейку Васька явно прислушивается. Карась — шут гороховый. Мелкая сошка. Два мордоворота — вышибалы, не больше.

Вот только Мунлайт меня по-прежнему беспокоил. Какое его место во всей этой истории? Натуральный глава гоп-компании? Не похоже. Или очень хорошо маскируется. Просто стукач? Нет, не его амплуа. Сегодняшняя история, если, ее интерпретация — правда, это скорее исключение или даже недоразумение, чем стереотип поведения.

Нет, я не собирался оправдывать Мунлайта. И знать его я не знаю. Совсем. Что подтвердили события последних часов. Но на дешевого стукача он не похож. Нет. Проще поверить в то, что любитель дамочек старый киноартист Куценко — священник Богоявленского собора, чем в то, что Мун простой стукачок. И не у кого-нибудь, а у безмозглого Васьки Кабана.

Меня подхватили под локти, резко вздернули и придержали, чтоб не завалился. Оказывается, затекли не только перетянутые веревкой руки, но и отсиженные ноги. Рядом воздели на ноги Хлюпика. Теперь мы стояли с ним, как два инвалида, покачиваясь.

Однояйцевые поспешно собирали шмот и снарягу. Подошел на удивление молчаливый Мунлайт.

— Так куда, говоришь, идти? — поинтересовался у меня Вася.

— Слушай, Кабан, ты же знаешь, где я обретаюсь, — устало произнес я.

— У бармена подъедаешься, — кивнул Васька. — Ну?

Кабан задумался. Подошел Карась с двумя автоматами. Один свой, второй Хлюпиков.

— Кстати, анекдот знаете? — вклинился он. — Пьяный сталкер сидит в баре, спрашивает у бармена: «Сколько градусов эта водка?» Тот ему: «Сорок». Сталкер: «Горячая».

Карась громко заржал над собственной шуткой, которая, кроме него, кажется, никого не развлекла. Даже мордовороты не оценили.

— Глохни, — рыкнул на него Вася.

Карась оборвал смех и пожал плечами. Дескать, смешно же, чего не ржете? Угрюмый понятно, ему по статусу положено, а остальным-то чего грустить?

— Ты по делу говори, — сердито посмотрел на меня Кабан. — Я тебе не Кашпировский, чтобы мысли на расстоянии читать.

— Логично предположить, — вмешался Мунлайт с мрачной язвительностью, — что нычку он делал недалеко от дома.

— Так это чего, опять к «должникам» топать? А нычка, еще скажи, в той комнате, что ты у барыги снимаешь.

И без того пороссячи глазки Кабана снова сузились и покраснели. Рожа приняла свирепый вид. Сам Вася только копытом от злости не бил. Еще бы, на базу «Долга» он со мной ни за какие деньги не сунется. Потому как никаких денег он там уже не получит.

— Ты за кого меня держишь?

— Не бойсь, — успокоил я. — Нычка не на базе. Рядом. В паре километров.

Не стоит злить кабанов. Даже если кабан — Вася. Ничего хорошего из этого не выходит.

— Хорошо, — тут же успокоился он. — Тогда пошли, пока туман пореже стал.

Туман и в самом деле поредел. Не сильно, но ощутимо в сравнении с той молочной пеленой, которая стояла здесь час назад.

— Топай вперед, — велел Кабан. — Сопляк твой следом. И без фокусов. Если что не так, ты труп.

Многообещающе. Хотя оно и понятно. Кабану с его кабанятами теперь ни меня, ни Хлюпика упустить нельзя. Им проще без навару остаться, чем позволить кому-то из нас до людей добраться. Если сталкеры узнают, Кабану и его людям в зоне больше места не найдется.

Нетвердой походкой я двинулся туда, куда так порывался вернуться Мунлайт. Хлюпик устало шаркал за спиной.

— Стой, — окликнул Вася.

Я послушно остановился и обернулся.

— Чуть не забыл, — улыбнулся Кабан и кивнул. «Двое из ларца» и Карась обступили Мунлайта.

Стволы трех автоматов, не оставляя возможности для разночтения, уткнулись с двух сторон, под ребра и в спину. Выходит, Мун здесь никто. Выходит, он вообще не из этой песочницы. Но оттого, что его взяли за жабры, мне почему-то стало приятно. Торжество справедливости, что ли?

В отличие от Кабана Мунлайт был далеко не глуп и понял все сразу. На мрачном лице проявилась злая сатанинская ухмылка.

— Ты чего, Кабан? — поинтересовался Мунлайт. — За базаром не следишь?

— Я тебе жизнь обещал, балалаечник, а не долю, — отозвался тот. — Так что волну на землю и вперед за другом своим Угрюмым. Думаю, у вас найдутся общие темы для разговора.

Мун взялся за ствол. Троица вокруг напряглась и пришла в движение. Вместе с ними выхватил пистолет Вася. Сталкер замер, оглядел готовых стрелять людей и расхохотался.

СА «Вал» с лязгом шлепнулся на траву. Следом опустился рюкзачок. А Мунлайт продолжал гнусно посмеиваться. Будь я Кабаном, наверняка бы меня это задело. Его и задело.

Вася посерьезнел. По его кивку брошенные на землю шмотки разошлись по головорезам.

— И руки ему свяжите, — распорядился он.

В голосе сквозила обида. Немудрено, ржал Мунлайт очень обидно. Подозреваю, что умышленно.

6

Туман какое-то время был совсем редким. Теперь можно было разглядеть все то, что мы прошли в непроглядной белесой мути. Леса тут почти что и не было. Он стоял в стороне. Высоченная черная стена. Колючая, хвойная. Дорогу она преграждала лишь в том месте, где нас нагнал Кабан со своей бригадой.

На пройденном отрезке пути встречались лишь редкие деревца. Бугрились холмы, торчали чахлые кустики. Никаких домов здесь не было. Только пара мертвых тракторов. Да сгнившие «жигули», про которые теперь можно вспомнить, только листая журнал о ретромобилях.

Впрочем, ясной видимость оставалась не долго. Отступившая было дымка снова стала густеть. И вскоре туман уплотнился до знакомого состояния, будто молоко в воздухе разлили.

Звуки стали глуше. Пейзаж размылся и погрузился в густую белесую пелену. Видно было всего ничего. Слышно не больше. Только шаги сзади шлепали и дребезжал высокий голос мелкого бандита.

— А вот еще, — тарабанил за спиной Карась. — Приходит сталкер к врачу и говорит: «Доктор, как мои дела? Как анализы? Кал?» А тот ему: «Да, голубчик, ничем не могу вас порадовать. Анализы плохие. А кал — так полное говно!»

Вслед за байкой раздался взрыв хохота. Заливался сам Карась. Над его шутками, как я успел заметить, кроме него, вообще никто не смеялся. Все анекдоты, которые он рассказывал, были довольно неуклюжими и безумно старыми. Единственная изюминка, которая во всем этом была, заключалась в том, что любой анекдот у него был обязательно про сталкера. Ту или иную шутку я слышал прежде в интерпретации про Штирлица, Ржевского, Вовочку или какого-то гипотетического мужика. Но в исполнении Карася героем байки неизменно становился сталкер. Впрочем, изюминка эта была весьма сомнительная.

Зато развлекался Карась от души. Что называется, сам пою, сам тащусь. Реакция у него была, как у школьника. Причем из начальных классов. От каждой новой хохмы он заходилась чуть не до истерики. На окружающих, не сумевших оценить тонкость юмора, смотрел с превосходством. Казалось, сейчас повернется и с детской непосредственностью спросит: «Ну что, не дошло?»

— А вот еще. Встречаются два сталкера. Один другому говорит: «Ты не забыл, что должен мне две штуки?» А второй отвечает: «Извини, еще нет... Дай мне время, и я обязательно забуду!»

— Глохни, — оборвал Вася очередной всплеск хохота. Карась засопел, но притих. Теперь не было слышно ничего, кроме шагов восьми человек. Тихо шли я, Мунлайт и Снейк. Однойцевая парочка ломилась, как пара лосей, не особо заботясь о том, что попадает под ноги. Васька, как оказалось, страдает одышкой. Что до Карася, его можно было бы назвать тихим, если б он шел молча. Только молча у него не получалось.

Шли медленнее, чем прежде. Больше народа — меньше скорость. А если учесть, что трое связаны, а четверо перегружены, таким обозом быстро передвигаться нереально.

Налегке шел только Кабан. Впрочем, он нес свое массивное тело без всяких лишних шмоток и пыхтел при этом, как паровоз с покалеченным паровым котлом.

Мунлайт поравнялся со мной не сразу. Сперва шел сзади, потом нагнал Хлюпика, а потом, обогнав его, пошел рядом. На разговор он вроде бы не напрашивался. Физиономия задумчивая, взгляд внутрь себя. Мне даже показалось, что он сейчас выскочит вперед и пойдет передо мной в качестве ведущего.

Говорить мне с ним не хотелось, но это только поначалу. Чем больше он маячил перед глазами, тем больше я злился. А чем сильнее полыхала злость, тем труднее было сдерживать желание высказаться. Спустя пару минут его постоянного болтания на глазах терпение кончилось.

— Сука ты, — тихо поделился я наболевшим.

— А сам что, лучше? — огрызнулся Мун.

— Я тебя не продавал.

— Я тебя тоже.

— Ну да, — фыркнул я. — Это они сами про все догадались.

— Догадались не сами, — прошептал Мунлайт. — Я подсказал. Только я тебя не продавал. Продают за деньги.

— Ага, — не сдержался я, — а ты бесплатно, за идею. Альтруисты пошли, усрать можно.

Мунлайт сбавил темп. Вроде как даже поотстал. Но не сильно, оставив себе возможность вернуться в любой момент.

— Слушай-слушай, — донесся сзади суетливый тенорок Карася. — Хоронят stalkера. Прохожий спрашивает: «От чего он умер?» «А читай на венках», — советуют ему. Тот читает: «От любящей жены», «От тещи», «От детей», «От коллег по работе».

Последнюю фразу он произнес уже с некоторым подкудахтыванием, а закончив, расхохотался уже свободно и жизнерадостно.

— Стой, — раздраженно рявкнул Кабан.

Я остановился, обернулся. Когда в товарищах согласия нет... Не помню, чего там дальше у школьного классика, но наблюдать за ними занятно. Я поймал себя на внутреннем злорадстве, но стыдно от этого ни разу не стало.

Кабан подхватил Карася за грудки и хорошенько потрянул. Тот попытался вывернуться, но Вася держал крепко.

— Ты чего, тронулся?

— Еще один такой анекдот, — прорычал Кабан, — и я тебя здесь похороню. Сказано глохни, значит, заткнись.

Вася ослабил хватку. Карась встряхнулся и поправил ворот.

— Дикий какой, — сказал недовольно. — Чем тебе анекдот-то не нравится?

— Накаркаешь еще, не дай бог.

Кабан повернулся. Однойцовые мордovorоты следили за ним без эмоций. Хлюпик смотрел страдальчески. Мунлайт — с издевательской ухмылочкой. Снейк шел последним, его фигура уже терялась в тумане. Теряя очертания, превращалась в мутное пятно, размытый силуэт.

Да, восьмером идти уже неудобно. Скоро дальше рядом идущего ничего видно не будет. И тогда останется только топать и смотреть впереди идущему в спину и держаться за эту спину, как за маяк. Иначе потеряться недолго. И блуждай потом в этом тумане в поисках своих. С другой стороны, что плохо Кабану Ваське, то удобно мне. Убежать в таком тумане будет не сложно. Вот только как бы Хлюпику весточку передать, чтоб меня держался. Без меня ж ему не жить.

Кабан, по всей вероятности, мыслил в том же направлении. Во всяком случае, дальше он не пошел. Пройдя пару шагов, оглянулся назад, отметил ускользающие в дымку силуэты и велел устроить привал.

Я не стал дожидаться чужой помощи. С трудом присел на корточки, а после уселся на задницу. Прямо на мокрую траву. Сыро, конечно, но, один черт, уже все пропитано этим

туманом. И потом бояться простудиться, когда тебя в любую минуту могут пристрелить, это как-то совсем уж смешно.

Мунлайт сел рядом. Бандиты понемногу скидывали амуницию. Было в этом зрелище что-то от стриптиза. Без эротизма, но лишние детали гардероба летели на землю, и оставшийся без оружия, рюкзака и трофейной снаряды человек выглядел голым. Готов поспорить, что и чувствовали они себя не очень.

Я без рюкзака, автомата, ножа и БП, да еще и со связанными руками чувствовал себя примерно так, как если бы меня в чем мать родила высадили перед Мавзолеем Ленина и застегнули бы браслеты за спиной, лишив возможности прикрыться. У этих руки свободны, и оружие никто не отбирал, но останавливаться и разоблачаться подобным образом в таких местах не хочется. Если по уму, то отсюда вообще тянет бежать без оглядки. Только возможности такой у Кабана и компании нет.

Подошел Карась. Взъерошенный и сердитый. Рыкнул на Хлюпика и грубо завалил его на землю. Отрывается за то, что от Васьки нагоняй получил. Отыгрывается, на ком может. Ничего, весельчак, ты еще свое получишь. Будут у меня руки свободные, посчитаемся.

На этот раз Хлюпик уселся довольно быстро. Посмотрел на меня жалобно, словно извинялся за то, что оказался не спиной к спине впритирку, а лицом ко мне и далеко. Я прислушался к ощущениям. Руки ломило в плечах, а кисти онемели настолько, что пальцы уже ничего не чувствовали. Будь он рядом со мной, я бы все равно ничего не смог.

Волной накрыло бессилие, за ним стала подступать паника. Я глубоко вдохнул. Раз, два, три. Выдох. Зашевелившаяся внутри истерика успокоилась прежде, чем успела набрать сил для рывка наружу.

Что же делать? Надо сосредоточиться и подумать. Я покосился на Муна. Тот сидел рядом и полировал кончиком языка сколотый зуб. Черт возьми, сколько ж всего произошло за какие-то полдня. Еще несколько часов назад он жевал травинку и был другом, а теперь...

— Слушай, какого хрена? — спросил я и тут же пожалел о сказанном.

Какая разница. Он враг. Все враги. Полагаться можно только на себя. Расслабляться нельзя ни с кем. Это война. Каждый шаг, каждое движение, каждое действие — это военный маневр.

Ты выходишь из дома. Идешь по улице. Навстречу кто-то прет. Это враг, пусть даже ты не знаешь его, а он в глаза не видел тебя. Пусть даже в какой-то своей далекой заоблачной жизни он замечательный человек. Сейчас он враг. Дорожка узкая, вдвоем не разойтись. И вы идете навстречу друг другу.

Маневр. Он уворачивается и отстраняется. Вы расходитесь, как в море корабли.

Маневр. Ты уступаешь ему дорогу. Он победил, хоть никто этого не заметил.

Маневр. Ни ты, ни он. Вы цепляете друг друга плечами. Расходитесь? Разворачиваетесь и лупите друг друга взглядами по щекам? Что дальше? Холодная война или начинаются открытые боевые действия?

Ты идешь по улице, садишься в метро, заходишь в магазин. Вокруг враги. Они могут читать книжку или спать. Они могут хмуро сверлить взглядом карту метрополитена или рекламу на стене. Они могут добродушно тебе улыбаться. Все это гримасы. На самом деле они враги. Их человечность, их лучшие качества касаются не тебя. Они никогда тебя не коснутся. Потому что ты чужой. Ты враг для них. А они враги для тебя. Между вами война.

И даже если они вроде бы тебе знакомы и с тобой на одной стороне, войну никто не отменял. Сегодняшний союзник может завтра стать противником. Никому нельзя доверять. Даже если тебя называют другом, лучшим другом, любимым. Никого нельзя подпускать ближе, чем на вытянутую руку. Никому нельзя позволять лезть в душу глубже верхней пуговицы на рубашке. Потому что жизнь — это война.

Кто этого не понял, тот обречен проигрывать.

Люди не бывают друзьями. Это так же невозможно, как дружба между двумя государствами. Можно строить добрососедские мины, улыбаться, но у каждого остается свой интерес. Никто ничего не делает просто так. Я, во всяком случае, такого не видел. Есть ты и они. И вы враги. Это там, в обычной скучной жизни. А здесь зона.

Она как дрожжи. Столкнулась с дерьмом, дерьмо и поперло.

Так чего же я хочу от Мунлайта? Я сам пустил его чуть ближе. Я сам доверился не глядя. Кто ж теперь дурак?

— Это они меня с хабаром поймали, — негромко заговорил Мунлайт, вырывая из размышлений. — Грохнуть хотели, а я отмазался. Сказал, что могу им одного чудака с богатой нычкой слить.

— Меня?

— Тебя, — усмехнулся Мун. — Я других таких не знаю, кто бы столько натаскал. Мы ведь с тобой не один день знакомы, я за тобой поглядываю. Ты таскаешь немного, но часто. Сбываешь не дорого, но постоянно. В зоне ты дольше, чем я. Сколько лет? Пять, шесть, восемь? Деньги ты не тратишь. Пить не пьешь почти, загулов не устраиваешь, все «Сто рентген» не угощаешь. На Арене деньги не просаживаешь. Значит, деньги лежат. Дальше простая арифметика. Прикидываем среднее месячное количество таскаемых тобой артефактов, умножаем, переводим в рубли по стандартному барыжьему курсу. И ты миллионер, Угрюмый. За такого миллионера можно не только жизнь купить. А мне много не нужно, я жить хочу.

Я откинулся на спину. Трава сырая, земля холодная, но мне почему-то было жарко.

— И чего, совесть не мучает? — поинтересовался я.

— С хрена ли? — удивился Мун весьма искренне, хотя в искренности его я все равно уверен не был. — Во-первых, ты все равно не знаешь, что с этими деньгами делать. Они тебе не нужны. Разве нет?

Мун ждал ответа. Я молчал. Туман мокрым саваном опускался на лицо. Я закрыл глаза. Он, конечно, прав, но разве его дело мои деньги считать и ими распоряжаться?

— А во-вторых, — продолжил Мун, так и не дождавшись ответа, — ты же сам орешь, что все вокруг дерьмо. Сколько раз от тебя слышал. Зона — дерьмо, сталкеры — дерьмо, бандиты — дерьмо. Таким, как ты, все дерьмо, где б они ни находились. Вы к миру, к людям относитесь, как к говну. Ты ж это дерьмо везде видишь. И где есть, и где нету. При этом привык, чтоб весь мир наизнанку выворачивался, доказывая тебе, что не все так дерьмово. А ты будешь это принимать как должное и выковыривать ложки дегтя в медовой бочке. Да даже если там чистейший мед будет, ты ж не успокоишься. Ты же тогда, сукин кот, придумаешь, почему чистый мед — это дерьмово.

Я открыл глаза и сел в три рывка, оттолкнувшись от земли бесчувственными связанными руками. Мун смотрел на меня с ухмылкой. Злобной, ядовитой, но при этом какой-то тоскливой. Грустный сарказм.

— Зона дерьмовое место? Я дерьмо? — спросил он. — Так хрена ж ты тогда обижаешься? Это не мир к тебе дерьмово относится, это ты к миру, как к дерьму. По каким меркам живешь, то и получаешь. Мне вот надоело слышать от тебя, что я шмат какашки. Если ты в этом так уверен, получи и распишись.

Тупо заныла голова. Хотелось потереть глаза, помассировать виски, но руки были связаны. Интересно, если б я смотрел на мир иначе, ну, скажем, как Хлюпик, что бы он тогда мне напел? Или он тогда меня не сдал бы? Пожертвовал бы своей шкурой?

А я сам? Хотя со мной такого бы не случилось, я не случайно всяких знакомств, компаний, напарников, общих дел и попок избегаю. Вот один раз сунулся со своей липовой добродетелью и чувством долга, теперь сижу с затекшими, скрученными за спиной руками под дулом автомата.

Дуло автомата сидевшего неподалеку Карася шевельнулось, словно бы подтверждая мои мысли.

— Круто отмазался, — оценил Карась спич Мунлайта. — Я прям заслушался. Научишь меня такие отмазки ляпать?

— Я тебя еще не такому научить могу, — злобно пообещал Мун. — Только руки развяжи.

— Перечешешься. — Карась хихикнул, словно услышал что-то смешное. — Я тебя сам еще поучу.

— Чему ты меня можешь научить? — оживился Мунлайт. — Анекдоты паршивые травить?

— На это тоже талант нужен, — купился Карась.

— Ну, продемонстрируй что-то оригинальное.

— Ща. — Карась сосредоточенно наморщил лоб. — Во! Разговаривают два сталкера. Один: «У тебя сбылась хоть одна детская мечта?» Другой: «Да! Когда отец таскал меня за волосы, я мечтал стать лысым».

Шутник захохотал, довольный собой и своей шуткой. Мун садистски улыбнулся. Явно не над анекдотом.

— А хошь я тебе расскажу?

Карась подался вперед. Уши стали похожи на локаторы. Улыбка на лице Мунлайта стала шире.

— Приходит сталкер к гинекологу, — начал он и замолчал, давая возможность осмыслить сказанное.

— Ну, — с разгону поторопил его Карась.

В следующую секунду на лице его возникло подобие осознания чего-то. Рожа вытянулась, а после снова вернулась к исходному положению. Только выражение теперь было не растерянное, а как у ребенка, которому дали конфету в яркой обертке, а когда он схватился, выяснилось, что конфеты-то и нет, обертка пуста.

— Пошел ты, — обиженно пробурчал Карась и повернулся к Ваське Кабану, о чем-то переговаривающемуся вполголоса со Снейком.

— Слышь, Василий, костерок бы сварганить. А то зябко.

— Сваргань, — отозвался Кабан. Он как раз присел на мой рюкзак и слюнявил горлышко жестяной фляжки, выкрашенной в хаки. — Или ты это мне предлагаешь сделать?

* * *

Инициатива наказуема. Всегда. Поэтому за дровами для костра, если это так можно было назвать, отправился Карась. Правда, справедливости ради надо заметить, что ему в сопровождение была выделена «одинаковая с лица» парочка мордоворотов.

В результате через четверть часа мокрая и злая тройца отправилась за второй партией сырья, а Снейк, тихо матерясь, пытался разжечь костер. Сырой хворост гореть не желал, что заставляло молчаливого «викинга» материться еще яростнее.

Мы остались в стороне и без присмотра. Если не считать автоматного ствола, смотрящего в нашу сторону. И хотя автомат лежал на коленях у Кабана, а хозяин автомата больше внимания сейчас уделял костру, чем нам, ощущение от этого приятнее не становилось.

Мун, наблюдавший за действием вокруг костра, потихоньку развернулся ко мне вполоборота.

— Угрюмый, — позвал шепотом.

Я сделал вид, что не слышу. Или не хочу слышать.

— Хорош дуться, — не успокоился Мун. — Бежать надо.

Бежать надо. Это я и сам знал. Только в таком тумане, хрен знает где и со связанными руками шансов на успех у нас меньше, чем у голого слепого от свалки до дикой территории дойти. Кабан это понимает не хуже меня, потому и не шибко за нами присматривает. Знает, что бежать в таком виде — самоубийство. А может, решил, что я поверил в его сказки про то, что он нас отпустит.

— Зачем? — решил свалить дурака я. — Деньги мне не нужны, сам сказал. Сейчас доведем их до нычки, и они нас отпустят.

Я говорил так же тихо, так что кроме Мунлайта меня никто не слышал. Мун посмотрел на меня с сомнением. Видимо, соображал: идиот я или прикалываюсь.

— Никого они не отпустят, — на всякий случай пояснил он шепотом. — Убьют они нас. И вас, и меня. Зачем лишние свидетели?

— Ну, сразу же не грохнули, — продолжал дурачиться я с абсолютно серьезным видом. — Это я им нужен, я знаю, где нычка. А вы-то им на кой? Хотели бы убить, давно бы уже убили.

И все-таки мне удалось его поддеть. Желваки напряглись, глаза стали бешеными.

— Угрюмый, ты совсем дурак или прикидываешься? — зашипел он, грозя перейти на такой шепот, который услышат, несмотря на расстояние и жрущий звук туман.

— Твой левый, — тихо отрезал я.

— Что? — опешил Мунлайт.

— Если что, твой левый, мой правый. Хлюпика предупреди. И линяем.

Мун хмыкнул и так же плавно, как поворачивался ко мне, перетек в сторону Хлюпика. Их диалога, а точнее, монолога, так как кляп у Хлюпика вынуть так никто и не удосужился, я не слышал.

Вообще идея бежать сейчас — дикая. Хотя, с другой стороны, конвоиров двое. Заняты своим делом. Туман плотный. Шагов на десять-двадцать отбежать, и уже хрен поймешь, где ты, куда делся. С другой стороны, это надо встать со связанными за спиной руками, пробежать эти десять-двадцать шагов, прежде чем тебя заметят.

Сердце сжалось и застучало, нагоняя безумный ритм. Сбойнет у меня когда-нибудь мотор. И вроде не сказать, что я шибко чувствительный, а сердечко реагирует. Причем с каждым годом все острее.

Я глубоко вдохнул и принялся считать. На счет «три» выдохнул и поймал на себе взгляд Муна. Хлюпик, сидевший на жопе, старательно подбирал под себя ноги, чтобы иметь возможность быстро встать.

Васька Кабан на нас не обращал уже никакого внимания. Чтобы это понять, оказалось достаточно одного взгляда. Поза все та же, но внимание полностью переключилось на возившегося с костром Снейка. Сам Вася в процесс не лез, но руководить им норовил всецело.

Тем лучше. Значит, если повезет, заметит не сразу. А когда заметит, понадобится время на то, чтобы развернуться, поднять автомат с колен. А автоматик-то, поди, на предохранителе. То есть еще и с предохранителя снять. Все это, конечно, считанные секунды, но это целые секунды! Это время!

Хлюпик уселся на корточки и замер.

— Бежим в разные стороны, — на грани слуха, практически одними губами произнес я. — Хлюпик на тебе.

Мун кивнул. Я снова глубоко вдохнул. Раз, два... А дальше все случилось очень быстро и как бы само собой.

Три! Нет, я не стал вскакивать. Я откинулся на спину и откатился в сторону. Трава была жесткая и неприятно хлестала по лицу, но в тот момент я этого не чувствовал, как не чувствовал сырости.

Туман заволок и размыл человеческие фигурки. Краем глаза успел заметить, как что-то подскочило и метнулось в сторону. То ли Мун, то ли Хлюпик. А может, и оба. Я не видел. Туман, адреналин, движение. Все смешалось и только хлестало мокрой травой по лицу.

Секунда. Вскрик. Кто-то что-то заметил. Кто? И что именно?

Рывок, два. Я оказался на ногах и побежал.

Я знал, что бегать нельзя. Я понимал, что бежать со связанными за спиной руками — это верный шанс навернуться. Но сделать с собой ничего уже не мог. Внутри поселилось то самое нечто, что загоняет обычно мою трепетную сердечную мышцу, заставляя считать и глубоко дышать.

Наплевав на остатки разума, которые пытались диктовать свою волю, требовали остановиться, я бежал так, как не бегал уже много лет.

Крики сменились выстрелами. Галдеж и стрельба отдалялись. А ведь если за мной побежал Снейк, то я сейчас получу удар в затылок, и все окажется напрасным.

Но то ли Снейк побежал не за мной, то ли побежал слишком поздно, а удара не последовало. Вообще, кроме себя я теперь никого не слышал. Сколько ж я пробежал?

Ощущение времени пропало настолько, что я было испугался, не попал ли снова в какую-то аномалию. Но нет, звуки были. И запахи. Вернее, один запах — запах сырости.

Я перешел на шаг. Стало немного тише, хотя сердце продолжало колошматить так, что его могли услышать не только за сто метров, но и в четвертом энергоблоке. И дыхание вырывалось громкое, с хрипами.

Спокойно, это иллюзия. Никто ничего не слышит. В этом чертовом тумане голосов и выстрелов не слышно толком, а уж биения чужого сердца и подавно.

Затаив дыхание, я обернулся. Никого. Ни своих, ни чужих, ни Муна, которого теперь и вовсе непонятно, к кому причислить.

В глотке пересохло. Судорожное сглатывание не помогало. Слюны, кажется, не осталось вовсе. Куда помчался с такой скоростью? И что дальше?

Я огляделся. Кругом туман, как тогда, когда дело кончилось галлюцинациями и спячкой под поваленной опорой ЛЭП. Никого. Ни аномалий, ни мутантов, ни преследователей. Мне невероятно повезло.

Вот только что делать дальше с этим везением?

Один. Неизвестно где. Безоружный. Связанный.

— Угрюмый, — мрачно закончил я перечень эпитетов. Кажется, вслух.

Тут же в панике завертел башкой. В голове уже замелькали картинки, живописующие выскакивающего Ваську Кабана и его архаровцев, вываливающихся на мой жалкий голос из тумана. Но вокруг по-прежнему никого не было.

Сердце молотилось уже где-то в районе горла, словно намеревалось выскочить из рта. Глубокий вдох и далее по тексту. Не помогло. Я выдохнул и вдохнул еще раз, выжидая, когда вернется спокойствие. Надо что-то делать. Что?

Для начала избавиться от веревок. Это задача. Достойная, хоть и не глобальная. Я опустился на землю и попытался протиснуть задницу между связанными руками. Жопа пролезет — все пролезет. А если руки будут впереди, живем. Веревка — не радиоактивная трава, зубы не сломаешь. Рано или поздно развяжусь.

Вот только при всем великолепии затеи ни черта не вышло. Это только в киношных боевиках все просто. Вывернулся, и наручники чуть ли не сами на землю падают. В жизни бы так.

Но жизнь, как обычно, внесла свои коррективы. И, как обычно, не в мою пользу. Хотя я готов был поклясться, что растяжка у меня в разы лучше, чем у толстожопых актеров, изображающих супергероев, ничего не вышло. Веревка — не наручники. Руки связаны плотнее и выше. И как тут жопой ни крути, а не протиснуться.

Убедился я в этом значительно раньше, чем бросил бесплодные попытки. Руки болели выше запястья. Запястья саднило содранной кожей. А ребра трещали так, как будто я долго и упорно пытался выломать лишнюю пару, а то и две.

В глубине души стала зарождаться паника. Вот теперь деваться некуда. Либо самому вернуться к Кабану, либо сидеть и ждать, пока он со своими головорезами меня найдет. Есть еще третий вариант — топать до базы «Долга» со связанными руками. Может, мне даже повезет, и я выйду живым из этого странного тумана. Благо аномалий в нем особо не замечено. Может, потому что сам туман аномален, может еще почему. Но туман кончится, и я выйду... а куда выйду? К базе «Свободы»? К «Янтарю»? На дикую территорию? Мне же сейчас даже неизвестно, где я нахожусь. Пойму, когда выйду из тумана. А там начнется, к гадалке не ходи. И что я смогу даже не с голыми, а со связанными руками? Собак слепых покормить своей шкуркой? За грехи перед их братией они, должно быть, с удовольствием сделают из меня мясной ряд. Да и без грехов. Мясо, оно и в Африке мясо, чем бы за свою жизнь ни прославилось. А что я такое со скрученными за спиной руками, как не ходячий бройлер?

До слуха донесся тихий жалобный вой. Вот и собачки, метнулось в голове прежде, чем я понял, что это не собачки. Просто сам я вою от бессилия в туманном одиночестве.

Хватит ныть. Надо что-то делать. Оттолкнулся связанными руками. Поднялся на ноги. Идти. Идти надо. Вот только куда? Но не ждать же на месте неизвестно чего.

Я так и не успел ни на что решиться. Кажется, успел только почувствовать чужое присутствие. Сильная рука обхватила поперек груди, дернула назад, прижала. Спина уткнулась, как в стену, в чье-то крепкое тело. В горло, чуть выше кадыка, уперлось лезвие ножа.

Все, просвистело в черепной коробке, дождался.

— Ну что, Угрюмый, — тихо, в самое ухо поинтересовался знакомый голос, — ссышь, когда страшно?

7

Нож скользнул по горлу. Только тогда страх отступил, уступая место осознанию. А ведь лезвие было прижато к глотке тупой стороной!

Хватка ослабла. Чужая рука соскользнула с груди. Скрылась за спиной вслед за ножом. Теперь я чувствовал, как теребят веревки и дергают связанные руки.

Он был в своем репертуаре. Хохмил на грани фола. Издевался за все мои издевки. И, надо отметить, делал это мастерски. Скотина!

Запястья потянуло, веревка лопнула, и я смог наконец убрать руки из-за спины. Руки отнялись. Кисти покалывало. Запястья саднило. Непослушными ватными пальцами я разматал остатки веревки и обернулся.

Мунлайт стоял в двух шагах, поигрывая ножиком, и ухмылялся.

— Где Хлюпик?

— Спеленали, — отозвался Мун. — Мы как дернули, он сразу на ноги вскочил. Кабан тогда и заметил, что дело нечисто. Тебя уже не было. А Хлюпику по ногам швырнули чем-то, он и завалился.

— А ты?

— А я ушел, — сообщил он, довольный собой. Ушел. А Хлюпика потеряли. Зато Муна спасли.

Равноценный обмен, блин. Вот так попросишь кого-то о чем-то раз в жизни...

Стоп, оборвал я поток мыслей. Никого я ни о чем не просил. Да и просить не собирался. Этот сучий хвост мне никто и звать никак. Сейчас помогает и веревки ножом режет, а в другой раз режет по горлу. И не тупым ребром, а острым.

— Нож откуда? — Чем больше я тер руки, тем больше ощущал, насколько они затекли.

— Маркитантка юная подкинула, — растекся в ухмылке Мун. — Тебе не по хрену, Угрюмый? Скажи спасибо, что тебя развязали.

Ага! Сейчас! Может, мне еще сталкеру Мунлайту в ножки кинуться за то, что он меня спас из полона бандитского? Тогда уж заодно спасибо и за то, что по его милости я на эту гопоту нарвался. И за то, что сейчас торчу здесь. Хрен знает где. Озябший, промокший, безоружный. И вместо того, чтобы думать о себе, думаю о Хлюпике.

— Спасибо, — недовольно буркнул я.

Мун осклабился, расплылся в довольной ухмылке. Я поймал себя на желании двинуть ему поперек лыбы.

Рефлекторно стиснул кулаки. Пальцы все еще не вернули былую чувствительность. Руки болели.

— Чего дальше? — поинтересовался Мунлайт как ни в чем не бывало.

Я пожал плечами. Да чего хочешь.

— Вам налево, мне направо, ну и до свидания?

— А что ты предлагаешь? Добежать до базы «Долга» и устроить разоблачения сталкера Васи Кабана, который вовсе и не сталкер, а бандит с большой дороги? — не удержался я.

— Почему бы и нет?

— А кто раньше мешал? Разоблачил бы раньше, мы б сейчас здесь не оказались.

Мунлайт посмотрел на меня с подозрением.

— Ты чего, Угрюмый, опять дурку валяешь? Или не втыкаешь на самом деле? Кто бы мне поверил? Представь себе, приходит один сталкер из зоны и бездоказательно, а доказательств-то нету, начинает такое на другого сталкера гнать. Ну, тень подозрения, может, и упала бы, но только тень. А в остальном — прощай, репутация. И при следующем выходе на зону сталкер Мунлайт пропал бы без вести.

— А сейчас что, не так?

— А сейчас нас двое, — проникновенно сказал Мун. — Тут уж тенью не отделаешься. Тут дело пахнет керосином.

Да, прав бродяга. Вот только с одним ножом на двоих далеко не уйдешь. И потом вопрос, что станет делать Кабан. Вот что он делает сейчас? Если поставить себя на его место, то Муновы выкладки Ваське понятны. Получается, у него выходов немного. Либо найти нас и сделать так, чтобы мы никогда до людей не добрались. Либо найти наши трупы. В противном случае возвращаться ему не с руки. Сталкеры гопоту, мягко говоря, недолюбливают. А уж такого переметчика не простят. И висеть Ваське с его друзьями синими и некрасивыми на столбах любой сталкерской базы, до какой они доберутся.

Странно, что Снейк с ними оказался. Сколько знаю, его гопники до дрожи и зубовного скрежета всегда доводили. Выходит, что все это поза была? Или же викинг, как Мунлайт, очень крепко влип и решил пожертвовать ближним своим, вместо того чтобы самому сдохнуть.

Но ведь своя рубашка к телу ближе. И кто я для того же Мунлайта, чтоб ради меня рисковать? Да, никто. Мрачный, замкнутый зануда с дерьмовой философией. Ну, пару раз нажрались вместе. Так чего теперь обижаться?

— Чего уставился? — спросил он. — Ну, хочешь, по морде дай.

А обиды-то нет, понял я вдруг очень четко. Мунлайт вообще не вызывал у меня теперь никаких эмоций. Да и раньше особо не вызывал. Потому и обиды не было. И злости не было. Ничего. Вот только доверия совсем не осталось. Но и его ведь было не так много. А то, что на нужные вещи внимания вовремя не обратил, так это не признак проявления доверия. Скорее глупость.

Я покачал головой. Поиграл пальцами. С удовольствием отметил, что покалывания почти не осталось и онемение прошло. Так и не ответив Муну, я развернулся и пошел в туман. Туда, где, по моим прикидкам, остались Кабан, Карась и иже с ними.

— Погоди, — окликнул Мунлайт. Я остановился.

— Ты куда?

— Забыл кое-что свое, — пояснил я.

— За Хлюпиком? Или за оружием? — оценивающе прищурился Мун.

И за Хлюпиком, и за оружием. И вещички прихватить, и посчитаться. Но не объяснять же все это здесь сейчас Муну. Потому что иначе придется объяснять, почему никогда не лезу в чужие дела. И почему сейчас чужое стало моим. А этого все равно объяснить не смогу.

— Мы в ответе за тех, кого приручили? — объяснил для себя мое молчание Мун. — Нью-ню. Я с тобой.

Я пожал плечами.

— Как угодно. Только иди вперед.

— Не веришь? — ухмыльнулся Мун.

— Нет.

— По крайней мере честно, — кинул он. — У тебя мысли какие-то есть? Или работаем по обстоятельствам?

Мысли у меня были. Но поделиться ими с Муном я не успел. Пискнуло. Характерный такой писк. С подобным звуком наладонник находит потерянную сеть. Я дернулся, оглядывая туман. Но рядом никого не было.

— Это у тебя?

Мунлайт выудил из кармана ПДА. Кивнул. Как это у него наладонник не отобрали. Искали плохо?

Я протянул руку, требуя агрегат. Сталкер отдал практически без запинки. Беглого взгляда на экран хватило, чтобы понять: других работающих ПДА поблизости нет. Но от греха подальше...

Размах был коротким. Наладонник легко вырвался из руки и отлетел в сторону. Тихо шлепнулось. Мунлайт даже попрощаться не успел, только фыркнул негромко.

Зато теперь нас по маячку его пэдэашки не найдут. А если найдут, то не нас, а сам ПДА, валяющийся в траве.

Мунлайт окинул печальным взглядом предполагаемое место приземления наладонника и принялся грустно насвистывать «Moonlight and vodka».

— И не свисти, — цыкнул я. — Один раз нас уже вычислили по твоим воплям.

— Как будто ты меньше меня орал, — не упустил шанса поддеть Мунлайт. Но свистеть перестал.

8

Как говорил герой одного мультфильма из далекого детства: «У вас есть план, мистер Фикс?» У меня плана не было. Я не генштаб. Но прикидки кое-какие имелись. Главное — понять, где враг и что он делает.

Насчет Муна я не сильно опасался. После того, что он сделал, возвращение к Ваське Кабану, пусть даже со сдачей меня в живом или мертвом виде, для него смерти подобно. Доверия к нему это, конечно, не добавляло, но по меньшей мере можно сильно не дергаться.

Что же до Васьки, то вариантов могло быть не так много. Допустим, они сидят сейчас на том же месте лагерем и решают, что делать. Тогда всего-то и надо, что подойти и спровоцировать. Это будет не сложно. Подойти с двух сторон, засветиться и дернуть в туман в разные стороны.

— Они будут стрелять, — покачал головой Мунлайт, выслушав мои мысли.

— Они погонятся. Причем за обоими.

Мун, слушавший с серьезной внимательностью, хищно ухмыльнулся.

— Разделяй и властвуй? Нью-нью. А если они не сидят, а ходят и нас ищут?

Маловероятно. Этот вариант я тоже рассматривал. Когда мы драпали, у костра было двое. Хлюпика они одного вряд ли оставили бы. Значит, за нами в погоню мог отправиться только один. А один вряд ли далеко уйдет по такому туману. Что тогда? Вернулся, посидели, подождали. Собрались все в кучу и решают, чего дальше. Может, Хлюпику пару раз пинка дали со злости. Ну а если уже решили...

— Тогда разделять уже не надо, только властвовать.

— Хорошо, — кивнул Мун, — допустим. А если они не стали ждать и искать не стали? Просто вышли и караулят нас на просматриваемом месте. Выйдем же мы рано или поздно отсюда.

Я покачал головой.

— Нет. Кабан, конечно, не блещет интеллектом, но не дурак. Должен же он понимать, что мы можем выйти куда угодно. Кроме того, нам понадобится оружие.

— Хочешь сказать, что он ждет нас там же?

— Вот и проверим, — буркнул я.

Проверили.

Для начала чуть было не просвистали мимо. Ориентиров в тумане не наблюдалось, потому шли наобум, просто стараясь сохранять выбранное направление. Перед Хлюпиком у Муна обнаружилось два преимущества. Во-первых, он молчал. Во-вторых, умел тихо ходить.

Шаги едва-едва шелестели в тумане. Да и то скорее это я слышал больше, чем было слышно на самом деле. Для меня и собственное сердце колотилось с диким грохотом, но кто его, кроме меня, слышит? Тем более здесь, где звук глохнет, не успев разойтись.

Шлеп-шлеп, шаг за шагом. Сырость начинала действовать на нервы. Ненавижу туман и всякую прочую неизвестность. Шлеп-шлеп. И никаких других звуков.

И мы бы обязательно прошли мимо, если бы не Карась.

— Слушай-слушай, — донеслось из непроглядной пелены глухое бормотание. — А вот еще... Сталкер нашел у себя в душе укрепляющий шампунь с надписью «Длина и Сила». Конечно, маловероятно, но решил помыть им не только голову.

Следом донесся кудахчущий смешок, постепенно переросший в дикое реготание.

Теперь я на собственном опыте осознал, как нашел нас в тумане Васька Кабан. Хоть звук и глухой, а слышно-то все одно дальше, чем видно. Я молча указал Мунлайту направление. Сам пошел в другую сторону. Через секунду Мун растворился в тумане.

Я смутно представлял себе стоянку, но мне казалось, что двигаюсь по кругу.

— Глохни, — прозвучал значительно ближе голос Васьки Кабана.

Карась неуверенно хихикнул. Я замер.

— Чё вы скучные-то такие?

— Ты, дурило, когда видел сталкера в душе? С укрепляющим шампунем? — зло спросил третий голос. Кажется, Снейк.

— Я за мужиками в душе не слежу.

Снова раздался квохчущий хохоток. Но поддержки Карась не получил и быстро притих. Глубокий вдох. Раз, два...

— Плохо жить без чувства юмора, — со вздохом подытожил Карась.

Три. Я сделал шаг. Другой. В тумане наметились странные мутноватые пятна. Еще шаг, другой. Пятна приобрели очертания. А еще через пару шагов я увидел лежащего Хлюпика и Кабана со Снейком и...

— Твою мать! — рявкнул Карась, хватаясь за автомат.

Никогда не думал, что буду солидарен с этим пустозвоном, но в данной ситуации он, пожалуй, оказался прав. Без чьей-то матери здесь не обошлось. Краем глаза отметив, как вскакивают и хватаются за оружие бандиты, я развернулся и побежал.

Грохнула очередь.

— Слева! — орал Карась.

Слева? Какое слева, я же справа, пронеслась шальная мысль. Справа. А слева Мунлайт. Я притормозил, собираясь уже вернуться и привлечь внимание и к своей скромной персоне.

— Второй! — крикнул, судя по голосу, кто-то из однойцевых.

Ага! А вот это уже про меня. Я побежал. Сзади послышались выстрелы. Крики.

— Вы двое за этим! — надрывался Васька Кабан. — А ты за мной. В угрюмого хмыря не стрелять. Он живым нужен!

Ушлый Кабан. Другой бы думал, как шкуру спасти и репутацию сохранить, а этот еще и о деньгах не забывает. Иначе зачем я ему живым?

Сзади, на приличном отдалении, но не сбиваясь со следа, бухали две пары ног. Интересно, кто там за мной, а кто за Мунлайтом побежал? А еще интереснее, кто с Хлюпиком остался.

Треснула очередь. Глуховато, но я знал, что все на самом деле ближе, чем кажется. Тут же взревел голос:

— Прекратить! Я сказал, живого брать.

Значит, Вася на меня лично охотится. А с ним Карась.

— Я только... покалечу... — пропыхтел он на бегу. Голос ушел влево. Сбились? На всякий случай я тоже чуть сменил направление, уходя правее голосов.

— ...тебя покалечу... — послышалось совсем глухо. Я остановился. Вслушался. Глухие шорохи, отзвуки, отголоски, тишина... Мимо, ребятки. Разделяй и властвуй, сказал Мунлайт. Разделить разделили, теперь нужно расставить приоритеты.

Не знаю, что там решил для себя Мун, но у меня первостепенная задача была совершенно однозначной. Я развернулся и потихоньку потрусил обратно к стоянке.

Теперь главное не торопиться. Хотя кто знает, как далеко убегут в поисках меня Васька с Карасем. Может, и стоило бы поторопиться. И кто, интересно знать, погнался за Мунлайтом, а кто остался с Хлюпиком?

Если Хлюпика караулит кто-то один, то лучше все же поторопиться, пока не появились...

Я дернулся в сторону и замер. Спасли рефлексy, выработанные за много лет топтания зоны. Глаз заметил, тело среагировало. И только потом дошло до мозга. Меня обдало холодным потом.

Впереди, всего в нескольких метрах, кружился маленькой воронкой пылевой вихрик. Этакй торнадо в миниатюре. Карусель. Крохотный смерч, едва заметный ненаметанному взгляду. Особенно в таком тумане. Можно запросто пройти мимо или даже вляпаться и не заметить. То есть незаметно оно, конечно, пока не вляпался.

Карусель, наверное, относится к гравитационным аномалиям. Хотя не знаю, ученые гундят, что «природа этой аномалии еще до конца не изучена». Смех, да и только. Как будто они смогли изучить природу хотя бы одной аномалии. Клоуны. Что за дурацкая манера надувать щеки и делать выводы из мизерных, практически отсутствующих данных?

Впрочем, у ученых это сплошь и рядом. Научились снимать климатические замеры, и ста лет не прошло, как начали прогнозировать глобальные изменения климата и прочую ересь. На основании чего? Что такое сто лет для планеты? Научились на звезды смотреть и разглядели метеориты с астероидами, тут же началась пурга на тему конца света. Дескать, вот летит метеорит, он-то нас и похоронит. А если не этот, то другой через год. Столкнется с Землей, и все живое издохнет. На основании чего выводы? Или миллионы лет метеориты рядом с Землей не пролетали? И с ней не сталкивались? Почему же только теперь нас должно похоронить небесное тело?

И таких примеров тьма. А в зоне эти ученые бредни растут, как та развесистая клюква, благо почва для них хорошо унавожена.

С каруселью, если опустить умные потуги объяснить с помощью науки, все просто. Крутится себе такой вихрик. Тихо, мирно, незаметно. Крутится, пока в него не попадет что-то живое. А вот тогда он почему-то набирает силу, раскручивается с невероятной скоростью и поднимает тело жертвы в воздух. Если ты не попал в эпицентр карусели — считай, повезло. Кости, конечно, переломаешь, зато есть шанс остаться живым. Если засосало в середину вихря — все, пиши пропало. Карусель может не просто раскрутить, она может не хуже мясорубки на части разорвать.

И болтики в нее швырять бесполезно. Реагирует только на живое. Чувствует, что ли? Иногда мне кажется, что зона и ее аномалии живые. Что в некотором смысле они разумны. Не знаю, сами аномалии или зона в целом, но какой-то разум в этом присутствует.

Воронка карусели не стояла на месте. Она двигалась. И, по счастью, не в мою сторону. С замиранием я наблюдал, как мини-торнадо пересекает мой путь, уходит левее.

В глотке пересохло. Я судорожно сглотнул, но слюны, кажется, не осталось. Ноги отказывались двигаться. Так и стоял, как громом пораженный. Мне было не просто страшно, а жутко до икоты. И вовсе не от карусели, видел я их на своем веку. И как в них попадают, видел. И что от попавшего в нее остается, тоже наблюдал. Зрелище малоприятное, но не смертельное. Пугало другое — само наличие карусели в тумане.

С самого начала блуждания в этой белесой беспросветной дряни я принял на веру, как постулат, как догму, что аномалий и мутантов тут нет. Сам туман пугал и создавал проблемы, Кабан со своей кодлой создавал проблемы. Но от иных проявлений зоны, казалось, мы избавлены. Сейчас выяснилось, что это лишь самообман.

Зона здесь была полноценной, только скрытой от глаз непонятным туманом, а значит, еще опаснее. А я, наивный кретин, поверил, что здесь нет привычной опасности. Господи, как угораздило не нарваться только? Как удалось? Это ж какое везение надо иметь. Если пруха — штука лимитированная, то я, наверное, свой лимит на год вперед исчерпал.

И не я один. Знал бы Кабан, на что может нарваться, наверное, не бегал бы даже за мной. Даже ради денег и спасения жизни. Умереть ведь тоже можно по-разному. У зоны гуманных способов не бывает. Так что, всегда лучше на пулю нарваться.

— Спасибо, — тихо произнес я.

К кому обращался? К богу? Никогда в него не верил. К аномалии? Глупо. К зоне? Я прислушался. Ответа не последовало. Все то же самое, что и раньше. Влажная тишина. Туман. Всей разницы только вернувшееся ощущение опасности.

Не расслабляйся!

Всматриваясь и вслушиваясь в окружающую реальность, я неспешно пошел дальше. Положение складывалось двоякое. С одной стороны, кто предупрежден, тот вооружен. Я знаю, чего ждать от зоны, другие — нет. Значит, они скорее нарвутся на неприятности. С другой стороны, я со своим знанием теперь не побегу. Никогда, ни за какие коврижки. Разве что крыша от страха съедет. А Кабану никто не мешает двигаться с любой удобной скоростью. И тут он в выигрыше. Он о наличии аномалий в аномальном тумане не догадывается.

Страусовая политика: не видно — не страшно. Жаль, я не могу подойти к Васке и рассказать, чем он рискует. Хотя Кабан отморозок. Даже если будет знать, не факт, что начнет осторожничать.

Стоп. Кажется, я увлекся и утопал слишком далеко. Закопошилась мысль, а вдруг как я опять сейчас начну ходить на одном месте, пока не добреду до какой-нибудь несуществующей избушки на курьих ножках с несуществующей бабой-ягой внутри. Я поспешил отогнать поганую мыслишку. Не о том надо думать.

Хлюпика надо найти. Причем искать придется ошупью. Не звать же его в сложившейся ситуации. А то так недолго и товарищей накликаешь, которые мне совсем не товарищи.

Я забрал в сторону, развернулся на сто восемьдесят и пошел обратно. Не покидало ощущение дежа вю. Только если в прошлый раз я орал и меня нашли, то сейчас я нем как рыба, и хрен меня кто найдет в случае чего.

По счастью, ощущение уже виденного осталось на уровне ощущений. Еще пара десятков шагов — и впереди возникли неподвижные пятна. Тени. Рядом трепыхалось пламя. Теперь каждый шаг я делал особенно тщательно, взвешенно. Если мои предположения верны, то с Хлюпиком остался кто-то один. И я захожу сейчас со спины.

Расчет оказался верным. Это стало ясно уже через несколько шагов. Костер понемногу издыхал. Хлюпик лежал рядом с ним на боку. Рожа у него была страдальческая. В паре шагов от Хлюпика сидел, подложив рюкзак под зад, Снейк. Викинг, кажется, смотрел только на пленника, и больше его ничего не волновало. Впрочем, судя по его неподвижности, его и пленник-то не шибко волновал.

Чуть позади него мертвой грудой остались сваленные рюкзаки и лишнее оружие. Ближе ко мне, очень удобно привалившись к куче, стоял «калаш». Хлюпиков кажется. Сердце забилося чаще. Стараясь не издать ни единого лишнего звука, я крадучись двинулся к куче снаряги.

Шаг, еще шаг. Только тихо. Вздрыгнул заметивший меня Хлюпик. Я остановился и поднес палец к губам. Как будто он мог что-то сказать с кляпом в глотке.

Еще шаг. Хлюпик скосил взгляд на Снейка, и в глазах его метнулась паника. Связанный посмотрел на меня с такой непередаваемой тоской, словно случилось непоправимое. Неужто Снейк меня заметил? Если судить по глазам Хлюпика, то я готов был в этом поклясться. Но белобрысый бородач сидел неподвижно, как ни в чем не бывало.

От груди снаряги меня отделяли всего несколько шагов. Наплевав на осторожность, я быстро преодолел расстояние и схватил автомат.

С «Калашниковым» я почувствовал себя значительно спокойнее, хотя сердце по-прежнему гроыхало, норовя выскочить из груди любым удобным способом, например, через горло.

Адреналин, однако. Не верьте тому, кто скажет, что в зоне не страшно. Здесь страшно всегда. Особенно когда к самой зоне добавляются люди. А тот, кому не страшно, либо дурак, либо бравирует. Дураки долго не живут. Бравада никого до хорошего не доводила.

Я вскинул «калаш» и, уже не таясь, щелкнул предохранителем. Ствол автомата глядел в спину бородастого. Снейк по-прежнему не шевелился, хотя теперь уже ему было понятно, что мое присутствие для него не секрет.

— Встань, — хрипло приказал я.

— Бери то, за чем пришел, и уходи, — тихо произнес он, не двигаясь с места.

Снейк по-прежнему сидел на рюкзаке, и на коленях у него покоился автомат, которым он отчего-то так и не воспользовался.

— Встань, — повторил я. — Оружие на землю, руки на затылок. И не вздумай дернуться. Одно движение и я стреляю.

Бородач тяжело вздохнул. Рука подняла автомат. Я почувствовал, как палец на спусковом крючке становится влажным. Но опасения были напрасными. Снейк неторопливо выставил вперед руку с автоматом и опустил оружие на землю. Затем встал и повернулся ко мне.

На лице его была недовольная мина. «Мне не нравится команда. Мне не нравится капитан. И вообще... Что? Да! Мне вообще ничего не нравится». Кто это сказал? Не помню. Реплика всплыла сама собой, уж очень бородастая рожа к ней подходила.

— Развяжи его.

Снейк нехотя подошел к Хлюпику, легко поднял его на ноги. Поставил, как взрослый мужик ставит на ноги ребенка.

— Быстрее, — поторопил я.

Викингообразный дернул кляп и принялся распутывать узлы на запястьях. Хлюпик закашлялся. Он заходил долго. До хрипоты, до рвоты. Я поспешно оглянулся, не приперся ли кто на голос.

— Спасибо, — просипел Хлюпик, утирая рот освободившейся рукой.

— Потом, — отмахнулся я. — Иди сюда.

Хлюпик послушно направился ко мне. Спотыкаясь и беспрерывно потирая запястья. Не чувствует, что ли? С непривычки от такого онемения страшно становится. Вот когда пару дней связанный поваляешься и знаешь, что даже после такого руки отходят, привыкаешь и успоаиваешься. Главное, чтоб сильнее, чем нужно, не перетянули. Хлюпику и не перетянули. Это меня вязали так, что глаза навек. К Хлюпику серьезно никто не относился.

С другой стороны, ему это сейчас утешение слабое, да и не сказал я ему ничего. Ладно, берем свое и уходим. И так как-то странно все вышло. На удивление легко, будто подвох какой.

— Бери рюкзак, — велел я Хлюпику.

— Не могу, — пожаловался тот, чуть не со слезой в голосе. — Не чувствую ничего. Только колет.

Колет — это хорошо. Вот если б не кололо, тогда да, повод напрячься. В тумане, кажется, что-то мелькнуло. Но я не успел заметить. Снейк переступил с ноги на ногу.

— Не дергайся, — велел я ему. — Одно лишнее движение, и я стреляю.

— Не трогай его!

Все же мне не показалось. Тень там была. Из тумана возникла фигура, приблизилась. Мунлайт шел спокойно и уверенно, поигрывая ножом в левой руке. Кажется, он говорил, что левша, припомнил я, переводя дуло автомата.

9

Мун подошел ближе. Нож в его руке действовал мне на нервы. Его же направленный в брюхо автомат, кажется, не трогал вовсе.

— Не двигайся, — предупредил я. — Стой, где стоишь.

— Здравствуй жопа, новый год, — фыркнул Мунлайт, но остановился. — Чего тебе опять в голову стукнуло?

— Мне не нравится твой нож, — честно признался я. Мун ухмыльнулся издевательски:

— А мне твой автомат. Слушай, Угрюмый, ну не дури.

Он снова двинулся ко мне навстречу.

— Стоять! — рявкнул я. — Еще один шаг — и стреляю.

Мун замер, на лице появилось раздражение. Хлюпик жался рядом, нервно разминая запястья. Интересно, он до сих пор не в состоянии шмотки взять или уже забыл все напрочь?

— В чем дело? — сердито поинтересовался Мунлайт.

— Это ты мне объясни, — парировал я.

— А чего объяснять? Я пришел.

— И требуешь, чтобы я не стрелял во врага, — кивнул я на Снейка.

Тот выставил вперед руки. Я дернулся, переводя ствол автомата в его сторону.

— Мужики, мужики, — забасил бородатый. — Кончайте гнать. Я...

— Он... — начал в тон ему Мун, снова начиная двигаться.

— Стоять! — проорал я.

Если мне кто-нибудь прямо сейчас не объяснит, какого хрена здесь происходит, я положу их всех на месте. Я уже собирался потребовать объяснений, когда позади Мунлайта послышались голоса. Мунлайт чертыхнулся в голос. Снейк резко обернулся, и это решило исход дела.

Палец на спуске дрогнул. Автомат плюнул короткой очередью. Бородатый взвыл и повалился на землю. Очередь прошла Снейку по ногам. Мун, так и не посмотрев назад, дернулся ко мне с воплем: «Какого хрена ты делаешь?»

А еще через секунду издали раздались выстрелы, замелькали тени. Я резко обернулся и, пинками подгоняя Хлюпика, начал отступать. Мунлайт метнулся следом.

Сзади трещали выстрелы, слышались яростные вопли, но видно сейчас никого не было. Хлюпик попытался бежать. Я резко схватил его за плечо и притормозил.

— Не бегать, мать твою. Хочешь жить, иди за мной. Главное сейчас — оторваться. Шум приближался.

Я резко повернул в сторону, шагов через двадцать еще раз.

Злой, как черт, Мунлайт топал рядом. Не знаю, враг он, сочувствующий или так, пописать вышел, но хотя бы достало ума сейчас молчать в тряпочку, и то радует.

Звуки преследования снова стали нарастать и приближаться. Хлюпик вопреки приказу нагнал, поравнялся и топал плечом к плечу.

— Почему мы не...

— Заткнись. — Шепот вышел змеиным, едва слышным, но настолько агрессивным, что Хлюпик резко отстал, не решившись спорить.

Из тумана выплыл черный силуэт. Я вздрогнул, но тут же успокоился. Дерево. Обойду правее. Дерево осталось в стороне, а потом и вовсе исчезло так же быстро, как и возникло.

Следом за Хлюпиком поотстал Мунлайт. Хоть бы он совсем уже отстал. Я на секунду задумался, хочу ли я этого на самом деле, или просто ворчу про себя со злости. Ответа не было. Терять опытного напарника в сложившейся ситуации паршиво. Терять человека, к которому не знаешь, как относиться, бесполезно. С другой стороны, так в тумане станет на одного врага больше. И пока есть вероятность того, что он враг, пусть будет лучше на виду. Так спокойнее. Хотя...

Позади раздались выстрелы. Очень далеко. Вернее, очень глухо. Их подхватили чуть в стороне. Еще и еще. Затем все стихло. Дерево они там, что ли, обстреляли? Или друг на друга наткнулись в тумане? Вот перестреляли бы друг друга сами, все спокойнее. И руки пачкать не придется.

Я сделал еще один резкий поворот и пошел быстро, как только мог. Но бежать не собирался. Сзади больше не доносилось ни звука. Отстали. Приостановившись, я обернулся. Оба здесь. И Хлюпик, и Мунлайт. Хлюпик руки больше не трет, но так и остался налегке. Урод, хоть бы оружие прихватил. Мунлайт оглянулся и сурово посмотрел мне в глаза.

— Ты чего творишь? — тихо зашипел он. — Со страха совсем крыша съехала? Ты зачем Снейка подстрелил? Я же сказал...

— Я тоже сказал, — быстро и тихо заговорил я. — Сказал, чтоб он не шевелился. Кроме того, жить будет. Похромает немного, потом все будет в порядке. И вообще, что он тебе?

— Притырок, — сказал как сплюнул Мун. — Если бы не Снейк, ты бы сейчас шлялся хрен знает где со связанными отваливающимися руками и думал, как бы развязаться. Это он мне нож сунул. И бежать помог.

Дурдом. Автомат по-прежнему смотрел Муну в пузо. Я опустил АК и впился пальцами в виски. Кто-нибудь объяснит мне, кто в этом тумане враг, кто друг? Я уже ни черта не понимаю.

Безвольно повисший на ремне «калаш» ощутимо ударился в бок. Мун смотрел зло, как будто я ему по больным мозолям прошелся. С другой стороны, мог бы и объяснить вовремя, что к чему. А то нож ему «маркитантка юная принесла». Вот пусть и не обижается теперь, что маркитантка юная убита, вернее, ранена.

— И чего мы теперь крадемся? — ядовито продолжал Мун, чувствуя мое смятение. — На цыпочках ходим? Нас гнали, а ты ползешь, как черепаха. Думаешь, тебя так не услышат?

— Да, — поддержал Хлюпик. — Нас ведь поймать могли. Хорошо, что туман.

— Бегать нельзя, — коротко бросил я и, повернувшись к Муну, добавил: — Я карусель видел.

Мунлайт присвистнул. Сразу сообразил, что к чему. Хлюпик мялся, борясь с желанием понять, о чем речь.

— Где видел? — коротко спросил Мун.

— Здесь где-то, — отмахнулся я. — Тут не разберешь, где находишься, а ты вопросы задаешь достойные Хлюпика.

Хлюпик насупился. На лице нарисовалось «А чего сразу Хлюпик?». Но сдержался.

Ладно, хватит на месте топтаться. Показав попутчикам спину, я пошел дальше. Спокойно, размеренно. Не медленно, но и не так быстро, чтоб с разгону влететь в аномалию и не заметить.

— Куда дальше? — спросил Мун.

Я молча взмахнул рукой, указывая прямо. Куда идем, туда и идем. А что еще ответить, если я даже приблизительно не понимаю, где мы? Если упремся в лес, значит, явно пришли не туда.

— Значит, за вещами возвращаться передумал, — окликнул Мунлайт.

Отвечать не хотелось. Желание перестрелять бандитов и отыграть свое испарилось. Причем не как туман, который стоял непроглядной стеной и редеть не собирался, а на самом деле испарилось. Автомата хватит, чтобы кое-как добраться до людей. На крайняк у Муна еще нож есть.

Мысль о том, что все это самообман, уверенно лезла в голову и не отступала, как бы ее ни гнали. В самом деле, достаточно одной стайки слепых собак или горстки кадавров, с которыми мы сталкивались по пути сюда, чтобы один автомат стал годен только на то, чтобы по-скорому пристрелить Муна с Хлюпиком, а потом застрелиться самому.

— Угрюмый, — позвал Мун.

Я неотреагировал. Шел, сосредоточенно глядя перед собой. Под ногами захлюпало. Сперва размокшая глина, потом появилась вода. Немного, по щиколотку. Только болота не хватало.

Болота, к слову, мы не проходили. Значит, идем не туда, куда шли. И не туда, откуда пришли. Куда? Хороший вопрос. Ответа я не знал. Знал только, что если упремся в лес, то можно разворачиваться и идти обратно.

— Угрюмый!

Господи, уж лучше бы на аномалию напороться, только б не отвечать.

Волной накатилась апатия. Все, к черту, устал. Надоело. Дайте мне выйти отсюда. Верните мне комнату у барыги-бармена, водку с консервами и прогулки за артефактами до свалки, ну или еще где-то рядом.

Скоро зима. Я хочу сидеть возле своей буржуйки. Греться огненной водой и забыть имя Хлюпик, с которым связаны только идиотские фантазии о походах к несуществующему Монолиту и не менее глупые, хоть и благородные, фантазии о том, что кто-то кому-то чем-то обязан. И погоняло Мунлайт, которое напоминает о несусветном раздолбайстве, тотальной

неописуемой нелогичности и предательстве, я тоже хочу забыть. Дойти до дома, купить им оружие, снарядить по полной и отправить на все четыре. Пусть дуют хоть к Монолиту, хоть к Папе Римскому, хоть к волшебнику Изумрудного города.

— Угрюмый.

— Ну, чего еще? — не выдержал я.

— Не туда идем, — с легкой издевкой сообщил Мунлайт.

— Идите, куда хотите, — буркнул я.

— Угрюмый, — опасно вмешался Хлюпик. — Ты чего?

Я повернулся и рубанул взглядом по обоим.

Ничего! Надоело! Все! К чертовой матери! И главное, какого хрена? Все орали, что Угрюмый — это такая нелюдима сволочь, которая никому не доверяет и живет где-то там, сам в себе. Теперь получается, что ни хрена подобного. Угрюмый — это наивный доверчивый идиот, которым вертят как хотят. Все и каждый.

Один тащит к Монолиту, сам даже не удосужился сказать, зачем мы туда премся. Надо, видите ли. Зачем? За квартиру в сталинской высотке. Да не за квартиру я его туда потащил, а потому, что человека в нем увидел. А он? Что он увидел во мне? Универсальное средство достижения цели.

Другой тащится к Монолиту, потом оказывается, что Монолит ему не нужен, а просто он сдал меня с потрохами. Или Монолит и сталинская хата все-таки нужны? Потом он помогает мне бежать, потом снова чуть не сдает. Оказывается, не сдает. Но зато имеет наглость делать меня в чем-то виноватым. Хорошего человека я, видишь ли, подстрелил.

Этот «хороший человек» уже третий. Шапочное знакомство. Не скажу, что я к нему плохо относился или хорошо. Сталкер и сталкер. Но почему-то этот сталкер, этот хороший человек, рубаха-парень вдруг оказывается в компании бандитов, которые готовы меня отправить на тот свет. И я виноват, что его покалечил.

А я, как самая недоверчивая, нелюдима, угрюмая сволочь, всем им верю. Иду неизвестно куда, неизвестно зачем. Подыхаю десять раз на дню. Не за деньги, а исключительно из человеческого расположения. И за это об меня ноги вытирают. Все вместе и каждый в отдельности.

— Все сказал? — поинтересовался Мунлайт.

Я озверело посмотрел на него и только теперь понял, что давно уже говорю в полный голос. Совсем нервы сдали, если уже настолько за языком не слежу.

— Связки побереги, — не дождавшись ответа, посоветовал Мун. — Здесь сыро, ветер. А ты так напрягаешься. Мы тебя поняли. Теперь поделись идеей, мы налево или направо поворачиваем?

Я лишь устало махнул рукой и повернул налево. Еще какое-то время под ногами хлюпало, потом зачавкала размякшая глина. Я глубоко дышал. Считал до трех. Потом до пяти, до десяти. Не отпускало.

Не то усталость, не то ощущение неясной опасности. Что-то шло не так. В какой-то момент показалось даже, что в ушах свистит, как тогда в подвале.

— Слушай, Хлюпик, — подал голос Мунлайт. Л все-таки?

— Чего?

— Вот на фига ты сюда приперся? Угрюмый понятно, что в зоне делает. Ему место концентрации дерьма до зарезу нужно. У него иначе особенности реальности с внутренними потребностями не гармонируют.

Голос его звучал на одной ноте. Слова плыли и проплывали, не задерживаясь в голове. Я слушал зону, а не сталкера. Но сталкер бубнил, а зона молчала, и затишье меня настораживало.

— Со мной тоже все ясно, — продолжал Мун.

— Не все, — огрызнулся Хлюпик. — Чего тебя сюда принесло?

— А ты как думаешь?

— Деньги? — предположил Хлюпик.

— Деньги, — глухо повторил Мунлайт. Голос его едва заметно дрогнул. — Нехай будут деньги. А ты? Чего ты сюда приперся?

Хлюпик не ответил. Только сопел и пер вперед, чавкая глиной.

Я вслушался в тишину, но вокруг по-прежнему не было ничего, кроме ощущений и тумана. Можно было снова списать все на паранойю, но ощущения меня еще не подводили. Даже в ситуации с Муном, как показала практика.

— Ты в чудеса веришь? — спросил Хлюпик.

— В смысле? — опешил Мун.

— В прямом. Вот бывает ситуация, когда выхода нет. Никакого. И надеяться остается только на чудо. Понимаешь?

— Безвыходная ситуация — это ситуация, выход из которой тебе не нравится, — заученно проговорил Мун.

— Хорошо. Выход тебе не нравится, — согласился Хлюпик. — И ты хочешь найти другой выход. Тот, которого нет. И веришь, что это возможно.

— Ну, — поторопил Мун.

— Вот за этим я здесь, — отозвался Хлюпик. — Мне нужен Монолит, потому что другого выхода нет. Осталось только в чудо верить. Ситуация такая, что...

— Тихо, — оборвал его я.

Хлюпик мгновенно заткнулся. Напрягся Мунлайт. Я чувствовал его напряжение каждой клеточкой спинного мозга. А еще я чувствовал, что за нами давно следят. Даже сквозь туман. И сейчас мы на грани какой-то черты, за которой нас уже не ждет ничего хорошего. Наверное, так дикий зверь чует чужую территорию. Вот до этого места можно идти, а дальше — смерть. Впрочем, не знаю. Это не знание, а скорее фантазии, придумки.

Я остановился. Вскидывая автомат, попятился. Наткнулся на Хлюпика и чуть не выстрелил. Спас предохранитель. Чертыхнувшись, поставил на одиночные и отступил еще.

На этот раз впереди было не дерево и не Васька Кабан. Если только это не очередной бред, вступивший мне в голову. Рефлекторно потянул носом. Ноздри защипало изнутри от запаха сырости и гнили.

Нет, это был не бред. Фигура впереди покачнулась. Я выстрелил на опережение, но промахнулся. Он выскочил из тумана. Уродливый, сутулый, с букетом не то щупалец, не то хоботков, не то соплей вместо носа и рта. Кровосос!

Стоявший позади Мун отпихнул раззявившего рот Хлюпика. Выкинул перед собой руку с ножом. Бесполезно, но на автомате чего только не сделаешь.

Лезвие разрезало воздух. Мутант пронесся мимо и отлетел обратно в туман. Не далеко. Ровно настолько, чтобы видеть жертву, а жертвой сейчас были мы трое.

Кровосос развернулся, показывая нам страшную, как смертный грех, харю.

В каком-то старом фильме, кажется, про пиратов, был такой персонаж, у которого ниже глаз на половину рожи рос кусок осьминога. Ни носа, ни глотки, только щупальца. Вот если того персонажа раздеть донага и хорошенько изуродовать, то вполне себе кровосос выйдет. А вообще знали бы создатели того фильма, что их придумка будет разгуливать нагишом где-то под Чернобылем, да не одна, а с соплеменниками... Интересно, что бы они на это сказали?

Палец лег на спуск. Я выстрелил. Потом еще и еще. Кровосос уходил от пуль молниеносными движениями. Как искусный тореадор от безмозглого быка.

Мунлайт сориентировался довольно быстро. Схватив Хлюпика за шиворот, потащил в сторону. Все правильно, если нельзя сопротивляться, можно убежать. И тот дурак, кто скажет, что бегать — трусость. Не зазорно убежать от лавины или извергающегося вулкана. Оставаться и махать на извержение кулаком — глупость. Такая же глупость — пытаться справиться с кровососом голыми руками. А с одним ножом в руках — это, считай, голыми руками. От кровососа и убежать безоружным почти невозможно. А смерть от его лапок страшная, лютая. Так что какой уж тут стыд.

Тварь увидела маневр, осознала, видимо, что жертва может убежать, и бросилась наперерез. Я выстрелил. Мимо. А, черт!

Не время считать патроны. Перевел предохранитель на беглый огонь. Хотя и понимал, что потом пожалею, но если сейчас пожалеть, то «потом» может не быть вовсе. Снова выстрелил, стараясь предугадать движение кровососа.

Стрекотнула очередь. Руку повело отдачей. Кровосос дернулся, взвыл и, изменив траекторию, скрылся в тумане. Муна с Хлюпиком я тоже теперь не видел. Зато где-то рядом, совсем недалеко, кто-то утробно взрыкивал. Явно не сталкер и уж тем более не Хлюпик.

Вертясь, как раскрученный волчок, я поспешил туда, где исчезли Мун с Хлюпиком. Где они сейчас? И звать ведь нельзя. Только крикни, сразу все сбегутся. И кровосос, и Васька со товарищи. Хотя эти могут и на выстрелы прискакать, если, конечно, их слышали. А выстрелы — не бубнеж, их издалика слышно. Хотя здесь понятие «издалека» тоже субъективно, а все-таки.

Кровососа я встретил раньше, чем своих попутчиков. Тварь с «щуплой» физиономией выскочила на меня вдруг. Я подпрыгнул и выстрелил. С перепугу опять промазал.

Мутант тоже не был готов к нашей встрече. Он промчался мимо меня. Но скорость не сбросил и на полном ходу перешел в режим «стэлс». Просто растворился. На этот раз не в тумане, а прямо в воздухе.

«Стэлс» — название для этого состояния не официальное. Но среди сталкеров закрепилось. Как это называют и объясняют ученые умники, понятия не имею. Так же как не знаю, каким образом создается этот эффект. Может, это телепатия, может, мимикрия, может, оптический обман зрения. Но то, что кровососы умеют при желании исчезать без всяких шапок-невидимок, — факт.

Отбежав чуть в сторону, я оглянулся. Никого. Прислушался. Вокруг шуршало, шлепало, двигалось что-то невидимое в тумане, а может, и вовсе невидимое. Движение ощущалось теперь с нескольких сторон.

Постоянно оглядываясь, я двинулся в направлении, где, по моим прикидкам, могли находиться Мун с Хлюпиком. Главное теперь только не ошибиться и не найти вместо них кровососа. Лучше сдохнуть под гидравлическим прессом, чем в объятиях кровососа.

Сам я кровососа за едой не видел, но если верить рассказам, то жертву он не убивает. Просто впивается своими щупальцами в шею и парализует. А потом из живого человека, который даже мизинцем пошевелить не в состоянии, высасывает все жизненные соки до последней капли.

От выпитого кровососом человека остается сушеная тушка, похожая на мумию из музея имени русско-африканского поэта. Но это случается не сразу. Кровосос меру в еде знает. Потому может сожрать свою жертву за один раз, только если две недели ничего не ел. В противном случае поедание может растянуться надолго. Человек при этом остается парализованным, но в полном сознании. Какие мучения он чувствует, одному аллаху ведомо, но я лично предпочел бы этого не знать. Лучше подышать час в руках самого изощренного садиста, чем умирать неделями, будучи завтраком, обедом и ужином кровососа.

Впереди что-то замельтешило. Вернее, кто-то. Повернувшись вокруг своей оси и еще раз окинув взглядом окрестности, насколько позволяла видимость, я ломанулся вперед.

Мне повезло, это были свои. Мунлайт упорно шел вперед, стреляя взглядом по сторонам и волоча за собой вяло упирающегося Хлюпика. Вот только обрадоваться я не успел.

Чуть правее перед моими спутниками возник силуэт. Вскинулся, выпятив перед собой автомат.

— Стоять, — радостно гаркнул Карась, выступая из тумана.

Мун остановился и отпустил Хлюпика. Ножом воспользоваться не успел. Да и какой фраер полезет с ножом на человека с автоматом? Я хотел отступить, но Карась успел меня заметить.

— И ты тоже, — качнул стволом в мою сторону.

Я и без его подсказки стоял. Вот только что теперь делать? Стрелять в меня он, ясно дело, не станет. Ему Кабан, если что, за меня автомат в жопу вставит и весь рожок высадит до железки. А вот пристрелить Муна или Хлюпика, чтоб меня урезонить, думаю, сможет не

напрягаясь. На Муна-то наплевать после всех его фокусов. Да и вообще он мальчик взрослый и самостоятельный. А вот Хлюпик на моей совести.

— Попались, голуби, — радостно хихикнул Карась. — Вы главное не дергайтесь, ща Васютка придет и решит, чего с вами делать. А ты, упырь, автомат на землю клади, а то...

— А то что? — сурово пробурчал я. — Лучше ты ствол бросай.

Я прицелился. Он напрягся. Палец на спуске стал влажным. Выстрелить бы сейчас. Попаду. С такого расстояния с первого раза уложу. Вот только он ведь тоже может успеть выстрелить.

Сбоку хрюкнуло. Совсем рядом. Что это, я понял раньше Карася и шарахнулся в сторону. Тот заорал что-то невнятное, но мне было теперь не до него. Я увел автомат в сторону и выстрелил.

Кровосос возник совсем рядом, шагах в пяти. Возник из воздуха, как голограмма в фантастическом кино. Только не было и вот вам — пожалуйста. Карасевые вопли стали более осмысленными, но совершенно нецензурными. Он все-таки выстрелил. Но не в меня и не в Муну с Хлюпиком. По счастью, цель теперь была другая.

Пули прошли мимо. Мутант снова перешел в режим «стэлс» и исчез, словно не было. Я шарахнул по тому месту, где только что была тварь, но, кажется, снова опоздал.

— Назад, — велел я Муну.

Тот среагировал мгновенно. Схватил ошалевшего от всего Хлюпика за хобот и поволок в туман. Я попятился следом.

Карась задержался, переводя автомат с невидимой цели на видимую, но не такую опасную.

— Стоять же! — как-то совсем по-детски потребовал он.

— Лучше беги, — посоветовал я.

Хоть и враг, а смерти в лапах кровососа и врагу не пожелаешь. Как в воду смотрел. Карась дернулся. За его плечом материализовывалась тварь. Я вскинул автомат и пальнул. Мутант снова исчез и, по всей вероятности, снова ушел от пули. Перепуганный Карась шарахнулся в сторону, повалился навзничь и кубарем покатился по сырой раскисшей земле в сторону, где из тумана выскакивали двое знакомых мордovorотов.

Этих мне только не хватало. Я поспешил уйти.

— Не двигайся, сволочь, — окликнул басовито один из одноййцевой парочки.

Сейчас, как же! Только шнурки поглажу. Наплевав на требования, я побежал спиной вперед следом за успевшим смыться Мунлайтом, продолжая держать на прицеле не столько людей, сколько пространство между нами.

Карась суетливо поднимался на ноги. Парочка рванулась за мной, не решившись выстрелить.

— Тормозите, — взвигнул Карась. — Там...

— Твою мать! — заорал второй.

Я выстрелил напоследок по возникшему ниоткуда кровососу, повернулся и дал деру. Почти бегом. Ждать, чем дело кончится, не собирался. Неинтересно. Сзади заорали на великорусском. И прежде чем удаляющиеся крики заглушили звуки выстрелов, я успел почерпнуть пару незнакомых трехэтажных конструкций. «Двое из ларца» говорили редко, но метко.

Преследования не было. Им теперь не до нас. Выстрелы и крики понемногу отдалялись. Я вслушался, пытаюсь определить, где теперь мои попутчики, но услышать их не смог.

Ладно, будем надеяться, что Мун шел прямо и никуда не сворачивал. Иначе я их могу до конца жизни искать.

Зачатки болота остались за спиной. Под ногами снова была пожухлая мокрая трава. Ранняя осень в этом году. Ни тебе бабьего лета, ни солнышка напоследок. Хотя для бабьего лета вроде рано. Но деревья облетают и трава жухлая тоже прежде времени. А еще говорят, природу не обманешь.

Если человечество спровоцировало появление зоны, то уж обмануть матушку природу с ее климатическими порядками и создать климатический хаос нам раз плюнуть.

Я остановился, прислушался. Выстрелы продолжали стрекотать, но очень далеко. На грани слышимости. Держатся еще, бродяги. Чего-то долго. Кровососа в три ствола можно было бы уже и положить. Хотя раз на раз не приходится. И потом, где одна тварь, там и две запросто могут быть. Но с другой стороны, три ствола и запас патронов.

Воспоминание о патронах обожгло неприятным ощущением. У меня-то после всей этой круговерти в рожке, дай бог, меньше половины осталось. И другому рожку взяться неоткуда, разве что от сырости.

В голове завертелись мысли о бездарно потраченном боезапасе. Еще чуть — и автомат станет бесполезен. Что тогда? Снова пытаться с одним ножом на троих до людей добраться?

На троих? Оптимистично звучит. Для того чтобы был один нож на троих, надо сперва тех двоих с ножом найти. Очень захотелось крикнуть, но я не рискнул. Конечно, Карась с мордоворотами если и живы до сих пор, то поотстали прилично, но остается Васька Кабан. И где он ходит, не знает никто. Уж мне-то это точно неизвестно. А накликать себе Кабана на задницу как-то не хотелось.

Автомат на предохранитель я ставить не стал, перевел на одиночные и так и оставил. Только палец со спускового крючка вынес на всякий случай. А то так недолго и без ноги остаться. Сколько таких балбесов было, которые спотыкались и сами себе ноги дырявили.

В глотке першило, жутко хотелось кашлять. Я тихонько прочистил горло, но сильно легче не стало. Не хватало еще простуду поймать в этой сырости. Мало мне ноющей ноги.

Словно напоминая о себе, ощутимо потянуло ногу. Вспомнил на свою голову.

Тихо чертыхаясь и поминая свежеперенятые трехэтажные конструкции, я прибавил шагу.

10

Вскоре стало ясно, что ни Хлюпика, ни Мунлайта я так не догоню. То ли я опять попал в какую-то ловушку и бегаю не то на месте, не то по кругу, не то вовсе лишь в собственном бреде, то ли они взяли другое направление, а только не было их.

Туман стал редеть. Неужели вышел? Но не тут-то было. Просто поднялся на холм. Здесь было чуть лучше с обзором, но преимуществ это мне никаких не давало. Все, что я видел, — редкие общипанные кусты и склон, по которому только что вскарабкался. Причем ниже по склону, сколько хватал глаз, все терялось в густой молочной дымке.

Черт. И в какую сторону мне с этого холма спускаться? Вперед? Назад? Где и кого теперь искать? А может, сесть здесь и ждать, пока кто-нибудь не выползет из тумана? Бредишь, Угрюмый, не иначе решил на старости лет в царя горы сыграть.

Но вопрос выбора направления оставался открытым. Я посмотрел туда, откуда пришел. Вид был такой, как над кипящим варевом в закрытой кастрюле с прозрачной крышкой. Видно, что что-то варится, видно, что кипит, но за избытком пара понять или разглядеть что-то невозможно. Здесь — то же самое. Только в отличие от пропаренного пространства, где влажно и душно, тут сыро и промозгло.

Я закашлялся. В груди скребло, словно там повисла, вцепившись когтями, кошка и карабкалась куда-то вверх, из последних сил противясь земному притяжению. Только этого мне до полного счастья и не хватало.

Понимаю, что пару столетий назад от простуды, которую тогда называли чахоткой, мерли только в путь. Но сдохнуть от простуды в двадцать первом веке, да еще и в зоне... Смешно, ей-богу.

Хотя, если подумать, смешного мало. Обычно я такие штуки вылеживаю и водкой сгоняю. Сутки валяешься бревном, потом — как огурец. Но это дома. А здесь особо не повалешься. Саданет температура под сорок, грохнешься где под кустом, и все. Если сам не окочуришься, то обязательно кто-нибудь придет, поможет.

Я повернулся и взгляделся в туман по другую сторону холма. То же самое. Хотя...

На секунду мне показалось, что в туманной дымке мелькнула какая-то тень. Рука автоматически потянулась к карману, хватанула пустоту. Я чертыхнулся. Тяжко жить без наладонника. Вообще есть некий минимум, без которого можно попытаться выжить, но выживать трудно. А потому к его наличию быстро привыкаешь. ПДА к этому минимуму относится однозначно, тут двух мнений быть не может. Теоретически можно и без него, но на практике: карты, связь, маячки, навигатор и еще куча полезных функций.

Был бы сейчас наладонник, можно было бы понять не только куда я иду, но и где Кабан со своими архаровцами, и Мунлайт с Хлюпиком. Или, во всяком случае, выяснить, есть ли они там, где двигались, как рыба в толще воды, смутные тени.

Но ПДА сейчас был у Васьки Кабана. И это при самом удачном раскладе. А то и вовсе валяется, оставленный вместе с реквизированным у нас барахлом, где-то в тумане, отданный на откуп зоне.

Тень мелькнула и ушла вглубь, растворяясь, теряя очертания. Она словно подгоняла меня, подталкивала к принятию решения. Я поудобнее перехватил автомат и пошел вниз по склону. Туман снова стал густеть. Когда ж он кончится?

Впереди что-то шелохнулось. Я прибавил скорости. Беззвучное мельтешение впереди стало чуть более различимым.

Кто здесь может быть? Мун, Хлюпик? Кабан? Или вовсе нечто постороннее?

— Эй, — рискнул позвать я. — Мунище, это ты?

Ответа не последовало. Тени замелькали ближе. Черт тебя дери, сталкер, ну насвести мне про утро в Лос-Анджелесе и полночных кагэбэшных девок, танцующих в московском кабаке под печально льющемся водку и лунный свет. Ну, спой, что тебе стоит?

Но вместо привычного «Moonlight and vodka» из загустевшего тумана послышалось сдавленное рычание.

Меня пробил озноб. Болтавшийся на плече автомат мгновенно оказался в боевом положении. Я судорожно прикинул, сколько у меня патронов и как надолго мне их хватит. Расчеты выходили неутешительными. Я попятился.

Тени заскользили ближе, разделились и разошлись в стороны. Обходят меня, с двух сторон обходят. Сейчас бросятся. Рык приблизился. Виски заломило, в ушах раздался легкий писк.

Слепые собаки выскочили практически одновременно. Удивительно крупные. Значительно крупнее своих соплеменников. Впрочем, удивляться было некогда. Та, что зашла справа, кажется, бросилась чуть раньше. Или это меня развернуло направо? Я выстрелил, когда собаке до меня оставалось всего ничего. Каких-то несколько метров. Треснуло. «Калашников» не БП, шуму много.

Не глядя на результат, развернулся влево. Зубастая пасть слепой твари была уже совсем рядом. Собака неслась на меня в решающем прыжке. Доля секунды, и ее зубы вцепятся мне в глотку. Понимая, что не успеваю, я судорожно вдавил спуск. «Калашников» задержался в руках, как живой, словно перехватывая мою истерику. Будто вместе со мной прощался с остатками жизни, которую сейчас вырвут собачьи зубы.

Собака дернулась. Тело отлетело в сторону и... посыпалось вниз кучкой праха. Писк в ушах стал чуть тише. Понимая, насколько глупо облажался, я подскочил и повернулся туда, где должна была валяться вторая мертвая тушка.

Ничего там не валялось. Пустота. Зато впереди в тумане что-то взрыкивало и шевелилось. Патронов в автомате не осталось. «Калашников» превратился в бесполезный балласт. Разве что прикладом кого приложить, или использовать, как психологическое оружие, видом давить.

Вот только псайкер — не человек. Собаку видом «калаша» не напугаешь. Я попятился обратно. Впереди рычали. Не то сам пес, не то миражи, которые он создавал. Псайкер может, он телекинетик. Причем не хуже контролера. С той только разницей, что контролер держит твое сознание в своих руках, а псайкер травит его не существующими, хоть и вполне реальными образами.

Говорят, псайкера можно завалить. Я лично ни одного за всю жизнь не пристрелил. Да и было бы чем стрелять. С пустой обоймой я для собачки не больше, чем игрушка. Даже не добыча. Потому что добыча может сопротивляться, а я не могу. Нечем.

Целя в туман бесполезным автоматом, я отступил еще на десяток-полтора шагов, развернулся и рванул обратно на холм. Еще одна глупость, метнулось в сознании. Псайкер может находиться совсем не там, где рычат. Рычать-то и иллюзия может. А собачка-телепат стоит сейчас на пригорке и ждет, когда я, перепуганный дурень, выпрыгну прямо ей навстречу.

От подобных размышлений стоило бы остановиться, но страх гнал вперед, заставляя плевать на логические доводы. И слава богу. То ли я переоценил интеллект хвостатого противника, то ли собака просто была в другом месте, только на холме никого не оказалось. Зато оборвался контакт. Прекратился писк в ушах.

Вскарабкавшись наверх, я обессиленно упал на колени. Дыхание сбилось. Воздух из груди вырывался с хрипами. Снова раздирал кашель.

Я закашлялся, сплюнул. Прислушался к ощущениям. Виски ломило, но чужого присутствия не ощущал. Выходит, псайкеру нет до меня дела. Или он просто потерял меня.

Резко обернувшись, посмотрел назад в туман. Тени активно шевелились, приближались неторопливо, блуждая из стороны в сторону. Как будто искали что-то. Или кого-то.

Не знаю, откуда взялись силы. Еще секунду назад я чувствовал себя смертельно истощенным и напуганным, а тут подскочил и бросился вниз. Но теперь уже в обратную сторону.

Все возвращалось на круги своя. С одной лишь разницей, теперь я был безоружен.

Правое плечо вперед. Я повернул в очередной раз и зашагал прямо. Шагов сто сделаю, потом опять поверну в произвольном направлении. Ничего умнее не придумывалось. Вообще ничего умного в голову не шло. После общения с псайкером в башку лезла только абсолютная дурь.

Где искать выход, я не знал, да и искать его в одиночку не собирался. Где искать Муна с Хлюпиком — тем более не знал. Я не знал даже, где искать место стоянки, откуда мы сбежали и где до сих пор могли оставаться наши вещи и раненый Снейк, если он еще не помер, конечно.

Все, что оставалось, ходить зигзагами. Наудачу. Вдруг опять повезет?

Повезло же с собакой-телепатом? Иначе как объяснить, что я сумел от нее уйти? Удача? Или? Или зона меня ведет. А что, вполне реально. Мне просто показали зубы. Сказали, не ходи сюда. То есть убивать меня в планы местной ноосферы не входило. Убивать меня не надо. Может быть, наоборот, меня хотят вывести. Или напротив, завести куда-то. В любом случае возникает вопрос, как еще может зона задать направление?

Отрезать путь, показать, что здесь пройти нельзя, пустить в обход. Это вполне логично. А если предположить, что зона обладает известной долей разума и самостоятельности, все это вполне вероятно. Что говорит в пользу разумности зоны?

Ну, например, история с собаками. Могли, конечно, сами собаки отомстить за тир, который мы с Хлюпиком устроили. Но навязчивые сновидения собаки, пусть даже псайкеры, пока наводить не научились.

— Прав? — тихо поинтересовался я, поднимая глаза к небу.

Небо молчало. Зона тоже.

Докатился ты, Угрюмый, с зоной разговариваешь. А что в этом такого? Куча придурков общается с фотографиями голых девок, вырезанными из журнала «Плейбой» и прицепленными на стену. Масса народу, иногда даже здравомыслящего на первый взгляд, общается со своими машинами и компьютерами. Это не здесь, в зоне, где крыша едет. Это там, в обычной нормальной, вменяемой жизни. Они разговаривают с бездушным железом и считают, что это железо их понимает. И это нормально.

Так почему бы не поговорить с зоной? Зона имеет, во всяком случае, не меньше прав на разумность, чем компьютер.

На самом деле паршивая отговорка. А если вспомнить, что кто-то давеча чуть мозгами не вскипел и по бабам несуществующим в бреду шлялся, то становится не до смеха и не до философских выкладок, пытающихся объяснить застрявшие в голове бредни.

— Ты разумна? — тихо спросил я. — Ответь.

Я прислушался. Ничего. В ушах чуть снова не запищало, на этот раз от напряжения. Тишина. Что это значит? Либо зона не хочет с тобой разговаривать, либо кто-то все-таки повернулся крышей.

— Скажи хоть слово, — еле слышным шепотом попросил я. — Только намекни, и я отстану.

На этот раз я услышал. Сначала показалось, что в ушах опять что-то пищит. Потом я различил свист. Насвистывание. Кто-то шел и насвистывал мелодию. Теперь она слышалась вполне уверенно. «Moonlight and vodka».

Бредовые мысли о разумности окружающего вылетели с молниеносной скоростью. Мун, зараза! Вот уж не думал, что я буду так радоваться появлению этой продажной сволочи на моем жизненном горизонте.

Я бросился на свист, который оборвался. Но это уже было не важно. Главное — направление понятно. Знаю, куда идти. А он рядом. Еще каких-то полета шагов, и я его увижу. А вместе с ним и Хлюпика. Ведь не бросил же он его.

Расстояние до невидимого сталкера сокращалось. Вот только вместо Мунлайта я нарвался на Карася. Он был один. Видимо, однойцевую парочку похоронил-таки кровосос. Много я бы отдал, чтобы посмотреть ту схватку до конца.

Карась выскочил внезапно, как чертик из коробочки. Не знаю, как это смотрелось со стороны, но, наверное, выглядели мы с ним похоже.

Я отшатнулся. Он шархнулся.

Я подпрыгнул от неожиданности. За него все сказала ошалелая рожа.

Я вскинул автомат. Его ствол уже смотрел мне в брюхо.

— Оружие на землю.

— Клади, — поддержал я. — И руки на затылок.

— Я выстрелю.

Он качнул автоматом, но лицо было таким, как будто в голове включился калькулятор и судорожно высчитывал все плюсы и минусы. Пусть посчитает. Стрелять в меня ему нельзя. В противном случае ему надо бежать, пока Кабан до него не добрался. А я могу, ведь и вправду могу, шархнуть.

На самом деле не могу, конечно, но Карась-то об этом не знает.

— Не будешь, — покачал головой я. — А вот я могу.

Внутри все клокотало от напряжения. Логика логикой, а в чужую башку, тем более такую бесбашенную, не залезешь. По уму, так ему меня убивать не резон, а по жизни... Вот как переклинит сейчас этого шутника доморощенного, как нажмет пальчиком на крючок и сделает из меня дуршлаг. Так что мой блеф на грани фола.

Я впился в него взглядом. Как с собакой. Кто первый отвернет, тот и проиграл. Карась принял игру и вперился мне в зенки, заглядывая внутрь чуть не до самой поджелудочной железы.

Наверное, два мужика в тумане с направленными друг на друга автоматами смотрятся изящно. Особенно если никто ни в кого не палит, а просто пытаются в душу друг к дружке заглянуть.

Когда-то в школе мы играли в такую игру. Главное в той игре было не заржать. Здесь главное было — сломать чужую волю.

Я почувствовал, как намокает спина. Карась кривил губы, лоб покрыла испарина.

— Сидит сталкер дома, — поведал он таким натруженным голосом, как будто сидел на горшке. — Звонок в дверь. Он открывает, а там девочка стоит. Маленькая такая в розовом платице, с дурацкими косичками, огромными бантами и коса в руках. Сталкер спрашивает: «Девочка, ты кто?» Та отвечает: «Я смерть». Сталкер развеселился: «А чего такая смешная?» А девочка: «Я не смешная, я нелепая».

На этот раз не засмеялся даже сам Карась. Не до смеху было.
— Оружие клади, — ледяным тоном повторил я. — На счет «три» стреляю. Раз.
На лице Караса замечались противоречия. Я держал паузу, понимая, что вечно это происходить не может.
— Два, — услышал я будто со стороны свой собственный голос.
Интересно, что будет на счет «три»? Если любитель сталкерских анекдотов окажется упрямее и ствол не опустит. Стрелять-то мне нечем.
Карась закусил губу и отвел взгляд. Все!
— Ствол на землю, — сдерживая триумф, как можно бесцветнее проговорил я.
Карась хохотнул как-то истерично и бросил автомат на землю.
— Теперь ко мне его ногой подтолкни, — попросил я, чувствуя себя сапером, разбирающим взведенную мину.
Еще пара шагов, и я при оружии. Главное — не сорваться. — Ну!
Он чуть ли не с барской небрежностью толкнул ствол. Автомат полетел в мою сторону, замер в шаге. Все, Карасик, сделал тебя дядя Угрюмый. Я бросился на корточки поспешнее, чем требовалось. Рука метнулась вперед к заветной цели. Пальцы ощутили холод металла. Я поднял взгляд на Караса и обомлел.
Прежде чем я успел подхватить чужое оружие, в руке противника появился пистолет. Шустрая сволочь. Вот сейчас он выстрелит, и будет мне розовая девочка с косой.
Время остановилось. Я тянул к себе брошенный Карасем автомат, но автомат почему-то был тяжелым и тянулся мучительно медленно. Значительно медленнее, чем поднималась рука с пистолетом. Карась победно улыбнулся.
Вот теперь мне кирдык...

11

Вся жизнь перед глазами у меня не пролетала. Я не вспоминал ни час зачатия, ни первый раз в первый класс, ни корявый сексуальный дебют, ни то, что было после. Но в голове успел пронестись целый вихрь. Мысли отщелкивали, как отстрелянные гильзы.
Дернуть автомат на себя. Перехватить. Вскинуть. Пусть даже не целиться. Выстрелить. Нет, не успею.
Броситься на Караса. Руку с пистолетом в сторону. Завалить его. Выбить пистолет, а там... Нет, не успею.
Откатиться в сторону и бежать, пока не поздно. Поздно.
Я ничего не успею, даже помолиться.
Весь этот ураган промелькнул в голове за сотую долю секунды, а потом навалилась апатия. Сейчас я умру, ну и пусть. Зато все закончится.
Пистолет в руке Караса совсем остановился. Или время вовсе умерло. Я оторвал взгляд от ствола и поднял глаза на любителя сталкерских анекдотов. Но вместо его глупой рожи увидел почему-то детское личико. Растопыренные, как у Пеппи Длинный Чулок, косички с огромными розовыми бантами.
А еще у девочки не было рта. Но стоило только мне об этом подумать, как слева направо чья-то рука провела неровную красную линию. Словно маркером нарисовали кривую улыбку. Тонкие кровавые губы налились, распухли и потекли. Рука с пистолетом конвульсивно дернулась. Грохнул судорожный выстрел. Пуля ушла в землю.
Я вздрогнул. Нелепое наваждение отступило. Не было больше никакой девочки с косицами. Был только хрипящий Карась с перерезанной глоткой. И чужая рука, еще мгновение удерживающая умирающее тело.
В горле дернулся комок. Я сглотнул. Мунлайт опустил нож и отпустил жертву. Карась повалился на землю и задергался. Так дергаются в деревне куры с отрубленной башкой. Тело уже умерло, но бежит, словно пытается сбежать с того света на этот. А потом валится и

дергается, стараясь ухватиться когтями за жизнь. А рядом пучит глаза и щелкает клювом, пытаюсь объяснить что-то запредельное, отрубленная голова.

Слава богу, грохнулся он лицом вниз, и перекошенной физиономии, льющейся крови и выпученных глазок видно не было. Я, конечно, и не такое видел, но лишний раз смотреть не тянет. Противно.

Мун смотрел на меня с ухмылкой, но ни капли радости в ней не было. Скорее улыбка напоминала жестокий оскал хищного зверя, почуявшего кровь.

— Последняя шутка у него была ничего, — хмыкнул он. — В тему.

— Я девочку видел... — промычал я некстати. Ощущение было такое, как будто из головы вынули содержимое и напихали ваты. Мун посмотрел с нехорошим прищуром.

— У тебя опять мозги киснут? — спросил с угрозой. Может, и киснут. Я тряхнул головой и подтянул к себе автомат, закинул на плечо. Шагнул к подрагивающему телу. Пока Мунлайт вытирал лезвие о Карасевы штаны, я выдрал из стиснутых пальцев пистолет. «Макаров». Пошумнее сделанного на его основе бэпэшки, но, как говорит тот, что перерезал Карасику горло, за неимением горничной пользуют дворника.

Мун убрал нож, сдернул с затихшего Караса рюкзак, полез внутрь.

— Не думал, что буду рад снова тебя видеть, — буркнул я.

— Это типа спасибо? — оскал стал шире.

Я пожал плечами. Пусть считает, как хочет. Я сказал, что сказал, а там уж его проблемы, чего он услышал.

— Где Хлюпик? — спросил я, убирая ПМ в карман.

— Недалеко, — отмахнулся Мунлайт. — Я его оставил и велел не дергаться, пока не позову.

Чудны дела твои, господи, мысленно поразился я. Хлюпику велели стоять и ждать, и он стоит и ждет. Это что-то новенькое.

— Хлюпик! — гаркнул Мун.

Я подпрыгнул от неожиданности. На сталкера посмотрел сердито. На хрен орать. Караса прирезал, так думает, что в безопасности? Из пятерых ушлепков где-то поблизости еще ходит самый опасный. Да и помимо Васьки тут такое может шастать... даже думать не хочется о том, кто тут может шастать.

Хлюпик появился через минуту. Сосредоточенный и взлохмаченный, как дворовый кот. Увидев меня, засветился. Тоже мне прожектор перестройки. Но от его улыбки, как в той песенке, стало чуточку светлей.

Только длилось это не долго. Одного взгляда на труп Караса ему хватило, чтобы потухнуть.

— Что тут у вас? — с запинкой спросил он, не отрываясь от спины Караса, и я еще раз порадовался, что лицезаветная сторона покойника смотрит в землю.

— Похороны звезды отечественной сатиры и юмора, — цинично отозвался Мун. — Он отправился в царство мертвых на поиски Тутанхамона.

— Какого Тутанхамона? — не понял Хлюпик.

— Египетского, — охотно разъяснил Мунлайт. — Из гробницы которого все его шутки вытащены. Так и представляю себе эту картинку. Сидит Тутанхамон, а Карась ему байки травит и ржет. А тот слушает, улыбается вежливо и говорит: «А у нас в Древнем Египте эту шутку рассказывали так...»

Хлюпик отвернулся, с надеждой посмотрел на меня. Мол, кто-кто, но ты-то, Угрюмый, не будешь над смертью шутить. Я шутить не стал, хотя и мог бы. Если над этим не шутить, двинуться можно.

— Иди сюда, — поманил его.

Вынул из кармана ПМ Караса и протянул Хлюпику. От глаз Мунлайта это не укрылось.

— А я чего, рыжий? — поинтересовался он.

Я молча бросил ему «Калашников». Мунлайт подхватил автомат на лету, вскинул, повертел, изучая и взвешивая. Ко мне повернулся недовольный.

— Угрюмый, он же пустой.

Я пожал плечами. Ну да, пустой. Мун ревниво покосился на Хлюпика, пихающего за пояс ПМ.

— Думаешь, Хлюпик при оружии ценнее, чем я? — ядовито поинтересовался сталкер.

Ничего я не думаю. Хлюпик с пистолетом орудует не так лихо, как Мун. Но по крайней мере в спину мне не выстрелит. Я ему нужен.

— Не доверяешь, — ухмыльнулся Мунлайт.

— Нет, — честно ответил я.

— Правильно делаешь, — значительно кивнул он и занырнул в Карасев рюкзак. Вылез он оттуда довольный, как кот, дорвавшийся до сметаны. В руке сжимал свежий магазин от «калаша».

— Я бы на твоём месте тоже никому не доверял, — сообщил он ехидно. — Даже самому себе.

И, насвистывая «Moonlight and vodka», принялся менять рожок. Вот ведь скотина, не без уважения отметил я. Ещё пару дней назад мне казалось, что я знаю этого балагура, выпивоху и удачливого сталкера. Ещё пару часов назад мне казалось, что уж теперь-то я знаю эту сволочь и продажную шкуру. Сейчас я ловил себя на том, что по-прежнему не знаю о своём спутнике ничего. Даже что от него ждать, не знаю.

— Идти надо, — поведал Мун, отшвырнув в сторону пустой магазин. — Я хотел Снейка и вещи найти, но, кажется, это дохлый номер.

Я кивнул. Искать что-то в этом тумане и в самом деле дохлый номер. Как показывает практика, кроме неприятностей, ничего не найдешь. Вот только куда идти?

Мунлайт закончил потрошить карманы мертвого Караса, поднялся на ноги. В руках его мелькнул ПДА. Тренькнуло.

— Надо же, — поразился Мун. — Сеть нашел.

— Выключил бы ты его. Засветишься.

Сталкер отмахнулся. Взгляд его был прикован к экрану наладонника. Хлюпик смотрел на него с немым укором. Для него это по-прежнему акт вандализма. Мародерство. К тому, что мертвых не торжественно закапывают, а небрежно обыскивают, привыкнуть не так-то просто.

Какое-то время Мун ковырялся в наладоннике, задумчиво водя кончиком языка по сколотому зубу. Потом ухмыльнулся и, не выключая ПДА, уронил его на землю рядом с Карасем. Наладонник ещё какое-то время светил экраном сквозь траву, пока не начал медленно потухать, переходя в экономный режим работы.

— Идти надо туда. — Мун махнул рукой в туман.

— Что там?

— Юг, — коротко отозвался Мун. — Холмы, поля, через которые мы шли, ЛЭП твоя любимая. База «Долга». Водка, койка и здоровый сон.

Угу. А ещё кадавры, собаки с телепатическими способностями, аномалии и ещё куча невесть чего. И все это значительно ближе, чем водка и койка. Но на этот раз Мун прав. Пора отсюда выбираться.

Я кивнул. Сталкер закинул трофейный рюкзак на плечо, поудобнее перехватил автомат.

— Стойте, — вмешался Хлюпик.

— Чего еще?

Поймав на себе наши с Муном взгляды, Хлюпик немного стушевался, спрятал глаза, но голос остался твердым.

— Мы же шли к Монолиту. Какая водка?

— Ты к Монолиту с одним пистолетом собрался? — издевательски фыркнул Мун. — Флаг в руки.

— Но...

— Он прав, — тихо отрезал я. — Сейчас другая задача. Хлюпик надулся, но спорить не стал. И потянулся следом за Муном. Я замкнул наше триумфальное шествие. Однако как быстро здесь все меняется.

Топали молча. Но когда дорога пошла вверх, я все-таки не выдержал и поделился с Мунлайтом соображениями относительно псайкера. Сталкер поиздевался, сообщив, что собачке делать больше нечего, как сидеть на одном месте и ждать моего появления. Дескать, с тем же успехом меня там может ожидать посол республики Кот-д'Ивуар. Но двигаться при всем при том стал осторожнее. Шаги насмешника напружинились. А сам он напрягся.

На наше счастье, собачек по ту сторону холма не оказалось. Ни псайкеров, ни слепых, никаких. Мун ослабился и выдал еще пару скабрезностей, поведав, что общение с собачками вышибло из меня остатки и без того скудных способностей к соображению.

Спуски стали все чаще перемежаться с подъемами. Туман чуть заметно поредел. Мунлайт приободрился. Мне тоже ужасно хотелось немного расслабиться, но, глядя на его довольную рожу, я все время себя одергивал. Нельзя. Никогда нельзя расслабляться. Даже если кажется, что самое страшное уже позади. Даже если понимаешь, что хуже уже не будет. Только намекни об этом зоне, и она сразу же объяснит тебе, насколько ты не прав. И на любое твоё хуже некуда тебе мгновенно покажут, что на самом деле есть куда.

Так что радуйся тому, что имеешь, и не показывай своей радости, чтоб тебе ее из вредности не омрачили. Такое правило. Я хмыкнул своим мыслям. При таком подходе немудрено, что ко мне пристало это погоняло. Угрюмый — это еще мягко сказано. Паршивое амплуа, надо заметить.

Странно, почему я об этом задумался? Раньше ведь меня это не трогало. Меня не просто устраивало это амплуа, этот образ существования. Я даже не думал о том, что может быть иначе. Жил надеждой на мечту. А сейчас? Что сейчас изменилось?

А ничего. Просто один угрюмый сталкер вдруг посмотрел на себя со стороны. Посмотрел и малость удивился. Благодаря Хлюпику или Мунлайту. А может, просто стечению обстоятельств.

Неожиданно обрушилось прозрение. Вдруг. Как будто я включил горячий душ, а оттуда, против обыкновения, ударил поток ледяной воды. Все мои правила, весь мой образ жизни, все мои мрачные мысли — все это яйца выеденного не стоит. Что заставило меня уйти в себя, замкнуться?

Жизнь? Чувств собачья. Жизнь — это Мунлайт с его непредсказуемостью, не поддающейся никакой логике, но вполне мирно сосуществующей с его внутренней философией. Жизнь — это Хлюпик с его наивностью и вечными, по-детски наивными вопросами. Он хочет знать. Ему интересно. Все интересно. А я знаю. Вернее, мне кажется, что я знаю. А на самом-то деле знаю я немногим больше его, но в отличие от Хлюпика мне неинтересно. Даже в травившем бородастые плохие анекдоты за минуту до смерти Карасе жизни больше, чем во мне.

Я выстроил себе свод правил. Для чего? Для того лишь, чтобы в своем мрачном мирке обезопасить себя от всего остального мира. Да, я знаю, как безопасно существовать. Никто лучше меня не знает, как топтать зону, таскать артефакты и практически без риска упрочнять свой золотой запас.

Вряд ли во всей зоне найдется еще один сталкер, который заработал бы на зоне столько, сколько заработал я. Но что толку, если я не знаю, что делать с заработанным. А не знаю я этого вовсе не потому, что мне некуда дальше жить. Просто мне страшно порвать устоявшийся малопрятный, но абсолютно понятный и надежный круг. Потому что любое изменение — риск. А рисковать я не люблю. Мне страшно.

Когда-то давно жил на свете паренек по имени Дима. Звенел, как ручей, и бежал куда-то. Торопился жить. А потом в него бросили камень. Один, другой, третий. Во всех кидают. Только паренек не захотел получать больше камнем. И вместо того, чтобы побежать дальше, он остановился. Превратился из звонкого ручья не в речку, а в озеро. Замкнулся, как стоялая вода. Сперва просто стоял, накапливая объем на будущее. А вскоре, сам того не замечая, начал мутнеть. Берега заросли, вода затухла и покрылась ряской. И то, что когда-то, звонко шумя, бежало вперед, заболотилось.

Я сам загнал себя в рамки. Сам убедил себя в том, что жить вне этих рамок не могу. Сам убедил себя в том, что вообще не могу жить. Не способен. И сам же в это все поверил. А

для того, чтобы что-то изменить, надо не просто бежать и звенеть. Надо фонтанировать. Нужен качественный скачок. Скачок на новый уровень.

В жизни везде так. Если ты несчастлив, будучи менеджером по продаже компьютеров, то стань ты менеджером по продаже мотоциклов, счастья не прибавится. Ты можешь объяснить себе, что сейчас все изменится, и метаться в заданных рамках. Но пока ты не выпрыгнешь за рамки, не изменится ничего.

Глупо мечтать, что когда-нибудь у тебя хватит сил на прыжок. Надо прыгать. Может быть, ты не допрыгнешь сразу, упадешь, расшибешь лоб. Ну и что? Всегда можно подняться и попробовать еще раз. И пусть над тобой посмеются. Смеется тот, у кого нет сил попробовать самому. Смеется из зависти, понимая, что у него сил на прыжок не хватит никогда. И на попытку не хватит.

И ты можешь так же точно смотреть на тех, кто пробует прыгнуть и, смеяться про себя над их неудачами. Ты можешь продолжать существовать в своих рамках и утешать себя надеждой на то, что когда-нибудь однажды ты прыгнешь и покажешь им всем. Только никогда ты не перепрыгнешь. И никогда не попробуешь прыгнуть. Сдохнешь в своем болоте. В своих рамках. В своих правилах. В своем гнилом мирке, созданном специально для того, чтобы обезопасить и подольше протянуть свое бесцельное существование.

Тот, кто не пытается, никогда не сможет. Это единственное действенное правило в этом сумасшедшем мире.

— Что это? — остановился Хлюпик.

Вот ведь! Я, кажется, был в двух шагах от истины, а он взял и все испортил.

Мунлайт шел первым, потому остановился последним. Повернулся к нам с Хлюпиком, спросил:

— Где?

— Вон, — ткнул рукой в сторону тот.

Я проследил за направлением. В нескольких шагах справа и вправду что-то светилось в траве.

— Артефакт, — предположил Мунлайт.

— Какой? — оживился Хлюпик.

— Редкий.

Мунлайт зашагал к свечению. На полдороге обернулся и подмигнул Хлюпику:

— Продадим и разбогатеет. Сорок процентов тебе, за то, что заметил. Шестидесят мне, за то, что подобрал. А Угрюмый перебьется. Он и без того богатый.

Сталкер наклонился над свечением, закрыв обзор спиной. Через секунду спина его дрогнула. Он резко распрямился и обернулся. Лицо было взволнованным.

— Что там? — спросил я, чуя недоброе. От радужного настроения не осталось и следа.

— Это не артефакт, — мрачно проговорил Мун. — Это наладонник.

От сердца отлегло. Я вздохнул с облегчением. Надо ж так пугать из-за того, что халва обломилась.

— Продашь, — подколот я. — Сорок процентов Хлюпику за то, что заметил. Шестидесят тебе за то, что подобрал. А я, так уж и быть, обойдусь.

Но Мун шутки не оценил.

— Ты не врубаешься, — произнес он тем же тоном. — Это мой наладонник.

12

Его наладонник я с размаху швырнул в туман далеко отсюда. В том самом месте, где он срезал с меня веревки. Его наладонник упал в траву и остался лежать там, где не ловилась сеть. Потому и найти-то его никто не мог. А если б кто и нашел, то зачем тащить так далеко, чтобы снова выкинуть?

— Ты уверен?

— Засунь руку к себе в штаны, — посоветовал Мунлайт сердито. — А потом ответь мне, уверен ли ты в том, что там твой член, а не Хлюпика, например.

— Иди ты!

— Сам иди! Это мой наладонник.

— Этого не может быть. Кто б его сюда притащил? Если только...

От страшной догадки кинуло в озноб. По спине побежали мурашки, на лбу выступила холодная испарина. Этого не может быть, если только мы не вернулись на то же самое место. Но черт подери, мы шли все время прямо. Долго. В другую сторону. Мы не могли вернуться.

— Посмотри, где мы. Посмотри по навигатору.

— Умный, да? — огрызнулся Мунлайт. — Сети нет.

Сети нет. Да, сети там не было. А по карте ориентиры искать невозможно. Туман, не видно ничего. И там был туман. И ориентиров не было. Хотя...

Я прикинул направление и пошел в сторону от того места, где Мун подобрал ПДА, внимательно глядя под ноги. Если мы каким-то образом вернулись на то же место, то здесь должны быть и другие следы нашего пребывания. Если их нет, то скорее наладонник каким-то неведомым образом преодолел вслед за нами нехилое расстояние.

Еще шаг — и мне стало страшно по-настоящему. Если б у меня под каблуком сейчас оказалась гремучая змея, наверное, было бы не так страшно. Но под ногами была не ползучая гадина. Я присел и протянул руку. Пальцы тряслись мелкой дрожью.

Спокойно. Глубокий вдох. Раз, два...

— Что там? — с надеждой в голосе спросил Мун. Три. Выдох. Я молча встал и продемонстрировал ему распоротые веревки.

— Твою мать! — подытожил Мунлайт.

И это было еще мягко сказано. Наши далекие предки, верившие в бабу-ягу, кикимору и прочих домовых-полевых и не догадывавшиеся даже о возможности возникновения зоны, в таких случаях говорили «Леший водит». Не знаю, какой леший водил здесь, но про такие штуки слышать приходилось. Это что-то вроде пространственной петли. Ты можешь идти, идти, идти. В любую сторону. Направление не имеет значения, потому что в конечном итоге ты вернешься туда, откуда пришел.

Пальцы продолжали судорожно мять веревку. Мунлайт бросил на землю автомат, швырнул рядом рюкзак, уселся на него и засвистел с надрывом «Moonlight and vodka».

Хлюпик стоял и переводил взгляд с одного на другого. Он единственный пока ничего не понимал. Счастливое неведение!

— Случилось что-то? — спросил он наконец.

— Случилось, — с напускной веселостью ответил Мун. — Мы в жопе! В полной. Садись, располагайся. Будь, как дома.

— А что, мы уже никуда не идем? — не понял Хлюпик.

— А это теперь бессмысленно.

Я подошел ближе и сел на траву. Не скажу, что я был согласен с Муном. Попытаться стоило. И хотя я никогда не видел живых сталкеров, попадавших в такую петлю и вышедших из нее, все равно. Лучше пытаться найти выход, чем сидеть и ждать голодную смерть. Но торопить никого я не собирался.

У каждого человека есть свой дар. Ну, хоть какая-то одаренность. Хоть в чем-то. Мун был как минимум прекрасным рассказчиком. Сколько я от него слышал баек о том, как он был ментом, юристом, печатником и еще черт знает кем. Как он помогал писать книжки и баллотировался в Госдуму. Все эти рассказы обычно шли по пьяни и не вызывали доверия. Но сейчас, когда я услышал от него рассказ о пространственных петлях, я готов был поверить даже в то, что он сам писал книжки и баллотировался в президенты.

Мунлайт валялся теперь на земле, как бомж. Только рюкзак под голову пихнул. Хлюпик сидел рядом и слушал. А рассказчик соловьем разливался, делая редкие паузы только для того, чтобы добавить эффекта и успеть лизнуть сколотый зуб.

На вопрос Хлюпика он ответил не просто подробно. Рассказал так, что выглядело сказкой, но мурашки по коже от таких сказок бежали размером с таракана. Впрочем, все эти

рассказни для непосвященного. У меня ничего не бегало. И я знал, что это не придумка. Что все это есть на самом деле. И что теперь мы в этом по уши.

Мун закончил свою историю и покосился на Хлюпика. Тот поймал взгляд, содрогнулся, будто ему пальцем под ребра ткнули.

— Вот такие пироги, — поведал Мунлайт, — с котятками. Их едят, они мяукают.

Хлюпик трагично посмотрел на меня.

— Это правда? Я кивнул.

— И что, выхода совсем нет?

— Я еще никогда не видел человека, который выбрался бы из петли, — честно признался я. — Вообще до сегодняшнего дня думал, что эти петли — байка. Но попробовать можно.

— Зачем? — фыркнул Мунлайт.

— А что ты предлагаешь?

— Ничего, — пожал плечами Мун. — Подождем, посмотрим, как на эту петлю распространяются законы обычного мира. Мне вот интересно, смогу ли я умереть здесь с голоду? Если нет, то у нас впереди вечность. Можно вечность бродить в поисках несуществующего выхода, доводя себя до иступления и истерики, а можно вечность валяться на травке и радоваться жизни. Я предпочитаю второй вариант.

— А если выход можно найти? — горячо спросил Хлюпик.

— Надоест валяться, пойду поищу от скуки, — хмыкнул сталкер. — Пока вот неохота.

Он потянулся до хруста в суставах и посмотрел на меня. Видимо, я показался ему неинтересной мишенью, потому что он почти сразу перевел взгляд на Хлюпика.

— Слышь, Хлюпик, — позвал он.

— Что? — вяло отозвался тот.

— Мы в жопе, что глубже некуда, — бодро поведал Мун. — Может, хоть теперь скажешь, на кой ляд мы сюда приперлись?

— Зачем тебе? — насупился Хлюпик.

— Интересно.

Мунлайт сел, провел кончиком языка по сколотому зубу и посмотрел на Хлюпика. Тот поспешно отвернулся. Тут же наткнулся на мой взгляд — мне, признаться, тоже было интересно — и суетливо как-то спрятал глаза.

— Интересно знать, за что ты свою жизнь молодую похерить решил. Ну, колись уже, чего ты у Монолита просить хотел? Денег? Власти? Мирового господства? Не верю. Таким дурням, как ты, оно без надобности. Что тогда? Чтоб не было войны, болезней и старости?

— Я не так благороден, как может показаться, — мрачно процедил Хлюпик. — Весь мир меня волнует, но далеко не в первую очередь.

Вот оно как! И чего же он хотел для себя? За что в наши дни интеллигенция душу дьяволу сплавляет?

— Неужели хотел попросить, чтоб все бабы давали? — усмехнулся Мун.

Хлюпик поднял глаза и одарил Мунлайта своим коронным металлическим взглядом. Сталкер осекся.

— Жена у меня в больнице, — очень тихо, словно доверяя большую тайну, проговорил Хлюпик. — Рак. Вылечить невозможно. Жить осталось полтора месяца. Теперь меньше уже.

Вот так. Выходит, у Хлюпика есть жена. Не ожидал. А что я ожидал? Что он маменькин сынок? Что не способен ни на что? Что к жизни не приспособлен? Так это смотря к какой жизни. К местной жизни не приспособлен. А к нормальной я вот не приспособлен, иначе бы не сбежал от нее сюда.

Мунлайт поперхнулся. Шутливый тон сохранил разве что, чтобы амплуа поддержать.

— И это все? И все это из-за бабы?

— Не из-за бабы. — В голосе Хлюпика зазвенел металл. — А ради жены.

Мунлайт улыбнулся. Не скабрёзно, как обычно, а мягко, по-доброму.

— Ладно, не злись. Завидую я тебе, Хлюпик.

— Что? — не понял тот. На Муна он смотрел теперь с удивленной растерянностью.

— Ты любить еще не разучился. — А ты?

— А я устал, — вдруг поскучев, ответил Мунлайт. Взгляд его сделался блуждающим. Он будто хотел глянуть дальше опостылевшего мирка. Увидеть чистый лес и речку, и горы. Нормальные, без излучений, мутантов, аномалий. Но позади Хлюпика сидел я, а дальше был лишь туман.

Споткнувшись об меня взглядом, он мстительно разулыбился.

— А Угрюмый вон и вовсе никого не любит. Кроме себя. Но вся беда в том, что себя он тоже не любит.

Вот говнюк. Мне жутко захотелось ответить, но ответить было нечего. Трудно спорить с правдой. Мунлайт это знает. И слабые места мои, кажется, вычислил. По ним и бьет. Интересно, это интуитивно, или он меня знает как облупленного?

Не найдя, что ответить, я сделал морду кирпичом и отвернулся.

От неожиданности меня подбросило вверх. Вот и договорились.

Я дернулся за оружием. Увидавший мою реакцию Мун потянул руку за автоматом, прежде чем посмотреть, что происходит.

А происходило вот что. В пяти шагах от нас стоял и нагло скалился Васька Кабан. Как он ухитрился подобраться так неслышно, оставалось загадкой. Не меньше удивлял его внешний вид. Руки он держал в карманах. И был он налегке. Ни снаряжения, ни оружия у него не было.

Я подхватил автомат. Мунлайт снова сработал на опережение. Пока я тянулся за стволом, он уже нацелил «калаш» на Ваську.

— Не советую стрелять, — покачал головой Кабан. Мун не среагировал, по-прежнему держал Васю на мушке. Я последовал его примеру. Кабан усмехнулся зло и вынул руку из кармана. В пальцах он сжимал аккуратное металлическое колечко.

— Знаете, что это такое?

13

Я знал, что это такое. И Мунлайт знал. Насчет Хлюпика не уверен, хотя и этот мог догадываться. Мало ли где в кино видел. А Кабан знал, что мы знаем, и наслаждался триумфом.

Он вынул из кармана вторую руку и продемонстрировал взведенную гранату.

— Только я пальчик отпущу, — садистски смакуя каждое слово, произнес он, — и все. Будет бум. Кто не спрятался, я не виноват. А спрятаться никто не успеет. Уж поверьте. У меня по карманам еще шесть штук распахано.

Мун опустил «Калашников». Я посмотрел на него с укором, но сталкер лишь пальцем по виску постучал. Против лома нет приема. Пришлось последовать его примеру.

— Вот это правильно, — осклабился Кабан.

— Тебе чего надо? — поинтересовался Мун как можно небрежнее.

— Сам не догадываешься?

— Вам бежать надо, — вклинился Хлюпик. Васька возрился на него с таким удивлением, как будто на его глазах заговорил некий предмет, совершенно к этому не приспособленный.

— Глохни, — опомнился Кабан и повернулся ко мне. — А он прав. Мне бежать надо. Можно было бы, конечно, вас перестрелять и вернуться, но не выйдет.

Я молчал. Кабан глядел на меня, и глаза его наливались безумием.

— Пошел на выстрелы, — быстро, на одной ноте заговорил он. — А там уж и никого. Никого, кто мог бы стрелять. Только гуманоид с соплями под носом. Кровосос, мать его. Знаешь, как это один на один с кровососом? Он — как самолет-невидимка. Летает, и хрен запеленгуешь.

Начав едва слышно, он говорил все громче и быстрее. Выходит, Карась от кровососа слинял, а однайцевые не успели.

— Но! Я его подстрелил, — продолжил Васька, и в голосе его снова стали появляться человеческие интонации. — Две обоймы высадил. Патроны ёк. Зато, — он победно обвел нас взглядом и продемонстрировал гранату, — гранаты остались. Так что у меня к тебе предложение, Угрюмый.

Васька замолчал на полуслове и вперил в меня абсолютно бешеный взгляд. Неужели на него такое впечатление кровосос произвел? Или было что-то еще? Интересно, когда я бредил, у меня такое же выражение было?

— Я тебя слушаю.

Васька расплылся в довольной улыбке. Быть хозяином положения ему явно импонировало.

— Ты отводишь меня к своему тайнику, я забираю бабули и исчезаю из зоны навсегда. Мне, как сказал твой обормот, бежать надо. Зона меня больше не примет. А кто ж отсюда уходит без денег?

— Трупы, — ухмыльнулся Мунлайт.

— И неудачники, — тихо добавил Хлюпик.

Я с удивлением уставился на последнего. А Васька сердито взревел.

— Глохните оба. А ты, Угрюмый, давай, собирайся и пошли.

— Пальчик не затечет? — невинно полюбопытствовал я. — Идти долго.

Васька сглотнул судорожно, будто прикидывая свои возможности. И крепче сжал гранату.

— Вот и не трепись зря.

Я молча поднялся, готовый идти, куда скажут. Хотя идти-то некуда, все равно вернемся к тому, откуда ушли. Вот будет сюрприз для Васи.

— Автоматик прихвати, — велел Кабан.

— погоди, — я предостерегающе выставил руки ладонями вперед. — У меня для тебя неприятная новость.

Мы в ловушке. Куда бы ни пошли, все равно вернемся сюда. Пространственная петля, понимаешь? А может, и временная.

Кабан побледнел. Рожа вытянулась. Зря я это сказал. Сейчас он отпустит гранату, и все петли кончатся. И для него, и для меня, и для Муна с Хлюпиком. Я рефлексивно сжался, ожидая самого плохого, но ничего не произошло. Кабан хихикнул, потом еще раз. Потом заржал в голос.

Тронулся Васька. В двух шагах от меня стоит сумасшедший с гранатой. А я еще думал, что опаснее и непредсказуемее зоны ничего не бывает. Вот так, стоило один раз выйти за границы обычного мира, и все представления об этом мире штормит, как карточный домик под сквозящим из форточки ветерком. А если открыть форточку, домик рухнет, хоть и казалось, что стоит надежно.

Кабан прекратил смеяться и посмотрел на меня осмысленно.

— Петля? Нашли все-таки.

— Что нашли? — подозрительно вступил в разговор Мун.

— Наладонник твой, — хохотнул Васька, снова делаясь безумным. — И веревки. Это я их подбросил. Я их с собой сколько времени тащил. Два раза подкидывал, вы мимо проходили. На третий нашли. И купились.

— Сука, — процедил Мунлайт сквозь зубы. Васька снова заржал. От того Кабана, что я видел еще пару часов назад, не осталось и следа. Господи, что у него с головой?

— Стоило тащить с собой это фуфище, чтобы так вас напаять и посмотреть на ваши глупые хари, — веселился Васька. — Ладно, хватит, Угрюмый. Бери автомат, пошли.

Я наклонился за оружием. И не боится ведь. Хотя чего ему бояться? Если я выстрелю, рванет граната. И не одна. А мы совсем рядом, так что считай, все тут и ляжем. Вот если б отойти от Васьки подальше, были бы шансы. А так шансов никаких. А ему ведь тоже терять нечего теперь. Тут или пан, или пропал.

— Стой, — окликнул меня Васька.

Я поймал себя на том, что уже пошел в сторону долговской базы. Остановился.

— Этих кончать надо, — кивнул Кабан на Муна с Хлюпиком.

Я посмотрел на своих бывших компаньонов. Мун был собран и не улыбался. Хлюпик растерянно молчал. Что-то не сильно на них похоже. Надо будет перенять этот метод Кабаний и использовать потом. Хохмит Мун больше чем надо, хватаешь гранату. Пристал Хлюпик с дурацким вопросом, дергаешь колечко. Шокотерапия.

Вот только будет ли это «потом»?

— Нет, — помотал я головой. — Я в них стрелять не стану. Лучше сразу взрываю.

Кабан набычился, налился краской. Кажется, его стало в два раза больше. Я демонстративно опустил автомат.

— Ладно, — согласился Васька неожиданно легко и добавил Муну и Хлюпику: — Он вас пожалел.

— Спасибо, — буркнул сталкер.

— Я к тому, — пояснил Кабан, — что если кто-то решит мне в спину выстрелить, то вы его похороните. А он вас пожалел.

Я посмотрел на Муна, тот подмигнул. Васька кивнул мне, приглашая уже топать. Я повернулся и пошел прочь.

Кабан шел следом. Судя по звуку, шагах в пяти. Надеюсь, палец у него судорогой не сведет. Очень не хотелось бы. А то Мун с Хлюпиком я спас, а меня уже никто не спасет. Ни подмигивающий Мунлайт...

Стоп. Чего это расподмигивался? Благодарность выразил таким образом или радость? С другой стороны, чего бы ему не радоваться? Петли, как оказалось, нет.

Васька от него отстал. Живи и радуйся. Или он так со мной попрощаться решил?

Господи, да плевать ему на все Васькины «он вас спас, а вы его похороните». Бесполезно давить на совесть тому, у кого ее нет. А чем и о чем сейчас думает Мунлайт? Я съежился. Сейчас как жახнет в спину, и нет ни Кабана, ни Угрюмого. Мы ведь уже далеко отошли. Расстояние безопасное. Или...

— Угрюмый, беги!

Крик резанул по ушам, расставляя все точки над «і». Кричал Мунлайт. И кричал издали.

Я не стал оглядываться. Лучше чуть позже убедиться в своей правоте, чем удовлетворить любопытство и помереть на радостях.

Второй раз кричать Муну не пришлось. Я дернул с места в карьер. Со всей поспешностью, на какую был способен. Вкладывая в рывок все силы. Стометровки так не бежал, как здесь выложился. Впрочем, в нормативах все проще. Стимула-то нет. Не сдал, отправили на пересдачу. Не страшно. Вот если б не сдавшего норматив ставили к стенке, наверное, результаты в среднем по стране сильно улучшились. Желание жить — не последний аргумент и весомый стимул.

За спиной заорал что-то непечатное Кабан. Затопали по траве тяжелые ботинки. Васька пытался догнать меня, но я знал, что борюсь за свою жизнь, а он еще толком не понял, зачем ему нужно бежать.

Застрекотал автомат. Слава богу, Мун управляется с автоматом лучше Хлюпика. Только б не промазал. Только б не заклинило. Только б...

Преследователь сбился с ноги и, судя по звуку, полетел на землю. Сейчас как долбанет... Сделав еще один фантастических размеров скачок, я кинулся на землю. И вовремя.

Взрыв перекрыл все звуки. Дикая грохот растворился в гудящей тишине. На какое-то время я лишился слуха. Потом появился гуд, и я понял, что гудит в голове. Я приподнялся на трясущихся руках, перевернулся. Сел.

Тянуло плечо. Все-таки царапнуло мелким осколком. Но в остальном мне сказочно повезло. Я огляделся. Ни Муна, ни Хлюпика я с такого расстояния в тумане не видел. Зато видел место приземления Васьки Кабана. Не знаю, подстрелил его Мунлайт, или он сам споткнулся, но повалился он вперед, на живот. Тем самым закрывая рвущиеся гранаты

собственным телом. Ирония судьбы: хотел меня рвануть, в результате спас, приняв на себя весь удар.

От самого Васьки мало что осталось. По сути, и хоронить нечего, если, конечно, кому-то вступило бы в башку его похоронить.

Я попытался встать, но неудачно. Руки и ноги тряслись. Во всем теле была жуткая слабость. Да еще тошнило до кучи хуже, чем с похмелья. Зато чуть прояснилось в голове и возвращался слух.

— Угрюмый! — звали издалека.

Голос глухой и гулкий. Кто это? Мун? Или Хлюпик?

— Я здесь, — отозвался я.

С удивлением отметил, что и себя тоже слышу как-то странно. Что это? Легкая контузия? Никогда не пробовал на себе, как это, быть контуженным. Так что даже сказать, оно это или нет, не могу.

Сделав над собой усилие, я перевалился на живот и встал на четвереньки.

— Угрюмый! — снова окликнул гулкий голос.

— Да здесь я. Сюда!

Гаркнул так, что почувствовал, как напряглись связки. Значит, громко. Потому что на слух понять, насколько громко кричу, я пока не мог.

Вдалеке проступили два смутных силуэта. Я с трудом поднялся и помахал рукой.

Они увидели меня. Задвигались быстрее. Первым был Хлюпик. Мунлайт отставал от него всего на несколько шагов. Зря сталкер пустил его вперед. Ох, зря. Пошел бы первым, все могло бы выйти по-другому.

Хлюпик шел быстро. Рожа светилась радостью. Увидев меня, он просиял и крикнул:

— Угрюмый!

И устремился вперед. Вот только поравнявшись с останками Кабана, практически наткнувшись на них, вздрогнул и шарахнулся в сторону. Улыбка сползла с него в мгновение ока. А следом слетела ухмылка и с топавшего на два шага позади Муна.

Этот-то чего такой впечатлительный, успел подумать я.

— Стой, дурень! — заорал «впечатлительный» и ринулся вперед, жестко отпихивая Хлюпика плечом.

Тот пошатнулся и, не удержав равновесия, кубарем полетел на землю. Мунлайт остановился как вкопанный. Чуть пошатнувшись корпусом, замер. Что там происходит?

Забыв про боль, тошноту и слабость, я почти побежал навстречу. Откатившийся в сторону Хлюпик поднимался на ноги, непонимающе лупая глазами. На лице Муна тоже было удивление, но с другим оттенком. И в отличие от Хлюпика он не двигался. Как остановился, так и стоял, как памятник Дюку Ришелье.

14

Это трудно было не заметить. Если только ты хоть чуть знаком с зоной. Мун заметил, только поздно. Поздно для того, чтобы обойти. Хлюпик уже ногу занес. Оставалось сделать выбор, и Мун его сделал. Мгновенно, не раздумывая. Но какой ценой.

Он стоял точно в центре аномалии. В центре подрагивающего прозрачного круга диаметром в полметра и высотой чуть повыше колена. Стоял и покачивался, не решаясь, а может быть, не в силах, переставить ногу.

Я подоспел почти одновременно с Хлюпиком. Тот был настроен решительно, и я еще издали рывкнул: «Не приближайся!»

Хлюпик повиновался.

— Что это? — спросил он чуть не плачущим виноватым голосом.

— Хрен его не знает, — отозвался Мун. — Аномалия.

Угу. По внешним признакам, так аномалия, к гадалке не ходи. Только почему она не действует? Или действует?

— Попробуй выйти, — тихо, как мне казалось, сказал я Муну.
— Не ори, Угрюмый, — поморщился он.
— Попробуй выйти, — повторил я. — Только очень осторожно.
— Поучи отца детей делать, — ухмыльнулся он, но в глазах стояло отчаяние. — Если б я мог, уже бы вышел.

— Это я должен был туда попасть, — промямлил Хлюпик.

Дошло наконец. Он туда должен был попасть. Он там практически уже одной ногой стоял. И завяз бы двумя, причем по полной программе, если б не Мунлайт.

— Что чувствуешь? — спросил я у Муна.

— Ничего, — голос его едва заметно вздрогнул. — Ног до колена совсем не чувствую. Как будто их нет. А дальше холод собачий почти до развилки.

— Дай руку! — дернулся к Мунлайту Хлюпик.

— Ну ты нах!

Мун чуть отклонил корпус назад. Легонько качнулся и вернулся в прежнее положение. Как неваляшка.

Я резко развернулся и выкинул вперед кулак, заряжая проявившему активность Хлюпику под дых. Хоть силенок сейчас было немного, ему хватило. Хлюпик сложился пополам и принялся хватать ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Не суйся, — прорычал я сквозь зубы.

— Угрюмый, — позвал Мунлайт.

Я посмотрел на него. Он все так же улыбался, но в глазах металась паника и безысходность. Интересно, что бы я делал на его месте? Уж точно не улыбался.

Я кивнул.

— Руку дай, — попросил Мун с издевкой. Я покачал головой.

— Не доверяешь, — ядовито протянул он.

— Да при чем здесь... — начал я и запнулся.

Мун в очередной раз издевался. Даже сейчас. А я в очередной раз купился. Зараза!

— Правильно, — кивнул он. — Это по-честному. Вот что, бери-ка ты Хлюпика, и валите отсюда оба. Надоели.

Я посмотрел ему в глаза. Там больше не было паники, отчаяния или безысходности. Там больше не было испуга или слабости. Только мрачная решимость. Я невольно вздрогнул. Какую силу воли надо иметь, чтобы вот так спокойно, без истерик остаться умирать в гордом одиночестве. Умирать неизвестно как долго и мучительно. И отправлять прочь свою последнюю надежду. С милой улыбкой на лице. Хотя надежда призрачная, но утопающий, говорят, хватается и за соломинку.

Мун не хватался. Он просто все для себя решил.

— Я могу что-то сделать? — глупо спросил я.

— У тебя варежка есть? — ухмыльнулся Мун.

— Какая варежка?

— Яйца мерзнут. Застудить боюсь. Вот была бы варежка, погрел бы, — грубо сдохмил Мун и добавил беззлобно. — Идите уже на хрен. Задолбали. Пошли вон.

Хлюпик разогнулся, но все никак не мог продышаться. На глаза навернулись слезы. Не то от впечатлительности, не то я перестарался с силовыми методами воспитания.

Я повернулся к Муну спиной, схватил Хлюпика за предплечье и поволок прочь.

— Отпусти, — прохрипел он. Видимо, я закатал ему все же сильнее, чем надо.

Хлюпик пытался вывернуться. Но хватка у меня, несмотря ни на что, была крепкая. Особенно для него. Главное, утащить его отсюда подальше, чтобы глупостей не наделал.

А Мун силен. Не ожидал. Опять не ожидал. Сколько сюрпризов за один день от одного человека. А мне казалось, что я его неплохо знаю. Какое там! Вообще, если тебе кажется, что ты что-то знаешь, подойди к зеркалу и расскажи тому, кого в нем увидишь, что он дурак. Пусть не обольщается.

Я обернулся. Силуэт Муна уже терялся в тумане. Как много я потерял в своем угрюмом затворничестве. Что-то еще можно наверстать, а что-то упущено навсегда. Вот Мунлайта больше не будет.

Хлюпик устал выдираться. Теперь он не сопротивлялся, шел, словно потерянный. Мне оставалось только тащить его, как козла на веревке. Сзади, чуть приглушенный туманом, слышался задумчивый голос:

Fix me a drink, make it a strong one,
Hey comrade, a drink, make it a long one,
My hands are shaking and my feet are numb,
My head is aching and the bar's going round,
And I'm so down, in this foreign town. ⁸

Хлюпик снова задергался. Еще сильнее, чем раньше. Я что есть силы стиснул пальцы, зная, что делаю больно. Очень больно. Но его это не остановило.

— Отпусти! — зашипел он. — Отпусти, Угрюмый!

— Не дергайся, — произнес я таким ледяным тоном, что услышь меня сейчас Мунлайт, попросил бы две вареники и шарфик.

— Ты что, не понимаешь? — Хлюпик задергался еще сильнее. — Ты не понимаешь? Он там из-за меня. Я там должен был быть. Я!

— Ты ему не поможешь. Ему никто не сможет помочь. Я даже не знаю, во что он вляпался. Никогда не слышал о таком.

Хлюпик зарычал и попытался вывернуться. Я понял, что еще немного, и мне не хватит силы его удерживать.

Tonight there's a band, it ain't such a bad one,
Play me a song, don't make it a sad one,
I can't even talk to these Russian girls,
The beer is lousy and the food is worse,
And it's so damn cold, yes it's so damn cold,
I know it's hard to believe,
But I haven't been warm for a week. ⁹

— Пусти! — дико заорал Хлюпик и вцепился зубами мне в руку.

Я скрежетнул зубами, едва сдерживаясь, чтоб не заорать, и, памятуя о недавнем опыте, вполсилы засадил ему в ухо. Хлюпик дернулся и безвольно обвис, как будто толкавшая его на подвиги батарейка растратила последний заряд.

Ничего нельзя сделать. Никто ему ничем не поможет. Ни Хлюпик, ни я, ни военные, ни ученые, ни сталкеры. Никто.

Кажется, я говорил это вслух. Наверное, для Хлюпика, который шатался из стороны в сторону и двигался только потому, что я продолжал тащить его вперед с упертостью волжского бурлака. А может, я пытался убедить в этом самого себя.

⁸ Приготовь мне пойло покрепче,
Эй, товарищ, напиток, чтоб хватило надолго,
Руки трясутся, и ноги онемели,
Голова гудит, и бар идет кругом,
И я так ничтожен в этом чужом городе (англ.).

⁹ Сегодня здесь играет оркестр, он не так плох.
Сыграй мне песню, только не грустную.
Я даже не могу разговаривать с русскими девушками,
Пиво отвратительное, и еда скверная.
И мне так чертовски холодно, да,
мне так чертовски холодно.
Я знаю, в это трудно поверить,
Но мне не было тепло уже неделю (англ.).

А в спину все несло:

Moonlight and vodka, takes me away,
Midnight in Moscow is lunchtime in L.A.
Ooh play, boys, play...

Я еще долго слышал эту песню. Даже когда мы ушли на такое расстояние, что слышать Мунлайта было в принципе невозможно. Даже если б он решил орать во весь голос в мегафон.

Туман рассеивался. Скоро его не осталось почти что вовсе. Лишь легкое напоминание. Тогда я остановился, отпустил Хлюпика и без сил опустился на землю. Усталость навалилась новой волной. Болело подранное плечо, ныла нога, гудело в голове и звенело в ушах.

Хлюпик стоял рядом и смотрел на меня остекленелым взглядом.

— Успокоился? — спросил я. Он кивнул.

— Теперь поговорим. Ты ему не поможешь. На самом деле. Это аномалия, понимаешь? С ней нельзя договориться. Ей нельзя дать денег или пообещать квартиру в сталинской высотке. Ей нельзя надавить на жалость. И жертву она не примет. Если ты придешь и скажешь: «Возьми меня вместо него», она с удовольствием тебя возьмет. Но только его не отпустит. Понимаешь?

Я посмотрел на Хлюпика. В груди екнуло. Горько на него было смотреть.

— Понимаю, — тихо проговорил он. Или это мне показалось, что тихо.

Несмотря на его жалкий, абсолютно убитый вид, логика и здравый смысл, кажется, возвращаются. Уже радуется.

— Скажи, Угрюмый, — снова заговорил Хлюпик на грани моего пострадавшего слуха. — Ты можешь ответить честно?

— Могу, — кивнул я.

— Тогда скажи мне, ведь он из-за меня туда попал? Ведь это я туда должен был попасть?

Я нахмурился.

— Никто туда не должен был попадать. Никто, — попытался вывернуться я. — А попал он. Так получилось.

— Из-за меня? — уперто повторил он.

Я перехватил его взгляд и поперхнулся. Стальной, непробиваемый. Руку сломать можно таким взглядом.

— Ты обещал ответить честно, — напомнил Хлюпик. — Это из-за меня?

— Да, — сломался я.

И тут же пожалел. Мог бы и соврать.

— И что я должен делать? — спросил он.

— Жить. Кто-то тебя спас. Не для того, чтобы ты пошел и подох тут же абсолютно бесполезно. Ради тебя. Ради жены твоей, из-за которой ты нас поволок к черту на рога. Тебе жизнь подарили. Это дорогого стоит. Такими подарками не раскидываются.

Я говорил и говорил. Он слушал и кивал. Но не верил ни единому слову. Может, потому, что я сам в это не очень верил? Наконец я выдохся и замолчал.

— Ты прав, — в который раз кивнул Хлюпик. — Ты все очень правильно говоришь. Но как жить, если я знаю, что мог хотя бы попытаться ему помочь. Мог попробовать, но не стал.

— Долго и счастливо, — буркнул я.

Хлюпик послушно кивнул. Я расслабился. Уболтал я его. Или он просто устал спорить. Он еще раз кивнул, глядя куда-то внутрь себя.

— Ты прав, — повторил глухо. — Только я так не смогу.

На этот раз он оказался быстрее. Он развернулся и побежал обратно в туман. Побежал прежде, чем я успел сообразить, что происходит.

Дьявол!

— Стой! — крикнул я, поднимаясь на ноги.

Он не остановился. Бросив рюкзак, я побежал следом за ним. Но он был уже далеко и бежал быстро. Расстояние не уменьшалось, а туман снова густел. Видимость сокращалась с поспешностью южного заката.

— Хлюпик!

Ответа не было. Я гнался за ним и с отчаянием понимал, что теряю. Через минуту он превратился в мутное пятно в тумане. А потом и пятно пропало.

— Хлюпик! — заорал я до рези в горле.

Остановился, прислушался. Где-то далеко еще шлепали по траве ноги бегущего человека. Или мне это только показалось.

— Хлюпик!!!

Сколько я еще метался в тумане? Не знаю. Я бегал, кричал и не мог докричаться. Я вслушивался и пытался услышать. А вокруг был только туман. Ватная, непроглядная, густая пелена. Безвидная и безмолвная.

Когда я выбрался, рюкзак валялся на том же месте. Правильно, кому он тут может понадобиться? Кто тут вообще ходит? Здесь больше никого нет, кроме меня. И по всей вероятности, никого больше не будет.

Озябший и охрипший, я подхватил рюкзак и пошел вверх по склону.

Я всех потерял. Опять потерял. Только если прежде я терял близких людей, зная, что они мне близки, то в этот раз осознал степень близости только теперь, когда никого и ничего не осталось.

И кто в этом виноват? Дерьмовый мир? Дерьмовая зона? Дерьмовые люди?

Нет, всего-навсего дерьмовая философия одного отдельно взятого говнюка. А теперь можно снова надуться на весь свет и снова похоронить себя от всех. Давай, Угрюмый, валяй. Найди виноватых и обидься. У тебя это прекрасно получается.

Злость забурлила внутри и рванула наружу. Я сорвал с плеча рюкзак и с силой швырнул его на землю. Рядом шлепнулся автомат. Я посмотрел назад, вниз со склона. Отсюда открывался довольно неплохой вид. Даже несмотря на туман.

Что я делаю?

Сажусь и жду.

Это же бесполезно, пискнул здравомыслящий внутренний голос. Идти надо. По дороге до «Долга» еще много чего может случиться. А темнеть начнет часа через два-три. Чего тут ждать? Чудес не бывает.

А вдруг?

Я опустил на рюкзак и уставился в туманную даль.

15

Я увидел его не сразу. Он был слишком далеко. А еще хромал, хотя шел уверенно. И выглядел он устало. Но все же он выбрался оттуда! Сам, без моей помощи. И теперь, по всей вероятности, искал меня.

В нем не было ничего от того Хлюпика, которого я встретил в «Ста рентгенах» несколько недель назад. Зона сломала. Или не сломала, а закалила. Не знаю. Я поймал себя на том, что ничего теперь не знаю наверняка.

Хлюпик шел по склону холма вдоль кромки тумана. Неторопливо, с грустным достоинством меряя шаги. При этом сам он был какой-то ссутуленный, помятый, несчастный. Скромное очарование буржуа. Образно говоря, интеллигент в телогрейке. Но не потерянный, нет.

Поломанная, но не сломленная, серая фигура норовила слиться с пейзажем, растаять, как сон. Будто его пытались стереть ластиком из схемы сегодняшнего дня. Ан нет, не вышло.

Звать я не стал, пусть он и шел в противоположную от меня сторону. Зачем кричать, привлекать лишнее внимание? Здесь территория хоть и дикая, но люди уже случаются.

Я поднялся, вскинул рюкзак на плечо и пошел за ним, наращивая темп. Оказалось, что, несмотря на прихрамывание, он идет довольно быстро. Расстояние сокращалось медленнее, чем предполагалось. Желание окликнуть росло и крепло с каждой секундой. Я открыл было рот, но крик застрял у меня поперек глотки.

Жуткая мысль ударила в голову, как острый приступ боли. До испарины, до холодного пота, до тошноты. А вдруг это не он? Уже не он! Кто знает, что могло случиться с ним за молочной стеной аномального тумана? Возможно, вместо Хлюпика с упертой целенаправленностью по склону холма шлендрает сейчас лишь его тело с вскипевшими мозгами.

Господи, только бы с ним все было в порядке. Я ускорил шаг. На пути, словно в насмешку, встали стеной заросли колючих кустов с мелкими пожухлыми листьями. Черт! Я почти перешел на бег, стараясь обогнуть нескончаемые кусты.

Прихрамывающую фигурку было хоть и плохо, но видно. Она была теперь значительно ближе. Десятка три метров, если напрямую через кусты.

— А ну-ка стой!

Голос донесся издалека. Я подпрыгнул и завертел головой. Понял, что кричали не мне, только когда краем глаза поймал замершую фигуру за кустами. И еще две фигуры. Знакомые до икоты.

Рано я их похоронил. Вот тебе, Угрюмый, урок на будущее: никогда не причисляй к покойникам того, кого не видел мертвым своими глазами.

Один из однопольцевых мордovorотов покойного Кабана преградил Хлюпику путь и неторопливо приближался, держа его на мушке. Второй заходил сзади, держа в руках нацеленный в спину жертве автомат. Натуральный гоп-стоп.

Баю-бай, мы подошли из-за угла, — как спел бы один мой знакомый сталкер на мотив песенки из детской передачи, — баю-бай, ты много на себя взяла. Теперь оправдываться поздно, посмотри на эти звезды, глазки закрывай, баю-бай.

А вот у Хлюпика ствол, как обычно, оказался не наготове. Все же он неисправим.

— Оружие на землю, — приказал тот из двоих, что стоял перед Хлюпиком.

Хромая фигура надломилась, нагибаясь. Хлюпик разоружился и картинно задрал руки вверх. Подошедший сзади мордovorот отстранил Хлюпика. Его копия спереди подошла и подняла брошенное Хлюпиком добро.

— Вот теперь поговорим, — возвестил тот, что был сзади.

Тот, что спереди, кивнул и заговорил что-то. Быстро, но не громко. Понять, что он говорит, с такого расстояния было невозможно.

Стараясь двигаться как можно тише и неприметнее, благо кусты позволяли, я принялся подбираться ближе.

Если Хлюпик не начал палить сразу, а еще и повиновался, значит, опасения мои вздорны. Все у него с мозгами в порядке. А если «двое из ларца» решили поговорить, то стрелять на месте они его не станут. Значит, у меня есть время в запасе.

Я замер. Теперь меня от гопстопников и Хлюпика отделяло всего метров двадцать, а то и меньше. И стена кустов. И если еще пару минут назад я костерил кусты последними словами, то сейчас готов был молиться и благодарить всех известных мне богов за то, что ниспослали эти заросли.

Разговор до меня долетал ошметками. Но смысл стал понятен довольно быстро. Обрывки фраз сложились в простую картинку. Два не обремененных интеллектом гопстопника хотели того же, чего так жаждал их безвременно ушедший в вечность главарь, — моих денег.

Вот так, наверное, было и с Мунлайтом пару дней назад. Он стоял безоружным окруженный стадом, жаждущим денег и не желающим ничего понимать или принимать какие-то условия. Стоял и искал выход. И не находил. А жить хотелось. И тогда он нашел выход. Предложил жадным до бабла ублюдкам чужие деньги. Мои.

Теперь то же самое мог предложить им Хлюпик.

В обмен на жизнь.

Мордоворот окончил очередную тираду и посмотрел на Хлюпика. Я напрягся, вслушиваясь, желая услышать ответ.

— Я не знаю, — ответил Хлюпик.

Я облегченно выдохнул. Он не мог сказать ничего другого. По определению не мог. Он не знал, где находится моя нычка. Никто не знал, кроме меня. И не знает. И не узнает. Но почему-то от его ответа мне стало удивительно легко на душе.

— Значит, по-хорошему не хочешь, — кивнул мордоворот. — Придется по-плохому.

Вид сквозь кусты был паршивый, потому я не сразу понял, что произошло в следующий момент. Шевельнулся первый, дернулся второй. Одновременно хлопнул выстрел. Хлюпик, которого мне было видно гораздо лучше, дернулся, вскрикнул и схватился за бедро. Из-под пальцев сочилась кровь.

Я сдержал порыв выскочить прямо сейчас. Надо подойти ближе. Их двое, и оба с оружием. Времени меня будет немного, потому права на ошибку нет. Два выстрела — два трупа. Иначе нельзя.

Осторожно, стараясь не издать ни единого звука, я высвободился из лямок рюкзака. Руку похолодила рукоять БП. Второй рукой я осторожно пригнул ветки и втиснулся в гущу куста.

— Ты чего? — зарычал один из головорезов на второго. Тот, который стрелял, на того, который ударил под руку, изменив траекторию выстрела. Если б не это, Хлюпик сейчас бы уже хромал на обе ноги. Так, судя по всему, пуля прошла скользьяком. Повезло.

— Это ты чего? — окрылся второй. — Зачем ему ноги отстреливать? А если там показывать надо, а на словах не объяснишь, тогда что? На руках его тащить?

— Не подумал, — признал первый.

Я, потихоньку раздвигая ветки перед собой и придерживая их позади, на полусогнутых протискивался в гущу кустарника.

В руке второго мелькнуло лезвие ножа.

— Зачем же ноги отстреливать? — протянул он плотоядно, подходя ближе к Хлюпику. — Он нам и без этого все расскажет. А если не расскажет, я ему палец отрежу. Один. Потом второй.

Рука мордоворота вцепилась в запястье побелевшего Хлюпика. Он потянул на себя. Лезвие оказалось между пальцами. Хлюпик остолбенел, глаза заблестели отчаянием.

— Пальцев много, — продолжал однойцевый с приторными садистскими нотками в голосе. — Если не скажешь на первых пяти, перейдем на вторую руку. А ты ведь скажешь. Где тайничок? Ну? Ведь он тебе наверняка показывал. Вы же друзья не разлей вода. Ты же даже жил у него.

— Я не знаю, — осипшим голосом выдавил Хлюпик.

— Ну и дурак, — огорчился мордоворот. — Скажи пальчику: «До свидания».

Блеснуло лезвие занесенного для удара ножа. А может, не блеснуло, может, это разыгравшаяся фантазия подкидывала мне подсмотренные где-то когда-то искусственные образы.

Не успеваю!

Я отпустил ветки, хватая пистолет двумя руками для упора. Как еще недавно учил Хлюпика. Поднялся на ноги. Несмотря на всю мою молниеносность, ветки оказались быстрее и успели хлестануть по щеке. Больно. Но боли я не заметил.

Выстрелил, практически не целясь. Навскидку.

БП тихонько хлопнул. Очень деликатно. И не скажешь, что стреляли, если не знать.

Кровь брызнула Хлюпику в лицо, от чего тот побледнел еще больше. Пуля вошла садисту чуть выше уха. А с обратной стороны, наверное, разворотила полчереп. Смотреть, как заваливается труп, я не стал.

Шаг вперед, разворот на тридцать градусов и...

Все же я везунчик. Второй не успел сообразить, что произошло. Вернее, успел, даже заметил меня и дернул автомат. Скорее на автопилоте, не соображая, что делает. А вот выстрелить не успел.

Хлопок. Пуля ушла в живот. Неудавшийся гопстопник сложился пополам. Палец судорожно вцепился в спусковую скобу. И хотя очередь пошла в землю, напугать он меня успел.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Палец сам нажимал и нажимал на спуск. Стоп!

Очередь оборвалась раньше, чем я опустил руку. Жадный до моих денег быдлоид валялся мертвым в обнимку с бесполезным автоматом. А может, и жив еще. Проверять я не стал. Один черт, окочурится. С четырьмя пулями в брюхе долго не живут.

Я выбрался из кустов и направился к Хлюпику. Тот стоял чуть живой. В глазах застыл ужас. Немудрено. Хоть и видел уже много чего, но мужики с ножами, отрезающие тебе пальцы, все равно зрелище неординарное. Так же, как и мужики, брызгающие тебе в рожу собственными мозгами.

Взгляд полоснул по ноге. Штанина потемнела и намокла, кровь сочилась, но судя по тому, что видно, там просто глубокая царапина. Ничего, до свадьбы заживет. Хотя до чьей свадьбы? Он же уже женат.

— Уг-г-г...

Хлюпик захлебнулся. Его трясло. Губы дрожали, а в глазах появился недостойный мужчины блеск. Хотя кто сказал, что это недостойно? Я не умею плакать. Но говорить, что мужчина не плачет... Нет уж, увольте. Бывают случаи, когда я искренне завидую тем, кто еще не разучился плакать.

Когда внутри все рвет, легче разрыдаться навзрыд, чем разрываться изнутри.

Я подошел вплотную, неуклюже хлопнул его по плечу. Он всхлипнул и ткнулся мне в плечо носом. Я замер, плохо соображая, что с этим делать.

Хлюпик вздрагивал. Неровно, конвульсивно. Я тихонько похлопал его ладонью по спине.

— Ну-ну... Все. Все уже. Их больше нет. Кончились. Слова выходили глупыми и не к месту. Хотя что в такой ситуации к месту? Подействовали на него мои бормотания, или он взял себя в руки? Не знаю.

Хлюпик оторвался от меня и поднял голову. В глазах было столько искренности, благодарности, преданности, что я почувствовал, как у меня самого что-то предательски щиплет в носу и подбирается комом к горлу.

— Спасибо тебе, — выпалил он.

— Тебе спасибо, — неожиданно, даже для самого себя, горячо ответил я.

— Мне-то за что? — Хлюпик провел рукавом по носу.

За что? Глупый ты, Хлюпик. За то, что умеешь плакать. За то, что не разучился смеяться. За то, что при всей своей хлипкости и неуместности имеешь волю, о которую башку расшибить можно. За то, что умеешь то, чего не умею я. И чего не умел Мунлайт. За то, что своим существованием доказываешь то, во что я много лет отказывался верить. Не все вокруг дерьмово и не все вокруг дерьмо.

— За то, что человек, — тихо ответил я и отвернулся. — А Мун где?

— Не нашел, — горько прошептал он. — Представляешь, вообще не нашел. Ни живого, ни мертвого. Даже места того, где он остался. Как так может быть, а?

ЭПИЛОГ

Рана его в самом деле оказалась царапиной. Никаких проблем с ней не возникло. Вылил на всякий случай полфлакона перекиси, намотал легкую повязку, и все. Разве что хромать он стал чуть больше.

Впрочем, шел Хлюпик сам. И не жаловался. С вопросами тоже не приставал. Не то никак не мог в себя прийти, не то наше общение дало наконец свои плоды.

Оно и к лучшему. Мне, признаться, было не до разговоров. Я судорожно пытался понять, где нахожусь, и не понимал. Впрочем, длилось это недолго. Вскоре впереди

раскинулось поле, а на его краю торчал скособоченный накрененный силуэт брошенного здесь еще в прошлом веке трактора.

— О! — громогласно выдал Хлюпик. Я повернулся к нему.

— Узнаешь? — спросил немного удивленно. Он кивнул. Просто кивнул. Без слов.

— Ну вот, — пояснил я. — Теперь на юг, и если обойдется без напрягов, то через пару-тройку часов будем дома. Там заночуем, а утром я тебя выведу.

План казался заманчивым и вполне реальным. На то, что нельзя загадывать, планировать и расслабляться, я решил смачно плюнуть. Устал от глупых примет и предрассудков. А потом, что значит не расслабляться? Расслабишься тут. В зоне как по Бродвею только умалишенные ходят.

— Нет, — тихо, но жестко ответил Хлюпик.

— Что значит...

Я наткнулся на его взгляд и осекся. В глазах блестела сталь. Упрямый, тяжелый, неsgiбаемый взгляд, о который можно не только волю, руку сломать. И какой он, на хрен, Хлюпик с таким-то взглядом?

А ведь я этот взгляд у него с самого начала отметил. Так чего же сам его Хлюпиком окрестил? Увидел, да не разглядел. Или не понял. Вот бывает так, казалось бы, все просто: увидел, сказал, и вроде даже всем все понятно стало. А понимание приходит много позже. Настоящее понимание. Не на словах, а на деле.

— Ты не обижайся, Угрюмый, — торопливо забормотал он, словно почувствовав себя виноватым. — Но мне надо. Я говорил. Ты же понимаешь... должен понимать.

Я вздохнул.

— Неужели же тебя все это ничему не научило? Ты не понимаешь? Это верная смерть. Мы уже много раз чуть не погибли. Мы живы по какой-то нелепой случайности.

— Я понимаю, — тихо, но упрямо проговорил он. — Но мне нельзя по-другому.

— Если ты умрешь, ее это не спасет. Это поймут все. Никто никогда не посмотрит косо, — попытался я.

Хлюпик покачал головой. Мягко, вроде безвольно. Но в этом кажущемся безволии была такая непреклонность, что я понял — бесполезно. Я его никогда не смогу убедить в обратном.

— Иначе ее тоже не спасешь, — резонно заметил он. — Если я не попытаюсь, то потом никогда в жизни не смогу себе этого простить. Другие косо не посмотрят, ты прав, но... Самому-то как жить?

— Я не поведу тебя, — покачал я головой. — Хватит играть с огнем. Но я могу тебя вывести. Подумай.

Он опустил глаза, на меня почему-то старался не смотреть.

— Я все понимаю. Ты и так много для меня сделал и... жизнь спас, в конце концов... Я пойду. Сам.

Жизнь спас. И не один раз. Так что долг отдал. В расчете. Только на кой ему эта жизнь, если он ее не ценит. Я посмотрел на него внимательно. Он стоял и изучал флору зоны на примере той дряни, что росла у него под ногами. Нет, цену жизни он знает. Тут другое.

— Прощай.

— Прощай. — Он так и не поднял на меня взгляда. Ну и черт с ним. Я повернул на юг и пошел через поле. На душе было погано от осознания того, что никуда он не дойдет. Чудес не бывает. Не знаю, как в поле, а в зоне один не воин, к гадалке не ходи. Я здесь не один год, я знаю. И если наши шансы дойти до ЧАЭС втроем стремились к нулю, то у него одного они устремились в минус бесконечность.

С другой стороны, чего я дергаюсь? Он сам сделал выбор. Он знает, на что идет. Уже не понаслышке знает. И мальчик он взрослый. А я не папа, не нянька и не... Да я вообще никто. И он мне никто.

Я остановился и невольно обернулся. Фигурка вдали становилась все меньше и меньше. Вот так уходят в бесконечность. Или в вечность, что в конечном итоге одно и то же. Фигурка уменьшается, устремляется к нулю, а потом хлоп — и нет человека.

Угрюмый, Угрюмый, встань к «Долгу» передом, а к Хлюпику задом.

Я обернулся и пошел домой. Домой, вот оно. Зона, которую все время считал дерьмом, стала мне родным домом. Я думаю о ней, как о доме. И кем тогда стал я? Если по логике?

Что я, кто я, если смотреть на ситуацию трезво и называть вещи своими именами?

Угрюмый во всех смыслах. По имени, по образу жизни и по образу мыслей. Мрачный зануда, разочаровавшийся во всем мире. Мизантроп, живущий даже не одной мечтой, а мечтой о мечте.

Что дальше? Я вернусь, нажрусь. С утра придет мрачное похмелье. Я залью его водкой. И буду еще неделю пить и спать. Надо же наконец отоспаться. А потом я снова стану таскать артефакты. Понемногу, но часто. И сбывать их по стандарту барыге-бармену. Постоянно, хоть и по низкой цене. И сумма на моей тайной «сберкнижке» будет расти и расти. А я буду мечтать, что когда-нибудь придумаю себе новую жизнь. И тогда...

Только если смотреть правде в глаза, то я никогда себе эту новую жизнь не придумаю. Я буду бегать по кругу, пытаюсь ухватиться за подол призрака этой новой жизни. А потом этот круг оборвется. Может, он просто загонит меня до остановки сердца, может, меня убьет зона, или я застыну на веки вечные в какой-нибудь неклассифицированной аномалии, как Мунлайт. Может, мне перережут горло, как Карасю. Или пристрелят, как я пристрелил по очереди двух похожих как две капли, так и оставшихся для меня безымянными, гопников.

И все закончится. Останется только нычка, которую никто никогда не найдет. И комната, которой предприимчивый бармен наверняка найдет новое применение.

Я остановился. Кого я пытаюсь обмануть? Мне никогда ничего не придумать. Моя нычка никогда никем ни на что не будет потрачена. А сам я никогда не буду жить, потому что уже умер.

Не сбавляя шага, я резко развернулся и пошел в обратную сторону. Хлюпик уже пропал из виду.

Черт, Угрюмый, куда тебя тянет? Ты только что вернулся с того света и опять нарываешься. Но внутренний голос был послан к черту. Впереди была верная смерть, но парадокс заключался в том, что именно в этом была настоящая жизнь.

Я расправил плечи, чувствуя, как трещат рамки, в которых существовал много лет. К черту рамки. К черту правила. К черту болото. Я способен жить! Жить, а не топтать по жизни к смерти. И пусть осталось совсем немного, пусть вовсе ничего не осталось, но я проживу этот срок. Проживу, а не просуществую!

Сперва я услышал выстрелы. Потом рычание. А потом увидел Хлюпика. Он стоял, вжавшись спиной в одинокое дерево, и пытался отстреливаться от слепых собак. Дела шли неважно. Две валялись мертвыми, еще четыре нарезали неровные петли вокруг дерева, пытаясь вцепиться в ногу или, если повезет, выше.

Хлюпик с трудом держал оборону. Но количество собак не уменьшалось.

Твою мать, не прошел и пятисот метров, а уже вляпался.

Я перехватил автомат поудобнее, сместил предохранитель на одиночные и зашпешил к нему. Первую тварь я снял, когда она почти прорвала оборону. Во вторую не попал. Собаки, почуявшие новую угрозу, поспешили ретироваться. Ну и тыю на них.

Хлюпик на радостях пальнул еще пару раз вслед убегающей стае. Не иначе, патроны лишние. Руки бы ему за этот салют оторвать.

Я подошел ближе. Он смотрел на меня приветливо и радостно.

— Угрюмый!

Вот вам вместо «здравствуйте».

— Он самый. Тебя зовут-то как? — спросил я, подходя ближе.

— Хлюпик, — чеканно ответил он.

— А на самом деле?

Лицо его вытянулось в неимоверном удивлении. Кажется, спроси его об этом близрастущее дерево, он бы не так удивился.

— Толя, — пробормотал Хлюпик растерянно. — Только зачем? Я уж...

— Меня — Дмитрий, — оборвал я его поток красноречия.

Он смотрел на меня с тем же глупым выражением и не знал, что сказать. Смешной.

— Э-э, — протянул наконец. — Очень приятно. Нет, все же он неисправим. Я почувствовал, что улыбаюсь. Впервые за много-много лет. Странное, давно похороненное в памяти ощущение было невероятно приятным.

— Далеко же ты ушел. Сам, — усмехнулся я. — Ладно, бог с тобой. Пошли.

— Куда? — не понял он.

— Строго на север порядка...

Я запнулся и задумался. Хрен знает, сколько метров отсюда до четвертого энергоблока. Ладно, сколько бы их там ни было, протопаем вместе.

— Так и быть, провожу, — подытожил я, плюнув на арифметику, и повернул на север.